САЙМОН СИБАГ-МОНТЕФИОРЕ

КРАСНЫЙ МОНАРХ

СТАЛИН И ВОЙНА

АМФОРА

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

ОТДОХНИ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История преступлений и побед советского диктатора, выигравшего Великую Отечественную войну.

- Саймон Монтефиоре
  -
  - Часть первая
    - Перекройка карты Европы. Молотов, Риббентроп и еврейский вопрос по-сталински
    - Убийство жен
    - Коктейли Молотова. Зимняя война и жена Кулика
    - Молотов встречается с Гитлером. Балансирование на грани войны и заблуждения
    - Последний отсчет. 22 июня 1941-го
  - Часть вторая
    - Оптимизм и срыв
    - Злой как собака. Жданов и осада Ленинграда
    - «Вы можете удержать Москву?»
    - Молотов в Лондоне,
    - Черчилль в гостях у Сталина. Мальборо против Веллингтона
    - Сталинград и Кавказ. Берия и Каганович на войне
  - Часть третья
    - Сталинградский триумф
    - Дети Сталина и членов политбюро в годы войны
    - Сталинский конкурс песни
    - Тегеран. Рузвельт и Сталин
    - Самодовольный завоеватель. Ялта и Берлин
  - Часть четвертая
    - Бомба
    - Берия. Вождь, муж, отец, любовник, убийца, насильник
    - Шанс Молотова. «Чего только не сделаешь, когда пьян!»
    - Наследник Жданов и кровавый ковер Абакумова
    - Закат Жукова и грабители Европы. Элита империи
    - «Сионисты околдовали тебя!»
    - Две странные смерти. Еврейский актер и главный наследник

- Часть пятая
  - Арест жены Молотова
  - Убийство и женитьба. Ленинградское дело
  - Мао, день рождения Сталина и корейская война
  - Карлик и «врачи-убийцы»
  - Слепые котята и гиппопотамы. Уничтожение старой гвардии
  - «Я его убрал…»
- Постскриптум

Саймон Монтефиоре
Красный монарх: Сталин и война

Simon Sebag-Montefiore
The Court Of The Red Tsar

Издательство выражает благодарность литературному агентству Synopsis Literary Agency за содействие в приобретении прав

© Simon Sebag-Montefiore, 2003
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

* * *

Часть первая
Большая игра. Гитлер и Сталин 1939–1941

Перекройка карты Европы. Молотов, Риббентроп и еврейский вопрос по-сталински

В ночь на 3 мая 1939 года сотрудники НКВД окружили здание комиссариата иностранных дел. С этого дня начинается отсчет времени, оставшегося до начала войны.

В комиссариат приехали Вячеслав Молотов, Лаврентий Берия и Георгий Маленков. Столь представительная делегация должна была сообщить Максиму Литвинову, этому неугомонному стороннику мира в Европе при помощи системы коллективной безопасности и любителю красивой жизни, малоприятное известие: партия, то есть Сталин, сняла его с поста наркоминдела. Для Литвинова увольнение не стало неожиданностью.

Новым комиссаром иностранных дел стал Молотов, уже возглавлявший правительство. После Большого террора Иосиф Виссарионович окончательно стал параноиком и одновременно обрел абсолютную уверенность в себе. Эта опасная комбинация еще сильнее лишала его способности трезво анализировать взрывоопасную обстановку, сложившуюся в Европе к концу тридцатых годов. Анастас Микоян обратил внимание на то, что Сталин в 1939 году превратился в другого человека. Сейчас генсек подозревал всех. Вождь все чаще говорил о себе во множественном числе. «По-моему, он начал потихоньку сходить с ума», – заметил Микоян. Каганович рассказывал, что в это время Сталин очень редко проводил заседания политбюро. В них не было необходимости, потому что большинство вопросов решались в неформальной обстановке.

Литвинов считал, что Сталин не знает Запада. «Если бы нашими противниками были какие-нибудь шахи и шейхи, он бы их перехитрил», – говорил бывший наркоминдел. Ненамного превосходили Иосифа Виссарионовича в дипломатических способностях и двое его главных советников по внешней политике, Молотов и Жданов. Конечно, Сталин постоянно учился, в том числе и дипломатии. Он читал исторические книги и мемуары великих людей. Сталин свободно цитировал Талейрана. Особенно ему нравились воспоминания Бисмарка. Но вождь не понимал, что железный канцлер был традиционным государственным деятелем по сравнению с Гитлером.

Отсутствие опыта большевики препятствием не считали. Вячеслав Михайлович Молотов всегда говорил, что партийная

деятельность является лучшей подготовкой к дипломатической работе. Он считал себя больше политиком, чем послом, но тем не менее гордился своей карьерой дипломата. «Все было в наших со Сталиным руках», – любил говорить Молотов. Он двигался медленно, но верно, как танк. Молотов испытывал сильное напряжение, обсуждая идеи во внешней политике со Сталиным и одновременно устраивая своим подчиненным яростные разносы. Из его писем жене Полине мы видим, какой это был тщеславный и хвастливый человек. «Мы живем в постоянном напряжении, стараемся не упустить ни единой мелочи. Я очень скучаю по тебе и дочери, хочу обнять тебя, прижать к груди и насладиться твоими красотой и очарованием». Молотов сообщал супруге, что начал читать серьезные книги – но не о Талейране, а о Гитлере. Кроме кипящей страсти к Полине, самым удивительным в этих письмах был бьющий через край восторг по отношению к новой работе и славе. «Могу без хвастовства тебе сказать, что наши противники знают, с кем имеют дело», – писал Молотов.

Сталин и Молотов быстро сообразили, что международная политика становится все более гибкой и хитрой. Они прекрасно освоили старую игру «добрый мент и плохой мент». Сталин всегда предлагал радикальные и грубые решения, Молотов выступал за всесторонний анализ возможностей и гибкость.

Европа в начале 1939-го, по словам Сталина, напоминала покер, в котором участвовали три игрока. Каждый из них надеялся стравить двух других, а сам намеревался остаться в стороне и воспользоваться плодами победы. Этими тремя игроками были Адольф Гитлер с нацистской Германией, Невилль Чемберлен с капиталистической Великобританией в союзе с французом Даладье и, конечно, Сталин. Хотя грузина и восхищала удивительная жестокость австрийца, он отлично понимал опасность восстановления военной немецкой машины и враждебность фашизма по отношению к большевизму.

Сталин считал западные демократии не менее опасными, чем фашистскую Германию. Как политик он вырос во время иностранной интервенции в годы Гражданской войны. Наверное, поэтому у Сталина долго оставалось инстинктивное ощущение, что он мог бы договориться с Гитлером. Как только австрийский капрал пришел к власти, генсек начал осторожно зондировать почву для сближения. Главным советником по отношениям с Германией в начале тридцатых годов был небезызвестный Карл Радек. Предложения немцам передавались через личных эмиссаров вождя, Авеля Енукидзе и Давида Канделаки. Вопрос сближения с Германией требовал большой осторожности. Дело

в том, что одновременно с заигрыванием с Берлином Сталин расстреливал тысячи немецких «агентов». Советская Россия была охвачена пруссофобией и готовилась к войне с Германией. Первые попытки сближения закончились неудачно – оба эмиссара были расстреляны.

Гитлер держал Сталина на расстоянии. Мюнхенское соглашение убедило советского лидера в том, что Запад не намерен останавливать нацистского лидера. По крайней мере, о серьезной борьбе с фашистской Германией речь тогда не шла. Иосиф Виссарионович был уверен, что Британия и Франция хотят натравить Гитлера на Советскую Россию. Мюнхенские договоренности означали крах «системы коллективной безопасности» Литвинова. Вождь предупредил западные правительства, что не будет «таскать для них каштаны из огня». Фактически речь шла о разделении мира на сферы влияния. Это был завуалированный сигнал Берлину из Москвы. Сталин как бы говорил, что с Гитлером могут иметь дело, если он, в свою очередь, согласится иметь дело с русскими. Немецкий канцлер, конечно, обратил внимание на изменение позиции СССР.

На пленуме ЦК Иосиф Сталин подверг суровой критике работу Литвинова на посту наркоминдела.

– Означает ли это, что вы считаете меня врагом народа? – бесстрашно спросил Максим Максимович.

Сталин замешкался и стремительно вышел из зала, бросив напоследок:

– Нет, мы не считаем „папашу“ врагом. „Папаша“ Литвинов – честный революционер.

Молотов и Берия запугивали дипломатов на Смоленской площади. Многие из них были старыми большевиками, евреями, и в отличие от Москвы чувствовали себя как дома в столицах европейских государств.

– Назаров, – обратился к одной из своих жертв Берия, – почему арестовали вашего отца?

– Лаврентий Павлович, вам это, несомненно, лучше знать, чем мне.

– Мы с вами поговорим об этом позже. – Чекист довольно рассмеялся.

Комиссариат иностранных дел располагался рядом с Лубянкой. Поэтому два наркомата часто называли «соседями». Чисткой ненадежных дипломатов руководил сорокаоднолетний Владимир Деканозов, заместитель Молотова и еще один проницательный помощник Берии с Кавказа. Этот был обрусевший рыжеволосый грузин невысокого роста. Он любил молоденьких девушек, английское кино и, наверное, в связи

с последним пристрастием назвал сына Реджинальдом. Деканозов учился на врача, но диплом так и не получил. С Берией он познакомился в начале двадцатых. Они вместе пришли в ЧК. Вячеслав Молотов шутил, что Деканозов на самом деле был армянином, но притворялся грузином, чтобы сделать приятное Сталину. Вождь прозвал его «медлительным картвелом» – по названию области Картли в Грузии, где Деканозов родился. Сталин часто насмехался над его уродством. Когда в комнату входил Деканозов, генсек восклицал под хохот гостей: «Какой красавец! Вы только посмотрите! Ничего подобного я еще не видел».

Деканозов арестовал Евгения Гнедина, сотрудника пресс-службы комиссариата иностранных дел. Гнедин был сыном Парвуса, финансиста Ленина и посредника между большевиками и кайзеровской Германией. Гнедина доставили в кабинет Берии и принуждали сознаться в шпионаже. Он не согласился. Нарком велел лечь на пол, затем Кобулов, кавказский гигант, принялся бить Гнедина дубинкой по голове.

В июле Лаврентий Павлович приказал князю Церетели убить советского посла в Китае, Бовкуна-Луганца, и его жену. Церетели устроил дипломату автомобильную катастрофу. К такому способу устранения неугодных лиц чекисты часто прибегали в тех случаях, когда жертва была слишком известна, чтобы просто исчезнуть.

Чистка дипломатов являлась еще одним сталинским сигналом Гитлеру. «Очистить этот еврейский наркомат! – приказал вождь. – Очистить синагогу!» «Слава богу, наконец-то! – обрадовался Молотов, женатый на еврейке. – В наркомате иностранных дел засилье евреев».

Многие поступки и высказывания генсека свидетельствуют о том, что он был антисемитом, но Сталин никогда не проявлял расизма по биологическим признакам, как фашисты. Вождь с неприязнью относился ко всем народам, которые не проявляли верности многонациональному СССР. Иосиф Виссарионович сделал главным народом в Советском Союзе русский не потому, что забыл о своем грузинском происхождении, – русские были основанием Советского Союза. Они, как цемент, связывали десятки племен в одно громадное государство. После войны в мировоззрении Сталина по национальному вопросу произошли существенные изменения. Создание Израиля, постоянно растущее самосознание среди советских евреев и холодная война с Соединенными Штатами в сочетании со старинным предубеждением вождя по отношению к евреям способствовали антисемитским репрессиям.

Многие друзья Сталина, к примеру тот же Лазарь Моисеевич Каганович, были евреями. Вождь гордился своим интернационализмом, что, впрочем, не мешало ему с удовольствием слушать еврейские анекдоты в исполнении Паукера, самого еврея, и Кобулова. Генсек улыбался, когда Берия называл Лазаря Кагановича израильтянином. Но больше всего вождю нравились анекдоты об армянах и немцах.

Вне всяких сомнений, как любой настоящий грузин испокон веков, генсек был настроен против мусульманских народов Кавказа. Позже он прикажет их депортировать. Сталин преследовал не только мусульман, но и немцев, а также разделял отвращение, которое русский народ исторически питал к полякам.

Однако к евреям Сталин всегда относился с подозрением. Его настораживало, что у данного народа не было своей земли. Это, по твердому убеждению генсека, делало евреев таинственными, непостижимыми и как бы не от мира сего. Правда, Железный Лазарь утверждал, что плохое отношение Сталина к евреям объясняется национальностью его главных врагов: Троцкого, Зиновьева и Каменева. Да, все верно, но окружавшие генсека женщины и большинство соратников, от Ягоды и до Мехлиса, тоже были евреями. Разница очевидна. Сталин ненавидел интеллектуала Троцкого, но не имел никаких претензий к сапожнику Кагановичу.

Иосиф Виссарионович тем не менее хорошо понимал, что его режим должен бороться с антисемитизмом. В архиве генсека имеется записка с напоминанием выступить с речью по этому поводу. Вождь назвал антисемитизм каннибализмом и возвел его в ранг уголовных преступлений. Он регулярно критиковал антисемитов. Не стоит забывать, что Иосиф Сталин дал евреям то, чего у них не было две тысячи лет, – родину. На суровой и негостеприимной границе с Китаем была создана Еврейская автономная область со столицей в Биробиджане. «Царь не давал евреям земли, а мы дадим», – хвалился вождь.

Однако, как бы ни считала себя партия большевиков интернациональной, вопрос принадлежности к конкретному народу всегда многое значил в советской политике. В процентном отношении в партии было много евреев, грузин, поляков и латышей, потому что эти национальности в царской России были притесняемыми меньшинствами.

В 1937 году евреи составляли только 5,7 процента коммунистов, однако в правительстве их было большинство. Сам Ленин, частично еврей, говорил, что если комиссар семит, то его заместитель обязательно должен быть русским. Сталин

неукоснительно следовал этому правилу.

Вождь чутко относился к национальности Кагановича. На обедах и ужинах в Кунцеве Берия часто пытался уговорить Железного Лазаря пить больше. Сталин останавливал Лаврентия:

– Оставь его в покое. Евреи не умеют пить.

Однажды генсек поинтересовался у Кагановича, почему тот так расстраивается, когда при нем рассказывают еврейские анекдоты.

– Возьми Микояна. Мы смеемся над армянами, и он смеется вместе с нами, – сказал вождь.

Лазарь Каганович попытался объяснить:

– Понимаете, товарищ Сталин, страдания изменили характер евреев, поэтому мы похожи на мимозу. Дотронься до листочка, и он тут же закроется.

После того разговора Сталин распорядился, чтобы анекдоты о евреях в присутствии Железного Лазаря больше не рассказывали.

Несмотря на борьбу с антисемитизмом на государственном уровне, антиеврейские настроения среди советского населения в тридцатые годы усиливались. Возможно, этому неосознанно способствовал и сам Сталин. Даже на людях он нередко интересовался национальностью того или иного человека и спрашивал, не является ли тот нацменом. Так обычно в СССР называли евреев. Не стоит забывать и о знаменитом пятом пункте советских анкет и паспортов, в котором указывалась национальность. Вспоминая как-то Каменева, Вячеслав Молотов сказал, что тот «совсем не был похож на еврея, если не смотреть ему в глаза».

Евреи при сталинском дворе не без оснований считали, что должны быть русскими больше, чем сами русские, коммунистами больше, чем сами коммунисты. Во время обсуждения на заседании политбюро вопроса о взрыве храма Христа Спасителя Сталин, Киров и другие вожди поддержали разрушение собора. Железный Лазарь проголосовал против. Свое решение он объяснил так: «Черносотенцы повесят это на меня». Примерно так же отреагировал Лев Мехлис на ругательства Сталина. Вождь как-то назвал его «жидом», как и Троцкого. На это главный политрук Красной армии гордо ответил: «Я – коммунист, а не жид… Следует помнить, что для еврея существует лишь один способ борьбы с антисемитизмом – быть храбрым, честным, кристально чистым, скромным и, самое главное, обладать человеческим достоинством».

Сталин понимал и наверняка разделял эту мысль. Вождю хотелось казаться противником антисемитизма, но евреи,

окружавшие его, были одним из препятствий на пути к союзу с Гитлером. Особенно в этом мешал Максим Литвинов, настоящая фамилия которого была Валлах. Большинство старых коммунистов-евреев пользовалось русскими псевдонимами. Еще в начале 1936 года Сталин приказал Мехлису задействовать вымышленные фамилии для авторов еврейского происхождения в «Правде». «Не стоит злить Гитлера!» – объяснил генсек.

Удаление евреев из наркоминдела послужило сигналом для Гитлера. Но Сталин никогда не действовал прямолинейно. Новый министр Молотов назначил одним из своих заместителей еврея Соломона Лозовского.

* * *

Главными приемами в европейском покере являлись быстрые неожиданные ходы и секретные переговоры. Для дипломатии требовались не только холодный ум, но и холодное сердце. Ставки в этой игре были очень высоки. Диктаторы оказались более приспособлены к ней, чем демократы. Те начали играть всерьез, когда момент оказался уже упущен. По мере того как обострялась борьба с японцами, Гитлер поднимал ставки. Он проглотил Австрию с Чехословакией и повернул свои танки против Польши. В Лондоне и Париже слишком поздно поняли, что его нужно во что бы то ни стало остановить. 31 марта Британия и Франция гарантировали полякам неприкосновенность их границ. Для усиления союза они, конечно, нуждались в России. Но политики в Лондоне и Париже не смогли поставить себя на место Сталина. По иронии судьбы, действия Объединенного Королевства укрепили сомнения Сталина в искренности намерения Великобритании защищать Польскую Республику. Генсек рассуждал: если Гитлер вторгнется в Польшу, то что помешает коварному Альбиону не воспользоваться польскими гарантиями как предметом торга для достижения очередной сделки типа мюнхенской? Все окажутся в выигрыше, кроме Польши, понятное дело, и СССР, на границах которого будут стоять немецкие армии.

Исходя из этих соображений, Сталин потребовал от Запада заключить военный союз с СССР, а иначе он обратится с таким же предложением к Гитлеру. 29 июня Андрей Жданов высказался за выбор Германии в качестве союзника. Он выразил в «Правде» свое личное мнение, которое «разделяют не все друзья». «Они (друзья) продолжают думать, что в начале переговоров с СССР английское и французское правительства имели серьезные

намерения, – писал Андрей Александрович. – Я же полагаю, что английское и французское правительства с самого начала не хотели заключать с нами равноправный договор». Сын Жданова, Юрий, хорошо помнит, как его отец и Сталин штудировали специально переведенную для них «Мою борьбу» Гитлера и бесконечно взвешивали все «за» и «против» союза с немцами. Сталин вычитал в мемуарах Д'Абернона «Посол мира», что если бы Германия и Россия были союзниками, то «грозная мощь Востока» подавила бы Британию. «Правильно!» – с одобрением пометил вождь на полях этого абзаца.

Лондон и Париж отправили на переговоры в Москву делегацию, но назначили в нее до смешного малозначительных дипломатов и военных, а кроме того, не дали им никаких полномочий. Великобритания и Франция не собирались выполнять главных требований СССР – гарантировать сохранение советских границ и свободу действий в Прибалтике. Когда британский адмирал, сэр Реджинальд Айлмер Рэнферли Планкетт-Эрнл-Эрл-Дракс, и французский генерал Жозеф Думенк прибыли в Ленинград в ночь с 9 на 10 августа, между СССР и Германией уже вовсю шел обмен мнениями по международным вопросам. Адмирал и генерал отправились на поезде в Москву, где их ждали Ворошилов и Молотов.

Во время обсуждения состава западной делегации с Молотовым и Берией Иосиф Сталин презрительно хмыкнул и сказал, что к ним прислали несерьезных переговорщиков.

– Эти люди не могут обладать необходимыми полномочиями для заключения договора, – уверенно заявил генсек. – Лондон и Париж опять решили сыграть в покер.

– И все же переговоры должны продолжаться, – заметил Молотов.

– Если должны, значит, пусть продолжаются, – согласился вождь.

Иосиф Виссарионович Сталин понимал, что привлечь СССР на свою сторону хотят и Запад, и Гитлер, но знал, что покупатель может быть только один.

В Германии тем временем события принимали решительный оборот. 26 августа фюрер окончательно решил напасть на Польшу. Соглашение со Сталиным внезапно приобрело для него жизненно важную необходимость. Начинать войну без поддержки России, имея врагов на Западе, было самоубийством. Переговоры с британской и французской делегациями начались две недели назад, 12 августа. Но уже тогда было очевидно: между тем, что хотел предложить Запад, и тем,

что требовал Сталин, существовала целая пропасть. Сев за стол переговоров с англичанами и французами, русские в тот же день сообщили по дипломатическим каналам, что готовы приступить к переговорам с Берлином по широкому кругу вопросов, в том числе даже по расчленению Польши. 14 августа Гитлер принял решение отправить в Москву Иоахима Риббентропа, своего министра иностранных дел. На следующий день в наркоминдел позвонили из немецкого посольства. Посол Германии, граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург, хотел срочно встретиться с Вячеславом Молотовым. Молотов помчался советоваться со Сталиным. Вскоре Шуленбургу ответили, что Россия готова к серьезным переговорам. Когда эти новости пришли в Берлин, Риббентроп поспешил в Бергдорф с докладом Гитлеру.

17 августа Ворошилов предложил британцам и французам заключить договор о взаимной военной помощи. Правда, при этом нарком обороны СССР подчеркнул, что дальнейшее обсуждение союза бессмысленно, пока Лондон и Париж не убедят румын и поляков разрешить проход советским войскам через свою территорию в случае нападения Германии. Драке объяснил, что еще не получил распоряжений из Лондона.

«Хватит этих игр!» – решительно заявил Сталин Молотову. После обеда в субботу, 19 августа, Вячеслав Михайлович срочно вызвал Шуленбурга. Он протянул немецкому послу набросок пакта о ненападении. Советский вариант договора был формальнее немецкого, но не содержал ничего такого, чего нельзя было бы поправить. По требованию Сталина немцы сначала подписали торговое соглашение. Вождь считал, что договор о торговле необходим перед переговорами по более серьезным вопросам.

Дата запланированного вторжения в Польшу приближалась. Гитлер ждал ответа из Москвы с плохо скрываемым нетерпением азартного игрока, который понимал, что сильно рискует, и старался не показать своего волнения. В этот момент фюрер еще раз показал проницательность и дальновидность. Он решил разрубить гордиев узел взаимного недоверия и вопросов престижа личной телеграммой, отправленной Сталину 20 августа. Сталин ответил:

Канцлеру Германии А. Гитлеру

Благодарю за письмо. Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создает поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами… Советское правительство

поручило сообщить вам, что оно согласно на приезд господина Риббентропа в Москву 23 августа.

И. Сталин

Пока Москва и Берлин в глубокой тайне обменивались телеграммами, на востоке СССР разворачивались не менее драматические события. В воскресенье, 20 августа, Георгий Жуков, командующий советскими войсками на реке Халхин-Гол, приказал открыть артиллерийский огонь по позициям Квантунской армии. Затем он перешел в наступление по всему фронту. Через три дня после начала боевых действий японцы были разгромлены и понесли большие потери. Это поражение, унесшее жизни 61 тыс. человек, показало Токио мощь Красной армии и убедило их больше не нападать на Россию.

Молотов принял Шуленбурга 21 августа, в 3 часа ночи. Немецкий посол передал просьбу Гитлера. Берлин хотел начать переговоры через два дня. Спустя два часа Молотов и Сталин дали окончательное согласие на исторический визит Риббентропа. Судьба распорядилась так, что диктаторы, бывшие до этого врагами, неожиданно для многих бросились в объятия друг друга. 22 августа, в 19.00, Ворошилов объявил о перерыве в переговорах с британцами и французами: «Давайте подождем, пока все не прояснится…»

Гитлер получил ответ Сталина в 20.30, в тот же вечер.

– Чудесно! Мои поздравления! – воскликнул он и высокопарно добавил: – Теперь весь мир у меня в кармане.

Ночью Клим Ворошилов возглавил еще одну важную делегацию советского руководства. Вожди отправлялись охотиться на уток в окрестностях Москвы. Из Киева только что приехал Никита Хрущев. Перед охотой он поужинал на даче со Сталиным. За столом улыбающийся вождь, не сводивший с гостя внимательного взгляда, сообщил о предстоящем приезде Риббентропа. Хрущев ничего не знал о переговорах с Берлином и, естественно, был поражен этой новостью. «Я растерянно смотрел на Сталина, думая, что он шутит», – вспоминал Хрущев.

– Зачем Риббентроп хочет встретиться с нами? – недоуменно спросил Никита Сергеевич. – Он что, решил перейти на нашу сторону?

Потом Хрущев вспомнил об охоте и печально подумал, что ее теперь наверняка придется отменить.

– Нет, нет, поезжай на охоту, – успокоил Сталин. – Тебе здесь все равно нечего будет делать. Мы с Молотовым встретимся с Риббентропом. Когда вернешься, расскажу тебе, что на уме

у Гитлера.

После ужина Хрущев и Маленков поехали к Ворошилову в его охотничий заповедник, а Сталин остался на даче обдумывать завтрашний день. К охоте он относился прохладно и считал ее пустой тратой времени. Может, именно в ту ночь Иосиф Виссарионович, читая «Историю Древней Греции» Виппера, пометил карандашом абзац, где говорилось о преимуществах, которые давала совместная деятельность диктаторов.

Во вторник, 22 августа, все партийные вожди хотя бы по разу побывали в Маленьком уголке. Подробности переговоров держались в строгой тайне, но о политике, направленной на союз с Германией, в общих чертах знали все. Ее главным архитектором являлся, конечно, Сталин. Вождю помогали Вячеслав Молотов и Андрей Жданов. Противников в политбюро у них не было. Даже Каганович с Микояном, которые в своих мемуарах попытались обвинить генсека во всех смертных грехах, соглашались, что выбора тогда не было. Как говорил Железный Лазарь, они относились к заключению пакта о ненападении примерно так же, как к Брест-Литовскому миру. Только роли сейчас поменялись.

Тем вечером охотники углубились в болота Завидова, у деревни, расположенной в ста с небольшим километрах к северо-западу от Москвы. Высокий Иоахим Риббентроп, бывший продавец шампанского, вылетел в Москву на самолете фюрера «Кондор Иммельман III». Его делегация состояла из тридцати человек.

23 августа, в час ночи, самолет приземлился в советской столице. Рейхсминистр в кожаном пальто, черном пиджаке и брюках с лампасами вышел на трап и огляделся по сторонам. Прием произвел на него благоприятное впечатление. Аэропорт был залит огнями и украшен свастиками. Оркестр исполнил немецкий гимн. Встречал рейхсминистра Николай Власик. Он усадил гостя в бронированный ЗИС, и они помчались в город.

В три часа, после короткой остановки в немецком посольстве, где Риббентроп отужинал (или скорее позавтракал) икрой и выпил шампанского, он въехал в Кремль через Спасские ворота. В приемной немца ждал Александр Поскребышев в военной форме. Он ввел министра в длинную прямоугольную комнату Маленького уголка. Там уже собрались Иосиф Сталин в неизменном партийном френче и мешковатых брюках, заправленных в сапоги, и Вячеслав Молотов в строгом черном костюме.

Все расселись за столом. С одной стороны расположились советские руководители с переводчиком Н. В. Павловым,

с другой – немцы.

– Германия ничего не требует от России, – заявил Риббентроп. – Нам нужны только мир и торговля.

Сталин предложил слово Молотову, который возглавлял не только комиссариат иностранных дел, но и правительство СССР.

– Нет, нет, Иосиф Виссарионович, – запротестовал тот. – Говорить должны вы. У вас это получится лучше, чем у меня.

Стороны быстро пришли к согласию по главным пунктам пакта, направленного на раздел Польши и восточной Европы на сферы влияния. Сталин получал восточную Польшу, Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию. Гитлер сохранял Литву.

Когда Риббентроп начал расхваливать германо-советскую дружбу, Иосиф Виссарионович насмешливо фыркнул.

– А вам не кажется, что нам следовало бы уделять больше внимания общественному мнению в наших странах? – заметил генсек. – Не один год мы выливали друг на друга ушаты грязи. Наши пропагандисты очень преуспели в этом. А сейчас совершенно внезапно мы должны убедить наши народы поверить в то, что все забыто и прощено? Так быстро дела не делаются.

Риббентроп не стал спорить. Он прекрасно понимал, что и так в ту ночь достиг очень многого. Министр вернулся в посольство и немедленно отправил телеграмму Гитлеру.

В десять часов вечера он вновь приехал в Маленький уголок. Теперь его сопровождали многочисленная делегация и два фотографа. Когда рейхсминистр объявил, что Адольф Гитлер согласен с условиями договора, внезапная дрожь пробежала по телу Сталина и он не сразу пожал руку, протянутую партнером. У многих тогда сложилось впечатление, что генсеку потребовалось время, чтобы побороть какой-то внутренний страх. Затем Иосиф Виссарионович приказал принести водку.

– Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, – произнес он, поднимая рюмку. – Я хотел бы выпить за его здоровье.

Вячеслав Молотов произнес тост за здоровье Риббентропа, а немец в свою очередь предложил выпить за Сталина. Один из молодых немцев, Рихард Шульц, офицер СС ростом под метр девяносто, обратил внимание на то, что советский лидер пьет водку из специального графина. Ему удалось тоже налить себе оттуда. Шульц был немало удивлен, когда понял, что в нем вода. Увидев, как немец пьет его воду, Сталин едва заметно улыбнулся. Рихард Шульц был далеко не последним гостем Сталина, раскрывшим этот маленький секрет.

К двум часам ночи 24 августа договор был готов

к официальному подписанию. В комнату ввели фотографов. У немцев имелось самое современное на тот день фотооборудование, у русских – старинные деревянные треноги и деревянно-медные фотоаппараты. Начальник штаба Красной армии, вечно больной Шапошников, которого Сталин очень уважал, делал пометки в маленьком блокноте. Когда дело дошло до фотографирования, вождь пригласил сняться вместе с ним того самого эсэсовца, который выпил воды вместо водки. Рихард Шульц стоит на историческом снимке между Риббентропом и Шапошниковым.

Вячеслав Молотов и Иоахим Риббентроп подписали договор. Затем официантки принесли шампанское и закуски. Один из немецких фотографов, желая сделать редкий снимок, щелкнул вспышкой, когда Сталин и Риббентроп подняли бокалы. Иосиф Виссарионович был недоволен. Он покачал пальцем и сказал, что не хочет, чтобы эта фотография увидела свет. Фотограф предложил отдать пленку, но Сталин сказал, что доверяет его слову.

В три часа ночи взволнованные делегации разошлись. На прощание Сталин сказал Риббентропу:

– Я могу гарантировать, что Советский Союз не предаст своего партнера. Даю вам слово.

Сталин уехал в Кунцево, где его давно ждали охотники. Ворошилов, Хрущев, Маленков и Булганин отдали убитых уток на кухню – их уже успели приготовить к столу. Когда появились довольные Сталин и Молотов с копией подписанного договора, Хрущев похвастался, что перестрелял Ворошилова, который считался самым метким. Вождь со смехом рассказал, как они только что подписали пакт Молотова – Риббентропа. Этот договор, по его словам, должен потрясти весь мир. Иосиф Виссарионович был очень доволен собой, хотя и не питал особых иллюзий в отношении новых друзей.

Принесли уток.

– Конечно, все это игра, цель которой – перехитрить партнера, – с улыбкой проговорил генсек. – Я знаю, что замышляет Гитлер. Он думает, что надул меня. На самом деле все обстоит иначе. Это я его надул.

Война, объяснил вождь, начнется не завтра. Главное – выиграть время.

Жданов пошутил, что Риббентроп своей фигурой напоминает ему грушу.

– У него самые толстые и самые широкие бедра во всей Европе, – сказал Жданов.

Все покатились со смеху. У рейхсминистра иностранных дел

были действительно широкие бедра.

«Большая игра», как назвал Молотов это психологическое состязание между Сталиным и Гитлером, началась.

* * *

В два часа ночи 1 сентября Поскребышев принес Сталину телеграмму из Берлина. В ней сообщалось, что накануне вечером «польские» войска (на самом деле переодетые в польскую форму немецкие парашютисты) напали на немецкую радиостанцию в городке Глейвиц. Сталин уехал на дачу и лег спать. Через несколько часов вновь позвонил Александр Поскребышев. Немецкие войска перешли на территорию Польши.

Вождь внимательно следил за тем, как развиваются события на Западе. Великобритания и Франция объявили войну Германии и выполнили данные Польше гарантии. Сталин тоже не терял времени даром. Он срочно разрабатывал вторжение советских войск в Польскую Республику. Но сначала нужно было дождаться завершения войны с японцами. В два часа ночи 17 сентября Иосиф Виссарионович в присутствии Ворошилова и Молотова сказал Шуленбергу: «В шесть утра, то есть через четыре часа, Красная армия вступит на территорию Польши».

Премьер Молотов отправился на радио, чтобы объявить о «священном долге по оказанию помощи украинским и белорусским братьям». Лев Мехлис рассказал Сталину, что западные украинцы встречают советские войска как истинных освободителей – «…яблоками, пирогами и водой… Многие от радости плачут».

Хрущев, первый секретарь компартии Украины, надел военную форму и вместе с шефом украинского НКВД Иваном Серовым присоединился к войскам Семена Тимошенко, командующего Киевским военным округом. Лысый Тимошенко был суровым ветераном Гражданской войны. Двадцать лет назад он командовал в Царицыне Первой кавалерийской армией. Этот опытный офицер во время Большого террора разоблачил Семена Буденного и сам едва не подвергся репрессиям. Хрущев утверждал, что спас ему жизнь.

Наступление на Польшу казалось Никите Сергеевичу захватывающим приключением, но еще сильнее волновалась его жена, Нина Петровна, которая, надев военную форму и вооружившись пистолетом, освободила своих родителей, остававшихся в Польше с 1920 года. Хрущев расположился во Львове. Он был рад встрече с родственниками, но вышел

из себя, увидев у жены пистолет.

Жизнь поляков в Западной Украине и Белоруссии была не менее тяжелой, чем жизнь их соотечественников, которые оказались на территории, занятой немцами. Никита Хрущев безжалостно уничтожал потенциальных врагов советской власти. Репрессиям подверглись священники, офицеры, дворяне, представители интеллигенции. Их похищали, расстреливали, депортировали, чтобы подавить всякую возможность сопротивления. К ноябрю 1940 года десятая часть населения, или 1,17 миллиона невинных людей, были выселены из родных мест. Через год каждого третьего из них уже не было в живых. НКВД арестовал 60 тысяч человек, 50 тысяч были расстреляны. Советы вели себя как завоеватели. Когда арестовали красноармейцев, разграбивших дом князя Радзивилла, Вышинский обратился за советом к Сталину. «Если в действиях этих солдат нет враждебного умысла по отношению к Советской власти, то их можно оправдать», – написал Сталин.

27 сентября, в пять часов вечера, Иоахим Риббентроп прилетел в Москву подписывать знаменитые протоколы. Эти документы были настолько секретны, что Вячеслав Михайлович Молотов даже по прошествии тридцати лет категорически отрицал сам факт их существования. В десять вечера рейхсминистр был уже в Кремле и вел переговоры со Сталиным и Молотовым, сидя за столом, обтянутым зеленым сукном. Сталин потребовал Литву. Риббентроп телеграфировал Гитлеру, спрашивая, как поступить. Переговоры были отложены до трех часов следующего дня. Когда настало время перейти к картам, выяснилось, что ответа от Гитлера еще нет.

Вечером Иосиф Виссарионович устроил для гостей банкет, чтобы отметить такое важное событие, как перекройка Европы. Перед самым банкетом советские руководители встретились с министром иностранных дел Эстонии. Они потребовали открыть границы Эстонии для советских войск, что являлось первым шагом на пути к ее открытой аннексии.

Нацистов встретили у дверей Большого Кремлевского дворца, провели через Зал заседаний, похожий на огромную школьную комнату. Наконец, гости очутились в помещении, где преобладали алый и золотой цвета. Там их ждало руководство Советского Союза в полном составе: Сталин, Молотов, члены политбюро, в том числе еврей Каганович. Иосиф Виссарионович держался по-простому, улыбался. Правда, отеческая улыбка вождя становилась ледяной, когда он отдавал распоряжения. В разговорах с помощниками генсек старался быть ласковым и веселым.

Немцы обратили внимание, с каким уважением относятся русские к своему правителю. «Счастливчик» Тевосян, нарком, который чудом избежал расстрела в 1938 году, вскакивал, как школьник, всякий раз, когда к нему обращался Сталин. После 1937 года страх перед вождем превратился в настоящий ужас. Но это, конечно, не означало, что он вел себя как чудовище. Сталин был очень приветлив с Ворошиловым, по-дружески беседовал с Микояном и Берией, оживленно о чем-то разговаривал с Маленковым, а с Кагановичем почему-то был сух. Только один Вячеслав Молотов держался с шефом на равных, как товарищ с товарищем.

Манеры советских руководителей были такими непринужденными, что Риббентроп, по его словам, почувствовал себя рядом с ними, будто в компании старых товарищей по нацистской партии.

Пока собравшиеся беседовали о пустяках, Сталин отправился в роскошный Андреевский зал проверить, правильно ли всех разместят за столом. Он придавал этому вопросу большое значение и всегда лично рассаживал гостей даже на ужинах в Кунцеве. Приглашение получили двадцать избранных. Они чувствовали себя карликами в огромном зале с громадными букетами цветов, со столом, сервированным старинными столовыми приборами из чистого золота. Но наибольшее впечатление на участников банкета, особенно на немцев, произвел сам банкет. Всего подали двадцать четыре блюда, в том числе икру, всевозможные рыбные и мясные блюда, закуски. Все это кулинарное изобилие запивалось перцовкой и крымским шампанским. Гостей обслуживали одетые в белое официанты из ресторана гостиницы «Метрополь». Они же будут обслуживать Черчилля и Рузвельта в Ялте.

Прежде чем гости приступили к еде, Молотов начал произносить тосты за присутствующих. Сталин подходил к каждому и чокался. Этот изнуряющий дипломатический ритуал станет обязательным атрибутом всех официальных банкетов в Советском Союзе. После того как премьер закончил с тостами, немцы облегченно вздохнули, но Молотов сказал:

– А сейчас выпьем за членов наших делегаций, которые не смогли прийти на этот ужин!

Иосиф Сталин встал и пошутил:

– Давайте выпьем за нового, антикоминтерновского, Сталина. – Он подмигнул Молотову и чокнулся с Кагановичем. – За народного комиссара путей сообщения!

Иосиф Виссарионович мог легко дотянуться до наркома-еврея через стол, но он специально встал, обошел стол и чокнулся

с Железным Лазарем, чтобы Риббентроп и остальные тоже выпили за здоровье еврея. Это обстоятельство развеселило вождя. Даже через сорок лет Каганович продолжал с удовольствием рассказывать эту историю своим внукам.

Сам Сталин почти не пил. Когда Риббентроп похвалил его за то, что он хорошо держится, вождь признался с улыбкой, что пьет не водку, а белое вино.

Лаврентий Берия превратил традиционное грузинское гостеприимство за столом в террор. Он всегда заставлял гостей пить. Немецкий дипломат Гильгер, оставивший яркие воспоминания об этом вечере, отказался от очередной рюмки водки. Берия настаивал. Спор привлек внимание Сталина, который сидел напротив.

– О чем спор? – с улыбкой поинтересовался Иосиф Виссарионович. Узнав, чего хочет Берия, он сказал: – Если не хотите пить, никто не должен вас заставлять.

– Даже сам шеф НКВД? – Немец улыбнулся.

– За этим столом даже у шефа НКВД нет никаких особых прав. Он здесь такой же, как все остальные, – объяснил Сталин.

В конце банкета генсек с Молотовым извинились и удалились, а немцы отправились в Большой театр на «Лебединое озеро». Уходя, Сталин прошептал Кагановичу:

– Мы должны выиграть время.

Партийные руководители отправились наверх. Там министр иностранных дел Эстонии ждал, когда Сталин займется его крошечной страной. Молотов потребовал, чтобы эстонское правительство впустило на свою территорию 35 тысяч советских войск, что превышало по численности всю эстонскую армию.

– Перестаньте, товарищ Молотов, вы слишком строги к нашим друзьям, – заметил Сталин.

Он предложил снизить численность советского контингента до 25 тысяч человек. Это была мизерная, ничего не значащая уступка. Проглотив балтийскую страну во время первого акта «Лебединого озера», Сталин вернулся к переговорам с Германией.

В полночь состоялась заключительная встреча с немцами. Риббентропу позвонил Гитлер и разрешил уступить Литву.

– Господин Гитлер знает, как вести дела, – одобрительно сказал Сталин.

Иоахим Риббентроп был очень взволнован происходящим. Он на радостях заявил, что России и Германии никогда не следует больше воевать друг с другом.

– Пожалуй, это все-таки должно было быть так! – ответил Сталин.

Риббентроп поразился, когда услышал это, и попросил, чтобы

переводчик еще раз перевел слова вождя.

Немец предложил Москве присоединиться к военному союзу против Запада, на что Сталин ответил:

– Я никогда не допущу ослабления Германии.

Генсек не хотел военного союза против Британии и Франции, потому что, вне всяких сомнений, верил, что они будут сдерживать Германию на западе.

Когда наконец, уже ближе к рассвету, на столах разложили карты, Сталин подписал новый контур Европы синим мелком. Его автограф протянулся на двадцать пять сантиметров в длину и три – в высоту.

– Надеюсь, я подписался разборчиво? – с улыбкой осведомился он.

К 3 октября три балтийских государства согласились принять советские гарнизоны. После этого Сталин и Молотов решили заняться четвертой балтийской страной, входившей в сферу их влияния, Финляндией, которая, по расчету советских вождей, не должна устоять перед нажимом и угрозами.

Убийство жен

Пока мир изумленно взирал на то, как Сталин и Гитлер делят восток Европы, вождь решил еще раз на всякий случай проверить преданность друзей и соратников. Способ он выбрал довольно оригинальный. Чекистам надлежало арестовывать жен партийных руководителей и расстреливать некоторых из них, а генсек наблюдал бы за тем, как мужья будут на это реагировать.

Сталин всегда интересовался мельчайшими подробностями из жизни жен соратников. В 1939 году он подчеркнул красным карандашом фамилии некоторых руководителей, их жен и детей. Смысл этих пунктирных линий до сих пор остается загадкой. Наверное, поэтому существует немалый соблазн относиться к ним как к чему-то мрачному и зловещему. Но Сталин мог просто хотеть узнать, например, сколько машин нужно той или иной семье.

Жизнь в Кремле менялась, она становилась более строгой и регламентированной. На официальных банкетах жены сейчас сидели отдельно от мужей. К своим прежним фавориткам, Полине Молотовой и Доре Казан, вождь относился с подозрением. Он наверняка боялся, что жены соратников знают слишком много государственных секретов и поэтому являются лакомыми кусочками для иностранных разведок. Кроме того, Сталин с неодобрением относился ко всему, что вмешивалось в слепую преданность делу партии и вождю. «Сталин не признавал личных отношений, – говорил Лазарь Каганович. – Любовь одного человека к другому для него не существовала». В женах генсек видел не подруг жизни товарищей, а заложниц. При их помощи можно добиться от соратников покорности и послушания, наказать за допущенные промахи и ошибки. «Никто из тех, кто спорил со Сталиным, не похвалится тем, что сохранил свою жену», – сказал как-то Лаврентий Берия Нине. Так получилось, что резня жен руководителей совпала с переездом Берии в Москву. Над Полиной Молотовой нависла опасность. В 1939 году она работала народным комиссаром рыбной промышленности, правила косметической империей и была кандидатом в члены ЦК. Несмотря на такое обилие титулов, Берия начал расследование и нашел среди ее помощников – «вандалов» и «саботажников». Сама того не зная, она помогала им собирать ценную информацию. Начиная это дело, Иосиф Виссарионович посылал очередной антисемитский сигнал Гитлеру.

10 августа, когда Сталин с Молотовым вели сложные

дипломатические игры, политбюро предъявило обвинения Полине. Сталин предложил исключить ее из ЦК. Вячеслав Молотов показал способность не во всем соглашаться со Сталиным и настоящую любовь к жене. Он смело воздержался. 24 октября Полину сняли с поста наркома. Ее сурово раскритиковали за легкомысленность и спешку в принятии решений, но признали невиновной в других «преступлениях». Вскоре Полина Молотова получила новое назначение. Она должна была руководить текстильной и галантерейной промышленностью и опять вернулась к своему обычному великолепию. Дочь Молотовых, Светлану, считали несравненной советской «принцессой». Она ходила в мехах и французских платьях.

Однако новое назначение не означало, что опасность миновала. За Молотовыми постоянно следили. Сталин не забыл ни возражения своего ближайшего соратника, ни грехи его супруги. Он еще вернется к ним. Пока же генсек и Берия строили планы похищения жены Молотова. Неясно, что помешало их осуществить. Но Полине повезло, что она вообще осталась жива.

25 октября 1938 года Берия арестовал жену Калинина. Михаил Иванович к тому времени давно лишился какой бы то ни было реальной власти. Он не осмеливался ни в чем возражать Сталину, хотя и обижался, что с ним несправедливо обращаются. К тому времени Калинин фактически жил с другой женщиной, своей домохозяйкой Александрой Горчаковой, дворянкой по происхождению. Его жена Екатерина Ивановна, курносая эстонка, отправилась вместе с подругой, которая, не исключено, была и ее любовницей, бороться с неграмотностью на Дальний Восток. Вернувшись в Москву, Калинина неосторожно заговорила с подругой о жестокости Сталина. Беседа была записана на магнитофон. Квартира Калинина, естественно, прослушивалась. Подругу Екатерины Калининой расстреляли, а саму ее отправили в ссылку так же, как несколько ранее жену Буденного.

В апреле 1937 года Сталину позвонила доктор Бронка Поскребышева, ей в ту пору было уже двадцать семь лет. Посребышева попросила принять ее на даче в Кунцеве по очень важному личному делу. Бронка надела лучшее платье. Ее муж об этой встрече наверняка не знал, в противном случае он бы, вне всяких сомнений, пришел в ярость. Кроме Сталина и Поскребышевой, о тайной встрече между ними знал только Николай Власик.

Бронка приехала просить за арестованного брата, кремлевского доктора Металликова, косвенно связанного через

жену с Троцким. После смерти Сталина Власик рассказал об этом разговоре своим родным. Миссия Бронки закончилась неудачей. Она была в ужасе, что на нее тоже пало пятно сторонницы Троцкого.

Перед переездом в Москву Берия приставал к Бронке в Кунцеве, за что она влепила ему пощечину. «Я этого не забуду», – пригрозил Лаврентий, но Поскребышева не сдалась. 27 апреля 1939 года Бронка позвонила Лаврентию Павловичу и попросила принять ее, чтобы обсудить дело брата. Она отправилась на Лубянку. После той встречи ее больше никто не видел.

Александр Поскребышев в тот день прождал до полуночи, потом позвонил Берии домой. Главный чекист Советского Союза сообщил, что супруга Поскребышева задержана, но отказался обсуждать этот вопрос по телефону. Утром так и не сомкнувший глаз Поскребышев пожаловался Сталину.

– От меня ничего не зависит, – сухо ответил вождь. – Ничем не могу помочь. Только НКВД может во всем разобраться.

Этот лицемерный ответ, конечно, не убедил Поскребышева. Когда Сталин позвонил Берии, тот напомнил о связи Бронки с Троцким. Сталин, Берия и Поскребышев встретились по этому вопросу около полуночи 3 мая в Маленьком уголке. Нарком внутренних дел показал признание Бронки. Александр Поскребышев умолял Сталина отпустить жену.

– Что мне делать с моими девочками? Что будет с ними? – в отчаянии воскликнул сталинский секретарь. Потом вспомнил о ребенке жены от первого брака и еще больше испугался: – Галю заберут в детский дом?

– Не беспокойся, – ответил Иосиф Виссарионович. – Мы найдем тебе другую жену.

Такое предложение было типичным для Сталина. В свое время он угрожал Крупской, что, если она не подчинится партии, то ЦК назначит вдовой Ленина другую женщину.

Поскребышев больше ничего не мог сделать. Через два года, когда немцы приближались к Москве, Бронку расстреляли. Ей был всего тридцать один год.

Ее дочери Наталье сказали, что Бронка умерла естественной смертью. Александр Поскребышев растил дочерей с большой нежностью и любовью. В его доме повсюду стояли и висели фотографии Бронки. Однажды, когда маленькая Наталья показала на один из снимков и сказала: «Мама», – он не сдержался и с рыданиями выбежал из комнаты.

История Бронки Поскребышевой – типичная трагедия того времени. Наталья узнала о расстреле матери лишь в школе.

Ей рассказала об этом Козловская, дочь известного тенора. Девочка заперлась в кабинке туалета и долго там плакала. Поскребышев, как и говорил Сталин, женился второй раз. Уничтожение Бронки не отразилось на его отношениях со Сталиным и Берией. Секретарь помнил главное правило: партия всегда права.

Сталин проявлял к дочери Бронки большой интерес. «Как Наташа? – часто спрашивал он Поскребышева. – Она полненькая и хорошенькая?» Прошло несколько лет. Наталья Поскребышева как-то вечером не смогла решить задачку по математике и позвонила отцу. Трубку снял Сталин.

– Я могу поговорить с папой? – спросила она.

– Его здесь нет. А в чем дело?

И вождь объяснил, как следует решать задачу.

В крепкой дружбе между Поскребышевым и Берией лишь однажды возник напряженный момент. Чекист как-то обнял еще маленькую Наташу и печально произнес:

– Ты будешь такой же красивой, как твоя мама.

Поскребышев позеленел от гнева. Сдержался он тогда с огромным трудом.

– Наталья, иди поиграй, – выдавил секретарь Сталина.

* * *

Прежде чем приступить к убийствам жен соратников и друзей, Сталин спас от смерти двух старых приятелей. Серго Кавтарадзе был старым большевиком и придерживался левых взглядов. Сталина он знал больше тридцати лет, с начала века. Это был умный космополит. Он женился на княжне Софье Вачнадзе. Крестной матерью жены Кавтарадзе являлась сама императрица Мария Федоровна, мать Николая II.

Серго упрямо вступал то в одну оппозицию, то в другую, но Сталин неизменно его прощал. Когда Кавтарадзе арестовали в конце двадцатых, вождь освободил его и приказал Кагановичу помочь старому другу. В конце 1936 года Серго снова арестовали. Так он появился в одном из расстрельных списков Ежова. Вместе с ним схватили и жену Кавтарадзе. Их дочери Майе тогда было одиннадцать. Девочка набралась смелости и отправила Сталину жалобное послание с просьбой пощадить родителей, подписавшись: «Пионерка Майя Кавтарадзе». Обоих Кавтарадзе пытали, но не расстреляли. Сейчас, в конце 1939 года, письма пионерки Кавтарадзе напомнили Сталину о существовании друга, и он попросил Берию выяснить, жив ли тот еще.

Серго Кавтарадзе, сидевшего в тюрьме на Лубянке, неожиданно побрили, перевели в более просторную и светлую камеру, ему дали меню, из которого он мог заказать любое блюдо. Потом Кавтарадзе отвезли в гостиничный номер люкс, где его ждала жена. Конечно, Софья сильно изменилась, но она, по крайней мере, была жива. Вскоре из Тифлиса приехала их дочь. Еще через несколько дней в номере Кавтарадзе раздался телефонный звонок.

– Вас ждет товарищ Сталин, – сообщил бесстрастный голос. – Если вы готовы, машина заедет за вами через полчаса.

Серго отвезли в Кунцево.

– Здравствуй, Сергей! – тепло поздоровался Коба, как будто Кавтарадзе не признавали виновным в участии в заговоре с целью убить генсека. – Где ты был все эти годы?

– Сидел.

– Значит, ты сумел выкроить время, чтобы посидеть? – пошутил Сталин.

После ужина Сталин какое-то время молчал, потом взволнованно спросил:

– Значит, ты все же хотел убить меня?

– И ты в это веришь? – ответил Кавтарадзе вопросом на вопрос.

Иосиф Виссарионович усмехнулся.

Вернувшись в гостиницу, Кавтарадзе тихо сказал жене:

– Сталин серьезно болен.

Прошло несколько недель… Как-то у Кавтарадзе ужинали друзья. В 11 часов вечера неожиданно зазвонил телефон. Через минуту Серго вышел к гостям и сказал, что ему нужно бежать. Он удалился, не сказав больше ни слова. Его жена и дочь Майя, которой тогда уже было четырнадцать лет, легли спать. В шесть утра Кавтарадзе, сильно шатаясь, вернулся домой, в трехкомнатную квартиру на улице Горького. Всю ночь он пил и сейчас с трудом держался на ногах.

– Где ты был? – возмутилась жена.

– У нас гости, – объявил он.

– Ты пьян…

Потом она услышала чьи-то шаги. На кухню, так же пошатываясь, вошли Сталин и Берия. Они сели за кухонный стол, а Власик остался стоять у входной двери. Пока Кавтарадзе разливал вино, Софья бросилась в комнату Майи.

– Проснись! – прошептала она, изо всех сил тряся дочь за плечо.

– Что случилось? – воскликнула перепуганная девочка. – За нами приехали? Нас арестуют?

– Нет, к нам пришел товарищ Сталин.

– Я не хочу с ним разговаривать. – Майя надулась. После ареста родителей она относилась к вождю со вполне объяснимой ненавистью.

– Ты должна выйти, – настаивала Софья. – Это великий человек, историческая личность.

В конце концов Майе Кавтарадзе пришлось одеться и податься на кухню. Увидев ее, Сталин сразу заулыбался.

– Это, значит, и есть пионерка Майя Кавтарадзе, – сказал вождь. – Сядь ко мне на колено. – После того как девочка устроилась у него на колене, он спросил хозяина: – Ты балуешь ее?

Отношение Майи к Сталину коренным образом изменилось. Она была в восторге.

«Он был такой мягкий, такой добрый, – вспоминала она почти семьдесят лет спустя. – Поцеловал меня в щеку, и я заглянула в его сверкающие глаза. Они у него были цвета меда. Я была очарована им и одновременно сильно испугалась».

– Нам нечем вас угостить! – в ужасе воскликнула пионерка Майя.

– Не беспокойтесь, – сказал Лаврентий Берия. Через десять минут из расположенного неподалеку знаменитого ресторана «Арагви» привезли грузинскую еду.

Сталин пристально посмотрел на Софью Кавтарадзе, княжну, родившуюся при императорском дворе. Он обратил внимание на то, что у нее седые волосы.

– Мы слишком сурово пытали тебя, – с сожалением произнес вождь.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – отшутилась Софья.

Вождь спросил Берию о брате Кавтарадзе, которого тоже арестовали. Увы, он умер по дороге в Магадан, как многие тысячи других несчастных жертв сталинских репрессий.

Серго Кавтарадзе запел грустную грузинскую песню, но сильно при этом фальшивил.

– Не надо, Того, – попросил Сталин.

Он называл Серго, у которого были немного раскосые глаза, именем известного японского генерала. Потом вождь запел сам.

Майя была потрясена. У этого маленького рябого мужчины оказался такой замечательный завораживающий голос.

– Я хочу осмотреть вашу квартиру! – неожиданно заявил высокий гость.

После экскурсии по квартире пир продолжился. Гуляли они до десяти утра. Майя в тот день была счастлива вдвойне. Она не только посидела на колене у великого Сталина,

но и пропустила занятия в школе.

Сталин назначил Кавтарадзе директором крупного книжного издательства. С издательским делом был связан и еще один заключенный, знаменитый грузинский философ Шалва Нутсибидзе. В молодости Нутсибидзе однажды встретился со Сталиным.

Сидя в тюрьме, Шалва начал переводить на русский язык эпическую поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Каждый вечер у Нутсибидзе забирали то, что он успел перевести за день, и на следующее утро возвращали с красными пометками и исправлениями.

Дело Нутсибидзе вел сам Богдан Кобулов. В результате знакомства с ним философ лишился ногтей на нескольких пальцах.

Неожиданно допросы и пытки прекратились. Огромный, пышущий злобой и ненавистью Кобулов стал сама любезность. От него Шалва узнал, что Сталин несколько дней назад неожиданно заговорил с Берией о птицах.

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы дрозд пел в клетке? – спросил генсек. После того как чекист отрицательно покачал головой, нравоучительно добавил: – С поэтами то же самое. Поэт не может петь в клетке. Если мы хотим получить прекрасный перевод Руставели, нужно освободить дрозда.

Так Шалва Нутсибидзе вышел на свободу. 20 октября 1940 года Серго Кавтарадзе заехал за ним, и оба отправились на лимузине в Маленький угол. Они радостно сообщили Александру Поскребышеву о том, что перевод поэмы Руставели закончен. Когда их ввели в кабинет, Сталин встретил гостей улыбкой.

– Вы и есть профессор Нутсибидзе? – спросил он. – Наверное, вы немного на нас обижены, но давайте не ворошить прошлое. – Извинившись в свойственном для него стиле, генсек принялся восторгаться блестящим переводом Руставели. Усадив гостей, Сталин вручил пораженному профессору переплетенный в дорогую кожу черновик перевода. – Я перевел одну песнь. Хочу узнать ваше мнение. – Сталин прочитал свой перевод и сказал: – Если он вам действительно нравится, хочу вам его подарить. Используйте его в своем переводе, но не упоминайте, пожалуйста, моего имени. Мне доставило большое удовольствие быть вашим редактором.

Затем Сталин пригласил Кавтарадзе и Нутсибидзе на ужин. За столом они вспоминали Грузию, старые дни. После множества тостов Нутсибидзе неожиданно заговорил о политическом митинге, на котором он впервые встретился со Сталиным. Вождь

пришел в восторг. Оказалось, что философ до сих пор помнит наизусть то его выступление.

– Большой талант часто шагает нога в ногу с хорошей памятью! – С этими словами генсек обошел стол и поцеловал Нутсибидзе в лоб.

* * *

Серго Кавтарадзе и Шалве Нутсибидзе повезло вдвойне. После подписания пакта Молотова – Риббентропа Сталин приказал закрыть все дела, оставшиеся от Ежова, а также ликвидировать их организатора. Ежевика признался, что работал на британскую, японскую и польскую разведки. Он также потянул за собой немало литераторов, любовников жены. Евгении уже не один год не было в живых, но следы ее поцелуев по-прежнему вели избранников Ежовой в тюрьму и на расстрел. Михаила Шолохова спас сам вождь. За Исаака Бабеля заступиться было некому. Его арестовали. «Пожалуйста, вырасти нашу дочь счастливым человеком», – попросил Бабель на прощание жену.

Подчищая остатки Большого террора, 16 января 1940 года Сталин подписал 346 смертных приговоров. В списке были как жертвы чекистов, так и палачи. Среди приговоренных к расстрелу немало известных личностей, в том числе Бабель, Мейерхольд и еще один любовник Евгении Ежовой, журналист Кольцов (с которого Хемингуэй писал Карпова в романе «По ком звонит колокол?»). Последние дни доживали Ежов и связанные с ним люди. Смерть ждала его невинных брата и племянников, любовницу Гликину и бывшего члена политбюро Эйхе. К Ежову методов физического воздействия не применяли, а вот большинство арестованных подвергались страшным пыткам. Берия и Кобулов с большим удовольствием избивали их в Сухановской тюрьме. Судьба распорядилась так, что в бывшем монастыре Святой Екатерины теперь разместилось одно из самых страшных пенитенциарных учреждений необъятной страны.

«Следователи начали применять ко мне методы физического воздействия, а ведь мне шестьдесят пять лет, и я болен, – писал Мейерхольд Молотову. – Меня заставляли лечь лицом вниз, после чего били по пяткам и спине резиновым ремнем. Потом посадили на стул и опять начали бить по ногам. Когда на местах ударов появились кровавые следы, они опять начали по ним бить. Боль была такой сильной, будто мне на ноги лили кипяток… Я кричал и плакал от боли. Они били меня по спине… по лицу, бросались на меня всем своим весом… От невыразимой физической

и эмоциональной боли из моих глаз без конца текли потоки слез…»

Всего несколько дней понадобились сталинскому любимцу Ульриху, чтобы приговорить всех обвиняемых к высшей мере наказания. Суды проходили в Лефортовской тюрьме. Обсуждение приговоров занимало считаные минуты. Из тюрьмы Ульрих отправился на большой концерт в Кремль послушать тенора Козловского и насладиться искусством балерины Лепешинской.

Бабеля приговорили к расстрелу, как агента французской и австрийской разведок. К тому же он был тесно связан с женой «врага народа», Николая Ежова. В 1.30 ночи 27 января 1940 года писателя расстреляли. Его труп кремировали.

Эйхе привезли на последний сеанс «французской борьбы» в Сухановскую тюрьму. Там Берия и Родос зверски избили его резиновыми шлангами. Когда Эйхе упал, его подняли, чтобы и продолжить пытки.

– Признаешься в том, что ты шпион? – кричал Лаврентий Берия.

Эйхе упрямо отказывался. Из выбитого глаза текла кровь, но он продолжал твердить:

– Не признаюсь…

Поняв, что бывший член политбюро не сознается, Берия приказал увести его и расстрелять.

После Эйхе настала очередь и Николая Ивановича Ежова. 1 февраля Лаврентий Павлович велел привезти предшественника в свой кабинет в Суханове. Нарком пообещал: если Ежов признается на процессе, то Сталин пощадит его. Ежевика отказался.

– Лучше покинуть эту землю честным человеком! – с неожиданной смелостью ответил он.

2 февраля Ульрих судил Ежова прямо в кабинете Берии. Ежевика зачитал свое последнее письмо Сталину. В нем он прославлял священный орден рыцарей-большевиков и отрицал все обвинения в шпионаже в пользу польских землевладельцев, английских лордов и японских самураев. Не отрицал бывший чекист только того, что «много пил и работал, как лошадь». Зная, какой его ждет конец, Ежов просил одного: «Расстреляйте меня тихо и спокойно, чтобы я не мучился». Он потребовал, чтобы позаботились о его матери и дочери, а невинным племянникам сохранили жизнь. Письмо заканчивалось словами, которые больше бы подошли обращению благородного рыцаря времен Круглого стола к королю Артура: «Передайте Сталину, что я умру с его именем на устах».

Смертный приговор Ежов встретил менее мужественно,

чем большинство его жертв. Когда Ульрих зачитал приговор, Николай Иванович рухнул на пол. Его с трудом успели подхватить охранники. Вскоре после полуночи 3 февраля Николая Ежова посадили в черный воронок и отвезли в Варсонофьевский переулок, в построенное им же самим для расстрелов и пыток здание с покатым полом и шлангами. Там его уже ждали Берия, заместитель генерального прокурора Н. П. Афанасьев и палач Блохин. Ежевика, по словам Афанасьева, икал и плакал. В конце концов у него подогнулись ноги, и его пришлось тащить за руки.

Той ночью Сталин три часа совещался с Берией и Микояном. Вероятно, они обсуждали экономические вопросы. Но нет никакого сомнения, что генсека очень интересовали подробности того, как себя вел Ежов в последние минуты своей жизни.

Пепел преступника Ежова и гения Бабеля выбросили в общую могилу на старом Донском кладбище. На ней табличка: «Общая могила номер 1, 1930–1942». Всего в двадцати шагах виднеется надгробный камень, на котором написано: «Хаютина Евгения Соломоновна, 1904–1938». Ежов, Евгения и Бабель лежат рядом.

Ежова изображают обезумевшим от запаха крови чудовищем, убивавшим невинных людей вопреки приказам Сталина. Полтора года Большого террора получили название «ежовщина». Не исключено, что это слово придумал сам Сталин, потому что нередко его использовал. Ягода и Ежов были подонками, размышлял вождь. Ежов оказался «крысой, которая убила много невинных людей», – сказал как-то генсек авиаконструктору Яковлеву. «Мы должны были его расстрелять», – признался вождь Серго Кавтарадзе. После войны Сталин заметил: «Не стоит доверять доказательствам в делах 1937 года. Ежов плохо руководил НКВД. В него проникли антисоветские элементы, и они уничтожили немало невинных людей, наши лучшие кадры».

Оглядываясь назад, Иосиф Виссарионович также сомневался и в необходимости террора Берии. «Берия вел слишком много дел, – говорил он. – Все арестованные признавались». Едва ли это стало озарением последних лет жизни вождя. Он всегда знал, как в НКВД придумывают доказательства и выбивают показания. Он шутил, порой ворчал, но всегда соглашался, потому что заранее сам решал, кто враг, а кто нет.

Расчистив авгиевы конюшни, оставленные предшественником, Берия попросил Сталина разрешить расстрелять и главного палача. Сталин приказал наркому оставить Блохина в покое. Он объяснил, что тот делает черную работу, такую трудную и такую важную для партии. Вождь сохранил Блохину жизнь, чтобы он убил еще тысячи людей.

Сталинский зять Станислав Реденс, «разоблаченный» Ежовым, был расстрелян 12 февраля 1940 года. Его жена Анна все еще надеялась, что он вернется. Она часто звонила Сталину и Берии и спрашивала, когда его отпустят. В конце концов Лаврентию Павловичу это надоело, и он сказал Анне, чтобы она забыла о существовании мужа.

Коктейли Молотова. Зимняя война и жена Кулика

После заключения пакта с Риббентропом Сталин пребывал в отличном расположении духа. Хорошее настроение, однако, никак не повлияло на его параноидальную подозрительность. Наибольшая опасность сейчас угрожала женам друзей и соратников вождя.

В ноябре 1939 года на даче Григория Кулика, заместителя наркома обороны, который руководил вторжением в Польшу и часто допускал промахи, грубые ошибки, зазвонил телефон. Маршала Кулика и длинноногую зеленоглазую красавицу Киру Симонович многие считали самой красивой супружеской парой в окружении Сталина. В тот вечер они отмечали день рождения Григория. На даче собрался весь цвет советской аристократии, начиная от Клима Ворошилова и кончая рабоче-крестьянским графом Алексеем Толстым, вездесущим придворным певцом Козловским и несколькими балеринами. Трубку снял хозяин.

– Тихо! – неожиданно прошипел он. – Это Сталин! – Потом после короткой паузы заговорил в телефон: – Что я делаю? Отмечаю с друзьями свой день рождения.

– Подождите меня, – попросил Сталин. – Не садитесь за стол.

Скоро вождь появился на даче с Власиком и ящиком вина. Он поздоровался со всеми присутствующими и расположился за столом. Козловский исполнял любимые песни Иосифа Виссарионовича, в том числе арию герцога из «Риголетто». Высокий гость слушал певца и потягивал грузинское вино.

Кира Кулик подсела к Сталину и принялась болтать с ним, как старая подруга. Кира Симонович была дочерью сербского графа. Мало того что тот был аристократом, так еще и руководил царской охранкой в Финляндии, а затем, в 1919 году, расстрелян чекистами. После революции Кира вышла замуж за купца-еврея. Когда мужа сослали в Сибирь, она отправилась с ним. Потом всеми правдами и неправдами семья сумела перебраться на юг. Там Кира и познакомилась с Григорием Куликом, коренастым, всегда подвыпившим прожигателем жизни.

Кулик командовал сталинской артиллерией в Царицыне. К сожалению, его познания в военном искусстве замерли на уровне 1918 года. Сербская графиня стала его второй женой. Они влюбились друг в друга с первого взгляда и быстро стали супругами.

Так же как и Бронка Поскребышева, Кира Кулик не упускала

случая побеседовать со Сталиным. Она блистала на кремлевских торжествах и праздниках. «Она была очень красива, – вспоминала одна женщина, тоже часто бывавшая в Кремле. – Тухачевский, Ворошилов, Жданов, Ягода, Ежов, Берия – все ухаживали за ней». Естественно, не обошлось без слухов, что Сталин сделал Киру своей любовницей.

Сейчас Иосиф Сталин сидел около пианино в окружении Киры Кулик и других присутствовавших на дне рождения молодых женщин.

– Мы пьем за ваше здоровье, Иосиф Виссарионович, – сказала знаменитая балерина. – Позвольте мне поцеловать вас от лица всех женщин.

Генсек облобызал балерину в ответ и произнес тост в ее честь.

Все шло хорошо, пока Кира не допустила непростительную ошибку. Когда остальные женщины отошли и она осталась с генсеком наедине, Кулик попросила Сталина освободить из лагеря своего брата, бывшего царского офицера. Вождь благосклонно выслушал Киру и начал ставить на граммофон свои любимые пластинки. Все танцевали, за исключением Сталина.

Иосиф Виссарионович подарил имениннику книгу с дарственной надписью: «Моему старому другу. И. Сталин». Но поступок Киры, который как бы подразумевал ее близость к правителю советской империи, заронил в генсеке подозрения.

* * *

Через несколько дней маршал Кулик приказал начать артиллерийский обстрел территорий Финляндии. Артподготовка послужила сигналом к началу вторжения советских войск в четвертую страну, находившуюся согласно советско-немецкому договору в сфере влияния СССР. Это скандинавское государство до 1918 года входило в Российскую империю. Сейчас граница между Советским Союзом и Финляндией располагалась так близко от Ленинграда, что финские войска могли угрожать колыбели революции.

12 октября финская правительственная делегация встретилась со Сталиным и Молотовым в Кремле. Советские руководители потребовали передать СССР военно-морскую базу в Ханко. Финны, к большому удивлению вождя, отвергли эти требования и сказали, что для передачи базы в Москве им нужно большинство в пять шестых в парламенте. Сталин рассмеялся.

– Уверен, вы получите девяносто девять процентов!

– И наши голоса в придачу, – пошутил Молотов.

Последняя встреча делегаций проходила уже без шуток.

– Мы, гражданские люди, не видим выхода из создавшегося тупика. Придется передать это дело на рассмотрение военных… – пригрозил Молотов.

Во время ужина с Берией и Хрущевым у себя на квартире Сталин отправил финнам ультиматум. Вячеслав Молотов и Андрей Жданов, отвечавшие за советскую политику в районе Балтики, флот и оборону Ленинграда, поддержали вождя. Анастас Микоян сказал немецкому дипломату, что предупреждал финнов о последствиях отказа:

– Они перегнули палку. Терпение русского народа лопнуло. Русские относятся к этому району с особым вниманием. Поверьте, мы, кавказцы в политбюро, с большим трудом сдерживаем русских товарищей.

Когда срок ультиматума истек, руководители Советского Союза продолжали пировать в Кремле.

– Давайте начнем прямо сегодня, – предложил Сталин и отправил Кулика руководить артобстрелом финской территории.

Генсек не учел, что само присутствие этого маршала на любом военном мероприятии гарантирует неудачу.

30 ноября пять советских армий перешли границу между двумя странами на протяжении всех тысячи с лишним километров. Лобовые удары по сильно укрепленной оборонительной линии Маннергейма были отбиты. Красная армия понесла большие потери. Финны, одетые, как привидения, в белые костюмы, незаметно подкрадывались к советским войскам, убивали солдат и офицеров и тут же исчезали. В северных лесах появились пирамиды замерзших трупов красноармейцев. Финны поджигали советские танки бутылками с керосином. Всего они приготовили около 70 тысяч этих импровизированных гранат. Их назвали «коктейлем Молотова». Советский премьер был тщеславным человеком, но к такому использованию своего имени относился негативно.

К середине декабря Сталин потерял около 25 тысяч человек. Он, как и подобает военному дилетанту, вместо настоящей зимней войны рассчитывал на легкие бои. По его мнению, война с Финляндией должна быть чем-то вроде учебных маневров. Вождь отказался принимать составленный начальником Генерального штаба Шапошниковым план ведения настоящих боевых действий. Когда Воронов, заместитель Кулика по артиллерии, ставший в годы Великой Отечественной войны знаменитым маршалом, спросил, сколько времени отводится

на эту операцию, он получил ответ: «От десяти до двенадцати дней». Воронов был уверен, что на операцию уйдет в лучшем случае от двух до трех месяцев. Григорий Кулик выслушал мнение заместителя, расхохотался и приказал разгромить финнов не позднее чем за двенадцать дней. Сталин и Жданов были так уверены в скорой победе, что уже думали над устройством будущей Финляндии. Они сформировали марионеточное правительство из финских коммунистов, которое должно было прийти к власти в Хельсинки после окончания боевых действий.

9 декабря 9-я армия была почти полностью уничтожена в районе деревни Суомуссалми. Деревня превратилась в развалины. Сталинские военные дилетанты ответили на поражение на поле боя испытанными средствами – расстрелами и репрессиями. «Считаю необходимым провести радикальную чистку в 44-й дивизии», – распорядился Климент Ворошилов.

В Европе убедились в слабости Красной армии. На Западе понимали, что она нуждается в реформах. Однако Сталин решил по-своему: после первых же неудач в Финляндии он отправил на фронт мрачного Мехлиса. На 1940 год пришелся пик его карьеры. «Я так поглощен работой, что даже не замечаю, как летят дни, – писал главный политрук Красной армии жене. – Сплю не больше двух-трех часов в сутки. Вчера было 35 градусов ниже ноля, но я чувствую себя прекрасно. У меня только одна мечта – побыстрее уничтожить финских белогвардейцев. Мы сделаем это, победа не за горами!»

26 декабря Сталин наконец понял необходимость перемен. Он назначил командующим Северо-Западным фронтом Тимошенко и приказал восстановить порядок в изрядно потрепанных войсках. Красноармейцы умирали от голода и холода. Даже Лаврентий Берия занял более человечную позицию. Он неоднократно докладывал Ворошилову о недостатке провианта на фронте. «У 139-й дивизии большие трудности, – сообщал нарком внутренних дел. – Не хватает продовольствия, нет бензина. Солдаты разбегаются». Сталин считал, что военные скрывают от него истинный масштаб бедствия, и верил только Мехлису.

«Белые финны опубликовали доклад об оперативной обстановке на фронте, в котором говорится об уничтожении 44-й дивизии, о тысяче наших пленных, о захвате 102 орудий, 1170 лошадей и 43 танков, – писал генсек Мехлису. – Сначала ответьте мне: это правда? Второе: где военный совет и начальник штаба 44-й дивизии? Как они объясняют свое постыдное поведение? Почему они бросили свою дивизию? Третье, почему

Военный совет 9-й армии не проинформировал нас о положении дел? Мы ждем ответа. Сталин».

Мехлис примчался в Суомуссалми и нашел там хаос и неразбериху. Он не только не навел порядок, но еще больше их усилил. Лев Захарович подтвердил сообщения финнов о крупных потерях среди советских войск и расстрелял все командование. «Суд над Виноградовым, Волковым и начальником политического отдела проходил на открытом воздухе в присутствии всей дивизии, – рапортовал Мехлис. – Смертный приговор был приведен в исполнение тут же на глазах солдат и офицеров. Разоблачение предателей и трусов продолжается».

10 декабря сам Мехлис чудом избежал смерти. Он с гордостью докладывал Сталину, что его машина попала в засаду белофиннов. В отличие от большинства сталинских комиссаров Мехлис был удивительно храбрым человеком. Хотя эту смелость можно назвать и по-другому – самоубийственной удалью. Частично она объясняется тем, что, будучи евреем, Мехлис хотел стать «кристально чистым». Он действительно не раз брал командование над бегущими войсками и вел их в атаку. Мехлис и Кулик не скрывали катастрофического положения на фронте. «В войсках не хватает хлеба», – докладывал Лев Мехлис. Кулик соглашался: «Повсюду страшная неразбериха и бюрократия».

Сталин пребывал в подавленном настроении. Неудачи на фронте выводили его из себя. Временами он даже выглядел жалким и беспомощным. Хрущев видел, как генсек с очень расстроенным лицом бессильно лежал на диване. Это был предвестник нервного срыва, который случился с вождем в начале войны с немцами. От сильного напряжения Сталин заболел: его атаковали привычные стрептококки и стафилококки. Температура поднялась до 38 градусов, сильно болело горло. 1 февраля, когда Тимошенко начал наступление на финские позиции, состояние вождя улучшилось. 11-го советские войска перешли в широкомасштабное наступление. В конце концов сказалось превосходство в живой силе и технике Красной армии. Советские войска взяли верх над храбростью и стойкостью финнов. Когда к Сталину опять пришли врачи, он показал им карты.

– Сегодня мы возьмем Выборг, – радостно сообщил больной.

Финны запросили мира. 12 марта Андрей Жданов подписал мирный договор, по которому Финляндия уступала Ханко, Карельский перешеек и северо-восточный берег озера Ладоги. Всего финны лишились 55 тысяч квадратных километров территории, окружавшей Ленинград. Граница была отодвинута

от колыбели революции на безопасное расстояние. Финляндия в ходе боев потеряла около 48 000 человек, Сталин – втрое больше, свыше 125 000. «Красная армия никуда не годилась», – позже скажет Сталин Черчиллю и Рузвельту.

Через много лет Хрущев обвинял Ворошилова в преступной халатности. Он язвительно шутил, что нарком обороны проводил больше времени в студии придворного живописца Герасимова, чем в своем комиссариате. Сталин изливал свой гнев в Кунцеве. Он набросился на Ворошилова, который не стал молча выслушивать упреки. Покраснев как рак, красный маршал начал кричать на Сталина:

– Ты сам должен винить себя во всем этом! Это ты уничтожил старую гвардию нашей армии, ты перебил лучших генералов.

Ворошилов схватил блюдо с молочным поросенком и бросил его на пол. Хрущев, присутствовавший при этом разговоре, говорил, что никогда не видел, чтобы со Сталиным обращались подобным образом. Такое поведение могло сойти с рук только Климу.

И все же Ворошилову пришлось взять на себя всю вину за неудачное течение Северной войны. 28 марта 1940 года он покаялся на заседании ЦК партии: «Должен признаться, что ни я, ни Генеральный штаб не имели ни малейшего представления об особенностях и трудностях, с которыми будет связана эта война». Мехлис ненавидел наркома. Он мечтал свалить соперника и занять его должность. Политрук заявил, что Ворошилов «не может просто оставить свой пост – его следует сурово наказать за допущенные ошибки». Любого другого на месте Климента Ефремовича в данной ситуации ждала бы неминуемая смерть, ему же все сошло с рук. Сталин не мог себе позволить уничтожить старого друга.

«Мехлис выступил с истеричной речью…» – заметил генсек, давая понять, что истерика мрачного демона недопустима и что Ворошилова нельзя трогать.

В середине апреля Сталин провел уникально откровенный для Советского Союза Высший Военный совет, на котором серьезность обсуждаемых вопросов нередко граничила с комизмом. Один из военачальников признался, что солдаты и офицеры сильно удивились, обнаружив в Финляндии густые леса.

– Нашим военным следовало бы знать, что в Финляндии есть леса. – Вождь невесело усмехнулся. – Леса там были и при Петре, и при Елизавете, и при Екатерине, и даже при Александре! Это уже четыре раза… Ничего не изменилось и сейчас! Леса в Финляндии никуда не исчезли.

Смех в зале.

Иосиф Виссарионович еще сильнее рассердился, когда Мехлис сообщил, что финны часто нападали во время послеобеденного отдыха наших войск.

– Послеобеденный сон? – в гневе воскликнул Сталин.

– Да, час сна после обеда, – подтвердил Григорий Кулик.

– Люди спят после обеда в домах отдыха! – проворчал Сталин.

И все же Сталин защищал саму кампанию.

– Могли бы мы избегнуть этой войны? – спрашивал он и сам отвечал: – Думаю, нет. Война, на мой взгляд, была неизбежна. Задержка с ее началом в пару месяцев могла бы означать для нас задержку в двадцать лет.

Сталин захватил больше территории, чем в свое время Петр Великий. Однако предупредил своих военачальников, что времена меняются и в 1940 году нельзя воевать теми же методами, как в 1918-м.

– Война с Финляндией заставляет вспомнить краснокожих индейцев, – сказал генсек. – У них были дубинки против ружей… Все они были перебиты.

6 мая Ворошилов был снят с поста наркома обороны. Его место занял Тимошенко. Шапошников не удержался на посту начальника Генштаба. Ему не помогло даже то, что Сталин признал его правоту, когда Шапошников требовал вести сражения по всем правилам военного искусства.

Война с Финляндией вызвала и другие изменения в Красной армии. Было признано необходимым поднять боевой дух и дисциплину, восстановлены генеральские звания. Самым важным, пожалуй, стало установление единого командования над войсками. Сталин наконец понял, что воевать гораздо труднее, когда командует не один человек, а несколько, которые зачастую только мешают друг другу.

Слова Ворошилова об уничтожении лучших генералов возымели действие. Сталин приказал освободить 11 178 офицеров, арестованных во время предыдущих репрессий и чисток в ходе боев. Официально они вернулись из длительной опасной командировки. Вождь заметил, что у одного из реабилитированных – Константина Рокоссовского – отсутствуют на пальцах ногти.

– Вас пытали в тюрьме? – поинтересовался он.

– Да, товарищ Сталин.

– В этой стране так много людей, которые на все говорят: «Есть!» – Сталин печально вздохнул.

Но из тюрем и лагерей вернулись не все.

– Где твой Сердич? – спросил генсек Буденного об их взаимном друге.

– Расстрелян! – ответил маршал.

– Жаль… Я хотел сделать его послом в Югославии…

Многие военные по-прежнему были влюблены в кавалерию и отказывались принимать современные средства ведения войны. Буденный и Кулик были уверены, что танки никогда не заменят лошадей.

– Вам меня не убедить в этом, – упрямо заявил Буденный. – Как только начнется война, все сразу закричат: «Быстрее посылайте кавалерию!»

В свое время Сталин с Ворошиловым расформировали специальные танковые корпуса. К счастью, Тимошенко уговорил вождя отменить этот глупый приказ.

Анастас Микоян называл засилье некомпетентных военачальников «триумфом Первой конной армии». Дело в том, что все сталинские друзья воевали в этой воинской части в годы Гражданской войны. Ворошилов был назначен заместителем председателя Совнаркома по культуре. Это назначение вызвало у Микояна смех. Он говорил: все логично, если учесть любовь маршала к собственным портретам.

Мехлис тоже стал заместителем премьера. Он считал себя великим военачальником и требовал, чтобы Тимошенко уговорил Сталина вновь назначить его заместителем наркома обороны. Сталин насмехался над наивностью Тимошенко.

– Мы хотим помочь Тимошенко, а он не понимает этого, – сказал Сталин. – Он хочет, чтобы ему оставили Мехлиса, но тот через три месяца просто съест его. Мехлис сам хочет быть военным комиссаром.

Мрачный демон наслаждался полным доверием вождя.

Кулик был больше похож на клоуна, чем на начальника артиллерии Красной армии. Этот невежественный толстяк часто кричал на своих подчиненных: «Выбирайте: тюрьма или медаль». Он презирал противотанковую артиллерию. «Что за чушь: ни грохота, ни воронок!» – возмущался маршал. Он же отверг знаменитые «катюши»: «Для чего, черт возьми, артиллерии нужны ракеты? Главное средство в артиллерии – это орудие, которое перевозят лошади». Он препятствовал запуску в массовое производство танка Т-34. Хрущев, которого Сталин любил за наглость, усомнился в компетентности Кулика.

– Но ты даже не знаком с Куликом! – резко ответил Сталин. – Я же знаю его со времен Гражданской войны, когда он командовал артиллерией в Царицыне. Он разбирается в артиллерии.

– Но сколько у вас там было пушек? – не унимался Хрущев. – Две, три? А сейчас он командует артиллерией всей страны!

Сталин отказался слушать Хрущева и велел ему заниматься собственными делами.

Особым доверием вождя после войны с Финляндией стал пользоваться Андрей Жданов. «Компетентных людей было много, – писал в мемуарах Анастас Микоян. – Но Сталин все больше относился к окружающим с подозрением. Поэтому доверие становилось самым главным признаком власти».

* * *

В мае 1940-го Сталин распорядился похитить жену Кулика, Киру. Берия приказал Теоретику, Меркулову, выполнить приказ. 5 мая Кобулов, князь-убийца Церетели и Владимирский, любимый бериевский заплечных дел мастер, выследили Киру Кулик по дороге к дантисту, затолкали в машину и отвезли на Лубянку.

Сталин и Берия обладали игривым садизмом и извращенным вкусом к подлому лицемерию. Причина похищения жены маршала до сих остается тайной. Против нее так и не было выдвинуто никаких обвинений. Мехлис собирал досье на Кулика. Конечно, в нем содержалась информация об аристократическом происхождении Киры, а также о разгульной жизни Григория Кулика, его пьяных выходках, антисемитизме, революционном прошлом и связях с троцкистами. Неизвестно – похитили ли Киру Кулик за то, что она обратилась к Сталину с просьбой о помиловании брата, или ее обвинил кто-то из любовников и она стала очередной жертвой ханжества Сталина.

7 мая, через два дня после исчезновения Киры, Сталин произвел ее мужа в маршалы. Вместе с ним маршалами стали Тимошенко и Шапошников. Это повышение было вполне в духе иронического садизма Иосифа Виссарионовича. Восторг новоиспеченного маршала по поводу маршальских звезд омрачался тревогой за жену. Он позвонил Лаврентию Берии. Тот пригласил его к себе на Лубянку. Пока Кулик пил чай в кабинете наркома внутренних дел, Лаврентий Павлович позвонил Сталину.

– Передо мной сидит маршал Кулик, – сказал он. – Нет, он не знает никаких подробностей. Говорит, что ушла, и все… Конечно, товарищ Сталин, мы объявим его жену во всесоюзный розыск и сделаем все возможное, чтобы ее найти.

Играя этот спектакль, и Сталин, и тем более Берия знали,

что Кира сидит в камере прямо под кабинетом последнего. Через месяц графиню Симонович-Кулик, мать восьмилетней дочери, перевезли в специальную тюрьму Берии, Сухановку. Там Блохин хладнокровно убил ее выстрелом в голову. Кобулов жаловался, что Блохин застрелил Киру, не дождавшись его приезда.

«Всесоюзный розыск» Киры Кулик продолжался двенадцать лет. Маршал быстро понял, что Киру погубили сомнительные связи. Вскоре он женился вновь.

* * *

Тем временем Сталин и другие большевистские вожди решали, что делать с польскими офицерами, арестованными или захваченными в сентябре 1939 года. Они содержались в трех лагерях, один из которых располагался в Белоруссии около Хатынского леса. Сталин никак не мог решить их судьбу. На заседаниях политбюро шел удивительно откровенный разговор о том, что с ними делать. Кулик, командовавший польским фронтом, предложил всех освободить. Ворошилов соглашался с коллегой. Мехлис был уверен, что среди них есть враги. Сталин согласился с главным политруком. Григорий Кулик продолжал настаивать на освобождении. Тогда Сталин пошел на компромисс. Большую часть поляков освободили. Судьбу остальных окончательно решили на заседании политбюро 5 марта 1940 года.

Сын Берии утверждал, что отец возражал против расстрела. Им двигали не альтруистические соображения, а соображения, что поляки могут пригодиться позже. Правда, доказательств того, что Лаврентий Павлович возражал, нет. Нарком внутренних дел доложил Сталину, что 14 700 офицеров, землевладельцев, полицейских и 11 000 контрреволюционеров были шпионами и саботажниками, закоренелыми врагами советской власти. Их должны судить товарищи Меркулов, Кобулов и Баштаков. Сталин поставил свою подпись под рапортом, потом подчеркнул ее. Следом за ним расписались Ворошилов, Молотов и Микоян. Калинин и Каганович дали добро по телефону.

Массовая резня польских офицеров стала еще одной черной работой для НКВД. Единственным отличием от обычной «вышки» было количество осужденных. Так много убивать за один раз чекистам еще не приходилось. Однако существовал человек, который годился для выполнения и этой непростой задачи. Блохин приехал в лагерь Осташков вместе с двумя чекистами. Он обил специальный домик звуконепроницаемыми плитами

и решил взять на себя стахановское обязательство расстреливать по 250 человек за ночь. Палач привез из Москвы кожаный фартук мясника и специальную шапочку. Он надевал рабочую одежду, чтобы не запачкаться кровью. А чтобы не оставить улик, Блохин стрелял из немецкого «вальтера». За двадцать восемь ночей этот суперпалач собственноручно расстрелял 7000 человек. Трупы зарывали в разных местах. 4500 тел из Козельского лагеря были похоронены в Хатынском лесу.

* * *

В июне того же года немецкий фюрер начал блицкриг против Нидерландов и Франции. Сталин по-прежнему относился с большим уважением к армиям Франции и Британии и считал, что они могут сдержать Гитлера на западе. 17 июня 1940 года разбитая Франция запросила мира. Неожиданный разгром французов должен был заставить вождя пересмотреть свое отношение к союзу с Германией. Но сейчас у него просто не оставалось выбора. Вячеслав Молотов, сжав зубы, «тепло» поздравил Шуленбурга «с замечательной победой немецкого вермахта». Критикуя союзников, потрясенный Сталин не стеснялся в выборе слов.

– Неужели они не могут оказать никакого сопротивления? – спросил он Хрущева. – Теперь Гитлер размажет наши мозги по стенке!

Сталин воспользовался возможностью и занял Прибалтийские государства и Бессарабию. Пока красноармейцы переходили границы, советские бомбардировщики развозили сталинских помощников по их удельным княжествам. Деканозову досталась Литва. Бывшему генеральному прокурору, требовавшему «расстрелять бешеных псов», а сейчас заместителю премьера Вышинскому выпало наводить порядок в Латвии. Андрей Жданов отправился в Эстонию. Жданов проехал по Таллину, эстонской столице, в броневике под охраной двух танков. Он назначил марионеточного премьер-министра и прочитал эстонцам лекцию: «…Все будет делаться в полном соответствии с демократическими парламентскими правилами. Мы же не немцы!» Но для многих прибалтийцев русские оказались куда хуже немцев. В общей сложности убиты и депортированы 34 250 латышей, почти 60 тысяч эстонцев и 75 тысяч литовцев.

Скоро НКВД сделал вождю долгожданный подарок. 20 августа агент Берии по фамилии Рамон Меркадер раскроил

ледорубом череп Льву Троцкому, который сильно мешал внешней политике Сталина. Его смерть закрыла еще одну главу Большого террора.

Сталин захватил буферную зону между Балтийским и Черным морями. С каждым днем на столе у него появлялось все больше донесений разведчиков о том, что Гитлер намеревается напасть на СССР. Он стал относиться к немцам с удвоенным вниманием, но инстинктивно не доверял информации советских шпионов, а также рапортам нового начальника военной разведки ГРУ генерала Филиппа Голикова, который был полнейшей бездарностью, и Берии с Меркуловым.

Истоки подозрительного отношения Сталина и Молотова к собственным шпионам следует искать в их туманном большевистском прошлом. Их жизнь до революции проходила в подполье. Многие были двойными или даже тройными агентами. Они оценивали поступки и мотивы других людей, основываясь на собственной параноидальной подозрительности и криминальном складе характера. «Думаю, никогда нельзя доверять разведке, – говорил Молотов даже через много лет после описываемых событий. – Разведчиков нужно выслушивать и многократно перепроверять. У всех служб было бесконечное число провокаторов».

Информация о намерениях немцев напасть на СССР, по словам одного историка, сделала генсека еще более замкнутым и угрюмым. Начальство требовало от своих агентов присылать сообщения, которые были бы Сталину по душе. Однако большинство шпионов работало не на страх, а на совесть.

Сталин пытался укрепить влияние Советского Союза в Балканских государствах. Это не могло не встревожить Гитлера, который в это время принимал окончательное решение о нападении на союзника. Фюрер решил пригласить Молотова в Берлин, чтобы попытаться уговорить Москву изменить направление и продвигаться на юг, к Индийскому океану.

Накануне отъезда Вячеслав Молотов почти всю ночь просидел со Сталиным и Берией. Они решали, как сохранить пакт о ненападении. В написанных от руки инструкциях Сталин предлагал своему премьеру потребовать у немцев объяснений по поводу присутствия их войск в Румынии и Финляндии, попытаться выяснить истинные интересы и цели Гитлера, а также твердо заявить об интересах СССР на Балканах и в Дарданеллах.

Молотов признался жене, что перед поездкой специально изучал Гитлера: «Я читал книгу Раушнинга „Разговоры с Гитлером“. Раушнинг хорошо объясняет, как Г. вел себя в прошлом и как станет вести в будущем».

Молотов встречается с Гитлером. Балансирование на грани войны и заблуждения

Вячеслав Молотов выехал в Берлин поздно вечером 10 ноября 1940 года с Белорусского вокзала. В кармане у него лежал заряженный пистолет. Его сопровождала делегация из шестидесяти человек. Среди них были два человека Берии – Деканозов, заместитель комиссара иностранных дел, и Меркулов – шестнадцать сотрудников НКВД, три слуги и личный доктор.

Это второй выезд Вячеслава Михайловича в Европу. В 1922 году они с Полиной побывали в Италии, где тогда еще только зарождался фашизм. Сейчас Молотову предстояло увидеть фашизм в апогее.

В 11.05 утра поезд с Молотовым въехал на берлинский Ангальтский вокзал. Платформа утопала в цветах. Мощные прожектора зловеще освещали советские флаги. Красный кумач робко выглядывал из-за многочисленных свастик. Из вагона вышел Вячеслав Молотов в черном пальто и серой фетровой шляпе. На перроне его встречали рейхсминистр Риббентроп, фельдмаршал Кейтель и другие официальные лица. Дольше всех советский премьер почему-то жал руку рейхсфюреру СС Гиммлеру. Оркестр очень медленно, наверное, на тот случай, если на вокзал забредет какой-нибудь бывший коммунист, сыграл «Интернационал».

Молотов в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов умчался на открытом «мерседесе» в роскошную гостиницу «Шлосс Бельвю». Этот отель когда-то был императорским дворцом. Особое впечатление на членов советской делегации произвели великолепные гобелены и картины, хрупкий фарфор в шкафах и горках, но больше всего им понравились ливреи с золотым шитьем, в которые был одет обслуживающий персонал.

Вся делегация Молотова была одета в одинаковые черные костюмы, серые галстуки и дешевые фетровые шляпы. Сразу становилось ясно, что одежда куплена в одном магазине за один присест. Одни советские граждане носили шляпы, как береты, другие – сдвинув по-ковбойски на затылок. Были и такие, кто, как гангстеры из американских фильмов, низко надвигали их на глаза. Без особого риска ошибиться можно было предположить, что подавляющее большинство советских делегатов надели этот буржуазный головной убор впервые

в жизни.

После первой же встречи Риббентропа и Молотова ни у кого не осталось сомнений, в какой обстановке пройдет визит. Министры собрались в старом кабинете Бисмарка. Они держались настороженно, стараясь как можно меньше сообщить о своей позиции и как можно больше узнать о намерениях другой стороны. «Ледяная улыбка осветила умное лицо этого шахматного игрока», – написал о Молотове немецкий дипломат. Ему наверняка показалось забавным, что в позолоченном кресле, в котором когда-то сидел Бисмарк, сейчас сидел Деканозов, коротенькие ножки которого едва доставали до пола. Когда Риббентроп принялся уговаривать русских искать выход своей энергии в теплых морях, Вячеслав Молотов поинтересовался: «О каком конкретно море вы говорите?»

После обеда в «Бельвю» Молотов сел в открытый «мерседес» и отправился в Рейхсканцелярию. Его долго вели по мрачным коридорам через великое множество бронзовых дверей, которые охраняли ловко щелкающие каблуками солдаты СС.

Наконец Молотов очутился в великолепном кабинете Адольфа Гитлера. Два белокурых гиганта в форме офицеров СС распахнули двери и вскинули руки в нацистском приветствии. Невысокий русский крепыш с невозмутимым видом прошел через эту импровизированную арку. В дальнем углу громадной залы стоял огромный стол. Гитлер немного помедлил, потом маленькими быстрыми шажками двинулся навстречу гостям. Он остановился и тоже вскинул руку в нацистском приветствии. Только после этого протянул Молотову холодную влажную ладонь. Его горящие глаза, как буравчики, всматривались в визитеров из Советской России. Пустая болтовня немецкого фюрера и традиционное желание с первых минут запугать собеседника разбились о невозмутимость советского премьера. Молотов считал себя истинным марксистом-ленинистом и, следовательно, был выше всех противников, особенно фашистов. «В его внешности не было ничего замечательного», – пренебрежительно говорил Вячеслав Михайлович.

Гитлера Молотов описал следующим образом: «…Очень самодовольный и тщеславный. От природы он был умен, но абсурдность его ранних идей и высокое самомнение делали Гитлера недальновидным и даже слегка туповатым».

Гитлер пригласил гостей в комнату для отдыха. Молотов, Деканозов и переводчики расположились на диване, в то время как хозяин занял свое привычное место в кресле. Фюрер прочитал русским длинную речь о разгроме Великобритании, своей щедрости по отношению к Сталину и об отсутствии у Германии

интересов на Балканах. Ничего из того, что он сказал, не было правдой. Вячеслав Молотов вежливо задавал довольно неуклюжие вопросы. Он старался перевести разговор в русло отношений между Германией и Советским Союзом. Особый интерес русские гости проявляли к Финляндии, Румынии и Болгарии. «Я пытался заставить его дать больше информации, – рассказывал Молотов. – „Вам нужен порт на теплом море, – заявил Гитлер. – В Иране или в Индии… Ваше будущее на юге“. „Какая интересная мысль, – сказал я. – И как вы себе это представляете?“»

Гитлер закончил встречу, так и не объяснив, как русским получить порт на берегу теплого моря. Вечером Иоахим Риббентроп устроил в гостинце «Кайзерхоф» прием в честь Молотова. Фюрера там не было. Зато приехали другие вожди Третьего рейха. Полный рейхсмаршал Геринг явился в мундире, сотканном из серебряных нитей и увешанном драгоценностями. Гитлера представлял его заместитель по нацистской партии – Гесс.

В гостинице Молотова ждала телеграмма из Москвы. Сталин вновь требовал поднять вопрос о Балканах и проливах. На следующее утро премьер отправил вождю донесение: «Уезжаю на завтрак, потом состоится встреча с Гитлером. Нажму на него в вопросе по Черному морю, проливам и Болгарии». Сначала он заехал к Герингу в министерство авиации. Русский гость неоднократно ставил рейхсминистра в неловкое положение острыми вопросами. Потом Молотов отправился к Гессу.

– У вас есть программа партии? – спросил он заместителя фюрера, хорошо зная, что у нацистов ее нет. – У вашей партии есть правила, законы, по которым она живет? А конституция? Как может настоящая партия существовать без программы?

В два часа Молотова, Деканозова и Меркулова привезли на обед к Гитлеру. Кроме фюрера, с немецкой стороны в обеде участвовали Геббельс и Риббентроп. Самое неблагоприятное впечатление на русских произвело скудное меню. Оно состояло всего из трех блюд: крепкого мясного бульона, фазана и фруктового салата.

– Сейчас идет война. Я не пью кофе, потому что мой народ его тоже не пьет, – объяснил Гитлер. – Я не курю и не употребляю спиртного.

Позже Молотов не без юмора рассказывал: «Я ни в чем себе не отказывал».

Вторая встреча Гитлера и Молотова продолжалась три часа. Переговоры прошли в напряженной обстановке. Советский премьер-министр настойчиво требовал у Гитлера ответов на щекотливые вопросы. Гитлер, в свою очередь, обвинил Россию

в жадности. Но ничто не могло поколебать бульдожье упрямство железнозадого Молотова, который неукоснительно выполнял инструкции Сталина. Вождь требовал объяснить немцам, что вся предыдущая история России, начиная от Крымской войны и кончая вторжением интервентов во время Гражданской войны, убедительно показывает, что без проливов Советский Союз беззащитен перед врагами.

Гитлер едва не вышел из себя во время обсуждения вопроса о немецких войсках в Финляндии и Румынии.

– Это мелочь! – пробурчал он.

На что Молотов язвительно заметил, что нет нужды грубить.

Но как эти два человека могли обсуждать серьезные вопросы, если не способны были договориться по мелким? Вячеслав Молотов заметил, что Гитлер начал нервничать. «Я усилил давление, – хвалился он. – Решил взять его измором».

Гитлер достал платок, вытер пот с верхней губы и проводил гостя до двери.

– Уверен, история навечно сохранит имя Сталина, – сказал он на прощание.

– Не сомневаюсь в этом, – согласился Молотов.

– Мы еще увидимся, – неопределенно заявил фюрер. Свое слово Гитлер не сдержал. С русскими он больше не встречался. – Но надеюсь, что история сохранит и мое имя, – добавил он с ироничной скромностью.

Гитлер не зря заговорил о своем месте в истории. Всего два дня назад он подписал знаменитую директиву № 18, в которой вторжение в Советский Союз ставилось во главу угла его политики. Он догадывался, что именно война с СССР сделает его легендарным.

Вечером в величественном, но поблекшем от времени здании посольства СССР прошел прием с водкой и икрой. Звездными гостями на нем опять были Геринг, Гесс и Риббентроп. В самый разгар вечеринки начался налет британских бомбардировщиков.

– Наши британские друзья недовольны, что их не пригласили на прием, – пошутил Иоахим Риббентроп.

После объявления воздушной тревоги Геринг, словно увешанный драгоценностями и опрысканный дорогими духами бизон, решительно двинулся через толпу к «мерседесу», сметая все на своем пути. В советском посольстве не было противовоздушного убежища, поэтому большинство русских срочно уехало в гостиницу. Несколько человек в суматохе заблудились в незнакомом городе и еще долго блуждали по темным улицам. Молотова отвезли в личное убежище Риббентропа. Там под музыку разрывов британских бомб и треск

немецких зениток слегка заикающемуся русскому пришлось отбиваться от заманчивых предложений союзников.

Гитлер сказал, что Германия ведет войну не на жизнь, а на смерть против Великобритании.

– С Британией покончено, – заметил Риббентроп.

– Если так, тогда почему мы сейчас сидим в этом убежище и чьи это бомбы на нас падают? – лукаво поинтересовался Вячеслав Молотов.

Следующим утром Молотов покинул Берлин. Перед отъездом он отправил Сталину телеграмму, в которой сообщал, что не смог добиться результатов, которыми можно было бы похвалиться. Единственное достижение этого визита, по мнению Молотова, – ему удалось выяснить истинное настроение Гитлера.

* * *

Сталин остался тем не менее доволен результатами поездки своего премьера. Он поздравил Молотова с тем, что не уступил Гитлеру, выстоял.

Однако упрямство Молотова и, следовательно, Сталина в отношении Балкан убедили немецкого фюрера, что Москва вскоре встанет на пути его гегемонии на континенте. Если раньше у Гитлера еще оставались какие-то сомнения относительно будущего российско-германских отношений, то после встреч с советским премьером он принял окончательное решение: войне с Советским Союзом быть. Согласно плану «Барбаросса», подписанному Адольфом Гитлером 18 декабря 1940 года, наступление на СССР должно начаться в мае следующего года.

Через несколько дней авиаконструктор Яковлев, ездивший с Вячеславом Молотовым в Берлин, встретился с наркоминделом в приемной Сталина.

– А, вот и наш немец, – в свойственном ему стиле пошутил Молотов. – Сейчас нам обоим придется покаяться!

– В чем? – испугался Яковлев.

– Как – в чем? Разве мы не обедали с Гитлером? Обедали. Разве мы не пожимали руку Геббельсу? Пожимали. Так что теперь придется каяться в грехах.

Сталин вызвал Яковлева для серьезного разговора. Он приказал самому известному советскому авиаконструктору внимательно изучать нацистские самолеты.

– Научитесь побеждать их! – такую задачу поставил вождь.

29 декабря 1940 года советские шпионы донесли в Центр

о существовании плана нападения на СССР. Сталин знал, что Советский Союз будет готов к полномасштабной войне с Германией не раньше 1943 года. Он надеялся оттянуть ее начало при помощи балансирования на Балканах. С одной стороны, политика генсека должна быть достаточно агрессивной, а с другой – ни в коем случае не должна дать немцам предлог для нападения. Фюрер, конечно, не мог не понимать, что перед войной с Советским Союзом ему надлежало обезопасить себя с фланга, то есть со стороны Балкан. Сталин же собирался самыми быстрыми темпами перевооружать Красную армию и готовиться к войне.

Страстное желание вождя оснастить Красную армию более современным оружием и научиться воевать по-новому привели к новой волне террора и репрессий. Когда стало ясно, что до войны с Гитлером остались считаные дни, в советской верхушке усилилась атмосфера страха и подозрений. Чем больше Сталин понимал плачевное состояние, в котором находятся РККА и военная промышленность, тем сильнее он колебался. С одной стороны, он был по-прежнему уверен в собственной непогрешимости, с другой – не понимал своего технического невежества. Генсек внимательно следил за разработкой и производством каждого болтика в новых видах оружия, каждой самой маленькой детали. Совещания с техническими специалистами, проходившие в Маленьком уголке, становились все более тревожными. Анастас Микоян считал, что Сталин перестает контролировать себя.

23 декабря 1940 года Сталин созвал совещание высшего командного состава Красной армии. Идея, вне всяких сомнений, плодотворная, но генералы были парализованы страхом за свою жизнь. Маршал Тимошенко и наиболее энергичный генерал Красной армии Георгий Жуков, командовавший тогда Киевским военным округом, критиковали явную ошибочность советской военной стратегии. Они предложили вернуться к отвергнутым в свое время «глубоким» операциям, за которые ратовал талантливый Тухачевский. Жданов, основной советник Сталина практически по всем вопросам, в том числе и военным, начиная от гаубиц и кончая боевыми кораблями, начиная от войны с Финляндией и кончая культурой, представлял генсека на этом совещании генералов. Он доложил об обсуждении Сталину. На следующий день вождь вызвал военных к себе. Иосиф Виссарионович редко засыпал раньше четырех часов утра. Он признался генералам, что под впечатлением совещания в предыдущую ночь так и не мог сомкнуть глаз. Тимошенко испуганно ответил, что Сталин накануне одобрил его

выступление.

– Неужели вы думаете, что у меня есть время читать все бумаги, которые приносят мне на подпись, – раздраженно сказал Сталин.

Впрочем, он находил время утверждать планы по перевооружению армии и проведению больших маневров. Эти учения еще больше показали слабость Красной армии. Сталин был так рассержен, что 13 января 1941 года вызвал к себе генералов, не дав им времени подготовиться. Начальник Генерального штаба Мерецков часто запинался во время доклада. Было видно, что он не готов к выступлению.

– Ну и кто в конце концов победил? – недовольно спросил вождь.

Мерецков медлил с ответом. Он явно боялся сказать что-то невпопад. Медлительность генерала разозлила Сталина.

– Здесь мы не только можем, но и должны говорить о реальном положении дел в нашей армии! – взорвался он. – Боюсь, вся наша беда заключается в том, что у нас плохой начальник штаба.

Он снял Мерецкова с поста прямо во время совещания. Атмосфера стала еще напряженнее, когда маршал Кулик заявил, что танкам, по его мнению, уделяется чересчур много внимания. Будущее же войны, он был твердо уверен, заключается в орудиях на конной тяге. В это трудно поверить, но на совещаниях на самом высшем уровне советские военачальники после двух немецких блицкригов, в которых танки сыграли решающую роль, и всего за шесть месяцев до начала войны с Германией обсуждали такие вопросы! Сталин во многом был виноват лично. Он поддерживал не тех людей. Григорий Кулик был одной из его кадровых ошибок. Но и сейчас, когда, казалось бы, все было очевидно, вождь, как обычно, попытался переложить свою вину на других.

– Товарищ Тимошенко, до тех пор пока в нашем военном руководстве будет существовать такая неразбериха, всякая механизация обречена на провал, – хмуро бросил он.

Тимошенко ответил, что неразбериха только у Кулика, остальным же все ясно и понятно. Тогда Сталин повернулся к своему старому другу.

– Кулик выступает против моторов. Складывается такое впечатление, будто он выступает против тракторов и поддерживает деревянную соху. Современная война будет войной двигателей, а не лошадей! – нравоучительно проговорил он.

На следующий день сорокапятилетний генерал Жуков явился

в Маленький уголок по срочному вызову Сталина. Его ждало новое назначение. Вождь сделал Жукова начальником Генштаба. Георгий Жуков попытался отказаться, но Сталин, на которого большое впечатление произвела победа, одержанная генералом над японцами при Халхин-Голе, настаивал.

Георгий Константинович Жуков, боевой генерал, которому предстояло стать главным полководцем Второй мировой войны, был еще одним представителем плеяды кавалеристов времен Гражданской войны. С конца двадцатых годов ему начал покровительствовать Семен Буденный. Сын бедного сапожника, коммунист до мозга костей, он сумел выжить в годы Большого террора при помощи все того же Буденного. У Сталина и этого никогда не устающего мужчины, невысокого роста, с широкими плечами и простым крестьянским лицом, имелась одна общая черта – оба были очень жестокими. Среди большинства других советских военачальников Георгий Жуков выделялся еще и полным равнодушием к своим потерям. Однако ему не хватало сталинских хитрости и садизма. Он был эмоционален и храбр, часто не соглашался с Иосифом Виссарионовичем. Тот уважал способности генерала и многое ему прощал.

Через несколько дней Тимошенко и Жуков приехали в Кунцево. Убежденные в неминуемом нападении Гитлера, они попытались убедить Сталина объявить всеобщую мобилизацию. Перед поездкой маршал учил своего начштаба, как следует вести себя со Сталиным:

– Он не любит долгих разглагольствований. Выступать не больше десяти минут.

Тимошенко и Жуков прибыли во время ужина. За столом, кроме Сталина, сидели Молотов, Жданов, Ворошилов, Мехлис и Кулик. Жуков заговорил о том, что следует укрепить оборонительные сооружения на западной границе.

– Вы так сильно хотите воевать с немцами? – грубо прервал генерала Вячеслав Молотов.

– Подожди минуту, – перебил Сталин премьера и прочитал Жукову лекцию о немцах: – Они боятся нас. По секрету скажу вам: у нашего посла недавно состоялся серьезный разговор с самим Гитлером. Гитлер сказал ему: «Пожалуйста, ни о чем не беспокойтесь. Концентрация наших сил в Польше – временное явление. Наши войска скоро уйдут оттуда».

Поняв, что попытка закончилась неудачей, Тимошенко и Жуков сели за стол и вместе с остальными ели украинский борщ, гречневую кашу с тушеным мясом, консервированные и свежие фрукты на десерт. Все это они запивали коньяком и грузинским вином «хванчкара».

* * *

Новый глупый совет Григория Кулика вызвал очередной всплеск репрессий, вырвавший из рядов политбюро новую жертву. Узнав, что немцы утолщают броню своих танков, маршал потребовал остановить производство обычных орудий и вернуться к 107-миллиметровым гаубицам времен Первой мировой войны. Борис Ванников, нарком вооружений, выступил против этого абсурдного предложения. Еврей Ванников был очень способным организатором. Он учился в Бакинском политехническом институте вместе с Берией, но это ему не помогло. Ванникову не удалось попасть на прием к Сталину, а Кулик убедил в своей правоте Андрея Жданова. 1 марта Сталин вызвал наркома.

– Какие у вас возражения? – недовольно осведомился он. – Товарищ Кулик сказал, что вы не согласны с его предложением.

Борис Ванников объяснил свои аргументы: маловероятно, чтобы, как утверждал маршал Кулик, немцы смогли в такие короткие сроки укрепить броню на своих танках. 76-миллиметровые орудия, которые выпускала сейчас военная промышленность Советского Союза, лучше всего соответствуют требованиям современной войны.

В этот момент в кабинет вошел Жданов.

– Послушайте, Ванников не хочет выпускать стасемимиллиметровые орудия, – сказал Сталин Жданову. – Но эти пушки очень хороши. Я знаю их по Гражданской войне.

– Ванников всегда против чего-нибудь возражает, – сухо заметил Андрей Жданов. – Это его стиль работы.

– Вы наш главный артиллерийский эксперт, вам и разбираться в этом вопросе, – завершил аудиенцию вождь.

Сталин поручил Жданову решить спор Ванникова и Кулика, напоследок еще раз подчеркнув, что «107-миллиметровые орудия – хорошие пушки». Сталинский фаворит созвал совещание. На нем Ванников вновь выступил против предложения Кулика. Жданов уже стал на сторону маршала. Он обвинил наркома вооружений в саботаже.

– Мертвые мешают двигаться живым вперед, – угрожающе произнес он.

Но Борис Ванников и не думал сдаваться.

– Вы поддерживаете разоружение нашей артиллерии накануне неминуемой войны! – крикнул он в ответ.

Андрей Жданов смерил его испепеляющим взглядом и сказал, что собирается пожаловаться на него Сталину. Иосиф Виссарионович согласился с мнением Кулика. От этого глупого решения пришлось срочно отказываться, когда началась война.

Борис Ванников был арестован. Только в сталинском царстве абсурда всего за несколько недель до начала войны можно было арестовать главного специалиста страны по вооружениям. Но куликовский лозунг: «тюрьма или медаль» – вновь одержал победу над здравым смыслом.

Новая волна репрессий быстро расходилась кругами от центра, захватывая все новых и новых жертв. Скоро она достигла семейства Кагановичей. Пострадал, правда, не Железный Лазарь, а его брат. Вождь решил проверить в этом почти библейском сюжете пожертвования любимым родственником твердость Лазаря.

* * *

Ванникова жестоко пытали. Следователей особенно интересовала его недавняя работа на посту заместителя Михаила Кагановича, наркома авиационной промышленности. Сталина не удовлетворяло положение дел в этой отрасли. Самолеты, явно собранные наспех и несовершенные технически, разбивались настолько часто, что необходимо было разобраться в причинах и устранить их. В течение одного года в результате аварий погибли четыре Героя Советского Союза. Срочно требовался козел отпущения. Иосиф Виссарионович лично разговаривал не только с авиационными начальниками и генералами, но и с простыми инженерами, работающими на авиазаводах.

– Что это за человек? – спрашивал генсек об одном инженере. – Может, он сволочь?

Конечно, виноваты в авариях были «сволочи». Чекисты выбили из Ванникова нужное признание. «Сволочью» решили сделать Михаила Кагановича.

Тем временем Василий Сталин закончил летное училище. Любовь отца, которой ему так не хватало, Василий стремился завоевать довольно оригинальным способом – жалуясь на начальство. Таким образом он сыграл определенную роль в «авиационном деле».

В 1940 году Василий Сталин влюбился в хорошенькую пухленькую блондинку Галину Бурдонскую, дочь чекиста, и женился на ней. Галина была музыкантом, играла на трубе.

Василий очень любил выпить. У него нередко случалось плохое настроение. Вел он себя высокомерно, как и подобает принцу. Конечно, он тоже совершал добрые поступки, но гораздо чаще от него следовало ждать какого-нибудь подвоха или неприятности. Трудно сказать, каким стал бы Василий

в другой жизни, но в большевистском окружении он все больше превращался, по словам Светланы, в серьезную угрозу для окружающих.

«Здравствуй, дорогой отец, – писал он 4 марта 1941 года. – Как твое здоровье? Недавно я приезжал в Москву, меня вызывал Рычагов [начальник Главного управления военно-воздушных сил]. Я очень хотел повидаться, но мне сказали, что ты очень занят. Отец, мне не дают летать. Рычагов отругал меня. Ему не понравилось, что вместо того, чтобы изучать теорию, я хожу по командирам и доказываю, что могу летать. Он приказал мне сообщить тебе об этом разговоре. Отец, напиши мне хотя бы пару слов, если у тебя будет время. Для меня твои письма огромная радость, потому что я очень по тебе скучаю. Твой Вася».

Этот утонченный донос не мог не сказаться на судьбе Павла Рычагова, смелого тридцатидевятилетнего летчика, только что назначенного на высокую должность в наркомате. Рычагов допустил роковую ошибку, приехав на большое совещание по вопросам авиации в нетрезвом состоянии. Когда Сталин начал критиковать летчиков, Павел Рычагов встал и гневно ответил, что уровень смертности в авиации такой высокий, поскольку «заставляют летать в гробах». В комнате наступила мертвая тишина. Вождь ходил по комнате. Слышны были лишь попыхивание его трубки и едва слышный скрип сапог.

– Зря вы это сказали, – наконец проговорил генсек и через несколько секунд мрачно повторил: – Зря…

На той же неделе Павла Рычагова арестовали. Вместе с ним схватили еще нескольких высокопоставленных чиновников и генералов из наркомата авиации. В руки чекистов попал и генерал Штерн, командующий Красной армией на Дальнем Востоке. Позже все они были расстреляны. Задержанные так же, как Борис Ванников, дали показания на Михаила Моисеевича Кагановича.

«Нам принесли показания, в которых твой брат обвиняется в участии в заговоре», – сообщил Сталин Железному Лазарю. Главным обвинением против Михаила Кагановича был неудачный выбор места строительства авиационных заводов. Чекисты считали, что он строил заводы слишком близко к границе, чтобы помочь Гитлеру быстро их уничтожить. По мнению Сталина, Михаилу отводилась роль главы марионеточного правительства, которое фашисты сформируют после нападения на Советский Союз. Еврей Каганович, возглавляющий профашистское правительство, – эта идея была настолько абсурдна, что наверняка исходила от какого-нибудь дурака из НКВД. Впрочем, она могла быть и шуткой, придуманной Сталиным

и Берией. Оба обладали именно таким извращенным чувством юмора. Сталин и Берия, конечно, помнили ярость Серго Орджоникидзе, когда арестовали его брата. Наверняка они не забыли, что Серго и Железный Лазарь были очень близкими друзьями.

– Это ложь, – якобы ответил Лазарь Каганович, прочитав показания Ванникова и других арестованных. – Я знаю брата. Он большевик с тысяча девятьсот пятого года и предан Центральному комитету.

– Как это может быть ложью? – удивился Сталин. – Ты же сам читал показания.

– Я уверен, что это ложь. Я требую очной ставки.

Пройдет несколько десятилетий, и Железный Лазарь будет утверждать, что не предавал брата. «Если бы мой брат был врагом народа, я бы сам выступил против него, – говорил он. – Я был уверен, что он чист. Я защищал его! Защищал…»

Сталин приказал Анастасу Микояну и зловещему дуэту Берия – Маленков устроить Михаилу Кагановичу очную встречу с его главным обвинителем, Ванниковым. Железного Лазаря на нее не позвали.

– Зачем лишний раз тревожить Лазаря? – лицемерно сказал вождь. – Не стоит его приглашать.

Микоян провел очную ставку в своем кабинете в том же самом здании, где находился Маленький уголок. Михаил Каганович яростно защищался от обвинений своего бывшего заместителя.

– Ты в своем уме? – гневно поинтересовался он у Бориса Ванникова.

Для него это предательство было страшным ударом, потому что Ванников во время Большого террора ночевал у него дома, опасаясь ареста.

– Вы были участником заговора вместе со мной, – невозмутимо ответил Ванников.

Берия и Маленков велели Михаилу подождать в коридоре. Они сказали, что хотят задать Ванникову еще несколько вопросов. Каганович зашел в личный туалет Микояна. Наличие собственного туалета у большевиков являлось признаком принадлежности к верхушке власти. Через несколько минут раздался выстрел. Микоян, Берия и Маленков вбежали в туалет и увидели на полу Михаила Кагановича. Он был мертв. Убив себя перед арестом, он спас свою семью.

Для Железного Лазаря смерть брата последствий не имела. Он с честью прошел испытание.

* * *

Пока соратники Сталина ездили из своих кабинетов в Кремле в пыточные камеры на Лубянке и обратно, немцы тайно накапливали силы вдоль границ с Советским Союзом. Сталин вместо того, чтобы принимать меры к обороне, направлял энергию на восстановление влияния России на Балканах. Но и здесь у него поначалу не очень получалось. К марту 1941 года Гитлеру удалось переманить в свой лагерь Болгарию, Румынию и Югославию. 26 марта прогерманское правительство Югославии было свергнуто. Вполне возможно, что восставшим помогали НКВД и спецслужбы Великобритании. Конечно, фюрер не мог оставлять без внимания такой серьезный нарыв у себя на фланге. Германия начала готовиться к вторжению в Югославию. Эта война отсрочила начало операции «Барбаросса» на месяц.

4 апреля Сталин начал переговоры с новым югославским правительством. Он очень надеялся, что потеря Югославии заставит Гитлера или вернуться за стол переговоров с Москвой или хотя бы отложить вторжение до 1942 года. Иосиф Виссарионович подписал договор с Югославией в то самое время, когда самолеты Германии начали бомбить Белград. «Пусть бомбят, – спокойно отреагировал генсек. – У нас крепкие нервы».

Операция в Югославии оказалась самым успешным блицкригом немецкого фюрера. Через десять дней Белград выбросил белый флаг. События развивались все быстрее. Вождь постепенно терял многие иллюзии, но поспеть за победоносным вермахтом не мог.

В день капитуляции югославов, возвращаясь из Берлина, в Москву заехал Ёсукэ Мацуока, министр иностранных дел Японии. Видя, с какой скоростью немцы громят югославскую армию, Сталин понял, что ему нужно опять договариваться с Гитлером. Он также понимал, что в преддверии большой войны на западных границах крайне важно сохранить спокойствие на Дальнем Востоке. Победа Жукова на Халхин-Голе показала Токио силу Красной армии и убедила изменить направление экспансии. Сейчас Япония была заинтересована в юге Азии, где находились самые жирные и лакомые куски Британской империи. 14 апреля 1941 года Мацуока подписал пакт о ненападении с Советским Союзом. Сталин и Молотов были очень довольны, словно этот договор спасал Россию. Показав на японского министра, Иосиф Виссарионович радостно сказал, что редко удается найти дипломата, который в открытую говорит то, что думает. Хорошо известны слова Талейрана, обращенные

Наполеону: «Язык дан дипломатам для того, чтобы скрывать свои мысли». «Мы, большевики, придерживаемся иных взглядов», – заявил вождь.

Подписание договора было отмечено пышным банкетом. Шампанское, вина и водка текли рекой. Все были навеселе, но самым пьяным оказался Мацуока. «Мы со Сталиным не дали ему пропустить ни одного тоста», – хвалился позже Вячеслав Молотов.

К шести часам утра, когда у Мацуоки отходил поезд, его пришлось буквально нести на руках. «Мы сами с трудом могли встать», – вспоминал советский премьер. На вокзале Сталин, Молотов и Мацуока решили спеть русскую песню «Шумел камыш, деревья гнулись». Собравшиеся на Ярославском вокзале иностранные дипломаты были крайне изумлены при виде пьяного Сталина в расстегнутой шинели и коричневой фуражке, Мацуоки и Молотова, который отдавал честь и кричал: «Я – пионер! Я всегда готов!» Послу Болгарии, однако, показалось, что самым трезвым из этой троицы был как раз Молотов. Сталин, никогда раньше никого не провожавший, обнимал шатающегося японца. Поскольку они не понимали друг друга, то выражали дружбу крепкими объятиями и громкими возгласами: «Ах! Ах!..»

Иосиф Виссарионович был очень возбужден. Он ударил маленького японского посла по плечу с такой силой, что тот отлетел на три или четыре шага. Мацуока зашелся в пьяном смехе. Затем Сталин заметил высокого немца, военного атташе посольства, полковника Ганса Кребса. Он бросил японца, подошел к Кребсу, постучал пальцем по груди и спросил:

– Немец?

Полковник щелкнул каблуками и вытянулся по стойке смирно. Он горой возвышался над низеньким Сталиным. Советский руководитель ударил его по спине, шутливо вывернул руку и громко сказал:

– Мы с вами были друзьями и ими останемся!

– Я в этом уверен! – ответил Кребс, хотя шведскому послу показалось иначе.

Сталин вернулся к японцу. Он обнял Мацуоку со словами:

– Мы заново создадим Европу и Азию!

Генсек взял маленького министра под руку и отвел в вагон. Вождь стоял на перроне до тех пор, пока поезд не тронулся в долгий путь. Затем японские дипломаты сопровождали Сталина к его бронированному «паккарду». Посол Японии стоял на скамье, махал платком и кричал скрипучим голосом:

– Спасибо, спасибо!

* * *

На этом праздник для Сталина и Молотова не закончился. Садясь в машину, Сталин приказал Николаю Власику позвонить на дачу в Зубалово, Светлане, которой тогда было уже пятнадцать лет, чтобы она собрала семью для завтрака.

– Скоро приедет Сталин, – предупредил генерал Власик.

Светлана рассказала о скором возвращении отца тетке Анне Реденс, которая гостила на даче со своими детьми, и Гуле Джугашвили, трехлетней дочери Якова.

Анна Реденс не виделась со Сталиным после ссоры по поводу ареста ее мужа. Конечно, ни о каких встречах не могло быть и речи, особенно после расстрела Станислава. Все, кто был в Зубалове, собрались на ступеньках. Через несколько минут приехал подвыпивший и непривычно веселый Сталин. Открыв дверцу машины, он позвал двенадцатилетнего Леонида Реденса:

– Садись, давай прокатимся!

Водитель провез их вокруг цветочной клумбы. Затем вождь вышел из машины и обнял настороженную Анну Реденс, которая держала шестилетнего сына Владимира. Сталин громко похвалил своего племянника. Тот действительно был хорошеньким, как маленький ангел.

– Давай помиримся ради такого чудесного сына, – предложил генсек. – Я тебя прощаю.

Кто-то вынес маленькую Гулю, первую внучку Сталина. Все начали громко восхищаться. Девочка испугалась, замахала руками и расплакалась. Ее быстро вернули в комнату.

Сталин сел за стол. Быстро принесли чай, торты, конфеты, шоколад. Иосиф Виссарионович посадил к себе на колено Владимира и начал открывать шоколадку. Маленький мальчик обратил внимание на «его прекрасные длинные пальцы».

После чая Сталин, не спавший всю ночь, отправился наверх вздремнуть. В обед на дачу приехали Молотов, Берия и Микоян. У вождя было прекрасное настроение. Сначала он бросал всем на тарелки кожуру от апельсинов, потом кинул пробку прямо в бокал с шампанским, чем вызвал веселый смех Владимира Аллилуева.

В тот день семья еще не могла знать, что скорое вторжение Гитлера, усталость и паранойя Сталина сделают этот день концом старой эры.

* * *

Небо все сильнее затягивали свинцовые тучи. Но Сталин убедил себя в том, что напряженная ситуация с Берлином вот-вот разрешится дипломатическим путем. Британский посол Стаффорд Криппс доставил в Кремль письмо от Уинстона Черчилля. В нем содержалось предупреждение о скором нападении Гитлера. Сталин решил, что Великобритания пытается заманить Россию в ловушку.

– Нам угрожают немцами, а немцам – нами, – сказал он Жукову. – Они стравливают нас друг с другом.

Вождь искренне верил, что войну можно оттянуть до 1942 года. Как всегда, Сталин пытался найти решение проблемы в книгах. Он очень внимательно изучал франко-прусскую войну 1870 года. Они с Ждановым постоянно цитировали мудрые изречения канцлера Бисмарка, говорившего, что Германия никогда не должна вести войну на два фронта. Британия оставалась непобежденной, потому что немцы не нападали на нее. «Гитлер не такой дурак, – говорил Сталин, – чтобы не понимать разницу между СССР и Польшей, Францией или даже Англией. Или даже всеми ими, взятыми вместе».

Жизнь вождя представляла собой непрерывную вереницу побед воли над реальностью. Он продолжал верить в то, что Адольф Гитлер, отчаянный азартный игрок, был рациональным политиком и придерживался бисмарковской теории великих держав. После войны Сталин как-то разговорился с небольшой группой своих сотрудников. Среди них находился и Деканозов, посол СССР в Германии в 1941 году. Размышляя вслух о бурном времени, в котором им довелось жить, и пытаясь объяснить свое поведение накануне войны, Иосиф Виссарионович сказал:

– Когда нужно принять какое-нибудь решение, **никогда** не ставьте себя на место другого человека, потому что вы можете сделать страшную ошибку.

Укрепление и перевооружение армии проходило ужасно медленно. Жданов и Кулик предложили убрать из укрепленных районов устаревшее вооружение и заменить его новым, разработка которого еще не была закончена. Георгий Жуков возражал. Он говорил, что на это нет времени. Сталин вновь поддержал старых друзей. Когда началась война, строительство укреплений не было закончено.

20 апреля писатель Илья Эренбург, еврей по национальности, которым восхищался Сталин, узнал, что цензоры забраковали его антигерманскую повесть «Падение Парижа». Они выполняли указание Сталина не провоцировать немцев и не злить Гитлера. Еще через четыре дня позвонил Александр Поскребышев. «С вами

хочет поговорить товарищ Сталин», – сказал он и попросил набрать личный сталинский номер. Как только его соединили, начали громко лаять собаки Эренбурга, его жене пришлось вывести их из комнаты. Сталин сказал, что ему понравилась книга. Потом поинтересовался, не намеревался ли автор обвинить в ней фашизм. Эренбург ответил, что это трудно осуществить, поскольку ему не разрешают даже пользоваться словом «фашисты».

– Продолжайте писать, – весело разрешил Сталин. – Мы с вами попытаемся протолкнуть третью часть.

Сталин продолжал любить литературу. Ему нравились хорошие книги, но он постоянно спрашивал себя: а что подумают в Берлине? Беспокоился Иосиф Виссарионович, надо сказать, напрасно. Гитлер был выше литературных нюансов и тонкостей.

Приближение войны ощущалось даже в ближайшем окружении Сталина. Запах пороха был настолько сильным, что Жданов даже предложил отменить первомайский парад. «А вдруг немцы отнесутся к нему как к провокации?» – с тревогой спрашивал он. Сталин парад не отменил, но специально поставил рядом с собой на мавзолее Деканозова, посла в Германии. Он старался показать, что между Москвой и Берлином по-прежнему теплые отношения.

4 мая вождь послал еще один сигнал Гитлеру о готовности к переговорам. Он снял Вячеслава Молотова с поста председателя Совнаркома и сам занял его место. Своим заместителем во внутреннем политбюро Сталин назначил протеже Жданова, опытного экономиста Николая Вознесенского. Это был смелый шаг, потому что Вознесенскому тогда исполнилось всего тридцать восемь лет. Он так стремительно взлетел на вершину большевистского Олимпа, что нажил себе немало врагов. Среди наиболее обиженных был Анастас Микоян. Он считал Вознесенского толковым и образованным экономистом, но не практиком, а теоретиком. Этот красивый, несомненно умный, но очень высокомерный ленинградец наивно радовался своему новому назначению. Берия и Маленков с самого начала невзлюбили технократа Вознесенского.

– Сталин продвигает учителя, чтобы преподать нам урок, – прошептал Маленков Берии.

Иосиф Виссарионович возглавил правительство и руководил страной, как это делал Ленин, через заместителей. Свою внутреннюю политику он строил на соперничестве между Берией и Маленковым, с одной стороны, и Ждановым с Вознесенским – с другой. Выход на мировую арену заставил Сталина заняться своей одеждой. Он сбросил мешковатые брюки и кавказские

сапожки, стал носить хорошо отглаженные брюки, которые, к счастью, не заправлял в зашнурованные клеенчатые ботинки на шерстяной подкладке.

Наконец Сталин начал готовить своих военных к возможности войны. 5 мая он принял только одного посетителя, Андрея Жданова, который был вторым лицом в партийной иерархии, да и то разговаривал с ним всего двадцать пять минут. В шесть вечера они отправились из Маленького уголка в Большой Кремлевский дворец. Там их ждали две тысячи офицеров. Вождь вошел в зал в сопровождении Жданова, Тимошенко и Жукова.

Сталин высоко отозвался о темпах механизации Красной армии. Разгром Франции он шутливо списал на разочарование в любви: самодовольство вскружило французам головы, и они с таким пренебрежением начали относиться к своим военным, что девушки считали ниже своего достоинства выходить замуж за солдат и офицеров. Была ли немецкая армия непобедимой? – спросил он и сам же себе ответил: нет, не была. Непобедимых армий нет, но война приближается.

– Если Молотов сумеет отсрочить начало войны на два-три месяца, – сказал Сталин, – нам очень повезет.

После торжественной части состоялся большой банкет.

– Да здравствует динамичная наступательная политика Советского государства! – произнес тост вождь. – Тот же, кто этого не признает, – сурово добавил он, – враг или просто дурак.

Военные встретили эти слова с облегчением. Казалось, Сталин здраво глядел на положение дел… Но готов ли был Советский Союз к войне?

Партийные руководители пытались создать какой-то симбиоз из сталинской уверенности в своей непогрешимости и реальности, которая говорила о скором начале войны. Многие понимали всю абсурдность требования того, чтобы армия вела наступательную войну. Одновременно с этим советская пропаганда утверждала, что никаких изменений в политике государства не произошло.

– Нам нужна новая пропаганда, – заявил Андрей Жданов на Высшем Военном совете. – Между войной и миром только один шаг. Поэтому наша пропаганда не может быть мирной.

– Но мы сами сделали такую пропаганду! – возмутился Буденный. Ему пришлось долго объяснять, чем вызвана необходимость перемен.

– Мы только меняем лозунги, – утверждал Жданов.

– Что нам завтра идти в бой! – усмехнулся трусливый Маленков.

Надо отметить, что происходил этот разговор за восемнадцать дней до вторжения немецких войск.

7 мая Шуленбург, тайный противник Гитлера в вопросе войны с Советским Союзом, завтракал с российским послом в Берлине Деканозовым. Немец попытался предупредить русского коллегу об опасности, но сделал это, конечно, очень туманно и завуалированно. Они встретились трижды. «Шуленбург не предупреждал открыто, – говорил позже Молотов, – он только намекал и подталкивал нас к дипломатическим переговорам».

Деканозов рассказал о завтраке Сталину, который с каждым днем становился все более раздражительным.

– Значит, дезинформация достигла уже уровня послов, – проворчал он.

Деканозов не согласился.

– Как вы позволяете себе спорить с товарищем Сталиным? – возмутился Клим Ворошилов во время перерыва. – Он знает больше и видит дальше нас всех, вместе взятых!

10 мая Сталину донесли о донкихотовском мирном полете заместителя Гитлера, Гесса, в Шотландию. Все соратники вождя, по воспоминаниям Хрущева, бывшего в тот день в Маленьком уголке, были, естественно, убеждены, что миссия Гесса направлена против Москвы. В конце концов Сталин согласился начать подготовку к войне, но решил делать это так робко, медленно и незаметно, что результаты от нее были самые минимальные. 12 мая генсек разрешил генералам укрепить западные границы и призвать 500 тысяч резервистов, однако при этом очень боялся обидеть немцев. Когда Тимошенко доложил о разведывательных полетах немецких самолетов, Сталин задумчиво произнес:

– Не уверен, что Гитлер знает об этих полетах.

Воинственный запал генсека закончился ровно через две недели. 24 мая он отказался предпринимать дальнейшие оборонительные меры.

И вновь советскую власть охватил паралич. Сталин, конечно, никогда и ни перед кем не извинялся за свои просчеты, но косвенно все же признал ошибки, когда поблагодарил русский народ за его терпение в годы войны. Так же, как он делал это всю жизнь, вождь переложил большую часть своих промахов на других.

С каждым днем на стол Сталина ложилось все больше разведывательных донесений. Если раньше предупреждения носили как бы отвлеченный характер, то теперь даже слепому было ясно, что на западных границах должно произойти что-то ужасное. Меркулов ежедневно докладывал о тревожных сведениях

Сталину, но тот хмуро отмахивался от лавины предупреждений из разных источников. 9 июня, когда Тимошенко и Жуков заговорили о множестве данных, свидетельствующих о скором нападении, Сталин бросил в них принесенные ими же бумаги и прокричал:

– А у меня другая информация!

Он язвительно высмеивал Рихарда Зорге, советского разведчика в Токио, который при помощи амурных приключений и сибаритского образа жизни собирал очень важную информацию.

– Это тот мерзавец, который описывал фабрики и бордели в Японии и заявил, что ему якобы известно: немцы нападут на нас двадцать второго июня? – презрительно сказал генсек. – И вы предлагаете, чтобы я и ему верил?

Последний отсчет. 22 июня 1941-го

13 июня подавленные Тимошенко и Жуков в очередной раз доложили Сталину, что немцы продолжают готовиться к нападению.

– Мы подумаем над этим! – сердито ответил Сталин.

Он уже накричал на Георгия Жукова, когда тот предложил провести мобилизацию.

– Это означает войну, – возмутился вождь. – Вы с Тимошенко хоть понимаете это или нет?

Генсек поинтересовался, сколько советских дивизий находится в районе границы. Жуков доложил: 149.

– Неужели этого не достаточно, чтобы отбить нападение? – удивился Сталин. – У немцев на границе сил меньше.

– Но немцы готовы к войне, в отличие от нас, – возразил упрямый генерал.

– Нельзя верить всему, что доносят разведчики, – отмахнулся Сталин.

Через три дня, 16 июня, Меркулов сообщил, что агент по кличке Старшина, работающий в штабе Люфтваффе, подтвердил приказ об атаке. «Передайте источнику в Генштабе немецких авиасил, пусть переспит со своей матерью! – написал на донесении наркома Госбезопасности Сталин. – Это не источник информации, а дезинформатор. И. Ст.»

Для того чтобы убедить себя в том, будто опасности нет, приходилось прикладывать много сил даже такому преданному соратнику Сталина, как Вячеслав Молотов.

– Немцы будут большими дураками, если нападут на нас, – сказал он адмиралу Кузнецову.

Еще через три дня состоялось трехчасовое совещание, описанное Тимошенко. Они с Жуковым умоляли Сталина объявить состояние боевой тревоги. Вождь вздрогнул и выбил из трубки табак, постучав ее о стол. Участники совещания или соглашались с маниакальным заблуждением Сталина, или мрачно думали, что ничего не могут изменить. Молчание было их единственным способом возражения.

Выбив трубку, Сталин неожиданно вскочил и закричал на генерала Жукова:

– Вы пришли пугать нас войной? Вы хотите эту войну, потому что у вас мало наград, или вас не устраивает ваше звание?

Жуков сильно побледнел и сел. Тогда встал Тимошенко. Он поддержал начальника Генштаба. Его слова вызвали новую вспышку гнева.

– Это все дело рук Тимошенко, – возмущался Сталин. – Это он всех готовит к войне. Если бы я не знал его как хорошего солдата еще по Гражданской войне, то давно бы приказал расстрелять.

Тимошенко ответил, что он только цитирует слова Сталина о том, что война неминуема.

– Видите, – обратился Сталин к членам политбюро, – Тимошенко отличный человек. У него большая голова, вот только в ней мало мозгов. – Он нравоучительно поднял большой палец. – Я говорил это для того, чтобы повысить бдительность и боевую готовность наших солдат и офицеров, а вы должны понимать, что Германия никогда не будет воевать с Россией по собственной воле. Вы должны понимать это! – С этими словами Иосиф Виссарионович выбежал из кабинета, оставив после себя гробовую тишину. Через несколько секунд он открыл дверь, просунул в комнату рябое лицо и громко проговорил: – Если вы намерены спровоцировать немцев на границе передвижениями войск без нашего разрешения, то, запомните мои слова, покатятся головы! – И он громко захлопнул дверь.

Сталин вызвал в Москву Никиту Хрущева, который должен был следить за украинской границей, и не отпускал его назад. «Сталин приказал мне повременить с возвращением, – рассказывал Хрущев. – „Подожди, – сказал он, – не торопись ты так. Зачем тебе нестись обратно сломя голову?“»

Хрущев занимал особое место среди сталинских фаворитов. Возможно, всесокрушающий оптимизм, льстивая преданность и хитрость украинского руководителя делали его самым незаменимым товарищем в этот напряженный момент. Сталин находился в смятении и замешательстве. Он был деморализован и, если верить Хрущеву, даже пребывал в состоянии легкого паралича. Вождь пытался успокоить свою совесть бессонными ночами и беспробудными пьянками в Кунцеве. «В воздухе пахло грозой, – говорил Хрущев. – Причем очень сильно!»

В пятницу, 20 июня, Хрущев наконец не выдержал и сказал:

– Я должен возвращаться, Иосиф Виссарионович. Скоро начнется война. Она может застать меня в Москве или на обратном пути на Украину.

– Верно, – неожиданно согласился Сталин. – Поезжай домой.

19 июня Андрей Жданов, правивший страной вместе со Сталиным и Молотовым, отправился на юг в полуторамесячный отпуск. Астма и дружба со Сталиным, которая мало чем отличалась от стальных объятий удава, отняли у него все силы.

– У меня плохое предчувствие, – с тяжелым вздохом

признался он вождю. – Вдруг немцы нападут во время моего отсутствия.

– Немцы уже упустили самый благоприятный для нападения момент, – успокоил его Сталин. – Скорее всего, они атакуют в 1942 году. Не переживай, поезжай в отпуск.

Микоян считал Жданова наивным, но Молотов пожимал плечами и говорил:

– Больному человеку следует больше отдыхать.

«Итак, мы отправились в отпуск, – вспоминал его сын Юрий Жданов. – В Сочи мы приехали в субботу, 21 июня».

20 июня только что вернувшийся в Берлин Деканозов решительно предупредил Берию о том, что нападение немцев неминуемо. Лаврентий Павлович пригрозил своему протеже неприятностями, если он будет продолжать говорить о войне, а Сталин сердито пробормотал, что медлительный картлиец недостаточно умен, чтобы разобраться во всех хитросплетениях мировой политики и дипломатии. Лаврентий Берия отправил «дезинформацию» Сталину со своей запиской. Она была написана, как всегда, льстивым, но на этот раз слегка ироничным языком: «Наш народ и я, Иосиф Виссарионович, твердо помним ваше мудрое предсказание: Гитлер не нападет в 1941 году!»

Примерно в 19.30 Анастасу Микояну, заместителю премьера, отвечавшему за торговый флот, позвонил директор Рижского порта. Двадцать пять грузовых кораблей с немецким флагом неожиданно подняли якоря и вышли из гавани, хотя многие из них еще не разгрузились. Микоян тут же примчался в приемную Сталина, где уже собрались несколько членов политбюро.

– Провокация! – рассердился вождь. – Пусть уходят.

Партийные руководители были сильно встревожены, но, конечно, промолчали.

Вячеслав Молотов был обеспокоен не меньше других.

– Ситуация неясна и крайне запутанна, – признался он болгарскому коммунисту Георгию Димитрову 21 июня. – Мы участвуем в „Большой игре“. К сожалению, сейчас не все зависит от нас.

Генерал Голиков прислал Сталину новые донесения разведки. «Эта ваша информация – английская провокация. Найдите автора и накажите!» – написал на них Сталин.

Масла в огонь добавил звонок пожарных. Они сообщили, что в немецком посольстве жгут документы. Британское правительство и даже Мао Цзэдун (один из самых, пожалуй, удивительных источников информации по линии Коминтерна) забрасывали Москву предупреждениями о скором нападении.

Сталин позвонил Хрущеву и предупредил, что война может начаться на следующий день. Потом он вызвал Тюленева, командующего Московским военным округом, и спросил:

– Как обстоят дела с противовоздушной обороной Москвы? Учтите, ситуация напряженная. Приведите противовоздушные войска Москвы в состояние боевой готовности на семьдесят пять процентов.

Суббота 21 июня выдалась в Москве теплой и облачной. В школах уже начались каникулы. Футболисты московского «Динамо» проиграли матч первенства страны. В столичных театрах показывали «Риголетто», «Травиату» и «Трех сестер».

Сталин и политбюро заседали весь день. Они то собирались в Маленьком уголке, то расходились, чтобы через час-другой встретиться вновь. Ранним вечером Иосиф Виссарионович был сильно обеспокоен все более угрожающими донесениями, которые не могли рассеять даже угрозы репрессий. Примерно в половине седьмого к нему опять пришел Вячеслав Молотов.

За стеной Маленького уголка, в приемной у открытого окна, сидел Александр Поскребышев и маленькими глотками пил нарзан. Он позвонил Чадаеву, молодому сотруднику Совнаркома.

– Что-нибудь важное? – шепотом осведомился тот.

– Думаю, да, – ответил Поскребышев. – Хозяин разговаривал с Тимошенко. Он очень взволнован… Все ждут… ну сам понимаешь… нападения немцев.

Около семи Сталин приказал Молотову вызвать в Кремль Шуленбурга, заявить протест против разведывательных полетов немецких самолетов и попытаться как можно больше узнать о намерениях фашистов. Немецкий граф примчался в Кремль. Молотов торопливо вернулся в свой кабинет, который располагался в том же здании. Тем временем позвонил Тимошенко. Маршал доложил, что, по словам немецкого дезертира, атака начнется на рассвете. Сталин метался между горькой реальностью и ошибочной верой в непогрешимость своей интуиции.

В кабинете Молотова Шуленбург убедился, что нарком все еще не понимает, в каком страшном положении находится его страна. Молотов поинтересовался, почему Германия недовольна русским союзником? И почему женщины и дети из немецкого посольства покидают Москву?

– Не **все** женщины, – ответил граф Шуленбург. – Моя жена все еще в городе.

Вячеслав Молотов пожал плечами с какой-то обреченностью, как показалось Хильгеру, помощнику немецкого посла, и отпустил Шуленбурга. После ухода немцев он поспешил

в кабинет Сталина.

К тому времени там уже собрались Тимошенко и большинство членов политбюро: Ворошилов, Берия, Маленков и влиятельный молодой заместитель премьера Вознесенский. В 20.15 Тимошенко вернулся в комиссариат обороны. Вскоре он позвонил оттуда и сообщил, что второй дезертир назвал время начала атаки. Война должна начаться в четыре часа утра. Сталин вызвал маршала в Кремль. Тимошенко приехал в 20.50. С ним были Жуков и Буденный, заместитель наркома обороны, который знал Сталина значительно лучше остальных и меньше его боялся. Семен Михайлович сказал: он не знает, что происходит на границе, поскольку командует резервным фронтом. Буденный сыграл в Большом терроре неясную роль, но даже тогда он не боялся высказывать свое мнение. Подобная смелость встречалась в окружении вождя крайне редко.

Примерно в это же время к похоронному бдению присоединился Лев Мехлис. Мрачный демон вернулся на привычное место. Он вновь был главным политработником Красной армии.

– Ну что будем делать? – спросил Сталин, обращаясь не к кому-то конкретно, а ко всем присутствующим.

Члены политбюро сидели, как манекены, и испуганно молчали.

– Все войска в приграничных округах должны быть приведены в состояние полной боевой готовности, – наконец высказался Тимошенко.

– А может, они послали дезертира, чтобы спровоцировать нас? – сказал Сталин. Немного подумав, он приказал Жукову: – Зачитайте приказ.

Когда Георгий Жуков начал читать заготовленный заранее приказ о приведении войск в состояние боевой готовности, Сталин прервал его:

– Сейчас преждевременно выпускать такой приказ. Возможно, ситуацию еще можно решить мирными средствами.

Нужно избегать даже малейших провокаций – настаивал вождь за несколько часов до войны. Жуков в точности исполнил указания. Он знал, как легко попасть в лубянские застенки! Партийные руководители негромко заговорили. Они соглашались с военными, что на всякий случай войска следует привести в состояние боевой готовности. Сталин кивнул генералам. Военные быстро вышли в приемную к Поскребышеву и сели переписывать приказ. Когда они вернулись с новым вариантом, Сталин, помешанный на редактировании, сел за правку. После редактирования эффект от приказа стал минимальным. Генералы

срочно отправились в комиссариат обороны, чтобы передать распоряжения в военные округа. «22–23 июня немцы могут неожиданно атаковать нас… Задача наших войск – воздерживаться от каких бы то ни было действий, которые можно истолковать как провокацию». В войсках приступили к исполнению приказа только после полуночи в воскресенье, 22 июня 1941 года.

Иосиф Виссарионович сказал Буденному, что война, вероятно, начнется завтра. Маршал Буденный уехал в десять, Тимошенко, Жуков и Мехлис – чуть позже. Сталин продолжал ходить по кабинету. Берия ушел, якобы чтобы проверить последние донесения разведки. Он вернулся в 22.40. В одиннадцать вечера все поднялись в сталинскую квартиру и собрались в столовой. «Сталин продолжал уверять нас, что Гитлер не начнет войну», – вспоминал Анастас Микоян. «Думаю, Гитлер хочет нас спровоцировать, – заявил генсек, если верить Микояну. – Не могу поверить, что он решил воевать с нами».

В 0.30 позвонил Георгий Жуков. Третий дезертир, рабочий-коммунист из Берлина Альфред Лисков, переплыл Прут и явился в расположение советских войск. Он сообщил: в его части только что зачитали приказ о наступлении. Сталин спросил, передали ли приказ о приведении войск в состояние боевой готовности, потом велел расстрелять Лискова за дезинформацию.

Даже в ту страшную ночь ничто не могло убедить Сталина отказаться от жестокости и нарушить давно заведенный распорядок жизни. Из Боровицких ворот на Красную площадь выехала вереница лимузинов. Члены политбюро во главе с вождем отправились развлекаться в Кунцево. Они мчались по пустым улицам столицы в сопровождении машин охраны.

Военные в это время с волнением следили за положением на западных границах под бдительным присмотром Мехлиса у себя в наркомате.

После отъезда Сталина из Кремля несколько сотен москвичей облегченно вздохнули. Уставшие комиссары, охранники, секретари и машинистки и многие другие каждую субботнюю ночь не имели права покидать рабочих мест до тех пор, пока Сталин не оставит Кремль. Сейчас, когда новость об отъезде Сталина в Кунцево разлетелась по всей Москве, они могли вернуться домой и лечь спать.

Прежде чем удалиться на дачу, Вячеслав Молотов заехал в комиссариат иностранных дел, чтобы отправить последнюю телеграмму Деканозову. Советский посол уже пытался встретиться с Риббентропом. Он хотел задать рейхсминистру

вопросы, на которые не смог ответить граф Шуленберг. Послав телеграмму в Берлин, наркоминдел тоже подался в Кунцево.

Ужин с непременными вином, водкой и разговорами растянулся на час. Около двух часов ночи гости вернулись на свои кремлевские квартиры.

А в это время далеко от Москвы с аэродромов, расположенных вдоль всей советско-германской границы, в воздух поднимались бомбардировщики с крестами и брали курс на цели. Более чем трехмиллионная армия Гитлера, состоявшая из немцев, хорватов, финнов, румын, венгров, итальянцев и даже испанцев, при поддержке 3600 танков, 600 тысяч бронетранспортеров, 7 тысяч артиллерийских орудий, 2500 самолетов и примерно 625 тысяч лошадей вторглась в СССР. У Красной армии в районе границы были 14 тысяч танков (из них 2 тысячи современных), 34 тысячи артиллерийских орудий и более 8 тысяч самолетов. Началась самая великая и ожесточенная изо всех войн. Это была дуэль двух жестоких и безрассудных маньяков, помешанных на своем величии.

В то самое время, когда разворачивались эти события, дуэлянты, скорее всего, мирно спали.

Часть вторая
Война. Неуклюжий гений. 1941–1942

Оптимизм и срыв

Сталин уже отправился спать, когда генерал Жуков связался с Кунцевом.

– Кто звонит? – послышался в трубке сонный голос генерала НКВД.

– Начальник Генерального штаба Жуков. Пожалуйста, соедините меня с товарищем Сталиным. Это очень важно.

– Что, прямо сейчас? Товарищ Сталин спит.

– Немедленно разбудите его, – потребовал Жуков. – Немецкие самолеты бомбят наши города.

В трубке возникла тишина. Георгию Жукову показалось, что ждать ответа пришлось целую вечность. Он был далеко не единственным, кто пытался сообщить о вторжении Германии вождю, но военные боялись своего лидера не меньше, чем немцев.

В 4.17 по московскому времени черноморское командование позвонило Жукову в комиссариат обороны и доложило о том, что в небе появились десятки самолетов с крестами. В 4.30 с наркоматом соединились генералы Западного фронта. В 4.40 немцы атаковали Прибалтику. Примерно в это же время с адмиралом Кузнецовым связался комендант Севастополя. Под грохот взрывов он доложил, что город бомбят немецкие самолеты. Кузнецов тут же позвонил в Кремль, но столкнулся с бюрократической волокитой, которая характерна для большинства тираний. Одним из самых больших государственных секретов в Советском Союзе было место нахождения Иосифа Сталина. О Кунцеве знали только избранные. Поэтому дежурный офицер ответил:

– Товарища Сталина в Кремле нет, и я не знаю, где он.

– У меня сообщение чрезвычайной важности. Я должен немедленно доложить лично товарищу Сталину.

– Ничем не могу вам помочь, – невозмутимо ответил дежурный и положил трубку.

Не дозвонившись вождю, Кузнецов позвонил Тимошенко. Нарком, конечно, знал, что началась война. На него обрушился шквал звонков. Но он боялся сообщать Сталину. Тогда адмирал Кузнецов начал набирать все известные ему номера Сталина. Все напрасно. В конце концов он вновь позвонил в Кремль.

– Я требую, чтобы вы сообщили товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь, – решительно проговорил он. – Это война.

– Я доложу по инстанции.

Через несколько минут адмирал узнал, что «инстанцией» был

Маленков. Он позвонил и спросил своим характерным тихим голосом, в котором слышались нескрываемые нотки недовольства:

– Вы понимаете, что говорите?

Несмотря на то что немецкие бомбардировщики сбрасывали смертоносный груз на Киев, Севастополь, десятки других советских городов и их войска пересекли границу на всем многокилометровом протяжении, сталинские царедворцы все еще пытались не видеть реальности, хотели прогнать ее. Георгий Маленков положил трубку и позвонил в Севастополь, чтобы проверить сообщение адмирала.

Тимошенко провел ту ночь на работе, конечно, далеко не один. Вместе с военными бодрствовал Мехлис. Как и Маленков, он был уверен, что в ночь с субботы на воскресенье немецкого вторжения не будет.

В наркомат примчался с докладом командующий противовоздушной артиллерией Воронков. Маршал Тимошенко был так напуган, что протянул ему блокнот и попросил подать рапорт в письменной форме. Он решил подстраховаться. Если их арестуют за измену, то распространение паники можно будет попытаться свалить на Воронкова. Генерал сел за стол и начал быстро писать. Лев Мехлис подошел к нему и заглянул через плечо. Воронков писал то, что только что сказал – слово в слово. После того как рапорт был написан, Мехлис заставил его расписаться. Тимошенко приказал Воронкову не стрелять по немецким самолетам. Генерал понял: нарком не верит, что началась война.

Затем Тимошенко выслушал взволнованный доклад заместителя командующего Особым Западным военным округом Болдина о наступлении немцев. Нарком приказал и ему не отвечать на вражеский огонь.

– Что вы хотите этим сказать? – вскричал изумленный Болдин. – Наши войска отступают. Горят советские города, гибнут люди…

– Иосиф Виссарионович считает, что это может быть не война, а крупная провокация нескольких немецких генералов, – попытался объяснить нарком.

Тимошенко уговаривал сообщить Сталину о нападении других.

– Немцы бомбят Севастополь, – взволнованно сказал он Буденному. – Что мне делать? Докладывать или не докладывать Сталину?

– Конечно, докладывать! Звони немедленно!

– Позвони лучше ты, – взмолился нарком. – Я боюсь.

– Нет уж, сам звони, – отрезал Семен Буденный. – Ты нарком обороны.

Тимошенко долго уговаривал Буденного и в конце концов упросил усатого маршала позвонить в Кунцево. То же самое, наверное для подстраховки, он приказал сделать и Георгию Жукову…

Генерал Жуков продолжал ждать у телефона, когда разбудят Сталина. Через три минуты вождь подошел к телефону. Жуков доложил о нападении и попросил разрешения контратаковать. Последовало долгое молчание. В трубке слышалось дыхание Сталина.

– Вы меня поняли, товарищ Станин? – переспросил Жуков, но в ответ вновь услышал тяжелое дыхание.

– Где нарком? – наконец спросил Сталин.

– Разговаривает с Киевским округом по ВЧ.

– Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов политбюро.

Микояну и другим членам политбюро уже позвонили.

– Это война! – сообщил прорвавшийся в Кунцево Буденный. Он добавил, что бомбят и Ригу.

Затем Сталин позвонил Александру Поскребышеву, который спал в кабинете.

– Немцы бомбят наши города.

Вождь помчался в город. Он запретил членам политбюро ночевать на дачах, поэтому они собрались раньше и уже ждали его в Кремле. Сталин поднялся на лифте на второй этаж и торопливо пошел по красной дорожке. Войдя в кабинет, он резко приказал Поскребышеву:

– Немедленно всех ко мне!

Георгий Жуков утверждал, что политбюро собралось в 4.30. Вячеслав Молотов считал, что раньше. Однако в сталинском журнале, который хранился в приемной Маленького уголка, сказано, что совещание началось только в 5.45. То есть более чем через час после начала полномасштабного немецкого наступления вдоль всей границы.

Молотов жил в том же здании, недалеко от квартиры Сталина, и поэтому пришел первым. Следом за ним появились Лаврентий Берия, Семен Тимошенко, Георгий Жуков и Лев Мехлис. Потом пришли остальные.

Интересно, каким увидели Иосифа Виссарионовича в то утро соратники и помощники. Микояну показалось, что он был подавлен. Жукову бросились в глаза бледность и явное удивление вождя. Генсек сидел за покрытым зеленым сукном столом и держал в руках незажженную трубку. Воронов считал: Сталин

упал духом и испуган. Но все сходились во мнении, что, по крайней мере, он находился в своем кабинете и, как всегда, держал все нити управления в собственных руках.

В тысячах километров от столицы, на фронтах, в это время царили полная неразбериха и паника. В Кремле обстановка была иной. Сотрудник Совнаркома Чадаев вспоминал, что Иосиф Виссарионович говорил очень медленно, тщательно подбирал слова. Порой его голос начинал немного дрожать. Однако и в эти минуты, как ни поразительно, он не отказался от мысли, что война может быть провокацией немецких генералов. Он был убежден: в высшем командовании вермахта у Гитлера наверняка есть свой «Тухачевский».

– Гитлер просто ни о чем не знает, – уверенно заявил вождь.

Сталин решил не отдавать приказ об отражении нападения до тех пор, пока не прибудут новости из Берлина.

– Этот негодяй Риббентроп провел нас, – несколько раз повторил он Микояну.

Адольфа Гитлера вождь по-прежнему ни в чем не обвинял. Сталин приказал Молотову:

– Мы должны немедленно связаться с немецким посольством.

Вячеслав Молотов позвонил в посольство из кабинета Сталина. Оказалось, граф Шуленбург уже звонил в кабинет Молотова, чтобы попросить немедленно его принять. «Я бросился из сталинского кабинета наверх к себе», – рассказывал наркоминдел. Чтобы добраться от Маленького уголка до своего кабинета, ему понадобилось около трех минут.

Шуленбург приехал с Хильгером. Он вошел в знакомый кабинет, второй раз за ночь и в последний раз в своей карьере. Кремль уже освещали первые лучи летнего солнца. В воздухе повис аромат акаций и роз в Александровском саду.

Шуленбург зачитал телеграмму, которая пришла в три часа ночи по берлинскому времени. Концентрация советских войск на границе вынудила Третий рейх принять соответствующие контрмеры. Когда он закончил, лицо Молотова исказилось от недоверия и гнева. Наконец он произнес, сильно заикаясь:

– Это что, объявление войны?

Шуленбург был так взволнован, что не мог говорить. Он лишь печально пожал плечами. Наконец гнев наркоминдела поборол шок.

– Послание, которое вы мне только что передали, может означать только объявление войны! – почти прокричал Вячеслав Молотов. – Немецкие войска пересекли нашу границу. Немецкие бомбардировщики уже полтора часа бомбят такие советские города, как Одесса, Киев и Минск…

Нападение немецких войск Молотов назвал неслыханным в истории злоупотреблением доверия и добавил, что Советский Союз не сделал ничего, чтобы заслужить подобное отношение к себе. На этом разговор закончился. Граф фон дер Шуленбург, которого Гитлер казнит за участие в июльском заговоре 1944 года, пожал руку хозяину кабинета и ушел.

Сразу после этого Вячеслав Молотов побежал в кабинет Сталина.

– Германия объявила нам войну! – сообщил он.

Услышав эти слова, Сталин как-то обмяк и надолго погрузился в раздумья. «Молчание было долгим и зловещим, – вспоминает Чадаев. – На его рябом лице застыла сильная усталость». Жуков свидетельствует, что в эти минуты он единственный раз в жизни видел упавшего духом Сталина.

Наконец вождь пришел в себя.

– Враг будет разбит по всему фронту! – оптимистично заявил он и обратился к военным: – Что вы предлагаете?

Жуков предложил приказать приграничным округам сдерживать натиск немецких войск…

– Разбить и уничтожить, – прервал своего помощника нарком Тимошенко, – а не просто сдерживать!

– Напишите приказ, – кивнул Сталин, который, похоже, все еще находился под впечатлением своего ужасного заблуждения. – Границу не переходить.

Тимошенко, но не Сталин подписал несколько приказов, выпущенных в первое утро войны. Чадаев обратил внимание, что настроение в просторном кабинете постепенно поднималось. В первые часы войны, говорил он, все были полны оптимизма.

Несмотря ни на что, вождь продолжал упрямо цепляться за осколки своих разбитых иллюзий. Он сказал, что еще надеется решить конфликт дипломатическим путем. Услышав эти глупые слова, все промолчали. Только Молотов, товарищ вождя с 1912 года, один из немногих, кто осмеливался спорить с ним, возразил:

– Нет, это война, и тут ничего уже не сделать!

К середине дня масштабы немецкого наступления и упрямство Вячеслава Молотова поколебали уверенность Сталина в том, что мир с Гитлером еще можно спасти.

Красная армия была разгромлена. Самые сильные войска Сталин держал на юге. Немцы же сейчас стремились к Ленинграду и на Украину. Самая сильная гитлеровская группировка была нацелена на Москву. Группа армий «Центр» двумя клещами разорвала советский Западный фронт под командованием генерал-полковника Павлова.

Контрнаступление советских войск провалилось. Немецкие танковые дивизии устремились к Минску и Москве.

Сталин реагировал на поражения бурным потоком грозных приказов и директив. Их содержание свидетельствует, что он слабо представлял реальное положение дел на фронтах. Однако работа или, вернее, имитация кипучей деятельности продолжалась. Маленький уголок был похож на проходной двор. Там постоянно сновали Берия, Маленков, Микоян, Каганович и Ворошилов. К обеду все они, как минимум, дважды побывали в кабинете вождя. Рекордсменом стал Лаврентий Павлович Берия. Ему посчастливилось разговаривать со Сталиным трижды. Мехлис пришел одним из первых, Кулик показался чуть позже. Каганович получил приказ срочно готовить поезда, чтобы вывезти из прифронтовых районов заводы с фабриками и 20 миллионов человек. Ничто, подчеркивал Сталин, не должно достаться гитлеровцам. Микояну надлежало снабжать армию.

Сталин продолжал вникать в каждый вопрос, в каждую мелочь. Его интересовало все: от длины и формы штыков на винтовках красноармейцев до заголовков в «Правде». В первые дни войны он не утратил ни ревности к славе других, ни безошибочного инстинкта к самосохранению и по-прежнему писал передовицы в главную советскую газету. В течение первой недели боевых действий журналисты несколько раз упоминали имя генерала Конева. Сталин нашел время позвонить главному редактору и резко упрекнул его за ненужное прославление Конева. Тот же редактор попросил разрешения напечатать статью одного журналиста, которого Сталин безжалостно критиковал перед войной.

– Можете печатать, – ответил вождь. – Товарищ Авдеенко исправился.

В эти дни Иосиф Виссарионович как бы затаился. Его появления на первой странице «Правды» носили драматический характер. В это нелегко поверить, но в июне 1941 года в Советском Союзе не было верховного командования. В девять утра Сталин приказал создать первый вариант главного управляющего органа, Ставку. В проекте указа, естественно, говорилось, что Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами является товарищ Сталин. Вождь проявил несвойственную себе скромность. Он вычеркнул свою фамилию и заменил ее фамилией Тимошенко.

Все были согласны, что правительство должно объявить о начале войны. Анастас Микоян и другие члены политбюро советовали Сталину зачитать этот документ, но он отказался: «Пусть говорит Молотов». Формально генсек был прав. В конце

концов, пакт о ненападении с Риббентропом подписывал не Сталин, а Молотов. Свита не согласилась. Народ не поймет, почему в такую минуту молчит председатель Совнаркома. Сталин стоял на своем. Он пообещал выступить в другой раз. «Он не хотел говорить первым, – считал Молотов. – Ему была нужна ясная картина, а не тот туман, который стоял в первые дни войны… Он не мог действовать как автомат. В конце концов, он же был человеком».

Молотов, который до сих пор продолжал считать себя политическим журналистом, немедленно сел за работу. Сталин, как всегда, отредактировал текст. Он не утратил свой очень ценный дар – переводить сложные идеи и мысли в простые и трогающие сердца обычных людей фразы. Эта доступность была характерной для всех его речей военных лет. В полдень Вячеслав Михайлович отправился на Центральный телеграф. Ехать было недалеко. Телеграф находился на улице Горького рядом с Кремлем. Ему удалось побороть заикание. Свою знаменитую речь Молотов произнес ровным, твердым голосом. «Наше дело правое. Победа будет за нами, враг будет разбит», – закончил выступление наркоминдел Советского Союза.

После возвращения Молотова в Кремль Сталин поднялся к нему в кабинет с поздравлениями.

– Ты говорил немного взволнованно, – заметил он, – но в целом выступил очень хорошо.

Вячеслав Молотов любил, когда его хвалили. Он был намного тщеславнее, чем казался.

В этот момент зазвонила вертушка. Семен Тимошенко доложил, что на фронте царит паника. Генералы, особенно Павлов, командовавший жизненно важным Западным фронтом, который прикрывал Минск и дорогу на Москву, полностью потеряли связь со своими войсками. Сталин рассердился. Он гневно ответил наркому, что внезапность играет на войне очень большую роль. Нападающая сторона захватывает инициативу.

– Вы должны во что бы то ни стало предотвратить распространение паники! – кричал он. – Срочно соберите командующих, проясните ситуацию и доложите. Сколько времени вам для этого потребуется? Два часа, не больше…

Особенно вождя, конечно, тревожило положение дел на Западном фронте, который принял главный удар. Вместе с Молотовым, Матенковым и Берией, которые проводили в Маленьком уголке в военные годы особенно много времени, Сталин постепенно узнал об успехах немцев и разгроме советских войск. Такие известия кого угодно могли повергнуть в уныние

и смятение.

В течение первой недели войны Лаврентий Берия, которому помимо всего прочего подчинялись и особые отделы, имевшиеся в каждой воинской части и отвечавшие за разоблачение врагов и предателей, встречался со Сталиным пятнадцать раз, а Мехлис, политический руководитель Красной армии, буквально поселился в Маленьком уголке.

Сталин нашел действенный, по его мнению, ответ на поражения на фронтах. Как нетрудно догадаться, он обратился к репрессиям. Но Берия и Мехлис вместе с его друзьями времен Гражданской войны, типа Ворошилова и Кулика, были бессильны остановить отступление советских войск.

О том, в каком катастрофическом положении находилась Красная армия, красноречиво говорит хотя бы то, что только за первый день немцы, по данным Тимошенко, уничтожили почти тысячу самолетов. Они даже не успели подняться в воздух.

– Неужели немецкая авиация ухитрилась добраться до каждого нашего аэродрома? – патетически воскликнул Сталин.

– К несчастью, ухитрилась. – Нарком вздохнул.

Особенно сильную, хотя и бесполезную ярость вызвал у вождя полный разгром Западного фронта Павлова.

– Это чудовищное преступление! – заявил он. – Ответственные должны ответить головами.

Неожиданно Сталин решил отправить своих самых доверенных друзей на фронты, им следовало прояснить реальное положение дел. Когда соратники замешкались, он в гневе закричал:

– Немедленно!

Начальнику Генштаба Жукову предстояло проверить Юго-Западный фронт. Перед отъездом он спросил, кто будет заниматься делами в штабе в его отсутствие.

– Не беспокойтесь, как-нибудь сами справимся. – Сталин усмехнулся. – Поезжайте, не теряйте времени напрасно.

Маленков и Буденный, представлявшие собой очень странную парочку – казавшийся совсем бескровным аппаратчик и рубака-казак, – вылетели в Брянск. Григорий Кулик направился на Западный фронт.

Покинув Москву, инспекторы с головой погрузились в головокружительный вихрь военных событий. Несмотря на множество недоразумений, носивших порой трагикомический характер, никто из них не погиб. Все целыми и невредимыми добрались на места проверок.

Пока генералы и партийные руководители с приключениями двигались на фронт, Сталин продолжал работать в Москве.

Его распорядок дня был таким же непостоянным, как и поведение Красной армии.

Сталин и Берия оставались на ногах почти целые сутки в первый день войны. Маленький уголок они покинули в числе последних. Вождь и его главный чекист все еще верили, что контрнаступление позволит отбросить немцев и перенести боевые действия на вражескую территорию.

Но даже эти железные люди нуждались во сне. Неизвестно, сколько отдыхал в ту ночь Сталин, но уже в 3.20 утра 23 июня он встречался в своем кабинете с Молотовым, Мехлисом и Берией. Совещание продлилось до рассвета. 25 июня, когда стало ясно, что на всех фронтах надвигается катастрофа, Сталин всю ночь провел в Маленьком уголке. Он в ярости ходил по кабинету, слушая доклады. Его посланники один за другим исчезали в неразберихе, царившей на фронтах.

– Этот Кулик ни на что не годен, – сердито сказал он. – Ему нужно дать пинка под зад!

Только Георгию Жукову, отважному, мужественному и необычайно энергичному генералу, удалось добиться хоть каких-то результатов. Он сумел организовать контратаку на Юго-Западном фронте. «Немедленно арестовывайте всех паникеров, – читаем мы одно из его типичных распоряжений особым отделам в отношении отступающих офицеров. – Судите их на месте как предателей и трусов».

Военная карьера маршала Кулика, пьяного клоуна, представляла собой длинный перечень трагикомических ошибок. Сейчас бравый маршал вырядился в кожаную куртку, фуражку и очки летчика. На Западный фронт он прибыл вечером 23 июня. Пока он пытался разобраться с разгромом 10-й армии, его самого окружили и едва не взяли в плен. Бежать ему удалось при помощи хитрости. Он переоделся в странный, по меньшей мере для маршала, наряд. «Поведение маршала Кулика не выдерживает никакой критики, – сообщил полковой комиссар Мехлису. – Он приказал всем снять знаки отличия, выбросить документы и переодеться в крестьянскую одежду».

Крестьянская одежда подходила Григорию Кулику лучше остальных. Он сжег свой маршальский мундир и куртку летчика и предложил избавиться от всего оружия. «Мне лично он приказал выбросить документы и все мои награды, – докладывал комиссар. – Кулик ехал на запряженной лошадью телеге по дороге, только что захваченной немецкими танками».

Западный фронт развалился окончательно. Не отличавшийся и раньше крепким здоровьем маршал Шапошников слег от напряжения и неудач. Генштаб лишился еще одного опытного

офицера.

Действия Сталина сильно напоминали игру в прятки. Он отправлял одних своих соратников на поиски других. Розыск Кулика и Шапошникова вождь поручил Климу Ворошилову. 26 июня первый советский маршал прибыл на специальном поезде в Могилев. Ему не удалось найти ни Западного фронта, ни двух потерявшихся маршалов. Через какое-то время его адъютант увидел печальную картину. Штаб Западного фронта был больше похож на цыганский табор, чем на штаб крупного войскового соединения. Борис Шапошников лежал на земле под шинелью. Он был очень бледен. Адъютанту Ворошилова показалось, что он мертв. Командующий фронтом Павлов пристроился неподалеку под деревом. Он с аппетитом ел из котелка кашу и, казалось, не замечал проливного дождя. Когда Шапошников слегка пошевелился, адъютант облегченно вздохнул. Маршал, слава богу, был жив. Он отдал честь и представился. Борис Михайлович, моргая от боли, поблагодарил Бога, прислабшего Ворошилова, и начал бриться. Павлов доел кашу. Растерянно озираясь по сторонам, он пробормотал:

– Это конец!

Ворошилов вышел из поезда и обрушил на окружающих потоки брани и угроз. Он послал адъютанта искать Кулика. Потом два маршала ушли в поезд решать, что делать с бедным Павловым. Ворошилов приказал накрыть ужин. Повар принес ветчину, хлеб и чай. Этот скудный ужин, очевидно, не вызвал у красного маршала особого энтузиазма. Он пришел в ярость и приказал немедленно вызвать повара, товарища Франца. Франц вытянулся по стойке смирно. Клим Ворошилов грозно поинтересовался, как он осмеливается кормить такой едой двух маршалов.

– Зачем вы порезали ветчину? – бушевал он. – Разве так можно резать ветчину? В самом дешевом трактире ветчину режут лучше!

Расправившись с поваром, Ворошилов вызвал Павлова и принялся отчитывать его за поражения. Он напомнил Павлову, что тот однажды пожаловался на него Сталину. Командующий упал на колени. Он начал умолять о пощаде и целовать сапоги маршала. Вскоре Климент Ефремович Ворошилов вернулся в Москву.

На рассвете 4 июля Мехлис приказал арестовать Павлова. Его обвинили в измене.

«Прошу разрешить арест и начать расследование», – написал Лев Мехлис вождю. Тот одобрил арест командующего, считая это

одним из самых верных способов улучшить положение на фронте. Под пытками Павлов дал показания против генерала Мерецкова. Его тут же арестовали. Суд над бывшим командующим Западным фронтом еще не начался, а Александр Поскребышев уже принес Сталину черновик приговора. Бегло просмотрев текст и увидев, что он содержит стандартные обвинения в измене и прочих грехах, Сталин сказал секретарю:

– Приговор одобряю. Но передайте Ульриху, чтобы он выбросил эту чепуху насчет «заговорщицкой деятельности». С делом нужно покончить быстро. И никаких апелляций. Сразу после вынесения приговора немедленно разошлите его по всем фронтам. Все должны знать, что паникеры и распространители слухов будут безжалостно наказаны.

Анастас Микоян (и предположительно остальные члены политбюро) одобрили приговор Павлову. Через тридцать лет Микоян напишет в своих мемуарах: «Было очень жалко терять этого человека, но это была вынужденная и оправданная мера».

22 июля четыре высших офицера Западного фронта были расстреляны. На следующий день работа Мехлиса была парализована. Его завалили просьбами и доносами из полков, дивизий, армий и фронтов. Военные требовали расстрелять и других «предателей». Решив не тратить время на разбирательства, главный политрук Красной армии разрешил казнить изменников на местах.

Постепенно Сталин осознвал весь масштаб катастрофы, постигшей Красную армию. Москва не могла управлять фронтами, потому что командующие не имели связи с войсками. Немцы стремительно приближались к Минску. Большая часть авиации уничтожена. Тридцать дивизий разгромлены и рассеяны.

26 июля Сталин срочно отозвал Жукова с Юго-Западного фронта. Начальник Генштаба приехал в Кремль. В Маленьком уголке перед Сталиным стояли навытяжку Тимошенко и генерал Ватутин. У военных были красные от бессонницы глаза. Сталин был не в лучшем состоянии.

– Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке, – приказал вождь.

– Нам нужно сорок минут, чтобы разобраться, – ответил Жуков.

– Хорошо. Через сорок минут доложите.

* * *

Но даже в этой суматохе Иосиф Виссарионович не забывал

о собственной семье. 25 июля он встретился с Семеном Тимошенко. Положение на всех фронтах было чрезвычайно серьезным, почти критическим. Во время совещания нарком обороны набрался смелости и спросил, что делать с Яковом Джугашвили, который потребовал отправить его на фронт. Сын вождя от первого брака всегда разочаровывал отца, который плохо к нему относился. Подавив вспыхнувший гнев, Сталин ответил:

– Некоторые чиновники проявляют, мягко говоря, чересчур много ретивости и стараются изо всех сил угодить начальству. Вас я в их число не включаю. Но советую вам впредь никогда больше не задавать мне подобных вопросов.

Сталин через какое-то время попросил проверить, что с сыном. Выяснилось, что артиллеристы Яков Джугашвили и Артем Сергеев уехали на фронт. Василий устроил старшему брату прощальную вечеринку. Юлия проводила любимого Яшу на войну. В тот день она надела любимое красное платье. Позже она ругала себя за это. Юлия решила, что оно проклято.

Как-то ночью в первых числах июля Иосиф Виссарионович пригласил в Кунцево Женю Аллилуеву. Это было неожиданно, потому что после ее повторного замужества Сталин порвал с ней все связи. Женя приехала на дачу. Она была ошеломлена. Никогда еще Женя Аллилуева «не видела Иосифа таким подавленным». Он попросил ее увезти Светлану и детей на дачу в Сочи. Потом рассказал всю горькую правду о положении на фронтах. Аллилуева была потрясена. Советская пропаганда неустанно твердила, что героическая Красная армия вот-вот разгромит вторгшегося на территорию СССР агрессора.

– Война будет долгой, – мрачно проговорил Сталин. – Будут пролиты потоки крови… Пожалуйста, увези Светлану на юг.

Решительность и независимость делали Женю такой привлекательной. Но они одновременно вызывали и раздражение. Аллилуева отказалась, объяснив, что должна в такую минуту быть рядом со своим мужем. Сталин был «расстроен и рассердился». Это была их последняя встреча. Больше Женю Аллилуеву он никогда не видел.

Светлану, Александру Накашидзе, Галину, жену Василия, Гулю, дочь Якова, а также своих собственных сыновей на дачу в Сочи отвезла Анна Реденс. Они оставались там до тех пор, пока немцы не приблизились к Черному морю.

* * *

За первую неделю войны нацисты проникли в глубь советской территории на пятьсот километров. 28 июня они окружили 400 тысяч красноармейцев и взяли столицу Белоруссии, Минск. Сообщения об очередной неудаче пришли в Маленький уголок в самый разгар долгого совещания, проходившего с середины дня до 2.40 ночи. Сталин был вне себя от гнева и ярости. Поспав несколько часов, он отправился в комиссариат обороны, чтобы узнать подробности. В этой поездке его, по всей вероятности, сопровождали Молотов, Маленков и Буденный.

Падение Минска открывало немцам дорогу на Смоленск и Москву. Разгром был полным. Семен Тимошенко вновь потерял связь с армиями Западного фронта. Это известие еще больше разъярило Сталина. В 19.35 он вернулся в Маленький уголок. Тимошенко и Жуков несколько раз приезжали с докладами. Обстановка ухудшалась с каждым часом. В это же время Лаврентий Берия и Анастас Микоян пришли на чрезвычайное заседание политбюро.

После полуночи Сталин позвонил Тимошенко и потребовал новой информации о положении в Белоруссии. Маршал ответил, что никаких новостей нет. Этот ответ стал последней каплей, переполнившей чашу терпения вождя. Сталин выбежал из кабинета. Поскребышев и Чадаев видели, как Сталин, Молотов и Берия сели в «паккард» и куда-то умчались.

Через считаные минуты они прибыли в комиссариат обороны. Сталин с соратниками вошел в кабинет Тимошенко и заявил, что желает лично ознакомиться с донесениями с фронта. Жуков, находившийся в тот момент у наркома, хотел выйти, но Тимошенко жестом приказал ему остаться. Вождь и члены политбюро подошли к оперативной карте.

– Что происходит в Минске? – спросил Сталин.

– Я еще не могу дать точный ответ, – сказал Семен Тимошенко.

– Вы обязаны каждую минуту знать положение, – хмуро заметил вождь. – Сейчас вы просто боитесь сказать нам правду.

На помощь начальнику пришел Георгий Жуков.

– Товарищ Сталин, можно нам вернуться к работе? – бесстрашно вмешался он в разговор.

– Вы что, хотите сказать, что мы вам мешаем? – угрожающе усмехнулся Лаврентий Берия.

Главный чекист, наверное, был шокирован тем, что Жуков позволяет себе разговаривать со Сталиным таким тоном. Встреча переросла в ссору между Жуковым и Берией. Суровый Сталин стоял посередине.

– Вы знаете, что ситуация на всех фронтах критическая, –

сказал генерал. – Командующие фронтов ждут распоряжений. Будет лучше, если мы сделаем это сами.

– Мы тоже можем отдавать приказы! – закричал Берия.

– Если вы так считаете, то отдавайте, пожалуйста, – спокойно ответил начальник Генерального штаба.

– Если партия прикажет, то и будем отдавать.

– Тогда дождитесь, когда она прикажет. Сейчас же она приказывает заниматься этим мне и маршалу Шапошникову. – Затем Георгий Жуков повернулся к вождю: – Извините меня за откровенность, товарищ Сталин, мы сейчас разберемся со всеми неотложными делами и потом приедем в Кремль с докладом.

Жуков явно намекал на то, что в военных делах генералы имеют больше опыта, чем члены политбюро. Сталин молчал все время перепалки между Жуковым и Берией, но сейчас он больше не мог сдерживать своей ярости.

– Вы совершаете грубую ошибку, проводя черту между собой и нами. Сейчас мы все должны думать, как помочь фронтам! – буквально взорвался, по словам Микояна, Сталин. – Что это за Генеральный штаб? Что это за начальник Генштаба, который с первых дней войны не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?

Георгий Жуков, на лице которого до этой минуты не дрогнул ни один мускул, не выдержал упреков Сталина. Он неожиданно разрыдался и выбежал в соседнюю комнату. За ним вышел Вячеслав Молотов. Один из самых жестоких большевиков решил утешить одного из самых суровых солдат этого кровавого века. Наркоминдел протянул платок и положил руку на плечо генерала. Через пять минут Молотов и Жуков вернулись в кабинет Тимошенко. Внешне Георгий Жуков был спокоен, но «глаза у него были влажные». «Мы все были подавлены», – признавал Микоян.

Сталин предложил отправить Ворошилова или кого-нибудь еще на Белорусский фронт. Потом он мрачно оглядел товарищей и сказал:

– Хорошо, пусть военные сначала сами со всем разберутся. Пойдемте, товарищи.

Иосиф Виссарионович и члены политбюро вышли из кабинета наркома. Когда они рассаживались в машины, генсек произнес первые откровенные слова с начала войны:

– Все потеряно. Я сдаюсь. Ленин основал это государство, а мы его прое…ли! – Сталин ругался всю дорогу в Кунцево. – Ленин оставил нам огромное наследство, а мы, его преемники, все проср…ли. – Он не мог успокоиться даже, когда они приехали

на дачу. – Мы все прое…ли! – матерился он, по словам Молотова.

Это «мы» означало, естественно, всех партийных руководителей, а не одного генсека.

Сталин сказал, что не может больше оставаться главой государства и поэтому подает в отставку. В Кунцеве Вячеслав Михайлович попытался поднять ему настроение, но все было напрасно. Члены политбюро уехали, оставив вождя мрачнее тучи.

На Анастаса Микояна это представление особого впечатления не произвело. По дороге домой он обсуждал случившееся с Молотовым. Анастас недолюбливал Вячеслава, но тем не менее доверял ему. Они знали Сталина лучше остальных. «Мы были потрясены словами Сталина, – написал Анастас Иванович в мемуарах. – Неужели все действительно потеряно? Мы думали, что он сказал это, чтобы произвести на нас более сильное впечатление». Они были правы. Сталин действительно был большим актером. Но нельзя забывать и то, что он оставался «человеком», как говорил сам Молотов. Падение Минска оказалось для вождя страшным ударом. Ему казалось, что он потерял лицо перед своими соратниками и военными. Несомненно, наступил самый глубокий и самый серьезный кризис в его жизни.

На следующий день члены политбюро узнали, что грубые слова Сталина накануне были сказаны не только для того, чтобы произвести впечатление. Обычно вождь приезжал в Кремль в полдень, но в тот день он остался в Кунцеве. Не приехал генсек в Кремль и вечером. Все сразу ощутили вакуум власти. Отсутствие этого титана, успевавшего за четырнадцатичасовой рабочий день решить все вопросы вплоть до мелочей и деталей, оставило зияющую брешь. Когда в приемной звонил сталинский телефон, Поскребышев снимал трубку и отвечал:

– Товарища Сталина нет, и я не знаю, когда он будет.

Мехлис попытался дозвониться Сталину на дачу, но все было напрасно.

– Ничего не понимаю, – недоумевал Александр Поскребышев и пожимал плечами.

К концу дня шеф канцелярии вождя отвечал на телефонные звонки по-другому:

– Товарища Сталина нет и сегодня, вероятно, не будет.

– Он уехал на фронт? – спросил молодой Чадаев.

– Не приставай ко мне. Я же тебе сказал, что его нет и не будет.

Сталин отгородился от всего мира стеной кунцевской дачи. Он никого не принимал и не отвечал на телефонные звонки. Молотов сказал Микояну и другим членам политбюро,

что последние два дня Сталин находился в состоянии прострации. Он ничем не интересовался, ему все было безразлично. Он не похож на самого себя.

Иосиф Виссарионович не мог уснуть и даже не стал раздеваться. Он просто ходил по даче и мрачно думал. Однажды заглянул в домик для охраны. Заместитель Власика, генерал-майор Румянцев, тут же вскочил по стойке смирно. Сталин, не сказав ни слова, вернулся к себе. Позже он рассказал Поскребышеву, что во рту у него тогда был горьковатый привкус полыни.

Сталин хорошо знал историю. Ему было известно, что Иван Грозный, царь, которого вождь считал своим учителем, тоже отошел от дел, чтобы проверить верность бояр.

Советские «бояре» были обеспокоены. Но самые опытные царедворцы, кроме тревоги, чувствовали и опасность. Вячеслав Молотов, как всегда осторожный, старался не подписывать никаких документов. Немцы продолжали стремительно продвигаться вперед. Советское же правительство пребывало в состоянии глубокого паралича и целых два дня ничего не делало.

«Ты даже представить себе не можешь, что здесь творится», – сообщил Маленков Хрущеву, который находился в Киеве.

Вечером Чадаев приехал в Кремль, чтобы получить подпись премьера на важном документе. Сталин по-прежнему отсутствовал.

– Он и вчера не был на работе, – удивленно проговорил молодой сотрудник Совнаркома.

– Правильно, вчера его тоже не было, – без тени сарказма подтвердил Александр Поскребышев.

Что-то было необходимо предпринять. Новому члену политбюро, Николаю Вознесенскому, надо было подписать документы. Все его попытки дозвониться до Сталина оказались безуспешными. Тогда Вознесенский поднялся к Молотову. Бывший премьер предложил встретиться позже. Он не сказал ленинградцу, что уже тайно разговаривал с Берией, Маленковым и Ворошиловым. Они пытались решить, что делать дальше. Энергичный Лаврентий Павлович предложил создать новый правящий орган всего из нескольких человек, который должен быть облечен огромной властью. Возглавить его нужно Сталину – если он, конечно, согласится. Кроме вождя, в этот кабинет войдут Молотов, Ворошилов, Маленков и сам Берия: три старых большевика и две недавно взошедших звезды, которые до войны даже не входили в политбюро, а были только кандидатами в члены.

Обсудив вопрос с коллегами, Молотов позвонил Микояну. Тот, в свою очередь, договорился с Вознесенским. Политбюро впервые собралось без своего бессменного руководителя. Партийные руководители еще никогда не были так сильны.

С того дня, как было зачитано ленинское завещание, предлагавшее снять Сталина с поста Генерального секретаря партии, прошло почти двадцать лет. Сейчас, впервые за все это время, возникла реальная возможность его сместить. Молотов сообщил товарищам о нервном срыве вождя. Микоян на это ответил, что, даже если вождь недееспособен, само имя Сталина по-прежнему обладает огромной силой и способно повысить моральное состояние советского народа. В этот самый миг молодой и еще не искушенный в придворных интригах Николай Вознесенский допустил ошибку, которая через несколько лет будет стоить ему жизни.

– Вячеслав, бери власть, – обратился он к Молотову. – Мы тебя поддержим!

Вячеслав Михайлович повернулся к Берии, который предложил создать Государственный комитет обороны. Вожди решили ехать в Кунцево.

Они осторожно вошли в зловещий дом зеленого цвета, затерявшийся среди сосен. Руководителей проводили в маленькую столовую. Там сидел сильно похудевший, уставший и мрачный Сталин. Когда он увидел семерых членов политбюро, его лицо «превратилось в камень». По одному из свидетельств, вождь встретил соратников эмоциональной тирадой:

– Великого Ленина больше нет с нами… Если бы он только мог нас сейчас видеть. Видеть тех, кому он доверил судьбу этой страны… Советские люди завалили меня письмами, в которых они справедливо ругают нас… Думаю, что кое-кто из вас готов возложить вину на меня… – Закончив эту бессвязную речь, он вопросительно посмотрел на гостей и спросил: – Зачем вы приехали?

«Чувствовалось, что Сталин насторожен, – вспоминал позже Микоян, – он выглядел каким-то странным». Поразительным был и его вопрос о цели приезда. У Анастаса не было никаких сомнений: Сталин решил, что они явились, чтобы арестовать его.

Лаврентий Берия внимательно следил за лицом вождя. «Уверен, Сталин думал: может произойти все что угодно. Даже самое худшее», – скажет он жене.

Но вожди были напуганы не меньше Хозяина. Позже Берия упрекал Микояна за то, что он спрятался за спины остальных. Вячеслав Молотов, самый старший из приехавших в Кунцево и, следовательно, наиболее уязвимый для мести Сталина, взял

инициативу в этот напряженный момент.

– Спасибо за вашу откровенность, – поблагодарил он, если верить одному из описаний этой встречи, – но я вам со всей ответственностью заявляю, что, если бы какой-то идиот попытался настроить меня против вас, я бы постарался стереть его в порошок. Мы приехали попросить вас вернуться к работе.

– Хорошо, но вы должны все хорошо обдумать, – сказал Сталин. – Разве я могу оправдать надежды советских людей? Разве я способен привести страну к окончательной победе? Для этой цели наверняка есть и более достойные кандидаты.

– Думаю, выражу всеобщее и единодушное мнение, что более достойных, чем вы, Иосиф Виссарионович, нет, – вмешался Клим Ворошилов.

– Правильно, – хором поддержали его остальные.

Молотов рассказал Сталину, что Маленков и Берия предлагают создать Государственный комитет обороны.

– И кто будет его возглавлять? – сразу насторожился Иосиф Виссарионович.

– Вы, товарищ Сталин, конечно.

Сталин облегченно вздохнул. Его лицо расслабилось, но он ничего не сказал.

– Кроме вас, председателя ГКО, в него войдут следующие товарищи… – И Берия перечислил остальных членов комитета.

Сталин заметил, что в состав не включены Микоян с Вознесенским. На это Лаврентий Павлович ответил, что они будут руководить правительством. Прагматичный Микоян, конечно, понимал, что его работа по снабжению Красной армии имеет к деятельности ГКО прямое отношение. Он попросил, чтобы его сделали специальным представителем комитета. Сталин распределил обязанности. Маленкову он поручил строительство самолетов, Молотову – танков, Вознесенскому – производство оружия и боеприпасов. Вождь вернулся к управлению огромной страной.

Был ли у Сталина на самом деле нервный срыв или он просто решил разыграть перед товарищами спектакль? Надо отметить, что во всех поступках и действиях Иосифа Виссарионовича, этого ловкого политика и не менее умелого актера, никогда не было ничего четкого и понятного. Нервный срыв представляется вполне правдоподобным и возможным. Сталин был сильно подавлен неудачами на фронте и смертельно устал. Но раскисать и сдаваться без борьбы не в его характере. Не менее серьезное напряжение он испытывал сразу после смерти Нади, да и во время войны с Финляндией.

Срыв был вполне объяснимой реакцией на собственную

неспособность правильно просчитать действия Гитлера. Этот громадный промах скрыть от своих придворных вождь, конечно, не мог. Но это только часть того отчаяния, которое нахлынуло на него в первые дни войны. Поражения на фронтах ясно показали, какой вред нанес Сталин репрессиями и насколько он неспособен руководить войсками. Он оказался голым императором. Только диктатор, успевший истребить всех потенциальных соперников, мог пережить такой кризис. В любой другой политической системе подобные провалы и ошибки неминуемо привели бы к смене правительства.

Несомненно, были правы и Вячеслав Молотов с Анастасом Микояном, полагавшие, что Сталин «ломает комедию». Конечно, добровольное сложение с себя властных полномочий было заранее отрепетированным и хорошо продуманным поступком. То же самое нередко делало и множество других исторических личностей.

Сталинское самоустранение позволило ему решить несколько серьезных задач. Во-первых, он оказался во главе нового органа, ГКО. Во-вторых, как бы подвел черту под всеми прошлыми ошибками и промахами. Естественно, он сам себе их простил.

«Сталин был очень рад, что мы по-прежнему его поддерживаем», – подчеркивал Анастас Микоян. «Мы были свидетелями краткого мига слабости Сталина, – скажет позже Лаврентий Берия. – Иосиф Виссарионович никогда не простит нам нашей инициативы».

Самым умным оказался Микоян. Армянин был прав, решив не высовываться.

* * *

На следующий день Сталин приехал в Маленький уголок. Это был другой человек. Он сильно отличался от того, каким был пару суток назад. Отныне вождь решил играть роль военного руководителя. Он был уверен, что таковая идеально ему подходит.

1 июля газеты сообщили, что товарищ Сталин назначен председателем Государственного комитета обороны. Вскоре после этого он отправил маршала Тимошенко командовать Западным фронтом и защищать Москву. 19 июля Сталин стал народным комиссаром обороны, а 8 августа – еще и Верховным главнокомандующим. Отныне военные называли его Верховным.

16 июля генсек восстановил отмененный после войны с Финляндией институт комиссаров, которых так ненавидели

в армии. Комиссары во главе с Мехлисом должны были бороться с трусами, паникерами и дезертирами. Но эти ретивые работники часто брали на себя реальное командование войсками, следуя примеру своего начальника. «Комиссариат обороны был похож на псарню с бешеными собаками: Куликом и Мехлисом», – говорил Хрущев.

Сталин тем временем продолжал организационные перемены. Он объединил силовые ведомства НКВД и НКГБ в одно и поручил Берии возглавлять его.

3 июля Иосиф Виссарионович окончательно превратился в национального русского вождя. Он выступил по радио со знаменитой речью. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! – начал вождь свое выступление. Сначала его голос был настолько тих, что в динамике слышалось дыхание, бульканье воды и звон стакана, когда он наливал воду. – Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..»

Война с Германией носила патриотический характер, но Сталин решил подкрепить любовь советских людей к родине репрессиями и террором. «Трусы, паникеры и дезертиры будут безжалостно уничтожаться», – провозгласил он.

Через пару дней Сталин и Калинин вышли из Кремля в два часа ночи под охраной во главе с Власиком и отправились в Мавзолей прощаться с мумией умершего вождя. Тело Ленина уезжало в Сибирь.

Решимость Сталина, обретенная им после нервного срыва, практически не улучшила положение на фронтах. За три недели войны СССР потерял около 2 миллионов человек, 3500 танков и более 6 тысяч самолетов. 10 июля немецкие бронетанковые части возобновили наступление на Смоленск, который пал через шесть дней, и Москву. В Смоленске немцы захватили в плен 300 тысяч красноармейцев, 3 тысячи орудий и 3 тысячи танков.

Упорное сопротивление Семена Тимошенко заставило фашистские войска несколько замедлить темпы наступления. В конце июля Гитлер приказал провести перегруппировку армий группы «Центр». На юге немцы быстро продвигались к Киеву, а на севере – Ленинграду. В первый же месяц фюрер одержал поразительные победы, но ни одной цели плана «Барбаросса» так и не достиг. Немцы пока еще не захватили ни Москву, ни Ленинград, ни Донецкий угольный бассейн. Не была полностью уничтожена и Красная армия, хотя она и понесла тяжелые потери.

Генералы умоляли Гитлера бросить бронетанковые армии на Москву. Однако фюрер, наверное, помнил захват российской столицы Наполеоном, не принесший никаких особых выгод,

и поэтому решил сначала взять богатый нефтью и зерном юг. Он разработал новую стратегию. Сейчас у вермахта было два направления главного удара: Москва и Украина.

Обновленный Сталин даже смирился с несколькими мелкими проявлениями непокорства и критики со стороны политбюро. Сразу после падения Смоленска он вызвал на дачу Тимошенко и Жукова. Когда военные приехали в Кунцево, вождь в старом френче ходил с незажженной трубкой, что всегда являлось признаком плохого настроения. В комнате находились несколько членов политбюро.

– Вот что, политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и решило освободить его от обязанностей, – сказал Сталин. – Есть предложение назначить на эту должность Жукова. Что вы об этом думаете?

Тимошенко ничего не ответил, а Георгий Жуков возразил, объяснив, что частая смена командующих фронтами отрицательно сказывается на ходе операций.

– А что, пожалуй, правильно, – неожиданно поддержал смелого генерала седой Калинин, который после 1930 года крайне редко в чем-то не соглашался со Сталиным.

Вождь промолчал. Он неторопливо раскурил трубку и оглядел членов политбюро.

– Может быть, согласимся с товарищем Жуковым? – поинтересовался Иосиф Виссарионович.

– Вы правы, товарищ Сталин, – хором ответили партийные руководители.

Но генералу Жукову далеко не всегда удавалось добиться своего.

Когда на юге нависла угроза окружения крупных группировок советских войск, Сталин вновь обратился к драконовским мерам в надежде, что страх заставит лучше сражаться. Еще в первую неделю войны он поддержал приказ НКВД № 246. Согласно этому приказу родные и близких попавших в плен солдат и офицеров расстреливались. Теперь же вождь издал еще более печально известный приказ № 270. Сталин потребовал, чтобы под ним поставили подписи Молотов, Буденный, Ворошилов и Жуков. Некоторые из них отсутствовали, но это ничего не значило. Этот приказ сломал жизни миллионам невинных солдат и их родных, включая собственную семью вождя.

* * *

16 июля 1941-го в окружение под Витебском попал молодой

артиллерийский лейтенант 14-го гаубичного полка 14-й бронетанковой дивизии, Яков Джугашвили. Он приказал своей батарее отстреливаться до последнего снаряда: «Я – сын Сталина и не позволю моей батарее отступать». Но Яков не стал кончать жизнь самоубийством и попал во вражеский плен. 19 июля Лаврентий Берия доложил, что среди огромной массы советских военнопленных есть артиллерийский лейтенант Яков Джугашвили. Андрей Жданов прислал Сталину запечатанный пакет с фотографией сына. Сталин долго разглядывал снимок. Наверное, его в эти минуты терзала мысль о том, что слабый сын сломался и предал его.

– Этот дурак даже не смог застрелиться, – прошептал генсек Василию.

Сразу после этого Сталин начал подозревать жену Якова, Юлию.

– Ничего пока не говори жене Якова, – велел отец Светлане.

Вскоре, согласно приказу № 270, Юлия Джугашвили была арестована. Ее трехлетнюю дочь Гулю на два года разлучили с матерью. Мы знаем, как Сталина раздражала судьба Якова и как мрачно он размышлял над ней до конца своей жизни.

Вскоре после этого вождь запретил своему второму сыну участвовать в боевых вылетах. «Хватит с меня одного пленного сына!» – заявил он. Младший сын тоже не очень радовал Иосифа Виссарионовича. Как-то этот кронпринц попросил у отца денег на новый мундир и дополнительное питание. Сталин ответил: «1. Насколько мне известно, в наших военно-воздушных силах вполне достаточный продовольственный паек. 2. Специальная форма сыну Сталина не нужна».

Вероятно, после пленения Якова Сталин сделал первую попытку связаться с Гитлером. Они с Молотовым приказали Берии прощупать болгарского посла Ивана Стаменова. Лаврентий Павлович поручил это задание специалисту по убийствам и тайным операциям Судоплатову. Чекист поведал историю в мемуарах, в которых, однако, далеко не всему можно верить. Судоплатов должен был узнать у немцев, почему они нарушили пакт о ненападении, на каких условиях Гитлер может закончить войну и удовлетворит ли его, если СССР уступит Германии Украину, Белоруссию, Молдавию и Прибалтику. Москва, таким образом, предлагала заключить второй Брест-Литовский мир. Берия объяснил Судоплатову, что это делается только для того, чтобы выиграть время. 25 июля Судоплатов встретился со Стаменовым в «Арагви», любимом грузинском ресторане Берии. Болгарин, однако, не передал предложения Сталина в Берлин. «Даже если вы отойдете за Урал, все равно

окончательная победа будет за вами!» – считал он.

* * *

Тем временем немцы неумолимо продвигались вперед. Танковые клещи группы армий «Юг» под командованием Гудериана и Клейста охватили Киев и взяли в кольцо Юго-Западный фронт генерала Кирпоноса. В окружении оказались сотни тысяч солдат и офицеров Красной армии. Всем было ясно, что Киев необходимо оставить.

29 июля Сталин вызвал Жукова, чтобы обсудить положение на фронтах. Поскребышев зловеще сообщил, что начало совещания немного задерживается. Сталин ждал приезда Мехлиса. Мрачный демон появился с Берией и Маленковым. Рассказывать о положении на Украине начальнику Генштаба пришлось под испепеляющими взглядами этой троицы, живо напомнившими ему миф о Медузе Горгоне.

Георгий Жуков сообщил, что немцы сначала разгромят Юго-Западный фронт, а затем опять повернут на Москву. Мехлис прервал Жукова и угрожающе поинтересовался, откуда ему известно, как будут действовать немецкие войска.

– А как же Киев? – спросил Сталин.

Георгий Жуков предложил город сдать.

– Как вы могли додуматься сдать врагу Киев? – закричал Верховный главнокомандующий. – Я не хочу даже обсуждать эту чепуху!

– Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда ему здесь делать нечего, – не сдержался генерал. – Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

– Кто дал вам право разговаривать с товарищем Сталиным подобным тоном? – возмутился Мехлис.

– Вы не горячитесь, – сказал Сталин Жукову. – А впрочем, если вы так ставите вопрос, мы без вас можем обойтись…

Генерал Жуков собрал карты и вышел из комнаты. Через сорок минут его вновь вызвали в Маленький уголок и сообщили, что он освобожден от обязанностей начальника Генштаба. Жуков был рад, поскольку теперь он, боевой генерал, мог вернуться в привычную обстановку, на фронт. Новым начальником Генштаба был вновь назначен Борис Михайлович Шапошников. Сталин знал, что он болеет. Георгий Жуков попросил разрешения уйти, однако вождь пригласил его на чай. Сталина тянуло

к Жукову.

Трагедия, которая вскоре произошла под Киевом, показала всю прозорливость Жукова. Немецкие танковые клещи сомкнулись вокруг Юго-Западной оси. Буденный и Хрущев, командовавшие фронтом, умоляли Верховного разрешить им отступить. Чекисты сообщили Сталину, что Хрущев собирается сдать Киев. Он позвонил украинскому руководителю и обрушился на него с угрозами. Никита Сергеевич отправился к Буденному. Увидев, что усатый маршал пьет коньяк с начальником оперативного отдела фронта Баграмяном, он ласково сказал, что его следовало бы расстрелять.

Кульминация наступила 11 сентября. Буденный был храбрее и умнее большинства своих коллег-кавалеристов. Понимая, что драгоценное время уходит, и прекрасно зная, что его могут не только снять с должности, но и арестовать, маршал позвонил Сталину и откровенно сказал, что задержка с отступлением приведет к огромным потерям в людской силе и технике. Верховный молча выслушал старого товарища, а на следующий день снял с должности командующего.

Назначая Тимошенко командующим Юго-Западным фронтом, Сталин сделал ему странный подарок – подарил две трубки, украшенные оленем. Очевидно, сувенир имел глубокий смысл и должен был символизировать перевод Тимошенко с севера на юг.

– Принимай командование, – сказал Буденный Тимошенко, когда тот приехал на фронт. – Но давай сначала вместе позвоним Сталину и еще раз скажем ему, что из Киева нужно уходить. Мы с тобой настоящие маршалы, и нам должны поверить.

– Я не хочу по собственной воле вкладывать свою голову в петлю, – ответил Тимошенко.

Через два дня после этого разговора войска Клейста и танковые группы под командованием Гудериана соединились в 160 километрах к востоку от Киева. В гигантском котле очутились пять советских армий. Это был закономерный итог сталинского упрямства. В плен попали 452 720 человек.

18 сентября немцы взяли Киев.

Сталин сохранял полное спокойствие.

«Как можно быстрее заткните дыру!» – приказал он Шапошникову.

Сталин и Берия применяли политику кнута и пряника. Они усилили репрессии, но расстреливали не всех. Счастливчиков отпускали, чтобы они шли на фронт и продолжали воевать.

– Нигде нет людей, на которых можно полностью

положиться, – пробормотал Сталин во время одного из совещаний по вопросам авиации.

– Товарищ Сталин, вот уже больше месяца, как заместитель наркома авиации Баландин находится под арестом, – сказал ему авиаконструктор Яковлев. – Мы не знаем, за что он был арестован, но мы не можем поверить в то, что он враг. Он нужен советской авиации. Мы просим вас пересмотреть его дело.

– Да, он сидит в тюрьме уже сорок дней, но ни в чем не признался. Может, он действительно не виноват, – согласился Сталин.

На следующий день Баландин с впавшими щеками и наголо обритой головой вышел на работу, как будто ничего не произошло.

Лаврентий Берия и Анастас Микоян потребовали освободить Ванникова, арестованного накануне войны за спор с Куликом. Его привезли из камеры прямо в Кремль. Сталин извинился, сказал, что Ванников был прав, и назначил его на высокую должность.

Счастливчики, чудом избежавшие смерти, всегда испытывали неловкость, когда встречались со своими мучителями. Широколицего белокурого генерала Мерецкова, арестованного в первые недели войны, Меркулов ужасно пытал в подвалах Лубянки. По иронии судьбы, до ареста они были друзьями. Позже один из следователей, который вел дело Мерецкова, рассказал: «Высокопоставленные чекисты долго и зверски пытали Мерецкова. Его били резиновыми шлангами, пока он весь не истекал кровью».

Потом генерала помыли и привели к Меркулову. Мерецков сказал своему палачу, что они больше не могут оставаться друзьями. Такие разговоры в те удивительные времена происходили редко. Гораздо чаще освобожденные на всякий случай делали вид, что ничего не случилось.

Меркулов улыбнулся и пожал плечами. Через считаные минуты Кирилл Мерецков в генеральском мундире уже входил в кабинет Сталина для получения нового задания.

– Здравствуйте, товарищ Мерецков! – тепло поздоровался Верховный. – Как вы себя чувствуете?

НКВД по мере отступления Красной армии отпускал далеко не всех заключенных. Мария и Алеша Сванидзе, «немецкие шпионы», которые когда-то были так близки к Сталину, сидели в тюрьме с декабря 1937 года. Генсек не забыл про Алешу. Как-то он сказал Микояну, что Сванидзе приговорен к смертной казни. «Я велел Меркулову сказать ему перед расстрелом, что если он попросит у Центрального комитета прощения, то будет

прощен», – поведал вождь. Но Сванидзе гордо ответил, что ему не за что просить прощение, и плюнул в лицо чекисту.

– Вот какой мой ответ Сталину! – выкрикнул он.

20 августа 1941 года Сванидзе был расстрелян. Через несколько дней Сталин спросил Микояна:

– Хочешь узнать, как дела у Алеши?

– Конечно! – Анастас Микоян очень любил Сванидзе и надеялся, что его отпустят. – Как?

Сталин как бы между прочим сообщил, что Алеша расстрелян.

– Он так и не извинился, – задумчиво произнес Иосиф Виссарионович. – Какое благородство! Какая гордость!

Мария Сванидзе, которая так преклонялась перед Сталиным, была расстреляна в следующем году вместе с Алешиной сестрой, Марико.

Злой как собака. Жданов и осада Ленинграда

Пока Сталин и Молотов наводили порядок во всей стране, Андрей Жданов, словно генсек в миниатюре, правил в осажденном Ленинграде. К 21 августа 1941 года немецкое наступление в северо-восточном направлении почти полностью отрезало город Ленина от остальной России. Шестидесятидевятилетний Ворошилов приехал из Москвы руководить обороной города вместе со Ждановым. Оба хотели показать свои способности. Жданов и Ворошилов изо всех сил старались сохранить доверие Сталина.

День за днем немцы все туже затягивали удавку на шее города. Своим невероятным чутьем Сталин уловил пораженческие настроения и обрушил на соратников потоки упреков и угроз. Он обвинял их в неспособности понять опасность. «Ставка не может согласиться с пораженческими настроениями, отсутствием сильнодействующих мер и разговорами о том, что все возможное было уже сделано и больше сделать ничего нельзя…» – писал вождь в грозных телеграммах.

Затем до Верховного дошли слухи о том, что Клим Ворошилов, наверное вспомнив славные царицынские дни, решил поднимать боевой дух в войсках при помощи выборов офицеров. «Немедленно прекратите выборы, потому что они парализуют армию! – приказали Ворошилову Сталин, Молотов и Микоян. – Солдаты выберут неспособных командиров, а нам нужны сильные руководители. Выборы офицеров расползутся по всей Красной армии, как страшная болезнь. Здесь вам не Вологда, вы действуете во втором городе страны». – В конце телеграммы еще один упрек: «Просим товарищей Ворошилова и Жданова проинформировать нас об операциях на фронте. Они этого до сих пор не сделали. Жаль».

Жданов контролировал все сферы жизни Ленинграда. Ему принадлежат знаменитые слова: «Враг у наших ворот». Этот полный астматик, постоянно усталый и вечно прикуривающий папиросы «Беломор» одну от другой, в подпоясанном ремнем с пистолетом в кобуре френче зеленоватого цвета, руководил фронтом из кабинета на третьем этаже правого крыла Смольного института. Со стен строго смотрели Сталин, Маркс и Энгельс. Длинный стол был обтянут красным сукном. На столе лежал красивый камень с Урала, подарок одной из ленинградских фабрик. Чай ленинградский руководитель пил так же, как его

старший товарищ в Москве, из стакана с серебряным подстаканником. Сахар он ел вприкуску и, как Сталин, спал на диване в кабинете.

Андрей Александрович писал передовицы в ленинградские газеты, лично распределял каждый вольт электроэнергии, угрожал паникерам немедленным расстрелом и вместе с Ворошиловым командовал фронтом.

Климент Ефремович показывал чудеса личной храбрости. Когда он приехал на фронт в Ивановское, солдатам посчастливилось увидеть первого маршала под тяжелым вражеским огнем.

– Это он! Клим Ворошилов! – пролетели восхищенные возгласы по траншеям. – Смотрите, как стоит. Словно врос в землю.

В нескольких километрах маршал наткнулся на часть. Не выдержав натиска врага, красноармейцы отступили. Он остановил свою машину, достал пистолет и повел солдат в атаку с криками: «Ура!» Старый кавалерист мог проявлять удивительную отвагу, но не был способен стабилизировать положение на фронте.

На Сталина героические поступки старого рубаки никакого впечатления не произвели. Охладело и его почти дружеское отношение к Андрею Жданову. Когда ленинградцы уважительно обращались к своему руководителю «Андрей Александрович», Сталин холодно интересовался: «Андрей Александрович? Какого Андрея Александровича вы имеете в виду?»

Испуг и полная покорность приказам из Москвы нисколько не помогали делу. Генсек демонстрировал недовольство, нередко делая примерно такие саркастические надписи красным карандашом: «Вы не ответили на наше предложение. Почему? Вам все понятно? Когда вы перейдете в наступление? Мы требуем немедленного ответа в двух словах. „Да“ будет означать положительный ответ и быстрое выполнение приказа. „Нет“ – отрицательный. Отвечайте „да“ или „нет“. Сталин».

Тем не менее вождь возражал против смещения Жданова. Сталин прекрасно понимал всю тяжесть его положения. 21 числа генсек приказал Молотову и Маленкову отправиться в Ленинград и найти виновных. Посылая инспекторов из Москвы, он тем самым показывал, что Андрей Жданов в опале. «Ворошилову, Маленкову, Жданову. Ленинградский фронт сейчас думает только об одном – отступлении, – гневно писал Верховный главнокомандующий. – Не пора ли вам избавиться от этих героев отступления?» Посланцам из столицы было поручено еще одно важное секретное поручение – определить, стоит ли сдавать

Ленинград.

Поездка Молотова и Маленкова уже сама по себе была приключением. Они прилетели в Череповец, пересели там на специальный поезд и выехали на запад. Неожиданно выяснилось, что поезд застрял на маленькой станции Мга, в сорока километрах восточнее Ленинграда. Вожди знали, что впереди немцы бомбят позиции советских войск, но не понимали, что это начало крупного немецкого наступления. Всего через два дня Ленинград окажется в полном кольце. Мга являлась последним пунктом, через который можно было попасть в город. Вячеслав Молотов и Георгий Маленков не знали, что делать. Они шли по рельсам в сторону Ленинграда до тех пор, пока не увидели один из пригородных троллейбусов. Члены политбюро сели на него, как обычные пассажиры. Вскоре их встретил специальный бронепоезд.

Посланцы из Москвы увидели, что Жданов едва стоит на ногах от усталости, подкрепляет силы водкой и борется с астмой. Жданов никогда не относился к числу самых крепких соратников Сталина. Одним из больших недостатков «безупречного сталиниста» была страсть к выпивке. Молотов и Маленков видели, что он на грани срыва. Андрей Александрович и сам признался вождю, что однажды испугался бомбежки и бросился в бомбоубежище Смольного, сунув в карман бутылку. Но Жданов работал, как одержимый. Именно во время осады Ленинграда он окончательно подорвал себе здоровье.

Георгий Маленков с удовольствием рассказывал о трусости пьяного Жданова и хвалился, что утаил эту информацию от Сталина. Однако в это верится с большим трудом. Жданов презирал Маленкова еще с конца тридцатых годов. Именно он придумал обидное прозвище Маланя для толстого и похожего на евнуха бюрократа. Взаимная ненависть двух благородных отпрысков провинциальных дворянских родов закончится резней. Маленков, вероятно, предложил арестовать Жданова, но Берия, зная любовь Сталина к Малане, ответил, что сейчас не время отдавать под трибуналы членов политбюро.

Сталинские эмиссары, как ни старались, ничем не способны были помочь осажденному городу. «Боюсь, что Ленинграду грозит полное окружение и город будет потерян благодаря идиотской глупости, – истерически писал Сталин Молотову и Маленкову. – Что делают Попов [командующий фронтом] и Ворошилов? Они даже не рассказывают нам о предпринимаемых мерах. Похоже, они заняты поисками новых путей для отступления. Насколько я понимаю, это сейчас их единственная задача. Что же это за люди! Ничего не могу понять! Вам не кажется, что кто-то

открывает дорогу для немцев на этом важном направлении? Намеренно? Специально? Что за человек этот Попов? Чем занимается Ворошилов? Как и чем он помогает Ленинграду? Я пишу об этом, потому что меня беспокоит недостаток активности со стороны командующего Ленинградским фронтом… Возвращайтесь в Москву, не опаздывайте. Сталин».

По возвращении Молотов и Маленков предложили отозвать в Москву первого советского маршала, который все время проводил в окопах. Пока он проявлял чудеса героизма, немцы взяли Шлиссельбург, важную крепость на Неве, и Мгу. Ворошилов не доложил об этих потерях. Когда в Москве узнали о произошедшем, Сталин пришел в ярость.

«Мы крайне недовольны вашим поведением, – сообщил он Ворошилову и Жданову. – Вы докладываете только о потерях, но ни слова не говорите о мерах, направленных на то, чтобы спасти город. Теперь вот потерян и Шлиссельбург? Когда это закончится? Когда мы перестанем терять города? Вы что, решили сдать Ленинград?»

8 сентября Сталин вызвал Жукова к себе на кремлевскую квартиру, где он ужинал со своими обычными товарищами: Молотовым, Маленковым, московским руководителем Александром Щербаковым и другими.

– Куда думаете теперь? – как бы ненароком поинтересовался Сталин.

– Обратно на фронт, – ответил Георгий Жуков.

– На какой фронт?

– На тот, который вы посчитаете необходимым.

– Езжайте под Ленинград. Ленинград в крайне тяжелом положении. – С этими словами генсек протянул генералу записку для Ворошилова, в которой было написано: «Передайте командование товарищу Жукову и немедленно вылетайте в Москву». Жданову Сталин написал: «Сегодня мы отозвали Ворошилова!»

Георгий Жуков принял командование обороной города. Штаб располагался в Смольном институте. Генерал объединил высокий профессионализм с безжалостностью.

– Вы что, не понимаете, что, если дивизия Антонова не займет оборону на этом рубеже, немцы ворвутся в город? – кричал он на своих подчиненных. – Тогда я расстреляю вас перед Смольным как предателей.

Андрей Жданов стоял рядом с новым товарищем по командованию и хмурился. Он не любил, когда ругаются.

Упавший духом Ворошилов попрощался со своим штабом:

– До свидания, товарищи, меня отзывает Ставка. – Потом

добавил после небольшой паузы: – Такой старик, как я, не заслуживает иной участи. Это не Гражданская война. Сейчас нужно драться по-другому. Но не сомневайтесь ни минуты, мы обязательно раздавим фашистское отребье.

Сталин в Москве допускал в разговорах с ближайшими соратниками, что «можно оставить Питер». Но Жукову удалось стабилизировать положение на фронте. Сначала он организовал упорное сопротивление немцам, затем даже перешел в контратаку. Жданов работал бок о бок с генералом и сейчас показывал свою «стальную сущность». Он жаловался, что его трибуналы вяло борются с лживыми и провокационными слухами. «Особые отделы должны организовывать процессы над провокаторами и распространителями панических слухов, – считал он. – Ленинградцы должны знать, как мы относимся к этим негодяям».

Все, что предлагал Сталин, неукоснительно выполнялось. 13 ноября он сообщил Жданову, что немцы строят укрепления в подвалах обычных домов. «Народный комиссар обороны товарищ Сталин дал мне следующие указания, – писал Жданов. – Когда мы будем продвигаться вперед, не пытайтесь захватить тот или иной пункт. Сжигайте дотла дома и целые кварталы. Таким образом мы сможем уничтожить немецкие штабы и войска. Отбросьте всякие чувства и разрушайте все населенные пункты, которые попадутся вам на пути!»

Жукову и Жданову удалось настолько укрепить оборонительные рубежи, что немцы призадумались. Они поняли, что штурм города будет стоить им больших потерь. Какое-то время Гитлер колебался. В конце концов он отменил решительный штурм и приказал заморить Ленинград голодом. Немцы теперь собирались заставить Ленинград сдаться, а не стирать его с лица земли. Началась 900-дневная осада Ленинграда.

Андрей Жданов, несмотря на временное охлаждение отношений, не отказался от привычки писать Сталину прекрасной чернильной ручкой длинные послания. «Главная причина наших неудач – слабость пехоты… Мы помнили ваши слова во время войны с Финляндией, но наши люди отличаются плохой привычкой не заканчивать начатых дел и не анализировать их. Они бросают незаконченное дело и бросаются в разные стороны. Сейчас мы напряженно работаем над тем, чтобы изменить тактику наших атак. Хуже всего то, что начинается голод».

В ленинградскую ловушку попали 2,2 миллиона человек. В декабре 1941-го скончались 53 тысячи человек, потери следующих месяцев окажутся намного больше. Люди умирали

прямо на улицах, когда шли по делам; умирали в постелях. Один за другим исчезали целые семьи. Горожане крайне ослабли от голода. Трупов было так много, что их не хоронили. Процветало людоедство. В прихожих квартир простых ленинградцев нередко можно было найти мертвые тела с отрезанными бедрами и грудью. В период между декабрем 1941-го и июлем 1942-го, то есть за полгода, в Ленинграде погибло около миллиона человек.

Андрею Жданову все-таки удалось вернуть доверие Сталина и ленинградцев. В этом ему помог пользовавшийся в городе большим уважением второй секретарь партийной организации Алексей Кузнецов. Постепенно Жданов и Кузнецов стали народными героями. Они делили с земляками невзгоды и лишения, работали день и ночь. Кузнецов, высокий худощавый молодой человек с продолговатым красивым лицом, брал на себя руководство Ленинградом в те минуты, когда у Жданова наступали моменты слабости. Он обходил окопы и траншеи защитников города вместе со своим маленьким сыном.

В ноябре Жданов и Кузнецов приказали проложить путь по льду Ладожского озера – он получил название «Дороги жизни». Этот путь стал единственной ниточкой, связывавшей Ленинград с остальной Россией, только по нему в город поступало продовольствие.

Порой Андрей Жданов вел себя как вполне нормальный и порядочный человек. Когда в одной из ленинградских школ началась дизентерия, Жданов заподозрил, что учителя воруют у детей еду. Он послал генерала разобраться на месте и наказать виновных. Генерал доложил, что ребята уносят еду в банках домой для своих родных. Он не стал им препятствовать.

– Я бы поступил точно так же, – признал Жданов и приказал эвакуировать детей.

Говорят, что после войны Андрей Александрович якобы сказал, что «люди мерли как мухи, но история никогда бы меня не простила, если бы я сдал Ленинград».

Тем не менее Сталин пришел в бешенство, когда Жданов проявил в каком-то вопросе опасную независимость. «Думаете, что Ленинград, которым руководит Жданов, находится не в СССР, а на каком-нибудь острове посреди Тихого океана?» – грозно осведомился он.

«Мы признаем ошибку, – ответил Андрей Жданов и тут же начал докладывать о сложностях с военными операциями на Ладожском озере. В них, по его мнению, были виноваты трусость и предательство командиров 80-й дивизии. – Просим разрешить расстрелять командира 80-й дивизии Фролова и его

комиссара Иванова. Совету фронта необходимо бороться с паникой и трусостью даже среди офицеров». «Фролов и Иванов должны быть расстреляны, – дал добро Сталин. – Сообщите прессе».

«Не тратьте время на мелочи, – требовал Верховный. – Сейчас дорога каждая минута. Враг собирает силы для удара по Москве. У вас и других фронтов появляется возможность контратаковать. Воспользуйтесь моментом!»

Андрей Александрович Жданов закончил написанное от руки послание словами: «Мы ждем немецкого поражения под Москвой. Будьте здоровы». Потом добавил: «P. S.: Я становлюсь зол как собака».

* * *

Гитлер приказал приступить к операции «Тайфун». После захвата Киева немецкие танковые дивизии, как и предсказывал Георгий Жуков, повернули на Москву. По замыслу фюрера, решающее наступление на столицу должно было стать нокаутирующим ударом по Советской России.

Гудериан вновь удивил советских военачальников. Его танки совершили хитрый маневр. Они обошли Брянский фронт с фланга в тот самый день, когда Сталин принимал лорда Бивербрука, веселого владельца газетной империи из Канады и члена Британского военного кабинета. Бивербрук приехал обсуждать вопрос об оказании военной помощи России. Советский Союз приобрел сейчас для Лондона огромную важность, потому что отвлекал львиную часть немецких войск с Западного фронта. Вместе с Бивербруком в Кремль прибыл и американский представитель Аверелл Гарриман, посол Соединенных Штатов в Советском Союзе. Гарриман был приятным мужчиной с квадратной челюстью. Его отец владел крупной железнодорожной компанией.

Вождь старательно играл роль приветливого хозяина. Он изо всех сил старался, чтобы у иностранцев не возникло ощущения надвигающейся катастрофы. «Сталин сильно нервничал, – вспоминал Бивербрук. – Он много ходил и все время курил. Было видно, что он испытывает сильное напряжение». Как обычно, Иосиф Виссарионович метался между привычной грубостью и желанием очаровать гостей. Он то рисовал в блокноте любимых волков, то отбрасывал в сторону нераспечатанное письмо Черчилля со словами: «Недостаточность ваших предложений ясно показывает, что вы хотите видеть

Советский Союз побежденным». Его рябое лицо казалось почти изможденным и имело нездоровый желтоватый оттенок. Он очень устал.

1 октября, в то самое время, когда развалился Московский фронт, советский руководитель давал пышный банкет в Большом Кремлевском дворце. В 19.30 сто гостей громко беседовали в Екатерининском зале. На стульях и столах можно было увидеть монограммы великой русской царицы. На стенах, обтянутых зелеными шелковыми обоями, висели старинные портреты в позолоченных рамах. Собравшиеся с большим нетерпением и беспокойством поглядывали на высокие сверкающие двери. Ровно в восемь часов наступила тишина. В Екатерининский зал медленно вошел Иосиф Сталин. По тому, как на нем сидел привычный партийный френч, было заметно, что генсек в последнее время сильно похудел.

Во время банкета вождь сидел между иностранцами. Напротив, как всегда, расположился Вячеслав Молотов. Дальше разместились Клим Ворошилов и Анастас Микоян. Переговоры с Бивербруком и Гарриманом об англо-американской помощи вел Микоян. Гости запивали винами, водкой, шампанским и армянским коньяком холодные закуски, икру, суп, рыбу, молочных поросят, кур и дичь, затем подали мороженое и торты с пирожными. Прежде чем Молотов взял бразды правления банкетом, Сталин произнес тост за победу. Всего в тот вечер прозвучало тридцать два тоста. Если вождю тост нравился, он хлопал в ладоши, после чего пил. Как писал в мемуарах Бивербрук, Сталин пил ликер из маленького бокала и ел с аппетитом. Икру Иосиф Виссаринович употреблял прямо с ножа, не намазывая на хлеб с маслом.

У Сталина и Бивербрука оказалась общая черта – страсть к розыгрышам. Они много шутили за столом. Британский министр знал об увлечении Калинина балеринами. Он показал на Михаила Ивановича и спросил, есть ли у старика любовница.

– Он слишком стар для этого! – Сталин рассмеялся. – А у вас есть любовница?

После банкета Сталин пригласил гостей посмотреть кино. Заложив руки за спину, он повел всех в кинотеатр. В тот вечер Иосиф Виссарионович с удовольствием посмотрел две картины. Он потягивал шампанское и громко смеялся. В половине второго ночи генсек, ведущий ночной образ жизни, предложил посмотреть третий фильм, но Бивербрук слишком устал и отказался.

Когда американцы и англичане покидали Кремль, немцы двигались к Москве.

3 октября Гудериан взял Орел. Город располагался в двухстах километрах за линией фронта, какой она была изображена на картах советского Генштаба. Немецкие танки разгромили два фронта: Брянский, которым командовал Еременко, и Резервный под командованием Буденного. В плен сдались 665 тысяч русских солдат и офицеров. На следующий день Сталин вновь потерял связь с разбитым Западным фронтом, которым сейчас командовал Конев. В оборонительных рубежах перед Москвой образовалась брешь шириной в двадцать километров. Рано утром 5 октября Сбытов, командующий противовоздушной обороной Москвы, сообщил в Кремль ошеломительную новость. В каких-то ста километрах от центра столицы была замечена длинная колонна немецких танков. Они двигались по Ухновскому шоссе к советской столице.

Сначала этому сообщению не поверили. Но вскоре информацию о танках с крестами подтвердил и второй самолет-разведчик.

– Действуйте решительно и энергично. Мобилизуйте все возможные резервы и остановите врага, – сказал Сталин московскому комиссару Телегину.

Одновременно с этим сталинская свита попыталась скрыть информацию о прорыве немцев.

– Послушайте, вы что, относитесь ко всей ерунде, которую слышите, как к правде? Очевидно, вы получаете информацию от паникеров и провокаторов! – сказал Берия Телегину.

Через считаные минуты после этого разговора в кабинет Телегина вбежал полковник Сбытов. Он был бледен и дрожал от страха. Начальник Особого отдела Виктор Абакумов собирался арестовать Сбытова и его летчиков за трусость и распространение паники. Берия с Абакумовым успокоились лишь после того, как информацию о немецких танках, двигающихся к Москве, и разгроме трех фронтов подтвердил третий самолет.

Сталин срочно позвонил Жукову в Ленинград.

– У меня к вам только один вопрос: не можете ли сесть в самолет и прилететь в Москву?

– Прошу разрешения вылететь рано утром 6 октября.

– Хорошо, – согласился вождь. – Завтра днем ждем вас в Москве.

– Завтра обязательно буду.

– Доброго пути! – попрощался Сталин и послал Ворошилова на фронт.

Маршал должен был найти разбитые войска, разобраться с положением на месте и решить, какие следует предпринять меры.

Генерал Жуков прилетел в Москву 7 октября, когда уже начало смеркаться. Власик встретил его на аэродроме и привез прямо на кремлевскую квартиру Сталина. Вождь, который в то время болел гриппом, разговаривал с Берией. Жуков, о приезде которого Сталину, очевидно, не успели доложить, вошел в квартиру и услышал, как вождь попросил Лаврентия Павловича при помощи органов прозондировать почву для заключения сепаратного мира с Германией. На такой шаг, считал генерал, Верховного толкала критическая ситуация на фронте. Сталин прощупывал намерения и решимость немцев, но время для этого выбрал явно неудачное. Трудно было, наверное, найти другой такой же неподходящий момент для заключения мира, как начало октября 1941 года. Естественно, Гитлер считал, что Москва со дня на день будет взята, и ни о каких переговорах не хотел и слышать.

Едва поздоровавшись, Сталин приказал Жукову лететь к Коневу и Буденному. Как всегда, он пытался найти козла отпущения и спрашивал себя, не является ли Конев предателем. Георгий Жуков немедленно окунулся в круговорот стремительных событий под Москвой. Он нашел расстроенных и утомленных командиров Западного фронта, Конева и его комиссара Булганина, в грязной комнатушке, едва освещенной несколькими стеариновыми свечами. Булганин только что разговаривал по телефону со Сталиным, но ничего не мог ему сказать, потому что в штабе фронта не знали о положении на передовой.

В 2.30 ночи 8 октября Жуков позвонил Сталину. Верховный все еще болел.

– Главная опасность сейчас заключается в том, что дороги на Москву практически не защищены, – сказал Жуков.

– А как же резервы? – спросил Сталин.

– Полностью окружены.

– Что вы намерены делать?

– Выезжаю сейчас же к Буденному.

– А вы знаете, где штаб Буденного?

– Нет, – ответил генерал. – Буду искать где-то в районе Малоярославца.

Сталин бросил в этот котел Маленкова и Молотова. Он приказал им взять ситуацию под контроль. Одновременно Верховный хотел переложить на них ответственность за положение под Москвой.

Суматоха на передовой была настолько сильной, что Жуков долго не мог найти Семена Буденного. Малоярославец, городок под Москвой, казался покинутым. На улицах не было ни одной живой души. В центре Жуков увидел джип, в котором спал шофер.

Это был водитель Семена Буденного. Усатый маршал разместил свой штаб в местном райисполкоме. Два старых кавалериста тепло обнялись. Буденный спас Георгия Жукова от ареста и неминуемой смерти во время Большого террора. Сейчас он был очень растерян и едва держался на ногах от усталости.

На следующее утро Сталин приказал Жукову вернуться к Коневу, штаб которого располагался севернее Можайска, и принять командование Западным фронтом.

В штабе Конева Георгий Жуков нашел Молотова, Маленкова, Ворошилова и Булганина. Они были заняты поисками козла отпущения. Между Коневым и Ворошиловым, желавшим выяснить, кто отдал приказ отступать, произошла горячая перебранка. Жизнь генерала Конева висела на волоске. Климент Ефремович обвинил его в предательстве. Маршала поддержал Николай Булганин, блондин с козлиной бородкой. До войны этот бывший чекист был главой Москвы и директором Государственного банка. Булганин строил из себя аристократа и, как многие партийные боссы, был бабником. В молодости Булганин работал в московской канализации, поэтому Лаврентий Берия прозвал его Сантехником. Николай Булганин был очень честолюбив: он упорно карабкался по служебной лестнице, расталкивая локтями конкурентов. Желая спасти собственную жизнь, сейчас он требовал расстрела Конева.

Сталин приказал по телефону арестовать Конева, но Жуков убедил его в том, что Конев нужен ему как заместитель.

– Если Москва падет, падут и обе ваши головы, – угрожал Верховный. – Срочно наведите порядок на Западном фронте и начинайте действовать!

Через два дня в штаб Западного фронта позвонил Молотов. Он пригрозил расстрелять Жукова, если тот не прекратит отступать. Жуков дерзко ответил: если товарищу Молотову нечем заняться, пусть сам попробует остановить отступление. Наркоминдел бросил трубку.

Георгий Жуков навел порядок в войсках и организовал упорное сопротивление несмотря на то, что у него имелось всего 90 тысяч человек. Таких войск было явно недостаточно для обороны Москвы. Он пытался выиграть время при помощи суровых мер.

18 октября на севере пал Калинин, на юге немцы взяли Калугу. Немецкие танки вышли на поле битвы при Бородине. Погода не благоприятствовала Гудериану. Выпал снег. Вскоре он растаял, превратив все вокруг в непроходимое болото. Немцы были вынуждены остановиться. Обе стороны яростно сражались за каждую деревню, танк против танка, как два гиганта,

обменивающихся ударами в море грязи.

«Вы можете удержать Москву?»

Сталин контролировал все, что происходило на фронтах. Данные о численности войск, номера армий и дивизий, прочую информацию он записывал в маленький кожаный блокнот.

Еще 3 августа Верховный главнокомандующий приказал приступить к созданию специального танкового резерва для обороны Москвы в обстановке строжайшей тайны. Он подчеркнул, что эти танки ни при каких обстоятельствах нельзя никому отдавать.

Всех, кто в те дни приходил в кабинет Сталина и был свидетелем его разговоров с Жуковым, удивлял тон, каким генерал разговаривал с вождем, – резким командным голосом, как будто Жуков старше по званию. Поражало, что Сталин принимал это как должное.

Иосиф Виссарионович никак не мог отказаться от своего основного способа решения проблем. Он все сильнее закручивал гайки и усиливал репрессии. Возможно, в эти октябрьские дни вождь пометил отрывок в книге д'Абернона, в котором автор утверждал, что немцы боятся своих офицеров сильнее, чем врага.

Сначала Верховный приказал проводить тактику выжженной земли и уничтожать все на полосе от 40 до 60 километров от линии фронта. Врагу не должно ничего достаться.

Берия, Мехлис, восходящая звезда НКВД, начальник Особого отдела Абакумов, докладывали каждую неделю об арестах и расстрелах солдат и офицеров Красной армии. Во время сражения за Москву, к примеру, Лаврентий Павлович Берия сообщил Мехлису, что с начала войны в тылу задержаны 638 112 человек, 82 865 из них арестованы. Абакумов рапортовал Сталину, что только за неделю Особый отдел арестовал 1189 и расстрелял 505 дезертиров.

Когда линия фронта приблизилась к Москве, Булганин по приказу Верховного приступил к формированию заградительных батальонов. Они должны были отлавливать трусов, паникеров и дезертиров. Всего за три дня арестованы 23 064 «дезертира». В 1941–1942 годах 994 000 военнослужащих были осуждены и 157 000 из них расстреляны. Только казненными красноармейцами можно было укомплектовать пятнадцать дивизий.

Лаврентий Берия не забывал и о «врагах народа», схваченных до войны. Он планомерно уничтожал их. 13 октября была расстреляна жена Поскребышева Бронка.

Отступая, сотрудники НКВД забрасывали гранатами тюрьмы

или перевозили заключенных на восток. 3 октября Берия приказал расстрелять в Медведьевском лесу около Орла 157 высокопоставленных заключенных. Среди них была Каменева, сестра Льва Троцкого и жена Льва Каменева.

28 октября нарком внутренних дел распорядился казнить еще 25 человек. В этой группе расстрелянных находился Рычагов, бывший командующий советской авиацией, который дерзко возразил Сталину, сказав, что советские летчики летают на «летающих гробах».

4905 заключенных, ждавших в тюрьмах исполнения смертного приговора, были расстреляны в течение восьми дней.

Но по сравнению с 1937 годом репрессии оказались уже не такими эффективными. Страх перед наступающими немцами порой был сильнее страха перед НКВД. В Москве вспыхнули беспорядки. 14 октября горожане начали грабить продовольственные магазины и квартиры, хозяева которых уехали на восток. Столичные улицы заполнили беженцы. Их грабили шайки бандитов. Москва скрылась в дыме костров – это чиновники торопливо жгли документы.

Площадь перед Курским вокзалом была забита женщинами, детьми и стариками. Осень в том году выдалась на удивление холодная. Толпы людей покорно ждали, когда их пропустят. Тишину прерывал лишь детский плач. Сто солдат, сцепив руки, образовали живую цепь, чтобы сдерживать толпу на тот случай, если начнутся беспорядки.

Часть комиссариатов и семьи большинства чиновников были вывезены в Куйбышев. Опустевший Кремль искусно замаскировали. Он превратился в Потемкинскую деревню. На стены, выходящие на реку, были натянуты огромные брезенты с нарисованными на них рядами домов.

Берия, Маленков и Каганович, если верить сталинским охранникам, потеряли самообладание и не возражали против бегства горожан.

– Нас перестреляют, как куропаток, – заявил Лаврентий Павлович на одном из совещаний.

Он выступал за то, чтобы быстро эвакуировать Москву. Соратники советовали вождю уехать в Куйбышев. Берия вызвал в свой кабинет на Лубянке Судоплатова, главного специалиста по диверсиям. Они с Маленковым приказали срочно заминировать все важные объекты, начиная от метро и кончая стадионами.

В ночь на 15 октября Лаврентий Павлович собрал секретарей московских партийных организаций у себя в бомбоубежище, расположенном в подвале здания на улице Дзержинского,

2, и объявил, что связь с фронтом прервана. Нарком приказал немедленно эвакуировать всех, кто не способен защищать город, и раздать продовольствие горожанам. На фабриках и заводах начались бунты. Рабочие не могли попасть на работу, потому что цеха были заминированы.

В то время как партийные руководители готовились к эвакуации, Сталин сохранял полное спокойствие и никому не рассказывал о своих планах. Когда бомбежки Москвы усиливались, он поднимался на стеклянную дачу в Кунцеве и наблюдал за воздушными боями. Однажды в саду дачи упала шрапнель. Николай Власик принес еще теплые куски металла.

Как-то вечером Василий Сталин приехал на дачу навестить отца. Над домом пролетел немецкий самолет, но охрана не стреляла – нельзя было привлекать внимание противника к сталинской резиденции.

– Трусы! – закричал Василий.

Он выхватил пистолет и начал стрелять в небо.

Сталин вышел во двор и спросил:

– Он попал во что-нибудь?

– Нет, – ответил кто-то из охранников.

– Победитель соревнований ворошиловских стрелков, – сухо произнес вождь и скрылся в доме.

Напряжение сказывалось, конечно, и на генсеке. Окружающие поражались, как он постарел в те осенние дни. Сейчас это был сгорбившийся пожилой мужчина с усталым лицом. Его глаза потеряли былую энергию, в голосе уже не чувствовалось прежней уверенности. Хрущев, увидев этот «мешок с костями», не на шутку испугался.

Как-то Андреев прогуливался с дочерью Наташей по заснеженному Кремлю. Неожиданно они встретили Сталина, который в одиночестве бродил вдоль стен. Одет он был не по погоде. Его лицо посинело от мороза. Вождь забыл перчатки и прятал озябшие руки в карманы шинели.

В редкие свободные минуты генсек по-прежнему читал исторические книги. В эти дни он написал на биографии Ивана Грозного: «Мы победим!» Его настроения колебались между спартанской мужественностью и истерическими припадками. Конев был поражен, когда Сталин позвонил ему и начал кричать:

– Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин уважаемый человек! Его единственная ошибка заключается в том, что он слишком доверял кавалеристам.

Иосифа Виссарионовича постоянно терроризировали информацией о гитлеровских парашютистах, которые якобы высаживаются в центре Москвы.

– Парашютисты? Сколько? Рота? – сердито крикнул он в трубку телефон в присутствии одного из генералов, пришедшего с докладом. – И кто их видел? Вы их видели? И где они приземлились? Вы сошли с ума… Говорю вам, я в это не верю. В следующий раз вы расскажете мне, что они приземлились у вас в кабинете! – Он бросил трубку и пожаловался: – Уже несколько часов терзают меня воплями о немецких парашютистах. Не дают мне работать. Болтуны!

Подчиненные начали готовить эвакуацию Сталина, даже не согласовав с ним этот вопрос. Саперы заминировали дачи. На замаскированном вокзале день и ночь стоял под парами специальный поезд. На него погрузили любимую библиотеку вождя и другие личные вещи. В состоянии пятиминутной готовности находились и четыре американских самолета «Дуглас DC-3».

Вечером 15 октября Сталин приказал отвезти его в Кунцево. Вождя не остановили слова Поскребышева, что дача закрыта и заминирована. Комендант сказал, что дом закрыт, но Иосиф Виссарионович потребовал через два-три часа разминировать дачу и затопить печь в маленьком доме.

– Я буду там работать, – сообщил он.

На следующее утро генсек вернулся в Кремль раньше обычного. По дороге к Красной площади этот фанатичный приверженец дисциплины и порядка с изумлением смотрел на толпы людей, штурмующих магазины. Охранники утверждали, что он приказал водителю остановиться на Смоленской площади. Его тут же окружила толпа и забросала вопросами. Больше всего москвичей интересовало, когда Красная армия остановит врага.

– Этот день близок, – заверил вождь и уехал в Кремль.

В восемь утра Микояна, который, как обычно, работал до шести утра, разбудил Александр Поскребышев. Он сказал, что Сталин ждет его через час. В девять часов на квартире Сталина собрались вожди. Предстояло обсудить самый главный вопрос – как быть с Москвой? Сталин предложил перевезти правительство в полном составе в Куйбышев, приказать генералам защищать столицу и сдерживать врага, пока Верховный не соберет подкрепления.

Молотов и Микоян получили распоряжение организовать эвакуацию, Каганович должен был предоставить поезда. Сталин хотел, чтобы политбюро уехало в тот же день.

– Я уеду завтра утром, – неожиданно сообщил он.

– Почему мы должны выезжать сегодня, если вы уедете завтра? – обиделся Анастас Микоян. – Щербаков и Берия отправятся после того, как организуют подполье в Москве.

Я останусь и поеду с вами завтра.

Сталин согласился. Молотов и Микоян начали давать указания комиссарам. Комиссариат иностранных дел был собран в 11 часов утра и получил приказ немедленно отправляться на Казанский вокзал. Поднимаясь в лифте из сталинского кабинета, Лазарь Каганович попросил Микояна:

– Послушай, когда будешь уезжать, предупреди меня, чтобы я не остался.

Членам семей партийных руководителей был дан час на сборы. На следующий день в семь вечера Ашхен Микоян с тремя сыновьями вместе с Калининым и семьями других высокопоставленных чиновников приехали на оцепленный войсками НКВД вокзал. Они должны были сесть на поезд ЦК. Укутанные в меха жены партийных боссов стояли рядом с хорошо одетыми детьми в клубах пара и разговаривали. Солдаты в это время аккуратно грузили в багажные вагоны ящики с надписями «Обращаться осторожно, хрусталь». Александр Поскребышев со слезами на глазах посадил на поезд няню с трехлетней Наташей. Он еще не знал, что ее мать Бронка расстреляна три дня назад. Секретарь вождя пообещал дочери приехать, как только будет свободное время.

Пока все ждали отправления, Валентин Бережков, переводчик Молотова, обратил внимание на то, что лужи растаявшего снега начали замерзать. Немецкие танки могли возобновить наступление на Москву.

Жуков решил держаться до последнего, но он не мог не почувствовать панику, которая царила на самом верху. Генерал был уверен, что может спасти Москву. Жуков сказал об этом приехавшему к нему журналисту и спросил: «А что **они** там думают?» Конечно, он имел в виду Сталина.

Тем вечером руководители Советского Союза собрались в пустом и тихом Кремле. Когда наркомы вошли в квартиру вождя, из спальни показался хозяин в старом френче и мешковатых брюках, заправленных в сапоги. В руках он держал трубку. Все обратили внимание на то, что книжные шкафы пусты. Книги находились в поезде. Все стояли. Сталин неожиданно спросил:

– Какая обстановка в Москве?

Вожди молчали. Молчание прервал один из наркомов. Он доложил, что метро и пекарни не работают, рабочие на заводах и фабриках думают, что правительство бежало из Москвы. Половине рабочих не дают зарплату. Москвичи говорят, что директор Государственного банка бежал вместе с деньгами.

– Ну что же, неплохо, – заметил Сталин. – Я боялся, что будет гораздо хуже.

Сталин приказал привезти самолетом из Горького деньги. Щербаков и Пронин, секретарь городской парторганизации и председатель Мосгорисполкома, должны были восстановить в столице порядок и объявить по радио, что Москву будут защищать до последней капли крови.

Сталин решил остаться в Кремле. Другим вождям пришлось последовать его примеру. Анастас Микоян выступил перед пятью тысячами беспокойных рабочих автомобильного завода имени Сталина, которым не платили зарплату. Ему удалось успокоить людей. Но московские улицы были во власти бандитов и воров. Они разграбили даже британское посольство, расположенное на берегу реки напротив Кремля, после того, как бежала охрана.

Саперы заминировали все шестнадцать городских мостов.

* * *

Сталин выжидал два дня. Никто не знал, где он в это время находился и что делал. Было только известно, что в Маленьком уголке вождь не появлялся. В самый кульминационный момент легендарной битвы за Москву Верховный главнокомандующий, укрывшись шинелью, спал на матраце в подземных холлах метро, мало чем отличаясь от обычного бродяги.

Рабочие условия вождя показывают полную неготовность к войне – ни в Кремле, ни в Кунцеве не было бомбоубежищ. Пока Железный Лазарь срочно строил бункеры, как две капли воды похожие на сталинский кабинет в Кремле, Верховный трудился в единственном тогда приспособленном для этого месте. На командном пункте войск противовоздушной обороны в здании на улице Кирова, 33 (сейчас Мясницкая), у него была спальня. Во время воздушных налетов вождь спускался на лифте под землю и продолжал работать на станции метро Кировская (Чистые пруды). Это продолжалось до тех пор, пока 28 октября во дворе командного пункта не упала бомба. Сталин полностью переместился в метро – там он трудился и спал.

Его кабинет находился в специально сооруженном помещении, отделенном от тоннеля листами фанеры. Большинство секретарей и помощников спали в самых обычных вагонах, стоящих на станции. Генеральный штаб расположился на Белорусской. Штаб-квартира Сталина разделялась на отсеки мебелью. Когда проходили поезда, бумаги разлетались от сквозняка и их приходилось прикреплять к столам кнопками.

На рассвете Сталин, пошатываясь от усталости, отправлялся спать. Власик со своими людьми сторожил это хрупкое убежище. Скорее всего, охрана спала тут же, за дверями, как средневековые рыцари, охраняющие сюзерена.

В эти дни Сталин много работал с сотрудником Генштаба полковником Сергеем Штеменко, обаятельным тридцатичетырехлетним казаком с блестящими черными усами. Иногда они даже вместе спали на матрацах, укрывшись шинелями.

Трудно представить, чтобы какой-нибудь другой главнокомандующий жил в подобных условиях. Но Сталин привык к спартанской жизни еще в дни революционной молодости и поэтому сейчас почти не замечал неудобств.

* * *

17 октября Щербаков выступил по радио и призвал москвичей к порядку и спокойствию. Его речь не возымела эффекта. Московские улицы по-прежнему кишели дезертирами, ворами и беженцами. Горожане складывали добычу на тележки и развозили по домам. Сталин все еще не знал, что лучше сделать – оставлять столицу или защищать. Решение, судя по всему, было принято поздно вечером 18 октября. Генерал авиации Голованов вспоминал, что Верховный был подавлен и находился в нерешительности.

– Что делать? Что же делать? – повторял он.

В самый судьбоносный момент своей карьеры Иосиф Виссарионович обсуждал этот вопрос с военными и комиссарами, с охранниками и прислугой и, конечно, искал ответ в любимых исторических книгах. Он читал изданную в 1941 году биографию Михаила Кутузова. Сто с лишним лет назад фельдмаршал Кутузов оставил Москву. «До последней минуты никто не знал, что намерен предпринять Кутузов» – эту фразу вождь жирно подчеркнул.

Наверху, в кремлевской квартире, как всегда веселая и жизнерадостная Валечка в неизменном белом фартуке ловко накрывала ужин для Сталина и его соратников. За столом обсуждалась одна тема – как быть с Москвой? Некоторые из гостей активно поддерживали эвакуацию. Вдруг Сталин рассеянно посмотрел на женщину, с лица которой никогда не сходила улыбка, и неожиданно спросил:

– Валентина Васильевна, а вы готовы покинуть Москву?

– Товарищ Сталин, Москва – наша Родина, наш дом, – быстро

ответила она. – А Родину и дом нужно защищать.

– Вот что думают об этом простые москвичи! – торжествующе сказал Сталин членам политбюро.

Светлана тоже возражала против сдачи Москвы. «Дорогой папа, моя самая большая радость, здравствуй! – писала она из Куйбышева. – Папа, почему немцы все время наступают и наступают? Когда же они, наконец, получат по шее? Они это давно заслужили. Мы не можем сдать им все наши промышленные города».

Сталин позвонил Жукову.

– Вы уверены, что мы удержим Москву? – поинтересовался он. – Я спрашиваю вас об этом с болью в душе. Говорите честно, как коммунист!

Георгий Жуков ответил, что Москву можно удержать.

– Это неплохо, что у вас такая уверенность. Вы меня утешили.

Сталин приказал охране отвезти его на дачу в Семеновском, которое находилось дальше от линии фронта, чем Кунцево. Берия сказал, что она тоже заминирована. Но Сталин не хотел ничего слушать и упрямо настаивал на поездке. Приехав на дачу, он увидел, что комендант складывает последние вещи.

– Что это здесь за сборы? – спросил вождь.

– Готовимся к эвакуации в Куйбышев, товарищ Сталин.

Вождь приказал комендантам дач прекратить все сборы.

– Никакой эвакуации, – спокойно, но твердо сказал он. – Мы останемся здесь до победы.

Вернувшись в Кремль, он собрал охранников и сказал:

– Я не покину Москву. Вы останетесь здесь со мной.

Он приказал Кагановичу убрать специальный поезд. Сталинская система позволяла его соратникам, которые колебались между пораженческими настроениями и желанием бросить вызов, проводить собственную политику. Правда, продолжалось это зачастую недолго, пока Сталин не начинал говорить. Любая его мысль, любое желание становились законом.

Вечером 18 октября за окнами моросил осенний дождь. В кабинете Берии собрались те, кто отвечал за оборону столицы. «Грузин попытался убедить нас, что Москву следует сдать», – написал позже один из участников того совещания. Главный чекист считал, что следует отступить за Волгу. «Чем мы собираемся защищать Москву? – воскликнул он. – У нас ничего нет… Они нас всех здесь передушат». Георгий Маленков согласился с Берией. Молотов возражал, хотя и не очень энергично. Остальные молчали.

Алкоголик Щербаков, хозяйничавший в Москве, тоже хотел отступать. Похоже, он совсем потерял голову. Позже этот

аппаратчик испуганно спросит Берию, что с ним будет, если об этом узнает Сталин.

19 октября, в 15.40, вождь пригласил к себе в Маленький уголок всех соратников и высший генералитет. Он подошел к столу и сказал:

– Ситуация всем вам известна. Как вы думаете, мы должны защищать Москву? – Никто не ответил, в комнате повисла мрачная тишина. Сталин немного подождал, потом добавил: – Если вы не хотите высказываться, тогда я спрошу мнение у каждого из вас лично.

Первому пришлось отвечать Вячеславу Молотову.

– Мы должны защищать Москву, – повторил он свое мнение.

Все остальные, включая Берию и Маленкова, дали такой же ответ. Берия быстро поменял свою точку зрения, потому что теперь знал, какого мнения придерживается сам Сталин.

– Если вы уедете, Москву не удержать, – сказал Лаврентий Павлович.

Потом Сталин попросил Поскребышева пригласить генералов. Когда в комнату вошли Телегин и комендант Москвы, генерал НКВД Артемьев, вождь напряженно ходил по узкому ковру и курил трубку. Позже комиссар Телегин вспоминал:

По лицам присутствующих можно было видеть, что только что состоялся бурный разговор. Все были на взводе. Повернувшись к нам, но не поздоровавшись, Сталин спросил:

– Какая обстановка в Москве?

– Тревожная, – ответил Артемьев.

– Что вы предлагаете делать? – сердито поинтересовался Иосиф Виссарионович.

– Объявить в Москве осадное положение, – предложил Артемьев.

– Правильно, – кивнул Сталин и приказал своему лучшему писцу Маленкову подготовить текст приказа. Когда Маленков зачитал приказ, Сталин так рассердился, что бросился к нему и вырвал лист бумаги у него из рук. Потом начал сам быстро диктовать указ Щербакову. Он особо подчеркнул, что лица, его нарушившие, должны расстреливаться на месте.

Сталин начал перечислять по памяти дивизии, которые следует привлечь к обороне Москвы, потом лично созвонился с их командирами. На столичные улицы вышли отряды НКВД. Чекисты безжалостно расстреливали дезертиров, воров и даже дворников, которые пытались бежать из города. Вожди приняли окончательное решение – остаться и сражаться. Присутствие Сталина в Москве, говорил лидер Коминтерна Димитров, стоило

крупной армии. Наконец вождь покончил с неопределенностью и колебаниями. Когда ему позвонил комиссар с фронта, чтобы обсудить план эвакуации на восток, Сталин прервал его:

– Узнайте, есть ли у ваших товарищей лопаты?

– Что вы сказали, товарищ Сталин? – не понял собеседник.

– Есть ли у них лопаты? – повторил Верховный главнокомандующий. Он услышал, как комиссар спрашивает о лопатах.

– Какие лопаты, товарищ Сталин, – наконец вернулся он к телефону, – шанцевые или совковые?

– Любые.

– Да, у нас есть лопаты. Что нам с ними делать?

– Передайте своим товарищам, – спокойно сказал Сталин, – чтобы они взяли лопаты и вырыли себе могилы. Мы не оставляем Москву. Они тоже остаются…

Сталинские царедворцы не могли забыть о распрях даже в такой ответственный момент, когда решалась судьба страны. Даже в это время они продолжали ссориться и ругаться. Сталин приказал Молотову отправиться в Куйбышев и проверить, как там Вознесенский руководит правительством.

– Пусть со мной поедет Микоян, – попросил Вячеслав Михайлович.

– С какой стати? – обиделся Анастас Микоян. – Я тебе не хвост.

– В самом деле, Анастас, почему бы тебе не съездить с Вячеславом в Куйбышев? – поддержал Молотова Сталин.

Микояну пришлось ехать. Через пять дней вождь отозвал эмиссаров в столицу.

Немецкие танки неумолимо двигались вперед по замерзшей земле и снегу. Они угрожали окружить Москву. Георгий Жуков бросил в бой последние резервы. За четыре месяца войны Красная армия потеряла три миллиона солдат и офицеров.

Как-то Сталин поинтересовался у одного генерала, что может спасти столицу.

– Резервы, – ответил военный.

– Любой идиот может защитить город с резервами! – рассердился вождь, но все же выделил ему с барского плеча пятнадцать танков.

Маленков сообщил, что танки закончились. В это трудно поверить, но всего за какие-то несколько месяцев огромные военные ресурсы безграничной советской империи сократились до жалких пятнадцати танков. Ведомство Геббельса торжественно объявило в Берлине, что России пришел конец. Но немецкие

танки и бронетранспортеры все чаще ломались посреди грязи и льда. Солдаты и офицеры замерзали и валились с ног от усталости. Немцы вновь остановились, чтобы перегруппировать силы и подготовиться к последнему броску. Командование вермахта было убеждено, что Сталин исчерпал все резервы. Однако в его кожаном блокноте оставалась страничка, о которой никто не знал.

Границы на Дальнем Востоке охраняли от Японии советские войска общей численностью 700 тысяч штыков. Еще в конце сентября Рихард Зорге сообщил в Москву, что Страна восходящего солнца не нападет на Россию. 12 октября Сталин обсуждал позицию Японии с руководителями дальневосточных регионов. Они тоже подтвердили, что Токио, согласно донесениям местной разведки, не собирается предпринимать военных действий в отношении Москвы. Лазарь Каганович совершил маленькое чудо. Десятки железнодорожных составов безостановочно провезли через всю страну 400 тысяч солдат, 1 тысячу танков и 1 тысячу самолетов. Последний поезд с живой силой и техникой покинул Дальний Восток 17 октября. В конце месяца свежие войска, о которых не знали немцы, начали сосредоточиваться за Москвой.

* * *

Наконец Сталин переехал в свой новый кремлевский бункер, который был точной копией Маленького уголка вплоть до панелей из мореного дуба на стенах. Правда, его длинные коридоры больше напоминали спальный вагон, чем жилые и рабочие помещения. Справа располагался ряд дверей, около каждой стояла охрана. Офицеры охраны ждали своей смены в одной из комнат отдыха слева. За ними приходил Александр Поскребышев. Он отводил их в просторную ярко освещенную комнату с большим столом в углу. Сталин часто прогуливался по кабинету. Обычно его сопровождал начальник Генерального штаба, болезненный маршал Шапошников.

Борис Михайлович Шапошников был чуть моложе Сталина. Его редеющие волосы разделял пробор в центре. У него было всегда усталое лицо с желтоватым оттенком и татарскими скулами. Казалось, Шапошникова заставляет двигаться черная магия Вуду. Выглядел он как живой труп, скончавшийся не меньше трех месяцев назад. Как отозвался о нем один британский дипломат, маршал Шапошников «наверняка был очень старым, даже когда еще был жив». Борис Михайлович

называл всех голубчиками. Своими мягкими манерами и лоском этот царский полковник покорил вождя. Однажды вождь узнал, что какие-то генералы не доложили вовремя в Генштаб. Сталин сердито поинтересовался у Шапошникова, наказал ли он их. Конечно, ответил маршал, он их сильно отругал.

– Для солдата это не наказание, – грозно сказал Сталин.

Шапошников пожал плечами и принялся терпеливо объяснять, что согласно старинным военным традициям, если начальник Генштаба отчитывает провинившегося, тот должен уйти в отставку. Сталин только улыбнулся такой доброте.

Несмотря на всю свою мягкость, маршал Шапошников относился к той породе людей, которые способны выжить при любых условиях. В двадцатые он критиковал Михаила Тухачевского и был его судьей в 1937 году. В свое время он даже обвинил в саботаже кухарку, которая нечаянно пересолила мясо. Еще маршал славился педантизмом и осторожностью. Он никогда ничего не подписывал, предварительно не прочитав документ со всем вниманием. В присутствии Сталина Борис Михайлович, казалось, не имел собственного мнения. Он никогда не говорил, что думает по тому или иному вопросу, никогда не возражал, если отменяли его приказ. Шапошников был единственным военачальником, которого Сталин называл по имени и отчеству. Только Шапошникову он разрешал курить у себя в кабинете.

Война подошла практически к стенам Кремля. Территория старинной крепости сейчас была вся изрыта воронками от бомб. Однажды ударная волна даже сбила с ног Анастаса Микояна.

28 октября Георгий Маленков работал на Старой площади. Сталин вызвал его в Кремль. Только Маленков выехал к вождю, как в здание, в котором он находился считаные минуты назад, попала немецкая бомба.

– Я спас тебе жизнь, – с улыбкой сказал ему Сталин.

Иосиф Виссарионович как-то изъявил желание полюбоваться артиллерийским обстрелом немецких позиций. Сопровождать его на передовую предстояло Лаврентию Берии. Чекист очень боялся оказаться крайним, если что-то случится. Машины с Верховным главнокомандующим и многочисленной охраной направились по Волоколамскому шоссе к линии фронта. Через какое-то время послышался грохот взрывов. Николай Власик остановил кортеж и запретил ехать дальше. Сталину пришлось подчиниться. Он наблюдал артобстрел с расстояния. На обратном пути лимузин вождя столкнулся с танком. Охранники едва не умерли от разрыва сердца. Берия заставил Сталина пересесть на другую машину и вернуться домой. Поездка не оправдала всех надежд Верховного, но тем не менее настроение у него улучшилось.

Он даже разрешил Светлане приехать на пару дней в Москву. Однако в бункере опять стал суровым вождем. Он не обращал на дочь внимания и ругал за многочисленные привилегии советскую элиту, которая отсиживалась сейчас в Куйбышеве.

Голова у великого актера и режиссера в это время была занята более важными делами, чем разговоры с дочерью. Сталин готовил очередное важное представление.

* * *

На совещании 30 октября Сталин неожиданно спросил генерала Артемьева:

– Как мы будем проводить военный парад?

Артемьев растерялся, потом сказал, что ни о каком параде не может быть и речи: ведь немцы находятся менее чем в восьмидесяти километрах от столицы! Вячеслав Молотов и Лаврентий Берия подумали, что Верховный шутит. Но Сталин не обратил внимания на их недоумение.

– Парад, как всегда, состоится 7 ноября, – произнес он не терпящим возражений тоном. – Я лично прослежу за этим. Если во время парада состоится воздушный налет и будут раненые и убитые, их следует быстро выносить с площади, но парад должен продолжаться, не останавливаясь. Его следует снять на пленку и показывать фильм по всей стране. Я выступлю с речью. Что вы думаете?

– Но это очень рискованно, – задумчиво ответил Молотов. – Хотя, допускаю, политический эффект трудно переоценить.

– Значит, решено! – удовлетворенно кивнул Иосиф Виссарионович.

Артемьев спросил, когда должен начаться парад.

– Решайте сами, – пожал плечами Сталин. – Об этом никто, кроме вас, до самой последней минуты не должен знать. Даже я.

Через неделю немецкие шпионы наверняка были сильно удивлены, увидев, как москвичи под надзором чекистов выносили из Большого театра стулья и скрывались с ними в станции метро Маяковская. Вечером 6 ноября на станцию спустились на эскалаторе большевистские руководители. На перроне стоял поезд с открытыми дверями. В вагонах были накрытые столы с горами бутербродов и прохладительными напитками. Слегка подкрепившись, вожди расселись в театральных креслах. Потом на Маяковскую прибыл еще один поезд. Из него вышли Сталин, Молотов, Микоян, Берия, Каганович и Маленков. Под бурные аплодисменты они заняли места в президиуме, отведенные

для членов политбюро. В специальном радиовагоне находился диктор Левитан. Он вел репортаж о торжественном праздничном заседании на всю страну.

Сначала состоялся праздничный концерт. Ансамбль НКВД исполнил несколько песен Дунаевского и Александрова, Козловский спел любимые арии Сталина. Сталин выступил с получасовой речью. Он говорил спокойным, уверенным голосом.

– Если немцы хотят войну до полного уничтожения, они ее получат, – предупредил генсек.

После заседания к Сталину подошел генерал Артемьев. Парад начнется в восемь часов, сообщил он. Даже участвовавшие в нем офицеры узнали время начала только в два часа ночи.

Плохая погода, метель и сильный ветер помешали немецким летчикам подняться в небо. Их самолеты в то утро остались на аэродромах. Без нескольких минут восемь Сталин с членами политбюро поднялись по ступенькам и, как до войны, заняли привычные места на трибуне Мавзолея. Все было так же, как в былые дни. Только парад начался раньше обычного времени, и все его участники очень нервничали. Берия и Маленков приказали Судоплатову доложить им на Мавзолей, если немцы начнут наступление.

Народный любимец и неизменный участник всех предыдущих парадов Семен Буденный с саблей наголо выехал на белом коне через Спасские ворота. Он отдал честь и скомандовал начинать парад. Танки, в том числе Т-34, сыгравшие немалую роль в победе над Германией, и войска проходили стройными колоннами через Красную площадь. Они делали поворот на 180 градусов у собора Василия Блаженного и отправлялись по улице Горького на фронт.

Не обошлось без небольших накладок. Тяжелый танк «Климент Ворошилов» неожиданно остановился и повернул не в ту сторону. За ним последовала еще одна стальная машина. Поскольку они имели полный боекомплект и в любую секунду могли открыть огонь, Сталин и все, кто стоял на Мавзолее, насторожились.

Артемьев приказал своим офицерам немедленно провести расследование. Чекисты допросили экипажи танков. Оказалось, что командир первого танка просто получил сообщение, что у другого танка какие-то неприятности. Так же как на учебных стрельбах, остальные экипажи пришли к ним на помощь. Артемьев доложил на Мавзолее, что произошло маленькое недоразумение. Вожди облегченно перевели дух. Некоторые даже рассмеялись. Настроение у всех было приподнятое, поэтому никто из танкистов не был наказан.

Сталин произнес короткую речь о славных традициях

Суворова, Кутузова и Александра Невского, о патриотической борьбе Российского государства. Родина была в опасности, но не собиралась сдаваться и сражалась с врагом. Ночью ударил настоящий русский мороз.

13 ноября Сталин приказал Жукову разработать план контрнаступления, чтобы отбросить немцев от столицы. Георгий Жуков и комиссар Булганин ответили, что у них слишком мало сил для контратаки. Верховный продолжал настаивать на наступлении.

– Чем нам контратаковать? – спросил Жуков.

– Считайте этот вопрос решенным! – Сталин положил трубку и тут же позвонил Булганину: – Вижу, вы с Жуковым начали зазнаваться, но мы положим этому конец.

Через несколько минут Булганин прибежал в кабинет Жукова и выпалил:

– Ну и была мне сейчас головомойка.

15 ноября контратака Жукова натолкнулась на немецкое наступление, решающий бросок на Москву, и захлебнулась.

Сталин снова позвонил генералу и спросил, сможет ли он удержать Москву.

– Москву, безусловно, удержим, – заверил Верховного главнокомандующего генерал. – Но нужно еще не меньше двух армий и хотя бы двести танков.

Сталин велел позвонить в Генштаб и договориться о выделении резервных армий, но танков не дал. Их просто не было.

Жуков остановил немцев 5 декабря. За двадцать дней ожесточенных боев он потерял 155 тысяч человек. Гитлеровский блицкриг окончательно провалился.

6 декабря Сталин направил Георгию Жукову еще три армии и приказал начать решительное контрнаступление на четырех соседних фронтах. На следующий день Япония напала на американскую базу в Перл-Харборе.

Жуков отбросил немцев на триста с лишним километров от столицы. Даже в самый разгар отчаянной битвы генералы не забывали об имперском тщеславии Сталина. Так же как Мехлис годом ранее пытался добиться победы над белофиннами ко дню рождения любимого вождя, так и Жуков с Булганиным приказали Голубеву, командующему 10-й армией, отметить день рождения Сталина захватом Балабанова. «Мы хотим включить сообщение о захвате этого населенного пункта в вечерний рапорт товарищу Сталину, – написали они Голубеву, – поэтому проинформируйте об исполнении приказа не позднее 19.00 21 декабря».

Сражение за Москву стало первой сталинской победой. Поражение немцев немедленно ударило вождю в голову. Он вновь уверовал в свою непогрешимость и сказал приехавшему в Москву Энтони Идену, министру иностранных дел Великобритании:

– Русские уже дважды были в Берлине, будут там и в третий раз.

Сталин был чересчур оптимистичен. Для того чтобы дойти до столицы Третьего рейха, потребуется еще четыре долгих года ожесточенных боев и миллионы жертв.

Генерал Жуков почти не спал несколько дней. Он так вымотался, что, когда позвонил Сталин, адъютанты были вынуждены сказать:

– Товарищ Жуков спит, и мы не можем его добудиться.

– Правильно, не будите его, пока сам не проснется, – благосклонно согласился Верховный.

Пробуждение было приятным. За время сна генерала фронт отодвинулся от Москвы еще на 15 километров.

* * *

5 января Верховный главнокомандующий собрал большое совещание. На нем он потребовал от Жукова и других генералов развить успех сражения под Москвой и развернуть наступление на всей линии фронта от Ленинграда до Черного моря.

– Кто еще хотел бы высказаться? – спросил Сталин.

Жуков раскритиковал план всеобщего наступления. Армия нуждается, сказал он, в пополнении живой силой и техникой. Особенно не хватает танков. Николай Вознесенский тоже был против наступления. Он объяснил, что не сможет выпустить необходимое количество танков:

– Мы еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов.

Берия и Маленков попытались воспользоваться подвернувшимся шансом и обрушили на Вознесенского поток критики. Они обвинили конкурента из Ленинграда в том, что он «всегда находит непреодолимые и непредвиденные препятствия». Сталин не хотел слушать никаких возражений и настаивал на широкомасштабном наступлении.

– Ну что же, на этом, пожалуй, и закончим разговор, – завершил он совещание.

В приемной старый и умудренный опытом Шапошников попытался утешить Жукова.

– Вы зря спорили, – сказал маршал. – Этот вопрос был заранее решен Верховным.

– Тогда зачем же спрашивали мое мнение? – удивился Георгий Жуков.

– Не знаю, голубчик. – Маршал Шапошников пожал плечами. – Не знаю.

Лаврентию Берии сейчас было уже сорок три года. Он показал, что может не только пытать врагов, но и делать танки и пушки, столь необходимые для фронта. Лаврентий Павлович очень хотел обойти Вознесенского, которого ненавидел. Организаторскими способностями и неуемной энергией Берия превосходил и Молотова, а также остальных представителей старшего поколения. Берия был готов взяться за любое дело. Для него не существовало отрасли промышленности, которую он не мог бы поднять в кратчайшие сроки. Во многом Лаврентий был не только Гиммлером сталинского окружения, но и Шпеером. Для достижения своих целей он использовал любые средства. «Хотите каждый день видеть восход и заход солнца? – с улыбкой спрашивал он своих подчиненных. – Тогда будьте осторожны».

В начале 1942 года Сталин вызвал к себе на квартиру трех своих главных «промышленников»: Берию, Маленкова и Микояна. Он хотел обсудить, как решить проблему нехватки военной техники.

– В чем проблема? – недовольно воскликнул вождь. – Почему нашей армии нечем воевать?

Берия показал приготовленный заранее график. Из него следовало, что Вознесенский не может производить нужного количества пушек.

– И что нужно делать? – спросил Сталин.

– Не знаю, товарищ Сталин. – Хитрый Лаврентий Павлович пожал плечами.

Сталин все понял и поручил ему руководство этой важнейшей отраслью промышленности.

– Товарищ Сталин, я не знаю, справлюсь ли. У меня нет опыта в таких делах… – притворно запротестовал нарком внутренних дел.

– Здесь не нужен опыт, – отмахнулся Верховный главнокомандующий. – Главное – быть сильным организатором. Используйте для работы заключенных.

С советскими железными дорогами не смог справиться даже сверхэнергичный Каганович, большой любитель устраивать разносы подчиненным. Когда нарком Байбаков пришел к Кагановичу с докладом, тот рассвирепел, схватил его за лацканы пиджака и принялся сильно трясти. Берия рассказал

Сталину о припадках ярости Железного Лазаря.

– Положение на железных дорогах постоянно ухудшается, потому что он отказывается прислушиваться к советам товарищей, – пожаловался чекист. – Он пытается решать все вопросы при помощи истерик.

Результатом интриг Лаврентия Берии стала суровая критика Кагановича за плохую организацию эвакуации промышленных предприятий и неспособность эффективно работать в условиях войны. Лазаря сняли с поста наркома путей сообщения, но вскоре, правда, восстановили.

Скромными были и успехи Вячеслава Молотова в выпуске танков.

– Как дела у Молотова? – спросил Сталин у Берии, который опять пришел в Маленький уголок с Микояном и Маленковым.

– Он не имеет связи с заводами, неумело руководит ими и проводит бесконечные совещания, – ответил Лаврентий Павлович.

Вскоре он добавил к своей империи танки.

Молотов в Лондоне, Мехлис в Крыму, Хрущев в кризисе

8 мая 1942 года комиссар иностранных дел Советского Союза вылетел на четырехмоторном бомбардировщике в Лондон. Сталин поручил ему добиться от англичан обещания открыть Второй фронт и признать границы СССР по состоянию на 1941 год, то есть включая Прибалтику.

Путешествие через всю Европу в то время, когда континент охвачен войной, было, конечно, очень рискованным предприятием. Маршрут полета разрабатывал любимый летчик Сталина, генерал авиации Голованов.

«Сталин был большим конспиратором, – вспоминал Голованов. – Полет Молотова планировался в абсолютной тайне. Я должен был прятать карту с маршрутом в стол, даже когда в кабинет входил мой заместитель. Сталин сказал: „Только мы втроем должны об этом знать: вы, Молотов и я“».

Полет прошел удачно. «Мистер Браун», как для маскировки назвали Молотова, приземлился в Шотландии. На аэродроме его встречал Иден. Они добрались до Глазго, а оттуда отправились на поезде в Лондон. Узнав, что об открытии Второго фронта не может быть и речи, Молотов отказался даже обсуждать предложение Идена о заключении дружественного договора, в котором не упоминались границы Советского Союза. Молотов немедленно проинформировал Сталина: «Мы считаем договор неприемлемым. Это пустая декларация…» Однако вождь неожиданно его не поддержал. «1. Мы не рассматриваем договор с Британией как пустую декларацию, но считаем его очень важным… Может быть, он очень даже неплох. Он развяжет нам руки. Вопрос с границами все равно будет решаться с позиции силы. 2. Желательно как можно быстрее подписать договор и вылететь в Америку».

Тем временем Молотов знакомился с прелестями загородной жизни в Великобритании. Возможно, по причинам безопасности он попросил, чтобы его разместили не в самом городе. Уинстон Черчилль предложил русскому гостю поселиться в Чекерсе, своей официальной загородной резиденции. На мистера Брауна изящный особняк времен Тюдоров особого впечатления не произвел. «Некрасивое старое здание, с совсем маленьким садом, – записал он в дневнике. – Наверное, его подарил правительству какой-нибудь аристократ». Сталин и Молотов

признавали только громадные русские дворцы. В Чекерсе Вячеславу Молотову понравились уборные: «Там была отличная ванная комната, но без душа».

Как только Молотов приехал в Чекерс, его охрана вежливо, но твердо попросила ключи от всех жилых комнат. Нарком каждую ночь запирался на замок. «Когда прислуге удавалось попасть в его комнату, чтобы заправить постель, служанки испуганно вздрагивали каждый раз, когда находили под подушкой оружие, – писал Черчилль. – Перед тем как лечь спать, он клал рядом с халатом и сумкой пистолет». В отсутствие Молотова спальню, словно церберы, сторожили его верные охранники.

Подписав 26 мая договор, Вячеслав Молотов вылетел в Вашингтон на встречу с президентом Рузвельтом. Американский президент подарил ему свою фотографию в зеленой шелковой рамочке с дарственной надписью: «Моему другу Вячеславу Молотову от Франклина Рузвельта. 30 мая 1942 года». Молотову Рузвельт показался «дружелюбным и приятным в общении». Белый дом понравился ему больше, чем Чекерс. Особенно уборные и ванные комнаты. «Здесь все как положено, – записал он. – В ванной есть душ».

Возвращаясь в Москву, советский наркоминдел 9 июня остановился в Лондоне. Прежде чем он вновь отправился в опасное путешествие через всю Европу, произошло знаменательное событие. Это случилось во время разговора Черчилля с русским министром у ворот сада на Даунинг-стрит. «Я взял его за руку, и мы посмотрели друг другу в глаза, – писал в воспоминаниях Уинстон Черчилль. – Неожиданно я понял, что он был очень тронут. Из-под этой маски выглянул вполне нормальный человек… Мы молча пожали друг другу руки. Мы как бы говорили друг другу, что находимся по одну сторону баррикад и что это вопрос жизни и смерти для всего человечества».

Молотов не скрывал, что поладил с Черчиллем: «Да, мы выпили бокал или два вина и проговорили всю ночь». Но он ни на минуту не мог позволить себе забыть, что мистер Черчилль – «сильнейший и умнейший среди империалистов, 100-процентный империалист». «Так я подружился с буржуазией», – пошутил Молотов.

В Москву Вячеслав Михайлович привез неопределенное и ни к чему особенно не обязывающее обещание открыть Второй фронт, очень важный и ценный договор с Соединенными Штатами о ленд-лизе и дружественный союз с Великобританией. «Моя поездка и ее результаты были для нас большой победой», –

хвалился наркоминдел.

На обратном пути Молотова ждали большие приключения. На его самолет сначала напали немецкие истребители, а потом и советские, принявшие его за вражеский бомбардировщик.

* * *

Отправив Молотова на Запад, Верховный главнокомандующий начал серию контрнаступлений по всей линии фронта. Он не без оснований предполагал, что Гитлер вновь начнет атаку на Москву. Однако проницательность подвела Сталина и здесь. Фюрер решил изменить направление главного удара. Он планировал летнее наступление на юге с целью захвата украинского зерна и – самое главное – кавказской нефти. Ошибка Сталина заключалась в том, что после сражения под Москвой он явно переоценил силы Красной армии. У него было недостаточно сил для запланированного большого наступления. В результате вместо того, чтобы развить успех под Москвой, Сталин передал инициативу вермахту и позволил немцам одержать летом 1942 года ряд впечатляющих побед, которые привели к очередному кульминационному моменту войны – сражению под Сталинградом.

Конечно, Верховный только усугубил ошибку, передав огромную власть группе своих помощников. Они мнили себя военными гениями, но на деле оказались ни на что не годными начальниками. Наибольший вклад в летние неудачи внес, естественно, сам Иосиф Виссарионович. Совсем немного уступил ему в этом очень храбрый, работающий двадцать четыре часа в сутки кровожадный Мехлис. Сейчас акула Мехлис находился в апогее славы. При каждом удобном случае он старался подчеркнуть близость к вождю. «Когда Мехлис появлялся в приемной, он даже не ждал приглашения Поскребышева войти в кабинет, – вспоминал один нарком. – Мехлис быстро пересекал приемную и заходил в кабинет Сталина». Он всегда был предельно откровенен со Сталиным. Видимо, поэтому вождь и доверял ему, как никому другому. Если Лев Захарович о чем-то писал Верховному, то меры следовали незамедлительно.

Узнав о захвате склада немецкой порнографии, Лев Мехлис тут же открыл новый фронт. На этот раз он развернул борьбу против германской эротики, написав пропагандистскую листовку под названием «Как Гитлер разлагает свою армию». Его помощники робко предположили, что порнография в буржуазной армии вполне естественна и что Гитлер едва ли

формирует вкусы своих солдат. Но демон не стал слушать советчиков и напечатал одиннадцать миллионов экземпляров этого забавного и глупого документа.

В начале 1942 года Мехлис посетил Волховский фронт, который, как решила Ставка, должен был снять осаду с Ленинграда. У генералов не хватало сил для крупного наступления. Как и следовало ожидать, оно закончилось полным провалом. Мехлис приехал разбираться в причинах неудачи, а затем, конечно же, арестовать и расстрелять виновных.

После этой чистки Сталин предложил Ворошилову возглавить Волховский фронт, но тот смело отказался, чем вызвал негодование Верховного. Он с сарказмом заклеймил Клима и его неспособность руководить людьми.

К концу июня никто из сталинских военных дилетантов не мог спасти положения на Волховском фронте. Армия была разгромлена и попала в плен вместе с талантливым молодым генералом Власовым. Устав от ошибок вождя, он перешел на сторону немцев. Сталин был в ярости. Пока он проклинал Власова в присутствии Берии и Молотова, последний удивленно спросил:

– Как мы могли проморгать его перед войной?

Иосиф Виссарионович, как всегда, конечно, попытался переложить вину на других. На этот раз козлом отпущения он решил выбрать Хрущева. Однако руководитель Украины напомнил, что Верховный сам предложил поставить Власова во главе контрнаступления под Москвой. Сталин обычно с уважением относился к тем, кто давал ему отпор. Он промолчал и больше о Власове не заговаривал.

Отказавшийся принять Волховский фронт Ворошилов попал в немилость. Но Мехлиса и Кулика, допустившего целую серию грубейших просчетов, Сталин по-прежнему ценил очень высоко. В октябре 1941 года Григорий Кулик не сумел освободить Ленинград. В ноябре его послали на противоположный край фронта спасать Керчь. Кулик приехал в Крым слишком поздно. Керчь захватил Манштейн, один из лучших генералов Гитлера. Сталин был так разозлен, что всерьез подумывал отдать Кулика под трибунал и расстрелять. Но казнить старого товарища не стал, а ограничился разжалованием. После потери Керчи маршал Кулик стал генерал-майором.

Лев Мехлис отправился разбираться, почему опоздал самолет с Куликом на борту. Этого он так и не выяснил, но компромата на бывшего маршала нашел немало: любовь к пирушкам, для которых Кулик держит бочки с вином и водкой; недостача в 85 898 рублей; наконец, совсем юная жена. Григорий Кулик

быстро пришел в себя после исчезновения предыдущей супруги и завел роман с подругой дочери. Узнав о возрасте новой супруги маршала, Сталин пошутил, что, похоже, тот выкрал ее из колыбели. Вождь хотел снять Кулика с поста заместителя наркома обороны, но за него вступился Жуков. Глупый солдафон был снова прощен и, как это ни удивительно, даже пошел на повышение. Однако дружба со Сталиным, как и для многих других друзей Кобы, закончится для него печально.

В марте 1942-го Сталин приказал нанести удар из Керчи по центру полуострова. Он хотел хоть немного облегчить положение защитников осажденного Севастополя. Мехлис, так же как и его покровитель, считал себя настоящим полководцем. Поэтому с энтузиазмом отправился в Крым руководить армией в четверть миллиона человек. На месте он сразу начал терроризировать генерала Козлова и полностью игнорировал командующего фронтом Буденного. Сталин провел сложную комбинацию, но в результате рокировки заменил недалекого взяточника-алкоголика на такого же недалекого, хотя и неподкупного, фанатика-маньяка. Вождь требовал от Мехлиса начать наступление в назначенный срок. Акула ответил, что у него недостаточно боеприпасов и оружия. «Я арестую и отдам под трибунал снабженца, если он не выправит положение за два дня. Мы организуем для немцев большой концерт!» – пообещал он.

2 марта Лев Мехлис начал «большой концерт». Как нетрудно догадаться, наступление закончилось полным провалом. Оно стало ярким примером того, что может получиться, если попытаться соединить безумные репрессии с военной наукой. Чтобы поддержать боевой дух красноармейцев на высоком уровне, главный политрук Красной армии запретил рыть траншеи и окопы. Он утверждал, что всякий, кто пытается предпринять хотя бы элементарные меры безопасности, является паникером и трусом. Немцы превратили советские войска в кровавую кашу. Мехлис забрасывал Сталина телеграммами с просьбой разрешить ему усилить репрессии. «Товарищ Берия, правильно! Позаботьтесь о том, чтобы в Новороссийске не дышал ни один подонок, ни один мерзавец!» – написал Сталин на одной из телеграмм Мехлиса.

Лев Захарович носился по фронту на джипе и, размахивая пистолетом, тщетно пытался остановить отступление. Он не пытался добыть себе славу, но «тупая тирания и деспотичные решения этого военного дилетанта», по словам поэта Константина Симонова, свидетеля тех событий, привели к полной катастрофе.

7 мая Манштейн контратаковал и заставил Мехлиса покинуть Крым. В окружение попали 176 тысяч человек, 400 самолетов и 347 танков. Мехлис метался, обвиняя во всем Козлова и умоляя Сталина прислать опытного генерала. Верховный был вне себя от ярости. «Вы занимаете странную позицию стороннего наблюдателя, который не несет никакой ответственности за крымскую катастрофу, – упрекал он Мехлиса. – Это очень удобная позиция, но от нее очень дурно пахнет. Вы не наблюдатель, а представитель Ставки. Вы требуете замены Козлова кем-нибудь вроде Гинденбурга. Но у нас нет никаких Гинденбургов. Если бы вы использовали авиацию против вражеских танков и солдат, а не во второстепенных боях, враг не прорвал бы линию фронта. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь…»

Кстати, желание иметь своего Гинденбурга, немецкого героя войны 1914 года, спустя почти тридцать лет показывает, как устарели взгляды придворных Сталина на военное дело. В 1942 году эталоном военачальника был не Гинденбург, а Гудериан.

28 мая измученный Мехлис появился в приемной Сталина. Он попытался узнать настроение Верховного по поведению его помощников. Александр Поскребышев не обратил на него никакого внимания.

– Сегодня Хозяин очень занят, – сказал он через какое-то время. – Много неприятностей, черт возьми!

– Наверное, что-то случилось на фронте? – заискивающе спросил Мехлис.

– Вам виднее.

– Я хочу доложить товарищу Сталину о неудаче в Крыму.

– Судя по всему, руководство операцией не соответствовало ее высоким целям, – заявил Поскребышев. – Товарищ Сталин очень огорчен.

Лев Захарович покраснел. Тут в разговор вмешался молодой Чадаев:

– Наверное, вы считаете, что поражение вызвано объективными причинами?

– Что вы сказали? – Мехлис гневно повернулся к нему. – Откуда вам знать? Вы не солдат! Я настоящий солдат. Да как вы смеете…

В этот момент дверь слегка приоткрылась, и из кабинета выглянул Сталин.

– Здравствуйте, товарищ Сталин! – Мехлис вскочил. – Можно мне доложить…

– Иди к черту! – прорычал Иосиф Виссарионович и громко

хлопнул дверью.

Лев Мехлис, если верить Поскребышеву, позже буквально валялся в ногах у Сталина. Его отдали под трибунал, понизили в звании и сняли с поста заместителя наркома обороны.

«Все кончено!» – рыдал Мехлис, но Сталин и в этот раз проявил к нему поразительную лояльность. Через двадцать четыре дня он назначил мрачного демона комиссаром фронта, а через какое-то время произвел его в генерал-полковники.

* * *

Наверное, судьбе было угодно, чтобы поражениями, в которых были повинны Сталин, Мехлис и Кулик, дело не ограничилось. Очередная катастрофа произошла на Юго-Западном фронте. Там Тимошенко с Хрущевым попытались вернуть Харьков. Они начали наступление из выступа в линии фронта, но не заметили возможной контратаки немцев. Эту опасность предвидели Жуков и Шапошников. Они пытались отговорить Ставку от необдуманного шага. Тимошенко, любимый боевой генерал Сталина, настоял на наступлении, и Верховный согласился с его мнением.

12 мая 1942-го Тимошенко и Хрущев, оба необразованные, грубые и энергичные большевики, успешно атаковали позиции противника и отбросили передовые части немцев. Сталин был в восторге от этого успеха. Еще больше радовался Адольф Гитлер. Он не мог поверить своему счастью. Через пять дней его бронетанковые дивизии разгромили фланги Тимошенко и взяли советские войска в железные тиски. Русские больше не наступали. С каждым днем положение становилось все опаснее. Ставка умоляла Сталина приказать Тимошенко прекратить наступление. Верховный предупредил маршала, что немцы заходят ему с флангов, но тот ответил, что полностью контролирует ситуацию. 18 мая, когда Семен Тимошенко и Хрущев наконец поняли, что происходит на передовой, почти четверть миллиона человек попала в окружение.

Незадолго до полуночи храбрый крестьянин Тимошенко, панически боявшийся Сталина, уговорил Хрущева позвонить в Москву и попросить отменить наступление. Сталин в ту ночь был на даче. Когда в Кунцеве зазвонил телефон, он попросил ответить Маленкова. Хрущев настаивал на том, чтобы позвали Сталина.

– Скажи мне! – потребовал Георгий Маленков.

– Кто там звонит? – крикнул Сталин.

– Хрущев, – ответил Маленков.

– Спроси, что ему нужно.

– Товарищ Сталин хочет, чтобы ты рассказал все мне, – повторил Маленков. Через несколько секунд он крикнул Сталину: – Он говорит, что нужно остановить наступление на Харьков.

– Положи трубку! – рассердился Верховный. – Какой из него военный, он же ничего не понимает в этих делах! Военные приказы должны беспрекословно выполняться. Хрущев сует свой нос куда не следует. Мои военные советники лучше разбираются в военных делах.

Анастас Микоян был потрясен реакцией вождя. Хрущев звонил с линии фронта, вокруг него умирали люди, а Сталин не соизволил сделать десять шагов и отказался с ним разговаривать.

Когда немецкие тиски окончательно сомкнулись, в котле оказались 250 тысяч советских солдат и офицеров и 1200 танков. На следующий день Сталин все же отменил наступление, но было поздно. Обрадованные большим успехом немцы устремились к Волге и Кавказу. Дорога на Сталинград была открыта.

* * *

Тимошенко и Хрущев боялись, что их отдадут под трибунал и расстреляют. Совсем недавно они были хорошими друзьями, но сейчас, стараясь спасти свою жизнь, превратились во врагов. По одной из версий, у Хрущева после окружения под Харьковом, во время полета в Баку, произошел нервный срыв. Багиров, секретарь Азербайджанской партии, был союзником Берии. Естественно, он тут же сообщил патрону о прибытии Хрущева. Потрясенный разгромом Хрущев начал обвинять в ошибках Тимошенко. Маршал не сидел сложа руки. Он энергично пытался переложить вину на комиссара фронта.

«Товарищ Сталин, должен добавить к этому рапорту следующее. На наши действия сильно повлияло нервное состояние товарища Хрущева. Оно постоянно ухудшалось, – написал Тимошенко Верховному главнокомандующему. – Товарищ Хрущев ни во что не верит. Нельзя принимать ответственные решения, если есть сомнения. Весь Совет фронта считает, что в его поведении кроется основная причина нашего поражения. Об этом трудно говорить, но товарищ Хрущев очень серьезно болен. В нашем докладе мы не стали говорить, кто виноват. Товарищ Хрущев хочет обвинить во всем только

меня».

Сталин хотел приказать Николаю Булганину разобраться, что же на самом деле произошло под Харьковом и кто виноват. Опытный царедворец Булганин уловил настроение Верховного. Тот явно не хотел настоящего расследования причин неудачи, возможно, потому, что частично сам был в ней виноват. Не исключено, что Булганин отказался, поскольку дружил с Хрущевым. Сталин не стал настаивать. Он решил простить Хрущева.

– Он не понимает важности статистики, но мы должны мириться с его недостатками, потому что в руководстве страной настоящие пролетарии только он, Андреев и Калинин, – сказал вождь, вызвал провинившегося соратника и преподал ему урок истории: – Ты знаешь, что во время Первой мировой войны, когда наши армии попали в немецкое окружение, царь отдал генерала под трибунал и его повесили.

В конце концов Хрущев был прощен и вновь отправлен на фронт. Однако Никита Сергеевич знал много примеров, когда Сталин точно так же успокаивал людей, отпускал их и спустя какое-то время приказал арестовать. Иосиф Виссарионович проявил удивительную терпимость и к Тимошенко. Когда маршал, понеся огромные потери, попросил подкреплений, он получил из Ставки язвительный ответ: «Может, настало время воевать без таких больших потерь, как это делают немцы? Воюйте не количеством, а качеством. Если вы не научитесь лучше сражаться, вам не хватит всего вооружения, производимого в нашей стране». Такой совет из уст Верховного главнокомандующего, который, пожалуй, меньше других военачальников в истории ценил солдат, не может не вызвать улыбки. Но даже после отступления остатков Юго-Западного фронта Сталин относился к Семену Тимошенко неплохо, хотя и советовал с едким сарказмом: «Не бойтесь немцев. Гитлер не так уж и плох, как говорят».

Хрущев считал, что их пощадили, потому что Микоян и Маленков были свидетелями его звонка в Кунцево. Но все может быть проще. Сталин обладал властью казнить и миловать, а Хрущев и Тимошенко ему нравились.

Позже Сталин унизил Хрущева. Генсек высыпал ему на голову пепел и объяснил:

– Так делали древние римляне. Когда римский полководец проигрывал сражение, он посыпал голову пеплом. Это было самым большим унижением для римских офицеров.

* * *

19 июня 1942-го на советской территории упал самолет люфтваффе. В нем оказался портфель с планом летнего наступления немцев. Гитлер хотел развить харьковский успех и устремиться дальше к Сталинграду и Северному Кавказу. План был логичным, но Сталин решил, что информация или неполная, или неверная. Никаких мер к отражению наступления он не предпринял. Через неделю, как и говорилось в найденных документах, немцы начали наступление. Сначала они проделали большую брешь между Брянским и Юго-Западным фронтами и устремились к Воронежу, потом повернули на Сталинград. Гитлер очень нуждался в топливе и поэтому хотел захватить нефтяные месторождения. Прилетев в штаб в Полтаве, он объяснил фельдмаршалу фон Боку:

– Если мы не возьмем Майкоп и Грозный, мне придется заканчивать войну.

Тимошенко и Хрущев стремительно отступали к Сталинграду. Маршал попросил подкреплений, но получил резкий ответ Верховного: «Если бы дивизии продавались на базаре, то я бы купил вам парочку, но, к несчастью, они не продаются».

И вновь фронт Тимошенко начал разваливаться под ударами немецких танков и пехоты. 4 июля Верховный саркастически поинтересовался у маршала:

– Триста первая и двести двадцать седьмая дивизии действительно окружены и вы сдаетесь врагу?

– Двести двадцать седьмая отступает, – ответил Тимошенко. – Что же касается триста первой, то мы не можем ее найти.

– Ваши предположения похожи на ложь. Если вы продолжите терять дивизии с такой же скоростью, как сейчас, то скоро вам некем будет командовать. Дивизии не иголки, потерять их очень сложно.

У Гитлера от успехов наверняка закружилась голова. Он разделил свои силы на две части. Одна группа армий наступала через Дон на Сталинград, а другая двигалась на юг, к кавказским нефтяным месторождениям.

После потери Ростова-на-Дону Сталин издал еще один жестокий указ, известный как «Ни шагу назад!». Документом повелевалось расстреливать паникеров и трусов на месте. Началось формирование заградительных частей, которые располагались за линией фронта, отлавливали и расстреливали тех, кто колебался и уходил с передовой. Несмотря на эти сверхжесткие меры, остановить продвижение немцев не удалось. Южная армейская группа вермахта «А» ворвалась на Кавказ.

4 и 5 августа Сталин, Молотов и Берия почти две ночи не выходили из кабинета. Немцы в это время взяли Ворошиловск

(Ставрополь) и устремились к Грозному и Орджоникидзе (Владикавказу). На Волге они приближались к Сталинграду. 6-я армия фон Паулюса должна была взять город и рассечь Россию надвое.

* * *

12 августа в обстановке надвигающейся катастрофы в Москву прилетел Уинстон Черчилль. Он хотел лично сообщить советскому руководителю, что в ближайшее время Второй фронт открыт не будет. Свою миссию британский премьер-министр сравнивал с «доставкой льда на Северный полюс». Молотов встретил Черчилля в аэропорту и отвез в отведенную резиденцию. Британец обратил внимание на то, что стекла в «паккарде» не меньше пяти сантиметров толщиной.

– Так надежнее, – объяснил Вячеслав Молотов.

Сталин и Берия отнеслись к приезду Черчилля очень серьезно. Безопасность британского премьера обеспечивали 120 человек. Охрана вокруг Кремля была удвоена. Иосиф Виссарионович решил поселить гостя с Туманного Альбиона в собственной резиденции, на даче № 7 в Кунцеве. Как обычно, он старался все держать в тайне. Лишь спустя шестьдесят лет британцы узнали, что их руководитель останавливался на даче Иосифа Сталина. Может, вождь хотел отплатить Черчиллю добром за то, что тот поселил Молотова в Чекерсе.

Черчилль в гостях у Сталина. Мальборо против Веллингтона

В Кунцеве Черчилля принимал крепкий подтянутый мужчина, похожий на адъютанта княжеской семьи. Британца ввели в столовую Сталина. Длинный стол был заставлен яствами и деликатесами, которые только может иметь правитель огромной империи. Премьер-министр с любопытством попробовал несколько блюд.

Черчилль описывал загородный дом Сталина следующим образом: «Окруженный забором почти пятиметровой высоты, который охраняется с обеих сторон, этот огромный прекрасный дом утопает в садах и еловом лесу. Территория поместья составляет двадцать акров. Вокруг удобные дорожки для прогулок, фонтаны и большой стеклянный аквариум с золотыми рыбками. Меня провели через просторную приемную комнату в спальню и ванную. Обе эти комнаты немногим уступали по размерам приемной. Электрический свет был таким ярким, что слепил глаза. Все сверкало, кругом царила идеальная чистота».

После трехчасового отдыха Черчилля, Гарримана и британского посла, сэра Арчибальда Кларка Керра, повезли в Кремль. С русской стороны во встрече принимали участие Сталин, Молотов и Ворошилов. Последний сейчас отказался от своей основной профессии и стал дипломатом. Он прилагался к представлениям, которые разыгрывали с иностранными дипломатами Иосиф Сталин и Вячеслав Молотов, в качестве шута.

Уинстон Черчилль решил начать с плохих новостей. Второго фронта в этом году не будет, сообщил он русским союзникам. Сталин, которого ждало крупное сражение на Волге, отреагировал на слова британского премьера с сарказмом.

– Невозможно выигрывать войны, не рискуя, – заметил он и добавил после небольшой паузы: – Напрасно вы так боитесь немцев.

Черчилль проворчал, что Британия сражалась с Гитлером один на один в 1940 году. Покончив с неприятной частью своей миссии, он сообщил, что британцы и американцы намерены провести операцию «Факел», направленную на захват Северной Африки. Цели операции премьер проиллюстрировал при помощи рисунка крокодила с мягким брюхом и большого глобуса, который стоял в соседней со сталинским кабинетом комнате.

Сталин проявил проницательность и интуицию, тут же перечислив собеседнику причины, по которым операция «Факел» вполне могла иметь смысл. «Это показывало, что русский диктатор быстро соображает и неплохо владеет принципами военной стратегии», – писал позже Черчилль.

Затем Иосиф Виссарионович еще больше удивил гостей.

– Да поможет Бог вашему предприятию! – неожиданно сказал он.

Утром следующего дня состоялась встреча между Черчиллем и суровым дипломатом Молотовым. Британский премьер предупредил русского собеседника:

– Сталин делает большую ошибку, грубо обращаясь с нами, после того как мы так далеко зашли.

– Сталин – очень мудрый человек, – ответил Молотов. – Вы можете быть уверены в том, что, как бы он ни был резок, он все понимает.

В 11 часов Сталин и Молотов в сопровождении постоянного переводчика Павлова приняли Черчилля в Маленьком уголке. Британскому премьер-министру был вручен меморандум. В нем русские упрекали Запад в том, что Лондон и Вашингтон тянут с открытием Второго фронта, и насмехались над трусостью британцев.

– Только беспримерная храбрость советских войск заставляет меня простить обвинение в трусости, – пробурчал Уинстон Черчилль и пустился в одно из своих типичных витиеватых рассуждений.

В нем он доказывал, насколько Запад предан своим русским союзникам. Он постоянно обращался к своему переводчику Данлопу, работой которого был явно недоволен:

– Вы ему это сказали? Перевели?

– Слова ничего не значат, – с улыбкой заметил Сталин. – Важен дух человека.

Встреча, несомненно, прошла в напряженной обстановке. Упреки Сталина рассердили Черчилля. Британский премьер вернулся на дачу, которая видела и более сердитых людей, и задумался, не уехать ли ему домой.

Вечером Черчилль, который все еще дулся на русских союзников, отправился в Кремль. Там, в Екатерининском зале, Сталин давал в его честь грандиозный банкет. Советский руководитель сидел в центре стола. Справа от него расположился Черчилль, слева – Гарриман. За Черчиллем сидели переводчик и генерал Алан Брук, начальник британского Генерального штаба. Еще дальше – Ворошилов.

Тамадой был Вячеслав Молотов. Он три часа произносил

тосты. За это время официанты подали девятнадцать блюд. Стол «ломился от самых разнообразных салатов и закусок, рыбных и мясных блюд, – писал Брук. – Это была самая настоящая оргия. Рядом с нами лежал маленький молочный поросенок. Его никто не ел. Он пристально следил за мной своими черными глазками. На рыле, украшенном апельсиновой кожурой, играла сардоническая улыбка».

Сталин вел себя очень дружелюбно, как будто не было неприятного дневного разговора. «Он ясно давал понять, что хочет подружиться, – считал Кларк Керр, – но премьер-министр отвечал на его заигрывания холодно».

Тогда Сталин призвал на помощь двусмысленную лесть.

– Несколько лет назад нас посетила леди Астор, – с веселой улыбкой погрузился вождь в воспоминания.

Когда гостья предложила пригласить в Россию Ллойд-Джорджа, Сталин ответил: «С какой стати мы должны приглашать человека, который организовал и возглавил против нас интервенцию?» Леди Астор его поправила: «Это не так. Возглавлял интервенцию Уинстон Черчилль, а не Ллойд-Джордж». «Если возникнет серьезный кризис, англичане могут призвать на помощь старого опытного политика, – сказал Сталин гостье из Великобритании. – К тому же нам больше по душе откровенный враг, который не скрывает, что он враг, чем фальшивый друг».

– Так вы меня простили? – поинтересовался Черчилль.

– Все обиды остались в прошлом, – заверил его бывший семинарист, – а прошлое принадлежит Богу. Нас рассудит история.

Неожиданно раздался шум. Телохранитель Черчилля, коммандер Томпсон, неловко откинувшись на спинку стула, выбил из рук официанта поднос с мороженым. Оно едва не попало в самого Сталина.

Верховный взял бразды правления за столом в свои руки и начал произносить тосты. Ворошилов показался Бруку «отличным добрым малым, который живо говорит на любые темы», хотя в военных делах, «как ребенок». Красный маршал заметил, что выходец из Ольстера пьет не водку, а воду. Тогда Климент Ефремович попросил официанта принести бутылку водки желтоватого цвета, в которой плавал перец, и наполнил ею оба бокала.

– Пьем до дна! – сказал Ворошилов.

Бруку удалось сделать лишь маленький глоток. Русский осушил залпом оба бокала огненной жидкости. «Ждать результата пришлось недолго, – вспоминал британский генерал. – Сначала

на лбу у него заблестели капельки пота, потом они потекли по лицу. Он помрачнел, нахмурился, сидел и молча смотрел прямо перед собой. Мне показалось, что он в любую минуту может упасть под стол. Не тут-то было! Ворошилов продолжал сидеть как ни в чем не бывало, только молчал и ни на что не реагировал». Пьяница с лицом ангела погрузился в навеянное перцем забвение. Это не укрылось от Сталина, который всегда все замечал. Он произнес тост в честь Климента Ворошилова, «на иронию которого западные гости не обратили внимания». Ворошилов является одним из главных организаторов Красной армии, и Сталин хотел бы сейчас поднять бокал за первого красного маршала. Вождь улыбался, как злой старый сатир. Молотов и остальные советские участники банкета прекрасно знали, что каких-то три месяца назад «первый красный маршал» расписался в собственном бессилии и сейчас находился в опале.

Климент Ефремович с трудом поднялся. Чтобы не упасть, он держался обеими руками за стол. Ворошилов стоял, слегка покачиваясь, и смотрел куда-то вдаль. Когда Сталин произнес тост, он сделал усилие и попытался собраться с силами и мыслями. Потом бросился вперед и сумел-таки чокнуться с Верховным главнокомандующим. Посмеявшись над Ворошиловым, Сталин начал произносить тост в честь Бориса Шапошникова. Клим с сознанием выполненного долга тяжело вздохнул и упал на свой стул.

После банкета Сталин пригласил Черчилля посмотреть документальный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», но британец был слишком сердит на генсека за дневной разговор и очень устал. Он попрощался и направился к выходу. Не успел Черчилль пройти и половину заполненного людьми зала, как Сталин догнал его и проводил к машине.

На следующее утро Уинстон Черчилль проснулся в мрачном расположении духа. Он «дулся, как ребенок», вспоминал Кларк Керр. Посол приехал на дачу в Кунцево и увидел, что премьер-министр собирает вещи. Оказывается, он решил отправиться домой. Надев шляпу, в которую могло вместиться по меньшей мере десять галлонов жидкости, несомненно, самый странный головной убор, который когда-либо видели в Кунцеве, Черчилль торопливо вышел в сад. Премьер повернулся спиной к Керру так, что тому пришлось разговаривать с его толстой розовой шеей. Посол заметил, что Черчилль, будучи аристократом, естественно, думает, будто его собеседники будут такими же, как он.

– Однако это люди совсем другого сорта. Они только что отошли от плуга или токарного станка, – сказал Керр.

– Но этот человек меня оскорбил, – мрачно произнес

Черчилль. – Отныне он может воевать сам. – В конце концов премьер остановился и спросил: – Что, по-вашему, я должен делать?

Через час помощник Уинстона Черчилля позвонил в Кремль и попросил организовать встречу между британским и советским премьерами тет-а-тет. Секретарь ответил, что товарищ Сталин на прогулке. Конечно, эта прогулка была дипломатической уловкой. Дело в том, что взрыв негодования Черчилля по времени совпал с важными событиями на фронте. После них битва под Сталинградом стала неизбежной. В 4.30 утра 6-я армия вермахта атаковала 4-ю танковую армию Красной армии в излучине Дона и разбила ее.

В шесть часов вечера Сталин наконец согласился встретиться с Черчиллем в Маленьком уголке. После разговора британский премьер попрощался и встал, чтобы уйти. Сталин, казалось, смутился, потом спросил, когда они встретятся вновь.

– Может, пойдем ко мне домой, – неожиданно предложил вождь. – Выпьем вина, поговорим…

«Я ответил, что в принципе поддерживаю такую неформальную политику», – вспоминал Черчилль.

Иосиф Виссарионович провел гостя и его переводчика, майора Бирса, через множество коридоров и комнат. «Потом мы вышли на пустынную дорожку внутри Кремля и, пройдя пару сотен ярдов, оказались на квартире, где он жил». Сталин показал премьер-министру свое «простое, но величественное» четырехкомнатное жилище. Многочисленные книжные шкафы и полки были пусты. Библиотека сейчас находилась в Куйбышеве. Домохозяйка, явно не Валечка, поскольку в своих мемуарах Черчилль назвал ее «пожилой женщиной», начала накрывать ужин в гостиной. Предложение Сталина и ужин не были экспромтом. Он спланировал их еще после обеда. Александра Накашидзе позвонила в Зубалово и сказала, что Сталин велел Светлане приехать в Кремль и быть готовой «показаться Черчиллю». Затем вождь заговорил о дочерях. Черчилль сказал, что у его дочери Сары рыжие волосы.

– Моя тоже рыжая. – Сталин кивнул.

Эти слова были сигналом для домохозяйки привести Светлану.

В комнате появилась «очаровательная рыжая девушка». Она поцеловала отца. Сталин вручил ей какой-то маленький подарок, потрепал по голове и улыбнулся. Потом признался, что в молодости тоже был рыжим.

«В тот вечер у моего отца было очень хорошее настроение, – писала Светлана. – В таком настроении он мог очаровать кого

угодно». Она помогла накрыть стол. Сталин в это время откупоривал вино. Светлана надеялась остаться на ужин, но когда разговор зашел «о пушках и гаубицах», Иосиф Виссарионович поцеловал ее и велел «идти заниматься своими делами». Она была разочарована, но покорно ушла.

– Почему бы нам не позвать Молотова? – предложил Сталин. – Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы решить все вопросы прямо здесь. У Молотова есть одно ценное качество – он умеет пить.

Когда к ним присоединился Вячеслав Молотов, на столе начали одно за другим появляться блюда. Кульминацией ужина, конечно, стал молочный поросенок. Сталин подшучивал над своим наркоминделом. Черчилль решил не отставать.

– Интересно, а мистер Сталин знает, что его секретарь по иностранным делам во время своего недавнего визита в Вашингтон сказал: он полон решимости без сопровождающих съездить в Нью-Йорк, а задержка с возвращением произошла не из-за каких-то поломок самолета, а потому что он в одиночестве гулял по Нью-Йорку? – спросил премьер.

Вячеслав Михайлович нахмурился. Уинстон Черчилль, конечно, не понимал, что такие шутки со Сталиным очень опасны. В тот вечер он посеял семена недоверия, которые едва не стоили Молотову жизни. Сталин рассмеялся.

– Он ездил не в Нью-Йорк, а в Чикаго, где живут гангстеры, – пошутил генсек.

– Эта война по напряжению такая же сильная, как ваша коллективизация деревни? – поинтересовался Черчилль.

– О нет, – ответил Сталин. – Тогда было труднее. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Британец пригласил советского руководителя в Лондон. Сталин вспомнил свое посещение британской столицы в 1907 году. Тогда он был в Лондоне с Лениным, Горьким и Троцким. Когда речь зашла о великих исторических лицах, Черчилль похвалил своего предка, герцога Мальборо, за то, что тот «во время войны за испанское наследство защитил свободу Европы». Было видно, что премьер очень гордится предком. Он долго хвалил полководческий талант Мальборо.

На губах Сталина заиграла плутовская улыбка.

– А по-моему, у Великобритании есть более выдающийся военный гений, – решил вождь подразнить гостя. – Веллингтон разбил Наполеона, который представлял куда большую опасность для Европы.

Часы показывали половину второго ночи, а они еще не приступили к еде. Сталин неожиданно захотел узнать

последние неприятные новости с Кавказа. Когда сэр Александр Кадоган, британский дипломат, принес набросок пресс-релиза, Сталин предложил ему попробовать молочного поросенка. «Мой друг поблагодарил, но отказался, – вспоминал Черчилль. – Тогда наш хозяин набросился на несчастную жертву сам».

Ужин закончился около трех часов ночи. Черчилль умолял Молотова не провожать его на аэродром, потому что видел, как тот устал.

– Вы действительно думаете, что я не смогу приехать? – с вежливой улыбкой поинтересовался Молотов.

Вернувшись в Кунцево, Черчилль лег на один из диванов Сталина. Он расхохотался и даже задергал в воздухе ногами.

– Сталин был потрясающим парнем. Какое удовольствие иметь дела с таким великим человеком!

Затем Черчилль решил принять ванну и начал раздеваться. С восторженными словами: «Сталин такой…» – он погрузился в горячую воду.

Союз был спасен. За окнами забрезжил рассвет. В Кунцево приехал Вячеслав Молотов, чтобы отвезти британского премьер-министра в аэропорт.

Сталинград и Кавказ. Берия и Каганович на войне

Сталин приходил в себя от ужина с Черчиллем на кремлевской квартире. В половину двенадцатого ночи он пришел в Маленький уголок. Там его ждали плохие новости. Обстановка на Северном Кавказе ухудшалась с каждым часом. Немецкие войска приближались к Грозному и Орджоникидзе. К Семену Буденному, командующему Северо-Кавказским фронтом, только что приехал Каганович. После увольнения с поста наркома путей сообщения Железный Лазарь захотел побывать на фронте. Сталин не возражал. Он поручил Кагановичу Северный Кавказ, потому что этот район был ему хорошо знаком. К тому же в годы Гражданской войны между Лазарем Моисеевичем и Семеном Михайловичем сложились хорошие отношения. Сейчас кривоногий казак и железный комиссар-еврей изо всех сил старались остановить немцев. Несмотря на неудачи на фронте, Семен Буденный оставался таким же весельчаком и храбрецом, как и двадцать лет назад. Во время обстрелов и бомбежек он отказывался прятаться в убежище. «Ничего, пусть бомбят», – только усмехался он. Каганович, попав на войну, представлял собой не самое приятное зрелище. Окруженный толпой офицеров из личной охраны и советников из Москвы, многочисленными нахлебниками, подхалимами и интриганами, Лазарь Каганович работал по ночам. Он постоянно находился в возбужденном состоянии, которое в любую минуту могло перерасти в шумную истерику. На нервы Железного Лазаря не оказывали успокаивающего эффекта ни четки, давно ставшие его визитной карточкой, ни цепочка для ключей.

Так же как коллеги, Каганович мнил себя большим военным стратегом. Он отдавал приказы и настойчиво вмешивался во все военные дела. Лазарь Моисеевич устанавливал невозможные сроки и кричал: «Лично доложить о выполнении приказа. В противном случае пеняйте на себя!» Однажды несколько грузовиков преградили дорогу его лимузину. Лазарь, как прозвали его фронтовые офицеры, пришел в ярость:

– Арестую! – заорал он с пеной у рта. – Засужу! Расстреляю!

Но его вопли и истерики не могли остановить немцев.

Лазаря Кагановича ранило в руку осколком шрапнели. Он очень гордился этой раной. Шрамы украшают настоящего мужчину, говорил Каганович, особенно те, что получены на фронте. Он оказался единственным членом политбюро,

которого ранило, пусть и легко, на передовой.

Когда Лазарь Моисеевич прилетел в Москву на совещание, Сталин заботливо поинтересовался о его здоровье. Позже, за ужином, вождь произнес тост и пожелал Кагановичу скорейшего выздоровления. Иосиф Виссарионович похвалил Железного Лазаря за храбрость, но был недоволен, что один из его ближайших помощников так глупо рисковал жизнью.

Немцы упорно продвигались вперед. Сталин опасался, что Закавказский фронт не выдержит натиска и отдаст нефтяные месторождения Баку. Если это произойдет, в войну на стороне немцев может вступить Турция, а это подтолкнет к восстанию неспокойные народы Кавказа.

Через четыре дня после отъезда Черчилля Сталин вызвал Берию.

– Лаврентий Павлович, – уважительно обратился он к наркому внутренних дел, – берите с собой всех, кого считаете нужным. Берите какое угодно вооружение, но пожалуйста, во что бы то ни стало остановите немцев.

После того как немцы захватили Эльбрус, Лаврентий Берия взял Меркулова и Штеменко, военного советника Сталина, и приказал Судоплатову собрать 150 грузинских альпинистов. С этой яркой свитой и сыном Серго, которому тогда было восемнадцать лет, он вылетел на нескольких американских самолетах «С-47» на юг. Первую остановку эмиссар Сталина сделал в Тифлисе. Генералы склонялись к мысли оставить Орджоникидзе из стратегических соображений. 22 августа Берия в сопровождении своей многочисленной свиты прибыл в Тифлис и начал запугивать закавказских военных и гражданских руководителей. Он обвел холодным взглядом участников совещания, в том числе Чарквиани, нынешнего хозяина Грузии, и сказал угрожающим тоном:

– Я переломаю вам хребты, если вы хотя бы еще раз заговорите об отступлении. Вы будете защищать город!

Когда один генерал предложил послать на передовую 20 тысяч солдат из войск НКВД, Лаврентий Павлович опять пришел в ярость и пригрозил сломать хребет и ему.

Чарквиани не был человеком Берии, но он считал, шеф НКВД спас ситуацию на Кавказе. А генералы, защищавшие Кавказ, после падения Лаврентия Павловича утверждали, что все его действия на фронте были «позерством» и он только мешал им воевать.

Берия имел приказ в крайнем случае взорвать все нефтяные вышки. Немцы не должны были получить нефть.

Сталин вызвал тридцатилетнего Николая Байбакова, заместителя наркома нефтяной промышленности. Когда Байбаков

зашел в кабинет, Верховный был один.

– Товарищ Байбаков, вам известно, что Гитлер хочет захватить кавказскую нефть? – спросил он. – Поэтому я и посылаю вас на Кавказ. Вы будете отвечать головой за то, чтобы ни одна капля нефти не попала в руки врага.

Байбаков оказался в незавидном положении. Он рисковал головой и в том случае, если начнет уничтожать нефть слишком рано.

Перед тем как отпустить молодого чиновника, Иосиф Виссарионович произнес:

– Вы знаете, что сказал Гитлер? Он сказал, что без нефти Германия проиграет войну!

Когда Байбаков прилетел на юг, Берия добавил свою порцию угроз. «Я был просто раздавлен огромной ответственностью, – рассказывал Байбаков. – Я недооценил опасность положения, в которое попал». Он взорвал ряд нефтяных вышек за считаные минуты до прихода немцев и спас свою голову.

Сталин поручил Лаврентию Берии еще одно задание. Он должен был подавить в зародыше сепаратистские настроения народов Северного Кавказа. Неудивительно, что главный центр работы НКВД летом 1942 года переместился на Северный Кавказ. Лаврентий Павлович был грузином-мингрелом. Он вырос среди грузинских абхазов и обладал множеством предрассудков. Грузины никогда не доверяли мусульманам, скажем тем же чеченцам. В Грозном Берии донесли, что отдельные чеченцы в горах встречают немцев с распростертыми объятиями, как освободителей. Серго Берия, сопровождавший отца в той поездке, писал в мемуарах, что чеченцы отправили в Москву делегацию старейшин. Они пытались доказать, что поддерживают советскую власть и готовы сражаться с немцами, как их национальный герой Шамиль. Аналогия была очень неудачной. Шамиль тридцать лет воевал не с немецкими, а с русскими войсками, захватывавшими Кавказ. Так что это сравнение едва ли убедило Сталина в преданности горцев. Лаврентий Берия шутил с чеченцами, но за юмором скрывались глубокие подозрения.

Буденного и Кагановича Берия нашел в Новороссийске. Он был недоволен их действиями. «Эти два идиота дезорганизовали все, что можно», – явно преувеличивал Серго Берия.

Буденный был «мертвецки пьян» и «индифферентен». Каганович был трезв, но «дрожал как осиновый лист и ползал на коленях» перед Лаврентием Берией.

Немецкое наступление захлебнулось под Орджоникидзе и Грозным. Этому, несомненно, способствовало серьезное

сопротивление русских под Сталинградом. Берия вернулся в Москву победителем. Сталин, бешено ревновавший всех, кто добивался хоть каких-то успехов на фронте, подслушал, как он хвалится своими военными подвигами перед Маленковым.

– Теперь и Берия будет считать себя гениальным военачальником, – ворчливо пожаловался Верховный Борису Шапошникову.

Нарком внутренних дел рекомендовал снять Семена Буденного. Командование Северо-Кавказским фронтом было последней крупной работой усатого маршала. Сталин отозвал его в Москву и поручил заниматься кавалерией. Буденный попросил Верховного: «Мое сердце тоскует по сражениям. Отпустите меня в Сталинград!»

Семен Буденный знал, куда проситься. Сталинграду предстояло стать самым великим сражением в истории войн. К этому городу на Волге скоро будут прикованы взоры всего человечества.

* * *

Немцы наступали по суше и разрушали город Сталина с воздуха. Они пытались уничтожить этот промышленный гигант сильными бомбежками. Сталинградские заводы и фабрики превратились в первобытный пейзаж с пещерами и каньонами.

Сталин работал ночами напролет. Он уходил из Маленького уголка лишь под утро. Верховный был вне себя от гнева и ругал своих эмиссаров в Сталинграде, Маленкова и начальника Генерального штаба Василевского: «Враг прорвался с малыми силами. У вас достаточно войск, чтобы уничтожить немцев. Мобилизуйте бронепоезда, используйте дымовые завесы, сражайтесь день и ночь. Сейчас самое важное – не паниковать, не бояться наглого противника и поддерживать в людях веру в наш успех».

Наконец Сталин понял всю серьезность положения Сталинграда. Это привело его к необходимости изменить отношение к войне. Сейчас до него наконец дошло, что путь к выживанию и славе лежит через профессиональных генералов, а не через дилетантство отчаянных рубак-кавалеристов. 27 августа Верховный приказал Жукову немедленно вылететь в Сталинград. Перед отправкой вождь назначил его заместителем наркома обороны, но строптивый генерал отказался от повышения.

– Мой характер не позволит нам сработаться, – объяснил свой

отказ Георгий Жуков.

– Страна стоит на грани катастрофы, – сказал Сталин. – Мы должны спасти Родину любыми возможными средствами. При чем тут наши характеры? Давайте подчиним их интересам Родины… Когда вылетаете?

– Мне нужен день на сборы.

– Хорошо… Вы, наверное, проголодались? В самый раз перекусить.

Он позвонил Поскребышеву. Через несколько минут в кабинет принесли пирожные и чай. Так Верховный главнокомандующий отпраздновал начало самого удачного союза Второй мировой войны.

Прилетев в Сталинград, генерал Жуков встретился с Василевским. От него узнал, что немцы уже практически вошли в город. Сталин, как всегда, потребовал контратаковать. Но советские войска еще не были готовы к наступательным действиям.

Иосиф Виссарионович сейчас так переживал за Сталинград, что спал в кабинете на диване. Он приказал, чтобы Александр Поскребышев будил его через каждые два часа. Вождь был очень бледен, сильно устал и осунулся. Поскребышев не мог заставить себя разбудить Сталина. Он старался дать ему поспать хотя бы лишних полчаса.

– Филантроп выискался! – недовольно ворчал Сталин. – Соедините меня с Василевским. Быстрее!.. Лысый филантроп!

Сталин кричал на Василевского:

– Что там у вас происходит? Неужели они не понимают, что, если мы сдадим Сталинград, юг страны будет отрезан от центра, и нам его не защитить? Неужели они не понимают, что падение Сталинграда – это не только катастрофа Сталинграда? Мы потеряем главную водную артерию и скоро лишимся всей нашей нефти!

Сталинград сейчас имел не только стратегическую важность. Город носил имя генсека. Он сыграл очень большую роль в жизни вождя. Здесь, в Царицыне, Сталин получил в 1918 году известность как человек действия. Здесь он научился подавлять сопротивление врагов при помощи репрессий, завоевал доверие Ленина и вызвал ненависть Троцкого. В этом красном Вердене он познакомился с Климом Ворошиловым и Семеном Буденным, а также женился на Наде.

– Думаю, еще не все потеряно, – осторожно сообщил Василевский Верховному.

Сталин позвонил Жукову и приказал немедленно атаковать немцев:

– Задержка равносильна преступлению!

На Георгия Жукова эти грозные слова не произвели впечатления. Он ответил, что переходить в наступление рано.

– Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь? – Вождь усмехнулся.

На рассвете русские контратаковали, но добились ограниченного успеха. К этому времени немцы заняли почти весь город. Сейчас им осталось преодолеть сопротивление только 62-й армии, которой командовал Василий Чуйков. Этот курносый генерал с торчащими во все стороны волосами и золотыми зубами вцепился в западный берег Волги. Он из землянок отдавал приказы солдатам и яростно сражался среди развалин заводов и фабрик за каждый метр земли.

Продовольствие и боеприпасы доставляли буксиры. Они пересекали горящую Волгу. Казалось, в реке отражается судьба России. Доблесть и благородство, отчаяние и жестокость, присущие Сталинградской битве, ярко описаны Василием Гроссманом в эпическом романе «Жизнь и судьба». Красноармейцы дрались современным и давно устаревшим оружием. Они стреляли из снайперских винтовок и забрасывали противника гранатами, били немцев лопатами, обрезками труб, а когда не было и этого, сражались голыми руками. Они умирали, чтобы выиграть время.

Чуйков подчинялся генералу Андрею Еременко и комиссару Хрущеву. Никита Сергеевич снова ходил в сталинских любимцах. Но Сталинград был слишком важен, чтобы предоставить его оборону им одним. Верховный руководил Сталинградским фронтом лично. В самом городе командовали его представители, Жуков и Василевский. Нашлось дело и для Георгия Маленкова. Ему Сталин поручил присматривать за военными. Они часто приходили в землянку Еременко. «Я заметил, что Василевский и Маленков о чем-то все время шепчутся, – вспоминал Хрущев. – Не иначе как они собирались кого-то вновь обвинить в предательстве». Однажды Маленков вызвал офицеров, чтобы устроить им головомойку. Они пришли в землянку и увидели начальство – Жукова, Еременко и «низенького мужчину во френче, с рыхлым вспухшим лицом». Ругая офицеров, Георгий Маленков неожиданно обнаружил, что набросился на Василия Сталина. Василий, которому отец запретил участвовать в боевых вылетах, сейчас командовал дивизией в Сталинграде.

– Полковник Сталин, ваши летчики сражаются из рук вон плохо, – сказал Маленков и повернулся к следующему офицеру. – А вы, генерал в ермолке! Вы собираетесь воевать или играть в бирюльки?

После ухода Маленкова Хрущев и Еременко остались одни.

Это был звездный час Никиты Хрущева. Он жил в землянке и дружил с генералами, что оказалось очень полезно после смерти Сталина.

12 сентября командиры-соперники практически одновременно вылетели из Сталинграда, чтобы сделать доклад своим Верховным главнокомандующим. Фон Паулюс встречался с Адольфом Гитлером в Вольфшанце, посреди деревянных домиков и бункеров в районе Винницы, а Жуков и Василевский вылетели в Москву на встречу со Сталиным. Гитлер приказал Паулюсу как можно быстрее захватить весь Сталинград. Жуков и Маленков предлагали Верховному новые контратаки, чтобы обескровить противника и подготовить мощный удар. Вождь внимательно изучал карту. Он погрузился в раздумья и не обращал внимания на генералов.

Жуков и Василевский отошли от зеленого стола и начали шепотом обсуждать ситуацию. Видимо, нужно искать какое-то иное решение, говорили они между собой.

– А какое иное решение? – Сталин внезапно оторвался от карты и посмотрел на военных.

«Я никогда не думал, что у И. В. Сталина такой острый слух», – написал Жуков в воспоминаниях. Прежде чем генералы смогли ответить, Сталин сказал:

– Вот что, поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Завтра, в девять часов вечера, соберемся здесь.

У победы всегда много отцов. Успех в Сталинградской битве был плодом уникального союза и сотрудничества между Сталиным, Василевским и Жуковым. Каждый из этой троицы имел свои сильные стороны.

В 10 часов вечера 13 сентября Сталин ждал генералов в Маленьком уголке. Он сильно удивил Жукова и Василевского, пожав им руки, что делал крайне редко.

– Ну, что надумали? – спросил он. – Кто будет докладывать?

– Кому прикажете, – ответил Александр Василевский. – Мнение у нас одно.

Генералы развернули свою карту. На ней стрелками были нанесены направления и удары широкомасштабного наступления против флангов Паулюса, которые прикрывали слабые румынские союзники Гитлера. Советские войска должны были опрокинуть их, соединиться и полностью окружить немецкую армию в Сталинграде. Генералы назвали операцию «Уран».

Пока в Москве шло обсуждение операции «Уран», Паулюс в Сталинграде выполнял приказ, полученный под Винницей.

Немцы в очередной раз атаковали сильно потрепанную 62-ю армию.

В кабинет Сталина вошел Александр Поскребышев.

– Звонок из Сталинграда, на телефоне – Еременко.

Чуйков с огромным трудом отбивал атаки немцев на западный берег Волги. Перед тем как отправить Жукова и Василевского готовить операцию «Уран», Сталин торжественно сказал:

– Никто, кроме нас троих, не знает, о чем мы здесь сегодня говорили. Никто, кроме нас троих, не должен об этом знать, пока не наступит время.

9 октября Сталин вернул генералам командование над армиями. Он вновь пожал руки Жукову и Василевскому. Они стали специальными представителями Ставки на фронтах. Иосиф Виссарионович не любил, когда эти генералы сидели в Москве.

Александр Василевский возглавил Генштаб в мае. Сорокасемилетний генерал стал третьим членом команды Верховного главнокомандующего, которая решала самые критические проблемы войны. Во многом он был ближе к Сталину, чем Жуков.

* * *

Александр Михайлович Василевский был широкоплечим крепышом с тонким чувствительным лицом и мягкими подкупающими манерами. Ему покровительствовал маршал Шапошников. Этот выдающийся штабной офицер был наследником и преемником Шапошникова не только с профессиональной точки зрения. Он так же оставался джентльменом среди сборища грубиянов и головорезов и пользовался полным доверием Сталина. Порядочность Василевского озадачивала и забавляла Иосифа Виссарионовича, который этим качеством не обладал.

– Вы командуете десятками армий, – задумчиво говорил он, – но не можете обидеть и мухи.

Василевский являлся представителем исчезнувшего мира, который очень нравился Сталину. Его отец был священником в богатой деревне на Волге. В юности Александр тоже учился на священника, но стал, однако, капитаном царской армии. Вступив в Красную армию, Василевский был вынужден отказаться от отца-священника и порвал все связи с родителями. После совещаний Сталин нередко просил Василевского задержаться

и спрашивал, хотелось ли ему стать попом.

– Я бы не желал, чтобы вы им стали. – Генсек смеялся. – Вот мы с Микояном всерьез хотели быть священниками, однако нас выгнали. До сих пор не могу понять – почему.

В другой раз Сталин поинтересовался:

– Вам хоть как-то помогает религиозное образование?

– Полностью бесполезных знаний не бывает, – осторожно ответил Александр Василевский. – Кое-что из того, чему меня научили в семинарии, мне помогает в военной жизни.

– Лучше всего священников учат понимать людей, – размышлял Сталин.

Однажды он сказал Василевскому, что его отец тоже был священником.

– Когда вы в последний раз видели своих родителей? – неожиданно поинтересовался вождь.

– Я отрекся от них, – объяснил генерал. Он решил, что Сталин его проверяет. – Мой отец – священник, товарищ Сталин.

– Он у вас контрреволюционер?

– Нет, товарищ Сталин. Он верит в Бога, как положено священнику, но он не контрреволюционер.

– Когда на фронте станет чуть поспокойнее, думаю, вам стоит взять самолет, навестить ваших родителей и попросить у них прощения.

Сталин ни о чем не забывал. Не забыл он и об отце Василевского.

– Вы все-таки слетали к своим родителям, чтобы попросить у них благословения? – спросил он Василевского.

– Да, товарищ Сталин, – ответил начальник Генштаба.

– Пройдет очень много времени, прежде чем вы сумеете вернуть мне долг.

С этими словами Иосиф Виссарионович открыл сейф и достал какие-то бумаги. Это были квитанции денежных переводов. Оказалось, что Сталин всю войну посылал деньги родителям Василевского. Александр Михайлович был поражен и тронут. Он горячо поблагодарил вождя.

Но сейчас главным делом генерала Василевского был Сталинград.

Два тирана, одержимые идеями мессианства, готовили свои народы к победе. «Будет и на нашей улице праздник…» – намекнул Сталин в своей речи 7 ноября 1942 года. Адольф Гитлер на следующий день хвалился перед своим народом: «Я хотел выйти к берегам Волги не где-нибудь, а именно в этом городе. По воле судьбы он носит имя самого Сталина. Я хотел

захватить его, и вот сейчас он практически в наших руках!»

Маленький уголок в эти дни буквально дрожал и вибрировал от напряжения. Больше всего Сталина пугало, что немцы догадаются о его планах. 11 ноября он засомневался: хватит ли самолетов? Через два дня, 13-го, фон Паулюс предпринял последнюю попытку выбить Чуйкова с клочка земли в пятьдесят метров глубиной. Жуков и Василевский вылетели в Москву на последний инструктаж. «По тому, как Сталин курил трубку, приглаживал усы и ни разу нас не прервал, нам стало ясно, что он доволен подготовкой к операции», – писал Георгий Жуков.

Александр Василевский вернулся в Сталинград.

18 ноября Верховный главнокомандующий вместе с Берией, Молотовым, Маленковым и Жуковым, который остался в столице готовить операцию «Марс» под Москвой, работал в Маленьком уголке до 11.50 вечера. За три часа до начала наступления командирам трех фронтов в районе Сталинграда, генералам Еременко, Рокоссовскому и Ватутину, сообщили об операции «Уран». В полночь Сталин, чтобы скоротать время, отправился с соратниками ужинать. Он редко ложился спать раньше четырех часов утра.

Утро 19 ноября выдалось туманным. В 7.20 3500 орудий северного участка фронта открыли ураганный огонь по вражеским позициям. Земля дрожала от этого грома Юпитера даже в пятидесяти километрах от места обстрела. Миллион человек, 13 541 орудие, 1400 танков и 1115 самолетов начали громить гитлеровские войска.

Часть третья
Война. Победоносный гений. 1942–1945

Сталинградский триумф

Во время Сталинградской битвы Верховный главнокомандующий обычно спал, не раздеваясь, на металлической походной кровати. Она стояла под лестницей в Кунцеве, ведущей на второй этаж. Если происходило какое-то очень важное событие, то «лысый филантроп» Поскребышев, спавший в своем кабинете, звонил на дачу и будил Хозяина.

В первый день наступления Иосиф Виссарионович проснулся около одиннадцати. Штеменко позвонил из оперативного отдела с первым донесением о ходе операции «Уран». Политбюро и Генштаб, по крайней мере те сотрудники, которые жили по нормальному распорядку, работали с раннего утра. К тому же членам политбюро нужно было управлять собственными империями. Анастас Микоян, к примеру, трудился с 10 утра до почти 5 утра. Чувствуя, что засыпает, он мог позволить себе немного отдохнуть и пятнадцать – двадцать минут дремал на диване в кабинете.

В полдень Валечка, часто остававшаяся в доме, в Кремле или Кунцеве, до вечера, накормила Сталина легким завтраком. Следующие шестнадцать часов он руководил войной. Сотрудники Ставки докладывали о положении на фронтах дважды в день, в полдень и в девять вечера. Так что Верховный был в курсе всех событий.

Василевский находился в Сталинграде. Он с нетерпением ждал начала наступления. Сталин очень сердился, если его представители запаздывали с докладом. Когда начальник Генштаба как-то по серьезным причинам пропустил доклад, Сталин написал: «Уже 3.30, а вы еще не соизволили доложить. Вы не можете ссылаться на нехватку времени. Жуков, который не реже вас бывает на фронте, все же находит время для одного доклада в день. Разница между вами и Жуковым в том, что он дисциплинирован, а вам дисциплины не хватает. В последний раз вас предупреждаю, что если вы позволите себе и в дальнейшем забывать свои обязанности, то будете сняты с поста начальника Генерального штаба и отправлены на фронт».

Особенной пунктуальностью отличался Георгий Маленков. Он никогда не опаздывал с докладами. Андрей Жданов тоже считался пунктуальным чиновником, но его порой отвлекали сражения под Ленинградом. Сталину это, конечно, не нравилось.

– Очень странно, что товарищ Жданов не испытывает нужды подходить к телефону или попросить у нас совета в это опасное для Ленинграда время, – заявил однажды вождь.

Независимость своих подчиненных Сталин считал опасной и недопустимой.

В четыре часа дня в кабинете Верховного появился генерал Алексей Антонов. Этот молодой красавец после повышения Василевского возглавил оперативный отдел Генштаба. Сталин остановился на кандидатуре Антонова после того, как вынужден был снять нескольких его предшественников за банальную некомпетентность. Вскоре Алексей Иннокентиевич Антонов стал новым фаворитом вождя. Это был очень способный генерал. Антонов – человек большой культуры и большого обаяния, как отзывался о нем Георгий Жуков. Сталин требовал от своих подчиненных четких и точных докладов. Он не переносил, по воспоминаниям Штеменко, даже малейших приукрашиваний. Антонов быстро нашел подход к Верховному главнокомандующему. Он всегда сохранял полное спокойствие и доверялся своей интуиции, которая подводила его крайне редко. В зависимости от важности генерал раскладывал документы в папки разных цветов.

Рано вечером Сталин приезжал в Кремль в сопровождении кортежа несущихся на большой скорости «паккардов», если спал в Кунцеве, или просто спускался из своей квартиры, если проводил ночь в Кремле. В Маленьком уголке имелась уютная приемная с удобными креслами, которые Александр Поскребышев начищал до блеска. Ко времени прибытия Верховного в приемной обычно уже толпился народ. Люди, вызванные на аудиенцию или совещание, попадали в идеально чистую и тихую комнату. В приемной не было ничего лишнего – только самое необходимое. Посетители покорно показывали документы и давали себя обыскать. Никто, даже Георгий Константинович Жуков, не имел права входить в кабинет Сталина с оружием. Все сдавали пистолеты офицерам охраны. Прежде чем добраться до приемной, приглашенным следовало пройти несколько проверок. Когда они наконец оказывались в приемной, то видели сидящего за столом строгого Поскребышева. Он уже не носил полувоенный френч, как до войны, а щеголял в форме генерала НКВД.

Все ждали молча. Напряжение, царившее в приемной, не очень располагало к отвлеченным беседам. Новичков обычно мучили дурные предчувствия. Однако, как заметил один полковник, те, кто приходил в Маленький уголок не первый раз, волновались куда сильнее новеньких.

Около восьми вечера кто-то говорил, что приехал Сталин. По комнате прокатывалась волна шепота. Проходя через приемную, Иосиф Виссарионович молча кивал некоторым

знакомым. Полковник, на воспоминания которого мы уже ссылались, заметил, как сосед смахнул украдкой капли пота с лица и вытер руки платком. Перед кабинетом вождя находилась маленькая каморка. В ней сидел еще один, последний охранник.

Сталин входил в свой кабинет, яркую просторную комнату с длинным зеленым столом. В другом конце стоял его личный стол, всегда заваленный горой папок и документов. Тут же выстроились в ряд несколько телефонов разных цветов. Из стакана торчал десяток всегда отточенных карандашей. За столом находилась дверь. Она вела в личную уборную Сталина и комнату связи. В комнате связи стояли несколько кресел и телеграфы «Бодо». Отсюда можно было связаться со всеми фронтами. Здесь же находился знаменитый глобус, на котором Черчилль летом показывал Сталину операцию «Факел».

* * *

Тем вечером Сталина уже ждали Молотов, Берия, Маленков, Ворошилов и Каганович. Вождь кивнул и начал очередное заседание ГКО. Как всегда, он не тратил время на пустые разговоры и сразу перешел к делу. Совещание длилось несколько часов. Оно закончилось только после того, как Сталин удалился.

Сначала Иосиф Виссарионович сидел за своим столом. Потом стал ходить по комнате, изредка возвращаясь за своими сигаретами «Герцеговина Флор». Их табаком он всегда наполнял трубку.

На заседаниях царила строгая иерархия. Гражданские лица всегда сидели лицом к стене, где висели появившиеся с началом войны портреты Кутузова и Суворова. Генералы располагались напротив. Перед ними были портреты Маркса и Ленина. Такое размещение неслучайно. Оно являлось признаком никогда не затухавшей войны между гражданскими и военными.

Генералы немедленно разложили карты на столе. Сталин продолжал слегка вразвалку ходить по комнате. Он мог остановиться прямо перед человеком, к которому обращался, и заглянуть в глаза. Его цепкий и пристальный взгляд, казалось, обволакивал собеседника. Многим казалось, что этот взор их пронзал.

По команде Хозяина Александр Поскребышев начал вызывать из приемной участников совещания. «Вскоре, услышав свою фамилию, поднялся и мой сосед, – вспоминал полковник. – Он сильно побледнел, снова вытер дрожащие руки платком, взял папку и неуверенной походкой двинулся к двери». Поскребышев

видел его волнение. Перед тем как тот вошел в кабинет Сталина, Поскребышев посоветовал:

– Не волнуйтесь. Главное – не вздумайте с чем-нибудь спорить. Товарищ Сталин все знает.

Приглашенные на заседания ГКО специалисты должны были быстро и четко сделать доклад. Обычно им задавали несколько вопросов, после чего отпускали. Как только человек входил в комнату, мрачная троица Берии, Молотова и Маленкова поворачивалась и холодно смотрела на него.

Сталин излучал силу и энергию. «Все чувствовали мощь Сталина. Она давила, как физический груз, – вспоминал новый нарком путей сообщения, сотни раз приходивший с докладом в Маленький уголок. – Не меньшее впечатление производили его феноменальная память и то, что он так много знает. Рядом с ним каждый как бы уменьшался в росте, превращался в карлика».

Никого не обманывало внешнее спокойствие вождя. Все хорошо знали, что он может взорваться в любую минуту. Обычно Сталин говорил очень кратко. Он никогда не уставал и всегда казался очень холодным. Если Иосиф Виссарионович был недоволен, писал Жуков, то быстро выходил из себя. В такие минуты его покидала объективность. Лишь опытные и наблюдательные посетители могли почувствовать приближение бури.

Больше всего людей со стороны удивляла атмосфера, царившая на этих заседаниях. Совещания проходили в спорах и обсуждениях. Анастас Микоян тепло вспоминал «удивительно дружескую атмосферу», царившую среди большевистских руководителей в первые три года войны. Страной управлял ГКО под руководством Сталина. Обычно в работе ГКО участвовал Микоян. Позже к нему добавились Жданов, Каганович и Вознесенский.

«Часто вспыхивали горячие споры, – вспоминал Георгий Жуков. – Присутствующие высказывали свои взгляды резко и откровенно». Сталин во время дебатов ходил по комнате и внимательно слушал. Больше всего его интересовало мнение военных. «Особенно внимательным он становился, когда они не соглашались, – рассказывал адмирал Кузнецов. – Думаю, ему были по душе люди, которые имели собственное мнение и не боялись его высказывать». И хотя вождь сам способствовал созданию многочисленной свиты подхалимов, готовых лизать ему сапоги, они его раздражали. «С вами бессмысленно о чем-то говорить! – кричал он. – Что бы я ни говорил, вы на все отвечаете: „Да, товарищ Сталин. Конечно, товарищ Сталин. Очень мудрое решение, товарищ Сталин“».

Конечно, от военных не укрывалось, что партийные руководители всегда соглашались с Хозяином. Генералы же могли себе позволить спорить по отдельным вопросам. Но при этом они должны были вести себя крайне осторожно. По-настоящему откровенными с вождем были только Вячеслав Молотов и новичок советской элиты, Николай Вознесенский.

Генерал Жуков тоже был свидетелем горячих споров между Сталиным и упрямым Молотовым, который стоял на своем. Сталин начинал кричать, а Вячеслав Михайлович улыбался, но все равно не соглашался.

Сталин предложил Хрулеву возглавить наркомат путей сообщения. Тот отказался. Он знал, что железные дороги – это непосильная задача. Сталин нахмурился, но стерпел.

– Думаю, своим отказом вы показываете свое неуважение ко мне, – недовольно заметил он.

К счастью, никаких оргвыводов не последовало. Главный армейский снабженец был одним из его любимцев.

Как только Иосиф Виссарионович принимал решение, споры тут же прекращались. Он поручал то или иное дело какому-нибудь человеку. В качестве дополнительного стимула к работе всегда добавлялись угрозы. «Этот суровый человек проверял, как выполняется каждый приказ, – вспоминал нефтяник Байбаков. – Когда он что-то приказывал, то всегда помогал выполнить распоряжение. Поэтому я не боялся Сталина. Мы были откровенны друг с другом. Я выполнял его указания и делал свое дело».

Операция «Уран», казалось, вдохнула в Сталина новые силы. Как подметил Хрущев, он начал вести себя, «как настоящий солдат», считая себя «великим стратегом». Иосиф Виссарионович никогда не был военачальником, не говоря уже о какой-то полководческой гениальности. Но, если верить Жукову, который знал его лучше других, этот «выдающийся организатор начал показывать все большее соответствие должности Верховного главнокомандующего после Сталинграда». Он овладел техникой организации фронтовых операций и умело руководил ими, быстро разбирался в сложных стратегических вопросах. Ему помогали природный ум, профессиональная интуиция и отличная память. Этот многогранный человек, конечно, был очень талантлив, но не знал всех деталей и мелочей. Микоян был, вероятно прав, когда пришел к выводу: Сталин «знал о военных делах ровно столько, сколько должен был знать государственный деятель, но не больше».

* * *

В полночь из Сталинграда позвонил радостный Василевский. Румынские союзники Гитлера не выдержали удара и побежали. Выслушав генерала, Сталин связался с Поскребышевым и попросил сделать чай. Когда секретарь приносил чай в стакане с красивым разукрашенным подстаканником, находившийся в кабинете нарком или генерал, обычно это был Алексей Антонов, замолкал. Все завороженно наблюдали за ритуалом. Вождь неторопливо выдавливал сок лимона в чай, затем медленно вставал и шел в комнату отдыха. Через минуту Сталин возвращался с бутылкой армянского коньяка, который стоял во встроенном в стену буфете. Он наливал половину чайной ложки коньяка в чай, ставил бутылку на место, садился за стол и начинал размешивать чай. «Продолжайте!» – наконец говорил он докладчику.

Наступление под Сталинградом принесло быстрый успех. Сталин вместе с друзьями и соратниками покинул Маленький уголок в отличном настроении. Скорее всего, в ту ночь он поехал в Кунцево ужинать и смотреть кино.

Через четыре дня после начала операции «Уран» 6-я армия вермахта численностью 330 тысяч человек была полностью окружена. Сталин назвал этот успех «решающим моментом войны». Русские войска медленно, но неминуемо сжимали кольцо окружения. Контратака фон Манштейна не удалась. Немцы были обречены. Фашистские летчики не смогли снабжать попавших в окружение соотечественников продовольствием и боеприпасами. 6-й армии грозила медленная мучительная смерть от голода, мороза и динамита. Русские обошли армию Манштейна с фланга и ударили ей в тыл. Возникла реальная угроза окружения группы армий «Дон».

Целью операции «Кольцо» было уничтожение 6-й немецкой армии. Сталин решил поручить операцию не командующему Сталинградским фронтом Еременко, а Рокоссовскому.

– А вы что молчите? – обратился Верховный к хмурому Жукову.

– На мой взгляд, оба командующих достойны, – не сразу ответил Георгий Жуков. – Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

– Сейчас не время обижаться! – отрезал Сталин. – Мы не школьницы. Мы большевики.

Ночью 10 декабря Рокоссовский атаковал Паулюса. 6-я армия была рассечена на две части. Силы немцев таяли с каждым днем. Совсем скоро главным для них стала не борьба с русскими, а борьба за выживание. Они ели лошадей, кошек, крыс и друг

друга. В конце концов все, что можно было съесть, кончилось. 31 января фельдмаршал фон Паулюс сдался в плен. 340 тысяч умирающих от голода и обмороженных солдат, больше похожих на пугала, чем на людей, стали военнопленными. Сталин лично написал «молнию»: «Сегодня наши войска взяли в Сталинграде в плен командующего 6-й армией вместе со всем его штабом…»

* * *

Разгром немцев под Сталинградом добавил Сталину уверенности. Из-за железной маски советской серости показалась забрызганная кровью, но гордая новая большевистская Россия с медалями и золотыми галунами, которая начала пробиваться в Европу.

6 января 1943 года Сталин, посоветовавшись со старыми товарищами Калининым и Буденным, решил вернуть золотые эполеты и галуны царских офицеров. Иосиф Виссарионович подшучивал над Хрулевым, говоря, что тот якобы предложил восстановить старый режим. Однако сам указывал военным, что золотые галуны – это «не просто украшение, но также порядок и дисциплина», и требовал объяснить это в войсках.

Через две недели он произвел Жукова в маршалы, а спустя еще месяц, 23 февраля, всеведущий военный дилетант Сталин и сам присоединился к группе маршалов. Военная форма ему нравилась. В два остававшиеся до конца войны года Верховный редко показывался без мундира.

Одновременно с этим Иосиф Сталин слегка подрезал крылья Берии. В апреле Сталин отнял у Лаврентия Павловича военную контрразведку со страшными особыми отделами и перевел ее в наркомат обороны, то есть забрал себе. Военная контрразведка получила новое название – СМЕРШ, то есть «Смерть шпионам». Ловить вражеских шпионов вождь поручил коварному и жестокому Абакумову. Раньше этот тридцатипятилетний тайный полицейский считался человеком Берии. Сейчас он стал человеком самого Сталина.

Генсек одержал победу мирового масштаба, но, как и раньше, радость от нее была омрачена разочарованиями в личной жизни. Вскоре после Сталинграда он получил тревожную информацию. Ему принесли письмо, в котором сообщалось о моральном разложении его сына Василия и «недостойном» поведении любимой дочери, Светланы. А кроме того, немцы предлагали обменять Якова.

Дети Сталина и членов политбюро в годы войны

Беспрецедентная сдача фельдмаршала фон Паулюса унизила Гитлера так же глубоко, как Сталина – пленение Якова. Оба диктатора боялись, что эти унижения отразятся на их способности вести войну. Сотрудник Красного Креста граф Бернадотт обратился к Вячеславу Молотову с предложением обменять Якова Джугашвили на Паулюса. Молотов передал Сталину, но тот наотрез отказался менять маршала на лейтенанта.

– Все они мои сыновья, – сказал Сталин, как добрый царь, о своих подданных.

Отказ вождя обменять Паулюса на Якова многие считают очередным проявлением плохого отношения к старшему сыну, но это не совсем справедливо. Конечно, Сталин был массовым убийцей, но в данном конкретном случае трудно представить, чтобы Черчилль или Рузвельт стали менять своих сыновей, попади они в плен, когда вокруг убивают многих тысяч обычных людей. После войны один из грузинов, пользовавшийся расположением Сталина, набрался смелости и спросил, правда ли, что немцы предлагали обменять фельдмаршала Паулюса на Якова, или это выдумка. Иосиф Виссарионович опустил голову и печально ответил:

– Это правда. Вы только подумайте, сколько других сыновей закончили свои жизни в немецких лагерях! Кто бы их обменял на фон Паулюса? Они что, хуже Якова? Я отказался. Что бы мне сказали миллионы большевиков, отцов, у которых есть сыновья, если бы я забыл о них и согласился обменять Якова? Нет, я не имел на это права…

В этом разговоре мы вновь видим борьбу нервного, сердитого и мучимого угрызениями совести простого человека с супергероем, которым стал Джугашвили.

– Если бы я обменял Якова, – сказал тогда вождь, – то перестал бы быть Сталиным. – Он немного помолчал и добавил: – Мне было так жалко Яшу!

Несколькими неделями позже, 14 апреля, в лагере для военнопленных под Любеком Яков Джугашвили, мужественно отказавшийся сотрудничать с нацистами, покончил с жизнью, бросившись на колючую проволоку.

В Маленьком уголке о героическом поступке Якова не знали. Сталин в тот день работал с Молотовым и Берией. Около часа

ночи он поехал ужинать.

Какое-то время Иосиф Виссарионович вообще ничего не знал о судьбе старшего сына. Узнав, что Яков погиб как герой, он наконец стал им гордиться. Однажды в Кунцеве он неожиданно вышел во время ужина из-за стола. Встревоженные соратники отправились на поиски. Они нашли вождя с фотоальбомом в руках. Он смотрел на снимок Яши.

– Вы не видели моего Яшу? – спросил Сталин одного грузина уже после войны и достал фотографию старшего сына. – Смотрите! Он у меня настоящий мужчина! До самого конца оставался благородным человеком! Судьба обошлась с ним несправедливо…

Сталин приказал отпустить жену Якова, Юлию. Из лагеря она вернулась совсем другим человеком. Так же как и в случае с Надей, образ Якова преследовал Сталина до самой смерти.

* * *

В начале 1943 года Сталин получил письмо от Романа Кармена, главного режиссера советского документального кино. Кармен обвинял Василия Сталина в моральном разложении. Сталин-младший соблазнил его жену. Письмо разворошило осиное гнездо. Получив страстное обвинение Кармена, Сталин решил поинтересоваться, как живут его дети. Его потрясло то, что он узнал.

К кульминационному моменту Сталинградской битвы Василий Сталин уже вернулся в Москву. Его образ жизни можно было считать пародией на уклад аристократов из пушкинского «Евгения Онегина». Василия испортила лесть собственных придворных. Смерть матери и вечное недовольство отца оставили в нем глубокие незаживающие раны. Сталин-младший перескакивал через воинские звания с астрономической скоростью.

Он поселился в Зубалове. Сын Сталина превратил эту дачу, где когда-то жили его строгие родители, в дом развлечений. Здесь каждый день собирались веселые кампании, танцевали и волочились за юбками. Впрочем, дом сейчас имел мало общего с дачей, на которой жили Сталин и Надя. Его взорвали и отстроили заново.

Василий вел себя высокомерно. В то же самое время кронпринца смущало его высокое положение. Впрочем, имелось у него и положительное качество. Он был очень добр и щедр к друзьям.

При дворе царевича блистали кинозвезды, летчики, балерины. В Зубалове постоянно собирались толпы нахлебников. Свита Василия Сталина была как две капли воды похожа на отцовскую. Только, конечно, масштабы не те: Кармен и его красавица жена, актриса Нина, были в центре внимания двора Василия. Другими звездами стали лихой поэт Константин Симонов и его жена, киноактриса Валентина Серова. Сталин всех их знал лично. Ему очень нравились симоновские стихи цикла «С тобой и без тебя».

– Сколько экземпляров вы решили напечатать? – спросил он Меркулова.

– Двести тысяч, – ответил глава Госбезопасности.

– Я прочитал стихи и считаю, что было бы вполне достаточно всего двух: одного для нее, а второго для него. – Вождь улыбнулся.

Сталину так понравилась собственная шутка, что он повторял ее всю войну.

Атмосфера, царившая во время оргий в доме Василия, больше напоминала отчаяние, чем веселье. Хозяин был постоянно пьян и часто бил жену Галину, которая недавно родила ему сына Александра. Сын Сталина нередко доставал пистолет и вместе со своими беспутными друзьями начинал палить по люстрам. Он был очень недоволен запретом Сталина участвовать в боевых вылетах. Василий часто играл в подобие воздушной русской рулетки – садился в пьяном виде за штурвал самолета и поднимался в воздух.

Как-то ему захотелось покрасоваться перед хорошенькой подругой сестры, Марфой Пешковой. Как всегда, пьяный он прилетел в Ташкент и уговорил ее отправиться в Куйбышев повидаться со Светланой. «Он повез меня, пьяный и с пьяным экипажем, – с содроганием вспоминала Пешкова. – На крыльях намерз лед. Его нечем было оттаивать, потому что они выпили весь спирт. Тяжелый самолет начал терять высоту. Все кончилось тем, что мы потерпели аварию. К счастью, наш самолет врезался в стог сена».

Марфа была в ужасе. Василий отправился в ближайший колхоз за помощью. Вскоре он вернулся с группой колхозников. Его принимали в доме секретаря местной парторганизации как самого почетного гостя. Сталин-младший так напился, что жена секретаря на всякий случай заперла Марфу в своей комнате.

Молодым героям и звездам искусства Зубалово в годы войны казалось раем. Там, как объяснял кузен Василия, Леонид Реденс, «всегда было много еды и выпивки». Наследный принц завел

в Зубалове свой гарем. Познакомившись с Карменами, он по-настоящему влюбился в Нину и перевез ее к себе в особняк. Несмотря на то что жена Галина с сыном и Светлана давно вернулись из Куйбышева и тоже собирались жить в Зубалове, Василий крутил любовь с актрисой. Их роман, по словам Реденса, «превзошел все мыслимые и немыслимые границы». Никто не мог остановить царевича, за исключением монарха. Поэтому огорченному Кармену не оставалось ничего иного, как написать в Кремль. Сталин пришел в ярость. Он приказал Берии заняться друзьями Василия. Вскоре Иосиф Виссарионович узнал такое, от чего любой грузин, у которого была взрослая дочь, наверняка бы схватился за ружье.

* * *

Шестнадцатилетняя Светлана то пребывала в стерильной строгости кремлевской квартиры, то окуналась в разгульную жизнь в Зубалове. Она чувствовала себя одинокой. Светлана понимала, что не нужна ни вечно занятому отцу, ни неприятному брату. Эта рыжая девочка с веснушками рано созрела и превратилась в умную, но впечатлительную девушку с отличной фигурой. Внешне она напоминала Кеке, мать Сталина, а упрямством и жесткостью пошла в отца. Двоюродные родственники Реденсы считали, что Василий, несмотря на все его многочисленные пороки, был намного мягче и добрее сестры.

Она, как отец, очень любила читать. Светлана свободно владела английским. Она случайно нашла «Иллюстрированные Лондонские новости», возможно, в доме Берии, куда часто ездила в гости, и узнала о самоубийстве матери. «Во мне в тот день что-то умерло, – написала она. – Я больше не могла беспрекословно повиноваться приказам и воле отца».

В самый разгар Сталинградской битвы на одну из вечеринок Василия в Зубалово приехал красивый и элегантный известный сценарист Алексей Каплер. У Каплера было прозвище – Люся. Этот воспитанный мужчина и увлекательный рассказчик был женатым Казановой.

Сталин считал Алексея Каплера своим протеже. Вождь учил, каким он должен изобразить Сталина в сценариях фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Каплер приехал в Зубалово не с пустыми руками. С собой он привез фильм с участием Греты Гарбо «Королева Христина».

Светлана произвела на Каплера очень сильное впечатление. «Она была знатной дамой, а я – бедным доном Альфонсо, –

писал он. – Она была смелой и скромной. Мне было сорок, и я немалого добился в кино. Она жила, как в клетке, и задыхалась, хотя к ней относились как к богине». Умной и мечтательной Светлане Каплер казался героем, сошедшим со страниц романов ее любимого Дюма.

– Вы умеете танцевать фокстрот? – спросил он.

Светлана чувствовала себя неловко в туфлях без каблуков, но Каплер убедил ее, что она хорошо танцует. В тот день она надела свое первое красивое платье, сшитое у портнихи, и прикрепила к груди старую гранатовую брошь матери.

– Почему вы сегодня так печальны? – участливо поинтересовался Алексей Каплер.

Светлана объяснила, что сегодня исполняется ровно десять лет со дня смерти ее матери. Но никто не помнит об этой грустной дате… Они «почувствовали непреодолимое влечение друг к другу». Алексей давал Светлане читать взрослые книги и стихи о любви. Они помогали ей преодолеть страх перед грубостью секса, о которой постоянно рассказывал Василий. «Я боялась этой стороны жизни, – вспоминала она. – Я знала ее по неприличным рассказам Василия. Она казалась мне грязной и непристойной».

Роман был горячим и бурным. Но сексуальными их отношения так и не стали. «Поцелуй, вот и все», – писал Каплер. Но и поцелуи были для Светланы чем-то новым, неизведанным и волнительным. «Я была романтичной и чистой, – позже призналась она. – Мне внушали, что сексуальные отношения возможны только в браке. Отец никогда бы не разрешил мне роман с женатым мужчиной». Но война изменила все. В любое другое время Алексей Каплер, конечно, хорошенько бы подумал, прежде чем решиться соблазнить единственную дочь Сталина. Сейчас ему было все равно. Каплер считал, что Светлана в нем нуждается.

«Для меня Каплер был самым добрым, самым умным и самым замечательным человеком на земле, – рассказывала Светлана. – Мне казалось, что он знает все, что он – само обаяние».

Каплер познакомил неопытную школьницу со многими свободами, которые раскрыла война. Он возил ее в театр, дал почитать подпольный перевод романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Они танцевали фокстрот под мелодии джаз-банда на вечеринках, которые устраивал Василий в ресторане «Арагви». Каждое утро Светлана взволнованно рассказывала в школе о своем романе Марфе Пешковой. Каплер подарил ей дорогую брошь в виде жука, который сидит на листе дерева.

Харизматичный Дон Жуан был тронут бедственным положением Светланы Сталиной и искренне ей сочувствовал. Но он также наслаждался новым приключением. Каплер хвалился кинорежиссеру Михаилу Ромму, что сейчас стал близок к самому Сталину. Главный редактор «Правды» послал Каплера в творческую командировку в Сталинград. В статьях, озаглавленных «Письма лейтенанта Л. из Сталинграда», он смело описывал свою любовь. «Наверное, в Москве сейчас идет снег, – писал Алексей Яковлевич. – Из вашего окна видны стены Кремля с бойницами…» Те, кто был в курсе, пришли в ужас. Кому может прийти в голову так дразнить на первой странице «Правды» грузина, у которого взрослеющая дочь! Светлане же «письма» казались верхом рыцарства и безрассудной храбрости. «Как только я увидела эти строки, то сразу замерла… – написала она в воспоминаниях. – Но я понимала, что все это может закончиться очень плохо».

На уроках Светлана показала под партой Марфе газету со статьей.

После возвращения Каплера в Москву она умоляла его больше не приходить. В последний раз они встретились в пустой квартире около Курского вокзала, где собирались друзья Василия. Около двери ждал телохранитель Светланы Климов. Чекист нервничал. Он тоже хорошо понимал, чем могут закончиться такие свидания.

Лаврентий Берия уже сообщил о встречах Светланы с Каплером Сталину. Тот очень недовольным тоном сказал дочери, что она ведет себя неподобающим образом. Сталин считал, что Василий испортил сестру, и во всем винил его. Генсек снял сына с должности инспектора авиации за недостойное поведение и приказал посадить его на десять суток на гауптвахту. Потом отправил на Северо-Западный фронт. Власик, занимавший в сталинском доме высокое положение, посоветовал Алексею Каплеру уехать из Москвы. Каплер послал его к черту, но попросил начальство отправить его в командировку.

Тем временем Меркулов принес Сталину распечатки телефонных разговоров Светланы и Алексея Яковлевича. Прочитав, о чем беседовали влюбленные, Иосиф Виссарионович пришел в ярость. 2 марта Каплера силой посадили в машину. За ней ехал зловещий черный «паккард», в котором с очень важным видом сидел генерал Власик. На Лубянке Власик и Кобулов быстро организовали следствие и вынесли приговор: пять лет лагерей в Воркуте за «антисоветские убеждения».

На следующий день Сталин был в особенно плохом настроении. К семейным неприятностям прибавились проблемы

на фронте. Манштейн вновь отобрал Харьков и угрожал свести на нет победу под Сталинградом. В тот день вождь был так зол, что встал на несколько часов раньше обычного. Светлана одевалась в школу с няней. Сталин вошел в спальню дочери, чего никогда раньше не делал. Грозного выражения его глаз было достаточно, чтобы нянька окаменела от страха. Он буквально задыхался от бешенства и едва мог говорить.

– Где они? – с трудом пробормотал Иосиф Виссарионович. – Где письма от твоего «писателя»? Я все знаю! У меня есть распечатки ваших разговоров по телефону. – Он ткнул пальцем в карман френча. – Ладно, отдай их мне. Твой Каплер – британский шпион! Он арестован!

Светлана отдала каплеровские письма и сценарии, но выкрикнула:

– Я люблю его!

– Любишь? – с ненавистью возопил Сталин и впервые в жизни ударил дочь по лицу. Потом еще раз. Затем повернулся к испуганной няньке. – Ты только подумай, няня, как низко она опустилась! Идет такая война, а она трахается!

– Нет, нет, нет… – попыталась объяснить нянька, всплеснув толстыми руками.

– Что значит «нет»? – более спокойно спросил Сталин. – Я все знаю. – Потом он сказал Светлане: – Ты только посмотри на себя! Кому ты нужна? Ты дура! Его окружают женщины.

Сталин собрал все письма, вышел в столовую и сел за стол, за которым ужинал с Черчиллем. Забыв о войне, он начал читать письма. В тот день Верховный так и не появился в Маленьком уголке.

После обеда, когда Светлана вернулась из школы, Сталин рвал каплеровские письма и фотографии.

– Писатель! – Он зло усмехнулся. – Даже не умеет толком писать по-русски… Не смогла найти себе русского!

Его особенно злило то, что Алексей Каплер – еврей.

Светлана ушла к себе. После того дня они не разговаривали много месяцев. От прежней любви отца и дочери остались жалкие обломки.

Поведение Сталина в деле Каплера многие считают вершиной его жестокости. Но даже сегодня родители, какими бы современными ни были, не будут сидеть и умиляться, когда соблазняют их дочерей-школьниц. Особенно если соблазнитель – плейбой средних лет. У Сталина остался грузинский менталитет. И в строгом девятнадцатом веке, и в наши дни горячие грузинские отцы хватаются за ружья, как только речь заходит о чести их дочерей. «Он был грузином, и поэтому должен был

застрелить этого бабника», – считал Владимир Реденс. Много лет спустя, работая над мемуарами, Светлана писала, что Сталин отреагировал неадекватно, но он думал, что защищает дочь от развратника, который годится ей в отцы.

Через несколько дней Василий со своей свитой вылетел на Северо-Западный фронт. Там ему даже удалось один или два раза участвовать в боевых вылетах. Ссылка никак не отразилась на его поведении. В мае он отправился на рыбалку. Пьяные летчики ловили рыбу, глуша ее в пруду авиаракетами со взрывателями замедленного действия. Одна из ракет неожиданно взорвалась и убила Героя Советского Союза.

26 мая Сталин приказал командующему военно-воздушными силами Новикову: «1. Немедленно снять полковника В. И. Сталина с поста командира воздушного полка. 2. Объявить офицерам полка, что полковник Сталин уволен за пьянство, моральное разложение и подрыв боеготовности полка».

Но оставаться внизу сыну диктатора было невозможно. К концу года Василий получил очередное повышение и вскоре уже разъезжал вдоль линии фронта на «роллс-ройсе». Когда ему хотелось полетать, он просто подавался в первый попавшийся авиаполк и брал напрокат самолет.

Однажды на запруженной машинами и людьми дороге на Балтийском фронте перед лимузином Василия застряла полуторка. Шофер отказался уступать дорогу. Тогда Сталин-младший, к ужасу собутыльников, выхватил пистолет и прострелил грузовику колеса.

Что касается Светланы, то она вскоре вновь влюбилась. На этот раз ее избранником оказался таинственный мужчина. Она так и не назвала его имени ни в мемуарах, ни в одном из интервью, которых за пятьдесят лет дала не один десяток.

* * *

В марте 1943 года, вскоре после дела Каплера, Сталину в конце концов удалось остановить наступление Манштейна. В результате боев линия фронта приняла новые причудливые очертания. В районе Курска в немецкие позиции вгрызался советский клин. Гитлер приказал провести операцию «Цитадель». Она должна была отсечь этот отросток. Сталин со своими генералами тем временем решал, что делать. Ему, как всегда, хотелось атаковать. Но Жуков с Василевским сумели уговорить его не торопиться. Они предлагали вымотать противника и разбить его. Ожидание сделало Верховного

главнокомандующего еще более возбужденным и нервным. К счастью, урок Сталинграда не прошел даром. Сейчас он решил послушать генералов. Сражению под Курском предстояло стать самой крупной танковой битвой в истории человечества.

Ужин со Сталиным продлился с трех часов ночи до семи утра. Выйдя из-за стола, Жуков и Василевский помчались в Генштаб разрабатывать план сражения. Маленков, как обычно, следил за генералами. Микоян собирал резервы. 300 тысяч рабов Берии вырыли почти пять тысяч километров траншей и окопов. Когда все было готово, больше миллиона солдат, включая резервы, и около 6 тысяч танков принялись ждать наступления немцев.

Ожидание всегда было мучительно трудным для нервного Верховного. Он выпустил пар, устроив страшный разнос авиаконструктору Яковлеву. Сталин и Василевский изучали куски крыла истребителя «Як-9», которые лежали на столе. Сталин показал на обломки и спросил Яковлева:

– Что вам об этом известно?

Яковлев не ответил, вождь начал кричать. «Я никогда не видел Сталина таким взбешенным», – вспоминал Яковлев. Сталин хотел выяснить, когда был обнаружен брак. Узнав, что это произошло уже после запуска истребителя на конвейер, он еще больше вышел из себя.

– Да вы знаете, что только самый коварный враг мог поступить так хитро – делать хорошие с виду истребители, которые на фронте окажутся ни на что не годными. Этот человек работает на Гитлера! Вы знаете, какую пользу вы принесли Гитлеру? Вы гитлерист!

«Трудно себе представить наше состояние в тот момент, – признавался Александр Сергеевич Яковлев. – Меня била дрожь…»

В кабинете наступила гробовая тишина. Сталин несколько минут молча ходил по комнате, потом спокойно спросил:

– Что будем делать?

На рассвете 5 июля 1943 года немцы перешли в наступление. Со стороны Гитлера в этом сражении участвовали 900 тысяч человек и 2700 танков. К 9 июля немецкое наступление выдохлось. Еще через три дня маршал Жуков начал контратаку. Она стоила огромных потерь, но оказалась очень успешной. Сражение под Курском стало кульминационным моментом эры бронетанковых войск. Поле боя превратилось в кладбище для 700 танков и многих тысяч сгоревших танкистов. Отказавшись от дальнейшего проведения операции «Цитадель», Адольф Гитлер лишил себя последней возможности выиграть войну.

Днем 24 июля в Маленький уголок пришли Антонов и Штеменко. Сталин находился в приподнятом настроении. Он не стал слушать их доклад, а просто подписал сообщение о победе, добавив слова: «Вечная слава героям, которые пали на поле сражений в борьбе за свободу и честь нашей Родины!»

* * *

Сталин был не единственным из советского руководства, у кого во время войны возникли проблемы с детьми.

Хрущев и Микоян внесли большой вклад в победу под Курском. Первый был фронтовым комиссаром, второй – главным снабженцем армии. Так же как в случае с вождем, для них радость победы омрачили проблемы с детьми. Сталин сочувствовал своим соратникам по политбюро и в то же самое время проявлял полное бессердечие.

Леонид Хрущев, старший сын Никиты Хрущева от первого брака, как и Василий Сталин, был летчиком. И так же как кронпринц, был бездельником. Сейчас он решил стать сталинским Вильгельмом Теллем. После критики по комсомольской линии Леонид, казалось, взялся за ум, женился на Любови Кутузовой, которая родила ему дочь Юлию, и даже храбро сражался на бомбардировщике. Однако по-прежнему оставался пьяницей и скандалистом. Напившись, Леонид Хрущев часто хвалился, что очень метко стреляет. Однажды кто-то предложил ему стрелять по бутылке, поставленной на голову летчику. Хрущев перебил бутылке горлышко, но даже такого меткого выстрела этим сорвиголовам показалось мало. Леонид выстрелил второй раз. В последний миг его рука дрогнула. Пуля угодила офицеру в лоб. Хрущева отдали под трибунал.

Никита Сергеевич, конечно, мог бы обратиться к Сталину с просьбой о помиловании, ссылаясь на храбрость сына. Но Сталин, который не спас Якова, едва ли захотел бы защищать сына Хрущева. Впрочем, вмешательство Верховного не понадобилось. Леонида Хрущева не отправили в лагеря, ему разрешили остаться боевым летчиком.

11 марта 1943 года Хрущев вступил в бой с двумя немецкими «фокке-вульфами» под Смоленском. Его самолет сбили, ни тела Леонида, ни обломков так и не нашли. Ходили слухи, что Леонид стал предателем и перешел на сторону противника. Это бросало тень и на его жену.

Любовь Хрущева, пока муж воевал, развлекалась в Куйбышеве. Однажды она пришла в театр с очень красивым

мужчиной, военным атташе посольства Франции. На нее, вероятно, донес главный охранник Хрущева. Любовь Хрущеву арестовали. Ее допрашивал сам Абакумов. Она получила несколько лет лагерей.

В окружении Сталина произошла очередная трагедия. Маленькой Юле сказали, что мама умерла. Никита Хрущев с женой удочерили ее и постарались стереть у нее из памяти воспоминания о родителях. Девочка называла Никиту Сергеевича папой. Хрущевы были строгими родителями. Никита, похоже, верил в вину невестки. «Сталин играл просто в игру и ничем не рисковал, а для Хрущева на кону стояла его жизнь, – рассказывала Юлия. – Он никогда не вспоминал те события и даже на пенсии рассказывал о них самыми общими словами. Для него то, что произошло, было и очень унизительно, и очень больно». Юлия Хрущева не исключает, что события 1943 года могли сыграть свою роль в разоблачении культа личности Сталина через 13 лет.

* * *

Летом наступила очередь Анастаса Микояна. Двое старших сыновей Анастаса Ивановича были летчиками. Степан был ранен. В Сталинграде погиб 18-летний Владимир. Сталин приказал Василию взять Степана в свою дивизию и «позаботиться, чтобы больше в семье Микоянов не было потерь». Василий Сталин приказал технику Степана солгать, что его самолет не может летать. Однако долго этот обман продолжаться не мог.

Младшие сыновья Микоянов вместе с детьми других членов политбюро жили в Куйбышеве. Там пятнадцатилетний Вано и четырнадцатилетний Серго подружились с неуравновешенным сыном Шахурина, наркома авиационной промышленности. Володя Шахурин играл в глупую и рискованную игру – в правительство. Он назначил наркомами юных Микоянов и зачем-то записал это в свою школьную тетрадь. По возвращении в Москву Шахурин влюбился в Нину, дочь посла Уманского. Дипломат только что получил очередное задание и собирался за границу.

– Я не отпущу тебя, – сказал юный Шахурин Нине.

Школьники в это время шли по Каменному мосту рядом с Кремлем. Володя взял у Вано Микояна пистолет, который тот одолжил у охранников отца. Шахурин обогнал девушку, застрелил ее и убил себя. Вано в ужасе прибежал в Кремль и рассказал обо всем матери. Делом занялся НКГБ. Вскоре стало

известно, что пистолет дали Володе Шахурину юные Микояны. Когда же чекисты выяснили, что они были к тому же министрами в школьном правительстве, в деле запахло заговором. Вано Микоян был арестован.

«Вано просто исчез, – вспоминал Серго. – Мама была в панике. Она обзвонила все отделения милиции, но никто ничего не знал». Анастас Микоян, кабинет которого находился по соседству с кабинетом Сталина, связался с Берией. Потом позвонил Ашхен и «успокоил» ее:

– Не беспокойся, Вано на Лубянке.

Микоян знал, что арестовать его сына могли только с разрешения Сталина. Проницательный армянин решил не обращаться к вождю. Он боялся, что просьбы только ухудшат положение сына. Через десять дней в Зубалове был арестован и Серго. Его прямо в пижаме привезли на Лубянку.

– Я должен сказать маме… – пытался объяснить он чекистам.

– Не беспокойся, – ответили они. – Мы привезем тебя обратно через час.

Всего было арестовано и посажено двадцать шесть школьников. Среди них был и сталинский племянник, Леонид Реденс, отца которого расстреляли в 1940 году. Следователи доложили, что дети невиновны, но Сталин ничего не хотел слушать. «Они должны быть наказаны», – решил он.

Получив столь неопределенный приказ, на Лубянке задумались. Что делать с юными заключенными, никто не знал. Мальчиков допрашивал генерал-лейтенант Влодзимирский, один из самых страшных бериевских палачей. «Это был высокий и красивый мужчина в форме, – рассказывал Серго. – Он был очень противный и кричал на нас».

Серго Микоян провел целую неделю в одиночной камере. В декабре, после шести месяцев на Лубянке, допросы неожиданно прекратились. Дети сильно испугались. Следователь показал Серго чье-то признание. В нем говорилось, что он является членом организации, целью которой является свержение правительства.

– Подпиши – и отправишься к матери, – пообещал чекист.

– Не подпишу, – наотрез отказался Серго. – Это неправда.

– Это не имеет никакого значения! – заорал генерал. – Подписываешь – и возвращаешься домой. Не подписываешь – и возвращаешься в камеру. Прислушайся…

Серго прислушался и уловил звуки голоса матери в соседней комнате. Все дети подписали признания.

«Конечно, это признание могли использовать против моего отца, – понимал Серго. Его, Ашхен и Вано отвезли в Кремль. –

Я очень обрадовался, что отца не было дома. Я очень боялся его гнева».

Вечером Анастас Микоян сказал Вано:

– Если ты виноват, удавлю собственными руками. А сейчас иди и отдыхай.

Младшему он не сказал ни слова.

На этом дело не закончилось. Через три дня юным «заговорщикам» пришлось отправиться в ссылку. Серго и Вано Микояны прожили целый год в Сталинабаде под присмотром домохозяйки. Сталин не забыл детский «заговор». Позже он собирался использовать его против Микояна.

Сталинский конкурс песни

Около одиннадцати часов вечера 1 августа 1943 года кортеж автомобилей, в которых находились Сталин и Берия, прибыл на станцию Кунцево. Вождь и главный чекист сели на поезд, закамуфлированный ветвями берез. Специальный состав защищали гаубицы. В отдельном вагоне везли большой запас еды. Сталин и Берия отправились на запад. Контрнаступление под Курском, операции «Румянцев» на севере и «Кутузов» на юге, названные в честь русских полководцев, царских героев, прошли очень успешно. Сейчас Сталин считал, что можно без особого риска посетить фронт.

В Гжатске Иосиф Виссарионович отдохнул. Затем поезд двинулся к Ржеву на Калининском фронте. Во Ржеве Сталин пересел в «паккард». Штаб было решено разместить в неприметном домике с красивой верандой в деревне Хорошево. Там сейчас находится музей. В этой деревенской избе Верховный и принимал генералов. Жуков доложил, что взятие Орла и Белгорода является вопросом времени. У Сталина было хорошее настроение. Ужин прошел в веселой атмосфере.

Деревенский колорит выезда на фронт усилила старушка хозяйка. Вождь гордился своим умением общаться с простым народом. Он неожиданно захотел компенсировать причиненные неудобства и решил заплатить за постой. Сталин долго думал, сколько же дать старушке. Он так и не решил, сколько это может стоить, потому что с 1917 года очень редко видел и тем более держал в руках деньги. Но даже если бы он остановился на определенной сумме, то расплатиться ему все равно бы не удалось. Денег у вождя, естественно, не было. Иосиф Виссарионович не растерялся и попросил наличных у соратников и помощников. Возникла забавная сцена. Руководители государства рабочих и крестьян начали хлопать по карманам френчей, звенеть медалями и шуршать золотыми галунами, но ни один из наркомов так и не сумел найти ни копейки, чтобы расплатиться с хозяйкой. Сталин рассердился и обругал своих приживал. Впрочем, он и здесь нашел выход из положения – рассчитался с хозяйкой продуктами.

Во время осмотра деревни вождь, конечно, сразу заметил, что вместо крестьян она буквально кишит чекистами, которые безуспешно пытались спрятаться. Он поинтересовался, сколько в Хорошево согнали человек. Лаврентий Берия попытался увильнуть от ответа. Тогда Сталин начал кричать. Нарком признался, что его безопасность обеспечивает целая дивизия

войск НКВД. От генералов не укрылось, что в деревне нет ни одного крестьянина. Всех их перед приездом Сталина выселили и заменили на чекистов.

Ночь Сталин провел на койке старухи. Он спал, укрывшись шинелью. Утром выслушал доклад Еременко.

В Хорошево срочно вызвали Воронова. Генералу пришлось проехать не один десяток километров, чтобы попасть на эту таинственную встречу. «Наконец мы приехали в красивую рощу, из-за деревьев выглядывали маленькие деревянные домики», – писал он. Генерала провели в избу. Рядом с наспех сколоченным грубым столом стояли две скамьи. У стола был Сталин. Для связи с фронтами связисты провели специальный телефон. Генералы, дожидавшиеся аудиенции, спокойно озирались по сторонам. На них театральные декорации особого впечатления не произвели.

– Ну и положеньице!.. – прошептал Воронову какой-то генерал.

Только тут артиллерист понял, что все эти декорации должны изображать фронтовую обстановку.

Сталин закончил совещание. Он с довольным видом отдал несколько приказов и отпустил военных, которые вернулись на настоящий фронт. Покончив с делами, Иосиф Виссарионович спросил, можно ли подъехать ближе к линии фронта, но Берия категорически запретил это делать. Тогда вождь посетил военный госпиталь в Юконове. Охранники утверждали, что он расстроился, увидев, как много пациентов без рук или ног. Потом вождю неожиданно стало плохо. Дал о себе знать артрит. Пришлось возвращаться. Бронированный «паккард» с машинами охраны двинулся в обратный путь.

Вдруг машины остановились. «Ему было нужно опорожнить кишечник», – написал позже Микоян, который услышал эту историю от кого-то из присутствовавших в поездке. Сталин вышел из «паккарда» и спросил, не заминированы ли растущие вдоль дороги кусты. Вопрос, на удивление, оказался сложным. По крайней мере, ответить на него никто не сумел. Делать было нечего. Верховному главнокомандующему пришлось спускать штаны в присутствии многочисленной свиты. На глазах у генералов и офицеров охраны он присел прямо на дороге и справил нужду.

Вернувшись в Кремль, Сталин немедленно рассказал о своей героической поездке в письме президенту Франклину Рузвельту. В это время он как раз обсуждал с ним и Черчиллем первую встречу лидеров Большой тройки. «Я был на фронте, и поэтому только сейчас могу ответить на ваше письмо», – сообщил Сталин.

Он написал, что не может встретиться с Рузвельтом и Черчиллем в Скапа-Флоу, гавани на Оркнейских островах. «Сейчас нужно более часто ездить на фронт…» – туманно объяснил генсек свой отказ ехать на самый север Шотландии и предложил собраться в более удобном месте, в Тегеране, который занят советскими и британскими войсками.

Придворные понимали значение поездки Верховного на фронт. Через месяц командующий Калининским фронтом Еременко предложил наградить Сталина орденом Суворова первой степени за победу под Сталинградом. К тому же, подчеркивал генерал, ценные приказы, которые вождь отдал в Хорошеве, и сам факт его присутствия на передовой помогли бойцам Калининского фронта добиться новых побед. Еременко поддержали Берия и Маленков.

5 августа, в день взятия Орла и Белгорода, Сталин с улыбкой спросил Антонова и Штеменко:

– Вы читаете военную историю?

Штеменко был в замешательстве. Он не знал, что ответить. Вождь, перечитывавший в то время «Историю Древней Греции» Виппера, продолжил:

– В древние времена, когда армии одерживали победы, в честь солдат и их командиров звонили все колокола. Думаю, будет неплохо и нам торжественно отмечать наши победы. Мы… – Сталин кивнул на товарищей. – …полагаем, что взятие Орла и Белгорода следует отпраздновать артиллерийским салютом и фейерверками.

В тот день кремлевские пушки сделали первые победные залпы. С тех пор Сталин пунктуально отмечал все победы на фронтах салютами и тщательно следил, чтобы все проходило как надо.

Около одиннадцати часов вечера Левитану принесли сводку новостей. Он позвонил Поскребышеву, чтобы получить добро от Сталина. Затем над огромной страной разнеслись артиллерийские залпы. «Давайте прислушаемся к ним», – часто предлагал вождь у себя в Маленьком уголке и замолкал.

У военных появилось новое занятие. Они боролись за право первыми сообщить Сталину хорошие новости. 28 августа Конев позвонил в Кремль, чтобы доложить о взятии Харькова, но получил ответ, что Сталин всегда спит по утрам. Тогда генерал набрался смелости и связался прямо с дачей в Кунцеве. Сталин, узнав, в чем дело, так обрадовался, что тут же подошел к телефону.

Когда в сводке Информбюро допустили ошибку, он рассердился и закричал:

– Почему Левитан не назвал Конева? Покажите мне текст сообщения! – Оказалось, что Штеменко решил не включать фамилию генерала в текст. Сталин был в ярости. – Что это за анонимное сообщение? Что у вас на плечах вместо головы? Остановите новости и прочитайте все сначала, но с Коневым. Все! Можете идти!

Собрав пятьдесят восемь армий на огромном фронте между Финляндией и Черным морем, Сталин решил нанести серию сильных ударов по врагу. Перед тем как начать наступление по всей линии фронта, ликующий Верховный распустил Коминтерн и получил поддержку церкви, разрешив избрать патриарха. Затем он решил, что пора менять гимн. Новый гимн Советского Союза должен больше соответствовать чувству эйфории и уверенности, охватившему всю страну. Вождь считал, что самый быстрый способ найти мотив и слова нового гимна – это провести конкурс. Молотов и Ворошилов отвечали за стихи, а Шостакович с Прокофьевым – за музыку.

* * *

В конце октября 1943-го, когда министры иностранных дел СССР, Великобритании и Соединенных Штатов готовили встречу Большой тройки в Тегеране, в Москве стахановскими темпами создавался новый гимн. Спешка объяснялась тем, что на ноябрьские праздники должен был звучать уже не «Интернационал».

В конце сентября Сталин предложил композиторам со всего Советского Союза присылать в Москву свои варианты мелодии. В середине октября пятьдесят четыре композитора, включая узбеков, грузин и нескольких евреев в национальных костюмах, приехали в Москву, чтобы участвовать в конкурсе.

Перед тем как выбирать мелодию, Сталин решил разобраться с текстом. О том, как это происходило, авторы слов нового гимна, Сергей Михалков и Эль-Регистан, подробно рассказали в воспоминаниях. Они остановились в колоссальной сталинской гостинице «Москва». 23 октября поэтов, уже приготовивших первый вариант текста, вызвали в Кремль. Их ждали Молотов и Ворошилов.

– Входите, – сказали они. – Он читает стихи.

Через две минуты позвонил Сталин. Ворошилов дружелюбно улыбнулся и взял Эль-Регистана за руки.

– Товарищ Сталин внес небольшую правку, – сообщил Ворошилов.

Эти слова Михалкову и Эль-Регистану в последующие две недели пришлось слышать еще много раз.

Тем временем Молотов, который, как всегда, был чем-то недоволен, предложил собственные изменения:

– Вы должны добавить кое-какие мысли о мире. Не знаю где, но это необходимо сделать.

– Мы выделим вам комнату, – сказал Ворошилов и приказал помощнику: – Комната должна быть теплой. Напоите их чаем, чтобы они не начали пить что-нибудь более крепкое! И не отпускайте, пока не закончат.

Поэты просидели над текстом четыре часа.

– Нам нужно еще поработать вечером, – наконец объявил Михалков.

– Мы не можем ждать, – резко ответил Вячеслав Молотов.

Уходя, поэты услышали, как он приказал: «Отнесите это Сталину».

Без четверти двенадцать Сталин атаковал новый вариант, вооружившись красным карандашом. Он отправил переделанный текст Молотову и Ворошилову с пометкой: «Посмотрите на это. Согласны?»

26 октября Климент Ворошилов терпеливо прослушал тридцать вариантов гимна в Большом Бетховенском зале. Неожиданно появился Сталин. С его приходом все пошло значительно быстрее. На этом удивительном совещании Сталин, Ворошилов и Берия обсуждали музыку с Шостаковичем и Прокофьевым. Потом пришли Михалков и Эль-Регистан.

Сталин был в новой маршальской форме. Вождь, как всегда, ходил по проходу и вносил предложения. Потом он пришел к выводу, что без оркестра выбрать трудно. В конце концов он дал еще пять дней на подготовку дополнительных вариантов гимна, после чего попрощался и удалился.

В три часа ночи поэтов разбудил Александр Поскребышев. С ними хотел переговорить сам Сталин. Иосиф Виссарионович считал себя, конечно, и самым лучшим поэтом. Он сказал, что сейчас текст ему нравится, но добавил, что он слишком неяркий и короткий. Сталин попросил добавить еще куплет. В нем должна прославляться Красная армия, «разгромившая фашистские орды».

30 октября Сталин отметил большим банкетом соглашение о проведении конференции союзников. Потом вернулся к музыке. В 9 часов утра 1 ноября в сопровождении Молотова, Берии и Ворошилова Иосиф Виссарионович вновь появился в Бетховенском зале. За четыре часа они прослушали сорок вариантов гимнов.

За ужином в тот же вечер руководители наконец сделали выбор. Ночью Климент Ефремович позвонил Михалкову и Эль-Регистану и сообщил, что им понравилась музыка Александрова. Затем он передал трубку Сталину, который никак не мог успокоить редакторский зуд.

– Можете оставить сами стихи, но перепишите припевы, – потребовал вождь.

Поэты проработали всю ночь. Ворошилов отправил очередной вариант текста Сталину. Вождь наконец остался доволен. Он пригласил Михалкова и Эль-Регистана в Кунцево и устроил в честь окончания работы большой пир, на котором играл роль веселого дядюшки.

Генеральная репетиция состоялась на следующий день в девять часов вечера. В Кремль приехали композиторы и поэты. Берия, Ворошилов и Маленков сидели за столом. Сталин пожал всем руки, что делал только в особо торжественных случаях. Всем стало ясно, что выиграна очередная битва. Новый государственный гимн готов.

– Как дела? – дружелюбно поинтересовался вождь и тут же перешел от любезностей к делу.

В последний момент он решил внести новые изменения. Поэты помчались работать.

– Все в порядке! – громко произнес через какое-то время Берия. – Сделано!

Сталин был в восторге. Новый государственный гимн Советского Союза, с энтузиазмом говорил он, «прокатывается по небесам, как безграничная волна». Вождь приехал на его первое исполнение в Большом театре, чтобы похвалить поэтов и композиторов. Их пригласили в правительственную ложу, а потом в соседнюю комнату, где был накрыт ужин. Когда Михалков и Эль-Регистан осушили бокалы с водкой, Сталин добродушно пошутил:

– Зачем вы пьете? С вами будет неинтересно говорить!

Ликование охватило всю страну. Новый гимн впервые прозвучал на торжественном заседании 7 ноября, которое проводил Вячеслав Молотов. Это было незабываемое событие. Советская элита в тот день окончательно выползла из страшных тридцатых и военных поражений начала сороковых. «Публика сверкала драгоценностями, мехами, золотыми галунами и звездами, – отмечал британский журналист Александр Верт. – В празднике присутствовало что-то от той дикой и неукротимой экстравагантности, которая обычно ассоциируется с дореволюционной Москвой».

Настроения правителей огромной империи победили былую

большевистскую суровость и строгость. Молотов щеголял в новой форме дипломата. Черный дипломатический костюм был обильно украшен золотым шитьем. На поясе висел небольшой кортик. Американский дипломат Чип Болен, глядя на советского наркоминдела, не мог прогнать мысль, что его костюм очень похож на мундир эсэсовца.

Молотов, Вышинский и старый друг Сталина, Серго Кавтарадзе, встречали гостей у входа. Кавтарадзе привел на прием красавицу дочь Майю. Сейчас «пионерке Майе» было уже восемнадцать. На ней было длинное падающее свободными складками бальное платье. В то время этот фасон был в моде. Андрей Вышинский заметил красивую девушку. Он протолкался через толпу и попросил ее исполнить с ним первый танец.

Молотов в тот вечер был очень весел. Он много пил и постепенно сильно опьянел. Слегка пошатываясь, нарком подошел к дочери Гарримана, Кэтлин, и, заикаясь, сказал, что она одна не похвалила его блестящий костюм. Неужели он ей не нравится? Затем члены политбюро, словно сговорившись, попытались напоить американского посла до такого же состояния, какими были сами. Анастас Микоян славился умением пить. Сейчас он, по словам Кэтлин Гарриман, обрабатывал ее отца вместе с Щербаковым, который к тому времени находился на последней стадии хронического алкоголизма.

Молотов еще держался на ногах, а вот Кларк Керр, не привыкший к подобным обильным возлияниям, упал лицом прямо на стол, уставленный бутылками и бокалами, и поранил лоб. Майя Кавтарадзе заметила американского генерала, который приехал на прием с двумя проститутками. Через какое-то время она обратила внимание на то, что все руководители исчезли, и отправилась на поиски своего отца. Она нашла его в красном зале для особо важных персон. Веселье было в самом разгаре. Улыбающийся Анастас Микоян исполнял какую-то песню сидевшей на его колене женщине явно сомнительного поведения.

На следующий день пришла телеграмма из Вашингтона. Рузвельт согласился встретиться в Тегеране через двадцать дней. «Весь мир будет следить за встречей нашей тройки…» – написал он Сталину.

Тегеран. Рузвельт и Сталин

26 ноября 1943 года генерал-полковник Голованов, которому предстояло быть личным сталинским летчиком, приехал в Кунцево. Отсюда должен был начаться долгий путь в Персию. На даче стоял крик. Сталин решил задать Берии хорошую трепку. За разносом спокойно наблюдал присевший на подоконник Вячеслав Молотов. Лаврентий Павлович с несчастным видом сидел в кресле. Его уши сильно покраснели. Сталин грозно глядел на главного чекиста.

– Вы только посмотрите, товарищ Голованов, какие у него змеиные глазки! – обратился вождь к летчику. Поводом к ссоре послужила реплика Молотова, который шутливо пожаловался, что не может читать мелкий почерк Берии. – У нашего Вячеслава Михайловича слабое зрение, а Берия продолжает присылать ему неразборчиво написанные доклады.

Эта сцена была признаком того, что вождь все больше разочаровывается в своем недавнем фаворите.

До Баку Сталин с многочисленной свитой добрался на поезде. В город они въехали в 8 часов утра. На вокзале сразу же пересели на машины и отправились на аэродром. Маршал авиации Новиков лично отвечал за подготовку эскадрильи из четырех самолетов, на которых советская делегация должна была лететь в Персию. Сталин никогда не пользовался авиарейсами. Не стал бы он подниматься в воздух и сейчас, если бы до Тегерана можно было добраться другим способом. Направляясь к своему самолету вместе с Голованом, вождь неожиданно посмотрел на воздушное судно Лаврентии Берии, которое должен был вести полковник Грачев.

Неожиданно Сталин решил поменяться самолетами.

– Генерал-полковникам не часто приходится сидеть за штурвалом, так что нам будет спокойнее с полковником… – объяснил вождь свое решение Голованову. – Не обижайтесь.

В пути делегацию охраняли двадцать семь истребителей. Полет проходил вполне нормально, лишь один раз, когда самолет угодил в воздушную яму, Иосиф Виссарионович здорово перепугался.

Через несколько часов Сталин приземлился в пыльном Тегеране, «очень грязном и очень бедном городе», по словам Рузвельта. Несмотря на позднюю осень, в столице Персии было тепло. Кортеж машин с советской делегацией промчался восемь километров и въехал в ворота посольства СССР. От британской миссии русскую отделяли две стены и узкая дорога. Посольство

Соединенных Штатов находилось за городом.

Обстановка на конференции в Тегеране была самой дружеской среди всех встреч лидеров Большой тройки.

Сталин привез с собой очень маленькую делегацию. Его официальными заместителями на переговорах были Вячеслав Молотов и Клим Ворошилов. Берия в переговорах не участвовал. Он отвечал за безопасность. Кроме них, в делегацию входили генерал Власик, возглавлявший личную охрану Верховного, и его персональный врач, профессор Виноградов.

Советское посольство располагалось в красивом здании, которое раньше принадлежало какому-то персидскому богачу. Миссию окружала высокая стена. Кроме главного здания, на территории находилось несколько домиков и коттеджей поменьше. В одном остановился Иосиф Виссарионович. Молотов и Ворошилов жили в двухэтажной резиденции посла. Офицеры НКВД, прибывшие в Тегеран заранее, две недели энергично готовили посольство к приезду высоких гостей.

Едва приземлился самолет с Франклином Рузвельтом, как Сталин пригласил его остановиться в советском посольстве. Перемещение из советской миссии в американскую по узким городским улочкам представляло огромную опасность, потому что охранять всю дорогу было невозможно. Конечно, Берию больше беспокоила безопасность своего Верховного главнокомандующего, чем американского. Основанием для переезда послужил заговор против лидеров Большой тройки, который якобы раскрыла советская разведка. Нацисты собирались убить Сталина, Рузвельта и Черчилля. Главная же причина заключалась в том, что Сталин очень хотел разделить западных союзников, которые, как он предполагал, сообща действуют против Советского Союза.

Рузвельт согласился на переезд. Он тоже хотел общаться с русскими напрямую, без британцев. Для него было важно доказать, что подозрения советского лидера не имеют под собой никаких оснований. Гарриман быстро переместился в советское посольство. Вячеслав Молотов поделился с американским послом тревогами относительно безопасности лидеров. Через какое-то время наркоминдел попросил Зарубину позвонить американцам и уточнить время прибытия Рузвельта. Адмирал Уильям Лихи, руководитель аппарата президента, ответил, что Рузвельт приедет завтра.

Когда Зарубина доложила об этом Молотову, тот пришел в бешенство:

– Вы уверены, что не ошиблись? Что мне теперь сказать Сталину?

Тем временем состоялась малоизвестная встреча между лидерами, принадлежавшими, казалось, разным эпохам. Иосиф Виссарионович решил нанести визит гордому Мохаммеду Пехлеви, двадцатиоднолетнему шаху оккупированного британскими и советскими войсками Ирана. Его отец, Реза Шах, бывший казачий офицер и основатель правящей династии, был смещен за прогерманскую позицию в 1941 году. Сталин был уверен, что сможет уговорить молодого правителя империи, в которую когда-то входила и Грузия, позволить Москве закрепиться в Иране. Молотов, уже ставший большим мастером дипломатических «возможно» и «если», относился к этой идее скептически. Берия возражал против поездки из соображений безопасности. Сталин настаивал.

Хитрый генсек приятно удивил царя царей. «Он был очень вежлив и изо всех сил старался произвести на меня хорошее впечатление», – написал молодой шах. Благоприятное впечатление произвело на него и предложение передать иранцам танковый полк из новеньких Т-34 и авиационный полк современных истребителей. «Был большой соблазн согласиться», – рассказывал Мохаммед Пехлеви. Но после длительных размышлений он все же отказался от щедрого подарка. Дело в том, что к танкам и самолетам прилагались советские офицеры. Перс инстинктивно испытывал недоверие к коварному грузину. Молотов ворчал, что Сталин не понимает менталитета шаха. «Сталину не удалось произвести достаточного впечатления на персидского шаха», – писал он.

На следующее утро Лаврентий Берия лично охранял ворота, дожидаясь появления Франклина Рузвельта. Наконец показался кортеж машин с американским президентом. На подножках стояли агенты секретной службы. Они размахивали автоматами, как заправские гангстеры из Чикаго. Офицеры НКВД оценили их действия как очень непрофессиональные. Джип с президентскими официантами-филиппинцами вызвал у охраны посольства замешательство, но в конце концов пропустили и их.

Иосиф Виссарионович очень тщательно подготовился к встрече. Естественно, Берия заранее поставил микрофоны в доме Франклина Рузвельта. Нашлось дело и для красавца Берии-младшего. Серго был одним из тех, кто прослушивал разговоры американцев.

Сталин вызвал его к себе и поинтересовался:

– Как твоя мать?

Он хорошо относился к Нине Берия, которая была одной из его любимиц. Закончив с вежливостями, вождь поручил Серго Берии «малоприятное и очень деликатное» дело. Юноша должен

был каждое утро в восемь часов приходить к нему с докладом. Вождя интересовало все. Даже тон, которым разговаривал Рузвельт.

Встречу с Франклином Рузвельтом Верховный главнокомандующий репетировал с Молотовым и Берией. План был разработан до мельчайших деталей. Все, по мнению Сталина, имело значение. В том числе и то, где кто будет сидеть. Точно так же генсек готовился и ко встречам с Уинстоном Черчиллем.

То воскресенье в Тегеране выдалось не по-осеннему теплым и приятным. На голубом небе светило ласковое, нежаркое солнце. Примерно в три часа дня Сталин, одетый в маршальский мундир горчичного цвета с золотой звездой ордена Ленина на груди, вышел из своего дома и направился в резиденцию Рузвельта. Его сопровождали Власик и переводчик Павлов. В десяти метрах впереди и позади вождя шагали телохранители-грузины. Сталин шел неторопливо и немного неуклюже. Молодой американский офицер, стоявший у входа, отдал честь советскому руководителю и проводил его в гостиную, где уже ждал Рузвельт со своим переводчиком.

– Здравствуйте, маршал Сталин! – тепло поздоровался Франклин Рузвельт.

Лидеры обменялись рукопожатием. Трудно было представить двух более непохожих людей. Сталин с бочкообразной фигурой, короткими ногами и смуглым лицом со следами оспы – и Рузвельт в кресле-каталке, аристократ-американец в отлично сшитом синем костюме.

Сталин заговорил о том, что Советский Союз крайне нуждается во Втором фронте. Затем сошлись во мнении, что Британская империя уже не та, что раньше. Индия созрела для революции снизу так же, как в свое время Россия, подчеркнул Рузвельт. Судя по всему, он был неплохо проинформирован в отношении не только индийских дел, но и новейшей русской истории. Иосиф Виссарионович тоже блеснул энциклопедическими знаниями. Он заявил, что вопрос с индийскими кастами очень сложен и запутан. Этот короткий экскурс в историю заронил семена удивительного партнерства между калекой-брахманом из Новой Англии и грузинским большевиком. Оба славились легендарным обаянием, которое они включали на полную мощность, когда это требовалось для дела. Расположение Сталина к Франклину Рузвельту было таким же искренним, как дипломатическая дружба с империалистами. После непродолжительной беседы генсек ушел, чтобы дать Рузвельту отдохнуть после переезда.

В четыре часа дня Большая тройка собралась на первое

заседание. Участники встречи расселись в большом зале советского посольства, украшенном в тяжелом имперском стиле. В центре стоял специально сделанный по заказу Зарубиной круглый стол. Кресла были обтянуты полосатым шелком. Сталин расположился рядом с Молотовым и Павловым. Ворошилов обычно занимал место у него за спиной, во втором ряду. Сталин и Черчилль условились, что заседание будет вести Рузвельт.

– Как самый молодой! – пошутил американский президент.

– В наших руках сейчас находится судьба человечества, – торжественно провозгласил Уинстон Черчилль.

– История нас избаловала, – дополнил краткое выступление британского премьера Иосиф Виссарионович Сталин. – Она дала нам очень большую власть и огромные возможности. Давайте начнем работать.

Речь зашла об операции «Оверлорд», целью которой было вторжение союзников во Францию. Сталин сказал, что не ожидал обсуждения военных дел и поэтому не захватил с собой военных.

– Со мной только маршал Ворошилов! – грубо сказал он. – Надеюсь, он сгодится.

Тем не менее вождь полностью игнорировал присутствие Климента Ефремовича и решал все военные вопросы сам. Молодой британский переводчик, Хью Ланги, был шокирован тем, как Сталин обращался с Ворошиловым. «Как с собакой», – считал он.

Вождь настаивал на более ранней дате переправы через Ла-Манш. Затем неторопливо наполнил трубку. Черчилля доводы русского лидера, похоже, не убедили. Он заявил, что сначала лучше провести операцию в Средиземном море, поскольку можно использовать уже имеющиеся там войска.

Однако Рузвельт уже решил, что Второй фронт будет открыт на севере. Когда расстроенный британский премьер понял, что его перехитрили, Рузвельт весело подмигнул Сталину. Так между ними начали складываться странные отношения, похожие на флирт. Дружба с Рузвельтом значительно укрепила положение советского маршала как арбитра Большой тройки. Уинстон Черчилль общался со Сталиным гораздо откровеннее американского президента. По крайней мере, он не притворялся и оставался самим собой.

Сталин вел себя подчеркнуто вежливо с иностранцами и на удивление грубо со своими делегатами. Когда Болен подошел к нему сзади в самый разгар переговоров, он, не поворачиваясь, резко произнес, думая, что это кто-то из своих:

– Бога ради, дайте нам закончить работу!

Потом увидел, что это молодой американец, и смутился.

Тем же вечером Франклин Рузвельт устроил у себя ужин. Президентские повара приготовили стейки с печеным картофелем. Напитки Рузвельт взял на себя. Он собственноручно смешал коктейль из вермута, джина и льда и долго тряс шейкер. Иосиф Виссарионович сделал глоток и слегка поморщился:

– Все в порядке, только холодный для желудка.

Неожиданно Рузвельт позеленел, на лице его заблестели капли пота. Его тут же увезли в спальню. Черчилль сказал, что Бог на стороне союзников.

– А черт на моей! – пошутил Сталин. – Черт – коммунист, а Бог – хороший консерватор.

29 ноября Сталин и Рузвельт встретились вновь. Утром Серго Берия доложил Верховному, что обаяние вождя сработало. «Рузвельт всегда высоко ценил Сталина», – вспоминает Серго. Имея такого союзника, Сталин мог надавить на Уинстона Черчилля.

Американский президент предложил создать международную организацию, которая позже станет ООН.

Тем временем американские и британские генералы вели переговоры с Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Красный маршал никак не мог понять трудностей переправы через Ла-Манш. Наверное, он думал, что это то же самое, что форсирование спокойной реки на плотах.

Черчилль был единственным британским премьер-министром, носившим военную форму. Перед следующим заседанием он надел голубой мундир офицера Королевских ВВС с крылышками на лацканах для того, чтобы провести торжественную церемонию празднования победы под Сталинградом.

В 3.30 дня три делегации в полном составе собрались в зале посольства Великобритании. Последними появились высшие руководители, Большая тройка. В почетном карауле стояли британские пехотинцы, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками, и солдаты НКВД в голубой форме с красными петлицами и автоматами на ремнях. Оркестр исполнил государственные гимны трех стран. После того как стихла музыка, в зале наступила тишина. Затем офицер в форме британских гвардейцев подошел к огромному черному ящику, стоящему на столе, и открыл его. В нем на темно-красном бархате лежал сверкающий меч. Офицер взял оружие и торжественно передал Черчиллю. Премьер, крепко держа меч обеими руками, повернулся к Сталину.

– Его Величество, король Георг VI, повелел мне вручить вам для передачи городу Сталинграду этот почетный меч. На его

лезвии выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами – гражданам Сталинграда – в знак уважения к ним английского народа.

Черчилль сделал шаг вперед и вручил меч Сталину. Верховный главнокомандующий долго держал его в руках, затем со слезами на глазах поднес к губам и поцеловал. Сталин был искренне тронут королевским подарком.

– От имени граждан Сталинграда я хочу выразить свою глубокую благодарность за подарок короля Георга VI, – ответил он тихим хриплым голосом.

Он подошел к Рузвельту и показал ему меч. Американец прочитал надпись и кивнул.

– Действительно, у них стальные сердца, – сказал Рузвельт.

Потом Сталин протянул меч Ворошилову. Маршал неловко принял подарок и уронил его на пол. Послышался громкий лязг. Отважный кавалерист, сотни раз бросавшийся в атаку, размахивая шашкой, ухитрился внести элемент фарса в одно из самых торжественных событий карьеры Сталина как международного лидера. Его ангельски-розовые щеки покраснели и стали пунцово-алыми. Он неловко нагнулся и поднял меч. Верховный, как заметил Хью Ланги, раздраженно нахмурился, затем холодно улыбнулся. Лейтенант НКВД унес меч, держа его перед собой на вытянутых руках.

Сталин, должно быть, приказал Ворошилову извиниться. Климент Ефремович догнал Черчилля и подозвал Ланги, чтобы тот переводил. Все еще красный от смущения, он пробормотал слова извинения. Потом, словно собравшись с духом, внезапно пожелал Черчиллю счастливого дня рождения, который был завтра.

– Желаю вам прожить еще сто лет и сохранить задор и бодрость, – сказал маршал Ворошилов.

Черчилль поблагодарил за поздравление и прошептал Ланги:

– Не слишком ли рано он поздравляет? Не иначе как набивается на приглашение.

Затем лидеры Большой тройки вышли наружу. Там были сделаны знаменитые фотографии, которые знают во всем мире.

После короткого перерыва участники конференции собрались за круглым столом на следующее заседание. Сталин, как всегда, постарался прийти последним. Американцы и британцы уже расселись и приготовились к работе. Зоя Зарубина, дежурившая снаружи, получила какое-то задание и вбежала в дом. Бегом спускаясь по лестнице, она впопыхах врезалась в чье-то плечо. К своему ужасу, девушка обнаружила, что столкнулась с самим Сталиным. «Я замерла и стала по стойке смирно, –

вспоминала она. – Я боялась, что меня расстреляют на месте». Сталин никак не отреагировал на неожиданную встречу. Он и Молотов молча прошли мимо. Ворошилов же, всегда относившийся к молодежи с добротой, ласково потрепал ее по руке и сказал:

– Все в порядке, девочка, все в порядке.

Сталин постоянно курил и рисовал красным карандашом в блокноте волчьи головы. Он всегда сохранял полное хладнокровие, редко жестикулировал и еще реже советовался с Молотовым и Ворошиловым. Верховный главнокомандующий продолжал давить на Черчилля и требовать скорейшего открытия Второго фронта.

– Британцы по-настоящему верят в операцию «Оверлорд» или они говорят это только для того, чтобы успокоить русских? – как-то поинтересовался Верховный. Когда ему сказали, что союзники еще не решили, кто будет командовать операцией, вождь проворчал: – Тогда из всех этих операций ничего не получится. Советский Союз попробовал совместное управление и понял, что оно неэффективно. Решения всегда должен принимать один человек.

Препирательства продолжались. Уинстон Черчилль упорно отказывался называть конкретную дату высадки английских и американских войск во Франции. В конце концов Иосиф Виссарионович неожиданно для всех встал и повернулся к Молотову и Ворошилову.

– Давайте не будем тратить наше время напрасно, – холодно сказал он. – У нас много дел на фронтах.

Франклину Рузвельту удалось успокоить рассердившегося союзника.

Вечером того же дня банкет дал Сталин. Ужин прошел в чисто советском стиле. Столы ломились от еды. Вождь пил мало. Он не упускал случая уколоть Черчилля. Франклину Рузвельту эти шутки, похоже, нравились. Сталин с усмешкой сказал: он рад, что Черчилль не либерал, поскольку слово «либерал» в словаре большевиков – самое страшное ругательство. Потом Сталин решил проверить стойкость британца и пообещал расстрелять от 50 до 100 тысяч немецких офицеров. Черчилль был в ярости. Он опрокинул свой бокал. По скатерти растекся коньяк.

– Подобное отношение к пленным противоречит нормам британского правосудия, – проворчал он. – Британский парламент и народ никогда не поддержали бы казнь честных людей, которые сражаются за свою страну.

Рузвельт с улыбкой предложил компромисс – расстрелять

только 49 тысяч человек. На банкете присутствовал и Элиот Рузвельт, недалекий сын американского президента. В этот момент он вскочил на ноги и пьяно пошутил, заметив, что не понимает, о чем спор.

– Все равно бы эти пятьдесят тысяч человек погибли в сражениях! – заявил он.

– За ваше здоровье, Элиот! – Сталин поднял бокал и чокнулся с американцем.

Черчиллю реплика Рузвельта-младшего не понравилась.

– Вы что, хотите испортить отношения между союзниками?.. – рассердился он. – Да как вы смеете?

Британский премьер встал и направился к выходу. У самой двери его кто-то остановил. Он почувствовал на плече чью-то руку. Это был Сталин. Рядом с ним стоял Вячеслав Молотов. Оба широко улыбались. Русские сказали, что это только шутка, и попросили не обижаться. «Сталин мог быть очень обаятельным, когда хотел», – написал Черчилль в мемуарах.

Пренебрежительное отношение к Уинстону Черчиллю было не только невежливо, но и вредило общему делу. Сталин снял напряжение, решив немного помучить своего комиссара по иностранным делам.

– Иди сюда, Молотов, – позвал он. – Расскажи нам о своем пакте с Гитлером.

В конце конференции премьер-министр Черчилль отметил свой шестьдесят девятый день рождения. Праздничный ужин прошел в столовой британского посольства. Стены комнаты украшала мозаика из маленьких кусочков стекла. Окна закрывали плотные шторы ярко-красного цвета. Столовая, как писал Алан Брук в дневнике, напоминала древнеперсидский храм. На официантах-иранцах были красно-синие ливреи и белые перчатки, такие большие, что кончики пальцев болтались. Двери охраняли не менее экзотические сикхи в тюрбанах.

Лаврентий Берия, присутствовавший на дне рождения британского премьера инкогнито, настоял на том, чтобы его люди обыскали посольство. Как только Лаврентий Павлович закончил и дал добро, появился Сталин. Когда кто-то из обслуги попытался взять у него шинель, возник переполох. Телохранитель-грузин выхватил пистолет и едва не застрелил бедного иранца. Порядок был скоро восстановлен. На главном столе стоял торт с шестьюдесятью девятью свечами. Сталин произнес тост:

– За моего друга Черчилля, если можно считать мистера Черчилля моим другом.

Затем он подошел к англичанину, слегка обнял его за плечи и чокнулся с ним. Черчилль ответил:

– За Великого Сталина!

На шутку Черчилля, сказавшего, что Британия слегка порозовела, вождь ответил с юмором:

– Это признак хорошего здоровья!

В самый разгар торжества шеф-повар британского посольства вкатил на тележке фантастическое произведение кулинарного искусства. По иронии судьбы это творение представляло для жизни Верховного главнокомандующего куда большую угрозу, нежели все немецкие агенты во всех уголках Персии. Площадь двух высоких пирамид из мороженого составляла один квадратный фут, а в высоту они были четыре дюйма. Внутри горела какая-то лампочка. Из самого центра поднималась трубка двадцатипятисантиметровой высоты, на которой стояла тарелка. На ней находилось огромное мороженое, покрытое сахарной глазурью.

Когда этот шедевр кулинарного искусства оказался рядом со Сталиным, Брук заметил, что лампы постепенно растопляют лед. Мороженое теперь больше напоминало Пизанскую башню. Неожиданно оно наклонилось еще сильнее. Начальник британского Генштаба громко предупредил соседей об опасности.

С грохотом снежной лавины великолепное творение полетело на пол. Официант-перс в последнюю секунду отскочил в сторону. Главный удар пришелся на переводчика Павлова, который в тот вечер надел новый мундир дипломата. Он был в мороженом с головы до ног, но, несмотря на это, не покинул пост. Брук пошутил в мемуарах, что только смерть могла бы заставить его перестать переводить для вождя. Сталину повезло. На него не попало ни капельки мороженого.

Завершающее заседание конференции состоялось на следующий день. Рузвельт во время разговора наедине объяснил Сталину, что, поскольку в Америке надвигаются президентские выборы, он не может обсуждать вопрос о Польше. На последнем пленарном заседании Сталин и Черчилль рассматривали польские границы на карте, вырванной из лондонской «Таймс».

2 декабря Иосиф Сталин, удовлетворенный обещанием западных союзников начать операцию «Оверлорд» будущей весной, вылетел из Тегерана. На аэродроме в Баку он с облегчением снял маршальскую форму и переоделся во френч, шинель, фуражку и сапоги. Поезд шел мимо Сталинграда. Это было единственное после Сталинградской битвы посещение вождем города, который сыграл решающую роль в его жизни. Он побывал в штабе Паулюса. Лимузин Сталина мчался по узким улицам, заваленным горами немецкого оружия, и столкнулся

с машиной, за рулем которой сидела женщина. Она едва не лишилась чувств, когда увидела, кто попал в аварию, и начала плакать.

Сталин вышел из автомобиля и успокоил ее:

– Не плачьте. Это не ваша вина, вините войну.

После Сталинграда он без остановок вернулся в Москву.

* * *

Сталинград, Курск и Тегеран восстановили фанатичную веру Сталина в свое величие. «Когда стало ясно, что победа будет на нашей стороне, Сталин начал гордиться и капризничать», – написал Микоян. В Кунцеве возобновились долгие пьяные ужины. Сталин опять стал пить и играть роль организатора оргий.

Но в огромном море информации, которую вождь получал от Берии, всегда было много такой, что вызывала у него беспокойство и тревогу. В 1943 году Лаврентий Павлович арестовал на освобожденной территории 931 544 человека. 250 тысяч москвичей посетили церковные службы на Пасху.

Из распечаток телефонных разговоров и донесений осведомителей Сталин узнал немало неожиданного. Так, например, Эйзенштейн решил сократить вторую часть картины «Иван Грозный». Оказывается, убийства по приказу царя напоминали ему ежовский террор.

Сталину было ясно: Советскому Союзу угрожали новые враги. В стране свирепствовал голод. Среди народов на Кавказе зрела измена, на Украине против советских войск начали воевать националисты. Не все спокойно было и в фундаменте, на котором стоял СССР. У русских входил в моду опасный либерализм. Все эти проблемы вождь собирался решить испытанным большевистским способом – террором и репрессиями.

Берия и Хрущев открыли новый фронт на Украине. В этой республике против советских войск сражались сразу три национальные армии.

В феврале 1944 года Лаврентий Павлович Берия предложил депортировать два мусульманских кавказских народа. Среди чеченцев и ингушей на самом деле были случаи предательства, но большинство горцев оставались верными советской власти. Тем не менее Верховный и ГКО согласились с предложением главного чекиста.

20 февраля Берия, Кобулов и главный специалист по депортациям Серов приехали в Грозный. С собой они привезли 19 тысяч чекистов и 100 тысяч солдат войск НКВД. 23 февраля

местным жителям было приказано собраться на площадях городов и аулов. Там ничего не подозревающих людей арестовали, посадили в вагоны и отправили на восток. 7 марта Берия доложил Сталину, что 500 тысяч людей находятся в пути.

Карачаевцы и калмыки присоединились к волжским немцам, которые были выселены еще в 1941 году.

Лаврентий Берия постоянно расширял масштаб национальных репрессий. «Балкарцы – бандиты, – писал он Сталину 25 февраля. – Они нападают на Красную армию. Если вы согласитесь, то перед возвращением в Москву я приму необходимые меры по переселению балкарцев. Прошу вашего разрешения на депортацию». В результате были депортированы более 300 тысяч балкарцев.

Людей вывозили сотнями тысяч, но куда их всех девать? Молотов предложил поселить 40 тысяч человек в Казахстане, 14 000 – еще где-нибудь. Каганович выделил железнодорожные составы. Андреев, теперь руководивший сельским хозяйством, нашел для переселенцев сельскохозяйственное оборудование и машины.

Все соратники вождя были при деле, трудились не покладая рук. Когда один из чиновников обратил внимание на то, что в Ростове живут 1300 калмыков, Вячеслав Молотов ответил, что они все должны быть немедленно депортированы.

Затем Лаврентий Павлович заподозрил в измене татар, живших в Крыму. Вскоре 160 тысяч человек уже ехали на сорока пяти железнодорожных составах на восток.

Весь год Берия находил все новых и новых предателей среди национальных меньшинств. 20 мая нарком внутренних дел попросил разрешения депортировать еще 2467 человек из Кабардинской республики. «Согласен. И. Сталин», – написал вождь в нижней части рапорта наркома.

Довольный Берия успокоился лишь тогда, когда переселил полтора миллиона человек. Сталин одобрил национальную чистку. Ордена и медали получили 413 чекистов. Более четверти депортированных лиц, по данным НКВД, скончались. Однако на самом деле умерли в пути или по прибытии в лагеря 530 тысяч человек. Для каждого из них переселение стало апокалипсисом, который мало чем отличался от гитлеровского холокоста.

В то время как грязные холодные вагоны, в которых вместо скота везли людей, катились на восток, в России, Средней Азии и на Украине вновь свирепствовал голод. В ноябре 1943 года Андрей Андреев докладывал Георгию Маленкову из Саратова, что «дела здесь очень плохи». 22 ноября 1944 года Берия доложил Сталину об очередном случае людоедства на Урале. Две женщины

похитили и съели четверых детей.

Микоян и Андреев предложили выдать крестьянам семена. «Молотову и Микояну. Я категорически против. Считаю, что поведение Микояна противоречит интересам государства и что он полностью испортил Андреева. У Микояна следует забрать руководство наркомснабом и передать его Маленкову», – гневно ответил Сталин на их докладной записке. Этот шаг стал началом резкого охлаждения между Сталиным и Микояном. Положение Анастаса Ивановича с каждым днем становилось все тревожнее.

20 мая 1944 года Сталин встретился с генералами. На совещании обсуждались планы массированного летнего наступления, которое должно было окончательно выдавить гитлеровцев с территории Советского Союза. Большая часть Украины к этому времени уже была освобождена.

Сталин предложил Рокоссовскому нанести один удар по Бобруйску. Генерал знал, что во избежание бессмысленных потерь необходимы два удара. Но Сталин был непреклонен и настаивал на одном. Рокоссовский, высокий и элегантный мужчина, наполовину поляк, ходил у вождя в любимчиках. Однако, даже несмотря на такое отношение, накануне войны его арестовали и пытали. Побывав в застенках НКВД, он уже ничего не боялся и имел мужество отстаивать свою точку зрения.

– Выйдите и подумайте еще, – велел Сталин. Через какое-то время он вновь вызвал его в кабинет и спросил: – Вы подумали, генерал?

– Да, товарищ Сталин.

– Значит, один удар? – С этими словами вождь нарисовал на карте одну стрелку.

После продолжительной паузы Рокоссовский ответил:

– Лучше нанести два удара, товарищ Сталин.

В комнате снова наступила тишина.

– Выйдите и подумайте лучше. Не упрямьтесь, Рокоссовский.

Генерал вышел в приемную и задумался. Молотов и Маленков нависли над ним. Рокоссовский встал.

– Не забывайте, где вы находитесь, генерал, и с кем говорите, – угрожающе произнес Георгий Маленков. – Вы спорите с самим товарищем Сталиным.

– Нужно соглашаться, Рокоссовский, – поддержал Маленкова Вячеслав Молотов. – Соглашайтесь, и все!

Через несколько минут упрямого военачальника вновь позвали в кабинет.

– Ну и что лучше? – спросил Сталин.

– Два удара, – ответил Рокоссовский.

– Может, два удара действительно лучше? – наконец прервал затянувшуюся паузу Иосиф Виссарионович.

В конце концов он согласился с планом Рокоссовского.

23 июня советские войска начали крупное наступление. Оно потрясло немцев. Были взяты Минск и Львов.

8 июля Жуков приехал в Кунцево. Сталин был в хорошем настроении. Он приказал начать наступление на Вислу. Сталин хотел захватить Польшу, чтобы она никогда больше не угрожала России. 22 июля он организовал Польский комитет с Болеславом Берутом во главе. Он должен был сформировать новое правительство.

– Гитлер похож на азартного игрока, который ставит последнюю монету! – ликовал Сталин.

– Германия попытается заключить сепаратный мир с Черчиллем и Рузвельтом, – предположил Молотов.

– Правильно. – Вождь кивнул. – Но Черчилль и Рузвельт не согласятся.

События развивались, как хотел Верховный главнокомандующий. Это продолжалось до тех пор, пока его планы не нарушили поляки.

* * *

1 августа генерал Тадеуш Бур-Коморовский и 20 тысяч бойцов Войска Польского подняли восстание. Гитлер пришел в бешенство. Он приказал стереть Варшаву с лица земли. Фанатичные войска СС и предатели-власовцы собирались устроить кровавую баню. В этом аду должны были погибнуть 225 тысяч человек.

Сталин не собирался спасать Варшаву. Однако сочувствие, с которым отнеслись на Западе к варшавскому восстанию, заставило его действовать.

1 августа в Кремль были срочно вызваны Жуков и Рокоссовский. Они застали Сталина взволнованным. Он то приближался к картам, то отходил от них. Верховный клал на стол незажженную трубку, что всегда было предвестником бури. Сталин начал раздраженно расспрашивать генералов. Его интересовало, могут ли они двигаться вперед. Жуков и Рокоссовский ответили, что солдатам необходим отдых. Сталин еще больше рассердился. Берия и Молотов, присутствовавшие при разговоре, осыпали военных упреками и угрозами. Сталин отправил генералов в расположенную в соседней комнате библиотеку. Там перепуганные Жуков и Рокоссовский принялись

негромко обсуждать свое бедственное положение. Оба сходились во мнении, что совещание могло закончиться для них очень плохо.

– Я очень хорошо знаю, на что способен Берия, – мрачно прошептал Рокоссовский, отец которого был польским офицером. – Я уже успел побывать в его тюрьмах.

Через двадцать минут пришел Маленков. Неожиданно он заявил, что поддерживает генералов. Варшаву спасать не стоит.

Георгий Жуков подозревал, что Сталин устроил этот спектакль, чтобы создать себе алиби. Но советские войска действительно были измотаны тяжелыми непрерывными боями. Рокоссовский сказал западному журналисту:

– Восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы могли взять Варшаву. Но это было невозможно ни на одном из этапов наступления. Нас отбросили.

Тем временем Черчилль и Рузвельт давили на своего союзника и требовали помочь полякам. Сталин холодно отвечал, что их взволнованные рассказы о восстании сильно приукрашены. Когда Красная армия вошла на территорию Польши, Венгрии и Румынии, для варшавских патриотов было уже слишком поздно.

* * *

Через семь дней после прекращения сопротивления Войска Польского Уинстон Черчилль приехал в Москву делить Восточную Европу. Еще в 1942 году Сталин сказал Молотову, что вопрос о границах будет решаться силой. На кремлевской квартире Сталина британский премьер, в этот раз остановившийся в городе, предложил русским союзникам сомнительный документ. В нем интересы России и Великобритании в малых странах выражались в процентном отношении. Документы, хранящиеся в личном архиве Сталина, свидетельствуют, что Черчилль решил отплатить Рузвельту, который был заодно со Сталиным в Тегеране. Британец начал разговор с того, что «американцы, включая президента, будут шокированы разделением Европы на сферы влияния». В Румынии СССР, по мнению Черчилля, обладал 90 процентами, а Великобритания – 10. В Греции все наоборот: у британцев должно быть 90 процентов, а у русских 10. Сталин поставил в некоторых местах галочки.

– Может, чтобы не считаться циниками, нам следует отказаться от решения столь важных для миллионов людей вопросов с такой легкостью? – спросил Черчилль.

– Нет, оставьте, – ответил Сталин.

Документ оказался достаточно серьезным. Иден и Молотов торговались о процентах два дня. После долгих споров влияние СССР в Болгарии и Венгрии было поднято до 80 процентов. Сталин согласился на раздел Греции, как предлагал Черчилль, но только потому, что это его устраивало, поскольку данные вопросы были уже решены советскими войсками.

Кульминацией визита британской делегации стало первое с начала войны появление Сталина в Большом театре. Он пришел в сопровождении Черчилля и Молотова. Американскую сторону представлял Гарриман с дочерью Кэтлин. Когда они оказались в ложе, свет в зале уже был приглушен. Сталин обычно приезжал после начала балета. Когда свет вновь загорелся и публика увидела вождя и Черчилля, зал взорвался криками «Ура!» и громовыми аплодисментами. Сталин скромно вышел из ложи, но Черчилль послал за ним Вышинского. Два лидера стояли рядом и улыбались. Они были слегка оглушены овациями, которые напоминали ливень, барабанящий по жестяной крыше. После того как аплодисменты немного стихли, Сталин и Молотов отвели гостей в аванложу. Там был накрыт ужин на двенадцать человек. Вождь произносил тосты, поднимая бокал с шампанским. Как старый озорной сатир, он и веселил, и пугал присутствующих. Молотов произнес стандартный тост за великого вождя. Иосиф Виссарионович улыбнулся.

– Я думал, он скажет обо мне что-нибудь новое, – заметил генсек.

Кто-то пошутил, что Большая тройка напоминает Святую Троицу.

– В таком случае Черчилль должен быть Святым Духом, потому что он слишком много летает, – тут же нашелся Сталин.

19 октября Черчилль покинул Москву. Британцы почти ничего не добились в спорном вопросе о Польше. Сталин приехал в аэропорт, что он делал крайне редко, и даже помахал улетающему премьеру платком.

Иосиф Виссарионович упивался властью победителя. Зрелище было не из приятных. Если с Черчиллем он вел себя относительно вежливо и почти не употреблял алкоголя, то с менее влиятельными политиками, такими как, к примеру, Шарль де Голль, он напивался и был откровенно груб. В декабре француз прилетел в Москву подписать договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Францией. Сталин соглашался, но требовал, чтобы Франция признала в качестве законного правительства Польши правительство Берута. Де Голль наотрез отказался. Переговоры зашли в тупик. Напряженная

атмосфера не помешала вождю, к ужасу мрачного де Голля, напиться на банкете. Сталин пожаловался Гарриману, что де Голль «неуклюжий и недалекий человек», но добавил, что это не имеет значения, – они «должны выпить еще вина, и тогда все прояснится».

В тот вечер Сталин пил шампанское и выступал в роли тамады вместо Молотова. Вождь произнес тост в честь Черчилля и Рузвельта и специально не упомянул де Голля. Затем он начал пить за здоровье соратников. У многих из них пробежал холодок по спине. Иосиф Виссарионович выпил за Кагановича:

– За смелого человека, который знает, что если его поезда не прибудут вовремя… – Тут он сделал короткую паузу. – …то мы его расстреляем! – Потом он грубо крикнул: – Иди сюда!

Каганович встал, и они весело чокнулись.

Затем Сталин похвалил маршала авиации Новикова:

– Давайте выпьем за этого славного маршала. А если он будет плохо выполнять свою работу, мы его повесим.

Новикова вскоре арестуют и будут пытать.

Заметив Хрулева, Иосиф Виссарионович сказал:

– Ему нужно особенно стараться, если он не хочет, чтобы его повесили, как это принято в нашей стране! – И снова грубо позвал: – Иди сюда!

Увидев отвращение на лице де Голля, Сталин рассмеялся:

– Люди называют меня чудовищем, но как видите, я над этим смеюсь. Может, не такой уж я и страшный.

Вячеслав Молотов начал спорить со своим французским коллегой Бидо о договоре. Сталин махнул рукой, чтобы они прекратили, и крикнул Булганину:

– Принеси автоматы. Давайте расстреляем дипломатов.

После банкета Верховный повел гостей пить кофе и смотреть кино. Он «обнимал француза и вис на нем», как заметил Никита Хрущев, который избежал угрожающего тоста в свой адрес. Пока дипломаты о чем-то переговаривались, Сталин еще выпил шампанского.

Наконец уже на рассвете, когда де Голль лег спать, русские неожиданно согласились подписать договор без признания французами правительства Берута. Де Голль примчался в Кремль. Вождь попросил его остановиться на первоначальном варианте соглашения. Де Голль рассердился и в сердцах ответил:

– Вы оскорбляете Францию.

Сталин рассмеялся. Он сказал, что пошутил, и велел принести новый вариант. Договор был подписан в 6.30 утра.

После того как гордый француз отправился к выходу, Сталин со смехом сказал своему переводчику:

– Ты слишком много знаешь. Надо бы мне сослать тебя в Сибирь!

В такой же примерно атмосфере проходила серия банкетов и ужинов в честь приехавших в Москву югославов. Сталин был взбешен, когда член югославского политбюро Милован Джилас пожаловался, что Красная армия грабит и насилует мирных жителей. К любой критике в адрес советских военных Иосиф Виссарионович относился как к нападкам на себя лично. Изрядно выпив, он прочитал югославам лекцию о доблестных солдатах:

– Они прошли тысячи километров только для того, чтобы их критиковал не кто-нибудь, а Джилас! Джилас, которого я так хорошо всегда принимал!

В отсутствие самого виновника этой тирады внимание вождя привлекла его жена Митра Митрович, тоже входившая в югославскую делегацию. Сталин произносил тосты, шутил, потом принялся лобызать ее, приговаривая с похотливой улыбкой:

– Я буду тебя целовать, даже если Джилас и югославы обвинят меня в том, что я тебя изнасиловал!

Самодовольный завоеватель. Ялта и Берлин

Когда перед Сталиным замаячила перспектива захвата такого огромного трофея, как Берлин, он решил вести войну по-другому. Фронтами больше не будут руководить представители Ставки, заявил Иосиф Виссарионович. Отныне Верховный станет командовать своими войсками напрямую.

Георгию Жукову достался Первый Белорусский фронт. Ему предстояло пройти с боями восемьсот километров до Берлина. К наступлению на Вислу и Одер готовились шесть миллионов советских солдат и офицеров. Через две недели Иван Конев ворвался в промышленную Силезию, Жуков прогнал немцев из центральной Польши, а Малиновский яростно сражался за Будапешт. Второй и Третий Белорусские фронты вошли в Восточную Пруссию. Впервые с начала войны русские вступили на территорию Германии. Они устроили вакханалию мести. В следующие месяцы будут изнасилованы два миллиона немок. Русские солдаты насиловали даже своих соотечественниц, освобожденных из немецких концлагерей. Сталин почти не обращал внимания на донесения о бесчинствах.

– Вы, конечно, читали Достоевского? – спросил он как-то Джиласа. – Вы понимаете, насколько сложна человеческая душа? Представьте тогда, что мужчина прошел с боями от Сталинграда до Белграда, прошел более тысячи километров по своей разоренной земле, по мертвым телам товарищей и родных. Как может такой человек нормально реагировать на врагов? И что в этом такого страшного, если он после таких ужасов немного развлечется с какой-нибудь женщиной?

Рузвельт и Черчилль начали обсуждать возможность следующей встречи Большой тройки уже с июля 1944 года. Сталин относился к предложениям союзников без особого энтузиазма. Когда в сентябре Аверел Гарриман сообщил об идее проведения конференции на Средиземном море, Сталин ответил, что доктора предупредили, чтобы он внимательнее относился к своему здоровью, а любое изменение климата может отрицательно сказаться на самочувствии генсека. Такие слова от человека, который никогда не доверял врачам, звучат почти как насмешка.

Вместо вождя мог поехать Вячеслав Молотов, но тот утверждал, что никогда не сможет заменить маршала Сталина.

– Ты слишком скромен, – сухо сказал ему Иосиф

Виссарионович.

В конце концов союзники договорились встретиться в Ялте.

29 января маршал Жуков уже стоял на Одере. 3 февраля немецкие войска контратаковали советские передовые части. В этот же день Молотов в черном пальто с белым воротничком и в меховой шапке, а также Вышинский в нарядном дипломатическом мундире встречали Рузвельта и Черчилля на военно-воздушной базе в крымском Саки. По дороге в Ялту Вышинский устроил иностранным гостям роскошный обед.

Сам Сталин еще не покинул Москву. Он одобрил меры, предпринятые Берией в отношении конференции. Документ был настолько секретен, что вместо имен в нем были оставлены пустые места. Пропуски следовало заполнить только от руки, чтобы их не видели машинистки. Конференцию должны были охранять четыре полка НКВД, несколько батарей зенитных орудий и 160 истребителей. Отдельной графой шли меры безопасности лично товарища Сталина: «Для охраны главы советской делегации, кроме телохранителей под командованием товарища Власика, выделяются дополнительно 100 оперативных работников и специальный отряд из разных подразделений НКВД численностью в 500 человек». Другими словами, личная охрана Сталина состояла из 620 человек. Вдобавок были организованы два кольца охраны с собаками днем и три – ночью. Пять районов в радиусе двадцати километров от Ялты были очищены от «подозрительных элементов». НКВД проверил 74 000 человек, 835 из них арестованы. Если принять во внимание недавно выселенных крымских татар и разрушенные в ходе ожесточенных боев города, неудивительно, что Уинстон Черчилль назвал Ялту «Ривьерой Аида».

Воскресным утром 4 февраля Иосиф Виссарионович Сталин сел в зеленый вагон и в сопровождении Александра Поскребышева и Николая Власика отправился на юг. Его резиденция в Крыму находилась в Юсуповском дворце. До революции он принадлежал очень богатому князю Юсупову, который в свое время убил Григория Распутина. Все двадцать комнат были готовы к приезду советской делегации. Из Москвы привезли все, включая тарелки, столовые приборы и испытанных официантов из «Метрополя» и «Националя». Специальные пекарни выпекали для московских гостей хлеб, а проверенные рыбаки доставляли к столу свежую рыбу. Во дворце развернули специальный телефон высокой частоты, телеграф «Бодо» и автоматическую телефонную станцию на 20 номеров для связи с Москвой, фронтами и любым городом. От воздушного налета Верховный мог спрятаться в мощном бомбоубежище, стены

и потолок которого способны выдержать взрывы 500-килограммовых бомб.

Сразу по приезде в Крым вождь собрал своих делегатов у себя в кабинете. Комната Берии располагалась по соседству. Дипломаты рангом пониже разместились в другом крыле дворца. Судоплатов составил психологические портреты западных лидеров, Молотов оценил их интеллектуальные возможности. По словам Серго Берии, ему опять было поручено прослушивать резиденции американской и британской делегаций. Для того чтобы слышать, о чем говорит Франклин Рузвельт, когда его вывозили на коляске из дома, чекисты применили микрофоны направленного действия.

В три часа дня Сталин позвонил в резиденцию Черчилля. Британский премьер остановился в великолепном дворце князя Михаила Воронцова. Этот англофил смешал разные архитектурные стили: шотландский замок, неоготика и мавританские орнаменты.

Затем Сталин нанес визит Рузвельту. Американского президента поселили в Ливадийском дворце. Это здание было построено в 1911 году из белого гранита. Оно служило летней резиденцией последнего русского царя.

За ужином Рузвельт допустил ошибку. Он сообщил Сталину, что его называют на Западе «дядей Джо». Если американец рассчитывал посмешить советского руководителя, то добился прямо противоположного результата. Сталин обиженно пробормотал:

– Когда мне можно выйти из-за стола?

Рузвельт быстро понял оплошность и начал объяснять, что это всего лишь шутка.

На следующий день в четыре часа дня в бальной зале Ливадийского дворца открылось первое заседание Ялтинской конференции. Сталин сидел между Молотовым и Майским. Майский непрерывно курил, зижигая сигареты одну от другой. Вождь произвел большое впечатление на молодого Андрея Громыко, советского посла в Америке, который при Брежневе станет вечным министром иностранных дел СССР.

Сталин все замечал. Он никогда не обращался за помощью ни к бумагам, ни к записям. Память Иосифа Виссарионовича не уступала компьютеру. На одном из заседаний он произнес свою самую знаменитую шутку. Так же как другие удачные остроты, Сталин неоднократно ее повторял. Она вошла в лексикон политиков и стала олицетворять превосходство грубой силы над чувствами.

Рузвельт, Сталин и Черчилль обсуждали папу римского.

– Давайте сделаем его нашим союзником, – предложил Черчилль.

– Хорошо, но как вам известно, господа, войну ведут солдаты, танки и пушки. – Сталин улыбнулся. – Сколько у папы дивизий? Если он нам ответит, пусть будет нашим союзником.

По вечерам Верховный устраивал небольшие встречи с членами советской делегации. Громыко видел, как он обменивается несколькими словами с каждым делегатом и переходит, шутя, от группы к группе. Сталин помнил всех (пятьдесят три человека) по именам. Каждое утро и каждый вечер в Юсуповском дворце проходили совещания. Вождь часто ругал своих советников, если они не выполняли его задания. Хью Ланги, работавший переводчиком и на этой конференции, слышал, как он говорил:

– Я не верю Вышинскому, но с ним можно быть спокойным. Он прыгнет туда, куда мы ему скажем.

Андрей Вышинский слушал Сталина, как испуганная собачонка.

Франклин Рузвельт заболел. Сталин, Молотов и Громыко решили проведать его. Спускаясь по лестнице, вождь внезапно остановился. Он вытащил из кармана трубку, неторопливо набил ее и, как бы разговаривая сам с собой, спокойно сказал:

– Почему его так наказала природа? Неужели он хуже других людей?

Сталин никогда не доверял Черчиллю, но Рузвельт, казалось, пользовался его полным расположением.

– Скажите, что вы думаете о Рузвельте? – обратился вождь к Громыко. – Как вы оцениваете его ум?

Сталин не скрывал от Громыко своей симпатии к американскому президенту. Это очень удивляло молодого дипломата. Ведь вождь был настолько груб, что редко сочувствовал представителям другой социальной системы и не позволял себе показывать простые человеческие эмоции.

На следующий день, 6 февраля, участники переговоров собрались обсудить болезненный вопрос Польши и всемирной организации, будущей ООН. Россия хотела забрать восточную часть Польши в обмен на территорию Германии. Сталин согласился лишь на включение нескольких польских националистов в новое правительство страны, в нем доминировали, конечно, коммунисты. Когда Рузвельт сказал, что вопрос о выборах в Польше не подлежит обсуждению так же, как целомудрие жены Цезаря, Иосиф Виссарионович пошутил:

– Да, об ее целомудрии все говорили, но и у нее были грехи.

Он пытался объяснить западным союзникам

заинтересованность России в вопросе с Польшей следующим образом:

– Много лет Польша служила коридором для наших врагов, которые собирались напасть на Россию.

Поэтому Сталин хотел создать сильную Польшу. Если верить сыну Берии, то к нему в тот день в комнату вошел отец и сказал:

– Иосиф Виссарионович не сдвинулся ни на сантиметр в вопросе с Польшей.

Союзники договорились в Ялте о судьбе Германии. Страна должна быть демилитаризована. В ней запрещался нацизм во всех его проявлениях. Территория Германии делилась на три зоны. Каждую из них оккупировал тот или иной участник Большой тройки. Американцы были удовлетворены повторным обещанием Сталина начать войну с Японией. Поэтому они согласились на его требование относительно Сахалина и Курильских островов.

8 февраля после очередного заседания участники конференции отправились обедать к Сталину в Юсуповский дворец. За столом главы делегаций, еще больше состарившиеся за годы войны, оживленно обсуждали свою победу. Сталин воспользовался случаем и произнес тост за здоровье Уинстона Черчилля.

– За человека, который рождается раз в сто лет и который храбро держит знамя Великобритании. Я выразил свои чувства, то, что у меня на сердце, что подсказывает мне совесть.

«Сталин был в отличной форме, – написал Брук. – Он был весел и добродушно шутил».

За столом Иосиф Виссарионович называл себя «наивным и болтливым стариком», чем вызывал улыбки у окружающих. Затем он произнес тост за генералов:

– Их ценят только во время войны и быстро забывают в мирное время. После войны их престиж снижается, женщины поворачиваются к ним спиной…

Советские генералы еще не догадывались, что Сталин забудет о них первым.

На этом эпическом ужине присутствовал еще один гость. Сталин очень порадовал приглашением Лаврентия Берию. Грузину уже порядком надоело играть роль человека, которого никто не видит, но о котором все знают. Рузвельт заметил главного советского чекиста и поинтересовался у хозяина:

– Кто этот человек в пенсне, что сидит напротив посла Громыко?

– Ах, этот… Это наш Гиммлер, – язвительно ответил Сталин. – Его зовут Берия.

Нарком внутренних дел промолчал. Он только немного

натянуто улыбнулся, показав желтые зубы. Но эти слова наверняка задели его за живое. Ведь, по словам Серго Берии, отцу очень хотелось выйти на международную арену. Громыко заметил, что Рузвельт расстроился из-за того, с каким пренебрежением отозвался о Берии Сталин. Американцы с большим интересом разглядывали таинственного Берию. Болену он показался «пухленьким бледным мужчиной в пенсне, похожим на учителя».

Лаврентий Павлович был помешан на сексе и поэтому даже на обеде с иностранцами не забывал о своей любимой теме. Он принялся обсуждать с сэром Арчибальдом Кларком Керром, в котором нашел родственную душу, половую жизнь рыб. Сэр Арчибальд тоже был большим бабником. Британец сильно напился. Он встал и произнес тост в честь Берии.

10 февраля на ужине у Черчилля Сталин предложил выпить за здоровье Георга VI. Правда, тут же добавил, что он всегда против королей, потому как находится на стороне народов. Черчилль немного рассердился. Он предложил Молотову, чтобы в будущем Сталин просто предлагал тосты за глав трех государств.

Ужин проходил в тесном кругу. За столом присутствовали всего двенадцать человек. Главной темой разговора были предстоящие выборы в Великобритании. Сталин не понял, почему Черчилль беспокоится. Лично он был уверен в его победе.

– Разве можно выбрать другого руководителя, кроме победителя? – искренне удивлялся вождь. А когда британский премьер объяснил, что в Великобритании две политические партии, он покачал головой: – Одна партия намного лучше.

Потом разговор перешел к Германии. Сталин рассказал о том, какое неразумно большое внимание уделяется в ней дисциплине. Он не один раз рассказывал эту историю своим друзьям и соратникам. Однажды Сталин приехал в Лейпциг на конференцию коммунистов. Немцы прибыли на вокзал, но не нашли кондуктора. Они не стали садиться в поезд и ждали его появления на перроне два часа…

После заключительного ужина в Ливадийском дворце, который прошел в бывшей царской бильярдной, Вячеслав Молотов отвез Рузвельта в Саки. Он поднялся на борт президентского самолета, который назывался «Священной коровой», чтобы пожелать Рузвельту счастливого пути.

Черчилль провел последнюю ночь на борту «Франконии» в бухте Севастополя. Он улетел на следующий день. Сталин уже уехал на поезде в Москву.

Через два дня был взят Будапешт.

Сталин получил от союзников почти все, что хотел. Такую уступчивость американцев и британцев обычно объясняют болезнью Франклина Рузвельта и тем, что он попал под действие сталинского обаяния. Западных лидеров позже обвинили в том, что они продали Иосифу Виссарионовичу Восточную Европу. Да, Рузвельт усиленно ухаживал за Сталиным и зачастую невежливо вел себя по отношению к Черчиллю, но это ввело историков в заблуждение. Сталин всегда был уверен, что вопрос, кому править Восточной Европой, будет решен не за столом переговоров, а силой, которая теперь была на его стороне. Восточную Европу занимали 10 миллионов советских солдат.

После войны Сталин рассказывал анекдот, из которого видно его отношение к Ялтинской конференции:

– Черчилль, Рузвельт и Сталин отправились на охоту. Они долго ходили по лесу и наконец застрелили медведя. Черчилль сказал: «Я возьму медвежью шкуру». Рузвельт возразил: «Нет, я возьму шкуру. Пусть Черчилль и Сталин поделят между собой мясо». Сталин молчал, поэтому Рузвельт с Черчиллем спросили его: «Мистер Сталин, что вы на это скажете?» Сталин ответил: «Медведь принадлежит мне, потому что я его убил»!

Медведем был Гитлер, а медвежьей шкурой – Восточная Европа.

8 марта, в самый разгар операции по очистке Померании, Сталин вызвал Жукова. В Кунцеве между Верховным главнокомандующим и его главным полководцем состоялся странный разговор. Он стал кульминационной точкой их трогательного и тесного сотрудничества в годы войны. Сталин плохо себя чувствовал и очень устал. У него был подавленный вид.

Битва за Берлин стала последним великим достижением Сталина. После нее он больше не сможет работать по тому же бешеному графику, как раньше.

Рузвельт умирал, Черчилль часто болел, Гитлер почти впал в слабоумие. Тотальная война дорого обошлась верховным главнокомандующим. Сталина она сделала более сентиментальным и одновременно более жестоким и кровожадным.

– Давайте сначала немного пройдемся, – предложил он маршалу, – а то у меня затекли ноги.

Во время прогулки Сталин не говорил о делах, он вспоминал свое детство. Потом они вернулись в кабинет. Поощренный удивительной близостью Георгий Жуков поинтересовался судьбой Якова.

– Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове.

Нет ли сведений о его судьбе?

Иосиф Виссарионович не ответил. Образ старшего сына мучил его, был его крестом. Пройдя почти сто шагов в молчании, он тихо сказал:

– Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его душегубы. По наведенным справкам, держат его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену родине. – Сталин снова замолчал, потом сказал: – Нет, Яков не такой. Он предпочтет любую смерть измене родине.

Сталин еще не знал, что Якова уже почти два года нет в живых.

– Какая тяжелая война! – с горечью произнес он. – Сколько жизней наших людей она унесла! Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие…

Потом Иосиф Виссарионович заговорил о том, как ему нравится Рузвельт. Ялтинская конференция прошла успешно, сказал вождь. В это время Поскребышев принес сумку с документами. Когда он вышел, Верховный заговорил о Берлине:

– Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же.

Через три недели, утром 1 апреля, Сталин провел в Маленьком уголке совещание с двумя самыми энергичными и воинственными маршалами: Жуковым, командовавшим Первым Белорусским фронтом, и Коневым, командовавшим Первым Украинским фронтом.

– Итак, кто будет брать Берлин: мы или союзники? – спросил Верховный.

– Брать Берлин должны мы! – опередил Георгия Жукова Иван Конев.

– Так вот, значит, какой вы человек. – Вождь одобряюще улыбнулся.

Георгий Жуков должен был атаковать Берлин с плацдармов на Одере у Зееловских высот. Коневу предстояло наступать на Лейпциг и Дрезден и своим северным флангом, параллельно войскам Жукова, держать столицу Германии под прицелом. Верховный всегда уделял большое внимание честолюбию своих маршалов, поэтому он позволил им считать, что они могут взять Берлин. Не сказав ни слова, Сталин начертил демаркационную линию между фронтами, которая проходила через Берлин, потом остановился и стер линию южнее Берлина. Конев понял, что это было негласным разрешением и ему штурмовать Берлин, если получится.

– Кто подойдет первым, тот пусть и берет Берлин, – дразнил

своих полководцев Сталин.

В тот же день Сталин устроил самую большую в современной истории человечества первоапрельскую шутку. Он заверил Эйзенхауэра, что Берлин потерял былое стратегическое значение.

Уже через два дня Жуков и Конев мчались на аэродром. Их самолеты взлетели с двухминутной разницей во времени. Так им хотелось получить главный трофей войны – Берлин.

Пока маршалы перегруппировали свои войска, в Америке умер Франклин Рузвельт. Для Сталина с его смертью закончилась целая эпоха. Их сотрудничество и взаимное доверие пробудило в нем слабые человеческие чувства. Вячеслав Молотов тоже был сильно расстроен.

Очень расстроенный Сталин принял Аверела Гарримана. Он поздоровался с американским послом и полминуты держал его за руку. Пройдут годы. Отдыхая на даче в Новом Афоне, Сталин будет размышлять: «Рузвельт был великим государственным деятелем, умным, образованным и либеральным лидером. Он видел далеко вперед и сумел продлить жизнь капитализма…»

16 апреля маршал Жуков приказал начать обстрел немецких позиций в районе Зееловских высот. В 5 часов утра 14 600 орудий открыли ураганный огонь. У маршалов было 2,5 миллиона человек, 41 600 орудий, 6250 танков и 7500 самолетов на двоих. Впервые на столь относительно небольшом пространстве были сосредоточены такие огромные силы. Но немцы успели основательно укрепить Зееловские высоты. Они оказались серьезным препятствием на пути советских войск. Георгий Жуков нес огромные потери. В полночь он доложил Сталину о ходе боев. Верховный не удержался, чтобы его не уколоть:

– Значит, вы недооценили врага на Берлинской дуге? У Конева начало наступления проходит более успешно.

Затем он позвонил Коневу:

– Жукову пока трудно. Он никак не может прорвать оборону немцев… – Сталин замолчал. Конев догадывался, в каком направлении работает его мысль, но терпеливо ждал. Наконец Иосиф Виссарионович поинтересовался: – Как вы думаете, можно направить танки Жукова на Берлин через бреши в вашем фронте?

Маршал Конев взволнованно ответил, что его собственные танки могут повернуть на Берлин. Сталин еще раз посмотрел на карту.

– Хорошо, – наконец согласился он. – Поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф.

Однако Жуков не хотел делиться славой с соперником. Он был полон решимости взять Берлин сам. Игнорируя все

законы военного искусства и танковых сражений, он бросил на Зееловские высоты свои танки. Многотонные железные машины вязли в мягкой земле, буксовали в трупах. В результате этого удара маршал Жуков потерял 30 тысяч человек. В виде наказания Сталин не звонил ему три дня.

20 апреля войска Жукова все же вышли на восточные окраины Берлина. Войска соседних фронтов с ожесточенными боями дом за домом, улица за улицей пробивались к гитлеровской Рейхсканцелярии. 25 апреля Конев приказал начать штурм Рейхстага. В это время в трехстах метрах от Рейхстага находился генерал Чуйков. Он подчинялся Жукову и тоже штурмовал здание. Георгий Константинович Жуков примчался на передовую и устроил скандал.

– Что вы здесь делаете? – кричал он на Рыбалко, который командовал танковой армией Первого Украинского фронта.

Коневу не оставалось ничего иного, как повернуть своих солдат на запад и оставить Рейхстаг Жукову. Но Сталин предложил ему другой трофей:

– А кто будет брать Прагу?

Верховный ждал новостей с фронта в Кунцеве. В Кремле он появлялся каждый день около полуночи, проводил в Маленьком уголке пару часов и возвращался на дачу.

28 апреля 1945 года фюрер женился на Еве Браун в своем личном бункере и продиктовал завещание; они выпили шампанского. Прошли еще два дня. Видя, что войска Жукова неумолимо приближаются к бункеру, Адольф Гитлер проверил ампулы с цианистым калием на своей восточно-европейской овчарке Блонди. Примерно в 15.15, под негромкий шум пьянки наверху, немецкий фюрер совершил самоубийство, выстрелив себе в голову. Ева приняла яд. Геббельс и Борман отдали своему начальнику последние почести и сожгли его труп в саду Рейхсканцелярии.

В 19.30 Сталин, который еще ничего не знал о самоубийстве Гитлера, приехал в Кремль, около часа совещался с Маленковым и Вышинским, после чего вернулся в Кунцево.

Ночью 1 мая к Чуйкову приехал начальник немецкого Генштаба. Он сообщил о смерти Гитлера и попросил прекратить огонь. Это был Ганс Кребс, тот самый высокий немецкий офицер, которому Сталин во время проводов министра иностранных дел Японии в апреле 1941 года сказал: «Мы останемся друзьями». Чуйков отказался прекращать огонь. Кребс уехал и тоже совершил самоубийство.

События развивались так же, как 22 июня 1941 года. Желая первым сообщить ошеломительные новости, Георгий Жуков

позвонил в Кунцево. И вновь, как четыре года назад, он наткнулся на отказ охраны.

– Товарищ Сталин только что лег спать, – ответил генерал Власик.

– Пожалуйста, разбудите его, – попросил Жуков. – Дело очень срочное и не может ждать до утра.

Наконец Сталин подошел к телефону и взял трубку. Узнав о смерти Гитлера, он сказал:

– Доигрался, подлец…

Часть четвертая
Опасные игры ради наследства. 1945–1949

Бомба

– Жаль, что не удалось взять его живым, – сказал Сталин Жукову. – Где труп Гитлера?

– По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

Сталин запретил вести переговоры о прекращении огня и перемирии. Речь могла идти только о полной и безоговорочной капитуляции.

– Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра, – попросил он. – Хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас первомайский парад.

В 10.15 артиллерия маршала Жукова начала обстреливать центр Берлина. На рассвете 2 мая его войска захватили город. 4 мая полковник СМЕРШа нашел сморщенные обугленные останки Гитлера и Евы Браун. Чекисты увезли трупы, ничего не сказав командующему. Сталину впоследствии нравилось унижать маршала, спрашивая, не знает ли он, что случилось с трупом Гитлера.

После войны, во время позднего ужина на берегу Черного моря, Иосифа Виссарионовича спросили: кем был Гитлер – сумасшедшим или авантюристом?

– Я согласен с тем, что он был авантюристом, – ответил вождь, – но не могу согласиться, что он был сумасшедшим. Гитлер был одаренным человеком. Только одаренный человек мог объединить немецкий народ. Нравится нам это или нет, но Советская армия пробилась в Германию и захватила Берлин, не получив абсолютно никакой помощи от немецкого рабочего класса. Разве мог бы сумасшедший объединить свой народ?

9 мая 1945 года Москва праздновала День Победы. Сталин сильно устал и хотел, чтобы все побыстрее закончилось. Он пришел в ярость, когда простой американский генерал подписал акт о капитуляции немцев в Реймсе. Меряя шагами кабинет, Сталин приказал Георгию Жукову подписать соответствующий акт о капитуляции в Берлине. Он полагал, что капитуляция должна пройти там, «откуда Германия начала свою агрессию».

Славные дни генералов подошли к концу. В Берлин прилетел Андрей Януарьевич Вышинский. Конечно, в военные вопросы он не лез. Ему было поручено улаживать политические проблемы. Вышинский фактически руководил церемонией подписания акта безоговорочной капитуляции. Он сидел рядом с маршалом Жуковым и шепотом говорил ему, что делать.

Сталин пристально следил за выдающимся маршалом. Он уже давно подозревал, что Георгий Константинович Жуков одержим манией величия. Позже, в том же году, он вызвал Жукова в Кремль и предупредил, что Берия и Абакумов собирают на него компромат.

– Я не верю всей этой ерунде, но лучше какое-то время не приезжайте в Москву, – посоветовал он на прощание.

Сделать это было нетрудно, потому что Георгий Жуков управлял Берлином. Иосиф Виссарионович перекроил Европу по своему усмотрению и разослал наместников править континентом. Анастас Микоян вылетел кормить немцев. Маленков и Вознесенский отправились решать на месте, разрушить ли немецкую промышленность или не трогать, чтобы создать в Германии новое государство-сателлит Советского Союза. Андрей Жданов хозяйничал в Финляндии, Ворошилов – в Венгрии, Булганин – в Польше, Вышинский – в Румынии.

Когда позвонил Хрущев, чтобы поздравить вождя с великой победой, Сталин грубо оборвал его и велел не отнимать у него время.

24 мая, в 8 часов вечера, Сталин устроил в Георгиевском зале Кремля банкет для членов политбюро, маршалов, певцов, актеров и даже польских шахтеров. Около Боровицких ворот выстроилась длинная очередь из лимузинов. Гости торопливо рассаживались по местам и терпеливо ждали. Когда появился Сталин, своды дворца потрясли оглушительные овации и крики «Ура!».

Молотов произносил тосты за маршалов. Военные чокались с членами политбюро. Со временем дошла очередь и до адмирала Исакова. Он потерял ногу в 1942 году. Сталин, не утративший мастерства в обращении с людьми, встал и направился к стоящему в дальнем углу столу, чтобы чокнуться с доблестным моряком. Затем вождь похвалил великий русский народ и даже мимоходом упомянул о своих ошибках:

– Другой бы народ сказал своему правительству: вы не оправдали наших надежд. Уходите, мы выберем себе новое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам спокойную жизнь.

Позже Сталин спросил Жукова и других маршалов:

– Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести в Москве парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев: солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?

Иосиф Виссарионович решил, что принимать парад следует верхом. Он никогда не ездил на лошадях, но жажда славы горела в нем с неослабевающей силой. Сталин начал в большой тайне

учиться ездить на белом арабском жеребце. Его для Верховного специально выбрал Семен Буденный. 15 июня, за неделю до парада, вождь надел брюки галифе и сел на коня. При этом событии, скорее всего, присутствовал его сын Василий. Когда Сталин вонзил жеребцу в бока шпоры, тот стал на дыбы. Наездник схватился за гриву и попытался удержаться в седле. Лошадь легко сбросила его с себя. Он упал на землю и сильно ушиб плечо. Поднявшись, Иосиф Виссарионович гневно воскликнул:

– Пусть Жуков принимает парад! Он кавалерист.

В Кунцеве он поинтересовался у Георгия Жукова, не разучился ли тот ездить верхом.

– Нет, не разучился, – ответил слегка удивленный маршал. – Я и сейчас иногда езжу верхом.

– Вот что, вам придется принимать парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

– Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный главнокомандующий, по праву и обязанности следует вам принимать парад.

– Я уже стар принимать парады, – возразил Сталин. – Принимайте вы, вы помоложе.

Маршал Жуков должен был принимать парад на белом арабском жеребце, которого ему выберет Буденный. На следующий день Жуков уже проводил репетиции парада Победы на Центральном аэродроме. Неожиданно к нему подошел Василий Сталин.

– Я открою вам большую тайну, – тихо сказал он. – Отец сам собирался принимать парад, но три дня назад лошадь встала на дыбы и выбросила его из седла.

– А на какой лошади сидел ваш отец?

– На белом арабском жеребце. На том самом, на котором вы будете принимать парад, – объяснил Василий. – Но умоляю, никому об этом не говорите.

В 9.57 утра 24 июня маршал Жуков вскочил в седло у Спасских ворот. Шел дождь. Куранты пробили десять часов.

– Парад, равняйсь! Смирно!..

В это же самое время у Никольских ворот маршал Рокоссовский сидел на черном коне по кличке Полюс. Его тоже выбрал Буденный.

Сталин с бесстрастным лицом, в своей привычной шинели, неуклюже подошел к Мавзолею и с неожиданной легкостью взошел по ступенькам. За ним торопливо поднимались Берия и Маленков. Они тяжело дышали и старались не отстать. Толпа увидела Верховного. Красная площадь огласилась

приветственными криками. Дождь струйками стекал по козырьку сталинской фуражки, но он ни разу не вытер лицо.

Когда крики и аплодисменты стихли, промокшие до нитки Жуков и Рокоссовский выехали каждый из своих ворот. Оркестр сыграл «Славься!» Глинки. По брусчатке Красной площади с грохотом проехали танки и «катюши». Затем над площадью воцарилась тишина.

«Неожиданно раздалась дробь сотен барабанщиков! – писал авиаконструктор Яковлев. – К Мавзолею железной поступью двинулись шеренги советских солдат». Каждый из двухсот ветеранов держал в руках фашистское знамя. Поравнявшись с Мавзолеем, они поворачивали направо и бросали украшенные черно-алыми свастиками знамена к ногам Сталина. Знамена немецких полков, дивизий и армий поливал дождь. Это был кульминационный момент жизни вождя.

Сразу после парада Сталин и главные руководители страны собрались в небольшой комнате за Мавзолеем. Там, как всегда, уже был накрыт небольшой стол. Во время этого импровизированного банкета кто-то из маршалов, скорее всего Иван Конев, предложил произвести Сталина в генералиссимусы. Сначала Иосиф Виссарионович отмахнулся от предложения, потом заявил, что ему шестьдесят семь лет и что он устал.

– Я проработаю еще два-три года и уйду на пенсию, – сказал он.

Члены политбюро и военачальники, словно по команде, вскрикнули, что он еще долго будет жить и править страной.

Потом начался веселый праздник. Сталин рассмеялся шутке Поскребышева. Секретарь вытащил кортик из ножен Вышинского, который стоял на Мавзолее в мундире дипломата, и заменил его… огурцом. Под улыбки членов политбюро и смех Сталина бывший Генеральный прокурор весь день проходил, не зная, что у него в ножнах не кортик, а огурец.

Вечером состоялся большой банкет. В Кремль были приглашены 2500 офицеров. Сталин, который уже окончательно решил взяться за укрепление дисциплины и объединение советских республик в более монолитное государство, произнес тост за русский народ. Он высоко оценил «винтики», то есть «простых людей, без которых все маршалы и командующие фронтами и армиями ничего бы не значили».

Все тосты Сталина были, как обычно, тщательно продуманы. Он как бы сообщал своим придворным о том, какую политику поведет после войны. Маршалы ничего не стоили по сравнению с великим русским народом. Представлять же его могла только партия, то есть Сталин. Его слова об уходе на пенсию вызвали

всплеск борьбы за право стать наследником этого императора XX века. Соратники и не догадывались, что на самом деле у него и в мыслях не было уходить в отставку. Это была очередная проверка. Через пять лет три главных претендента на трон будут мертвы.

Предложение произвести Сталина в генералиссимусы, чтобы как-то выделить его из остальных маршалов, не было чем-то особенно новым. В русской истории генералиссимусом был Суворов. Сталин возражал против этой идеи. Он уже и так пользовался славой всемирного завоевателя. Однако соратники не собирались уступать. Они были полны решимости наградить его званием Героя Советского Союза, еще одним орденом Победы и присвоить звание генералиссимуса.

– Товарищ Сталин не нуждается в этом, – ответил Иосиф Виссарионович Коневу. – Товарищу Сталину хватает власти и без звания генералиссимуса. Ну и звание же вы придумали! Предлагаете мне оказаться в славной компании с генералиссимусами Чан Кайши и Франко!

Каганович гордился тем, что в свое время придумал термин «сталинизм». Сейчас он решил не останавливаться на идее Конева и предложил переименовать Москву в Сталинодар. Впрочем, здесь ему тоже не удалось стать первопроходцем. Мысль о переименовании столицы еще в 1938 году выдвинул Николай Ежов. Лаврентий Берия поддержал Железного Лазаря. Очередная бредовая идея вывела Сталина из себя.

– Для чего мне все это нужно? – рассердился он.

Хитрый и умный царедворец всегда почувствует, когда повелитель, пусть и в глубине сердца, хочет, чтобы ему не повиновались. Маленков и Берия заставили Калинина подписать указ. Через три дня после парада Победы «Правда» сообщила о новом звании Сталина и его наградах. Он пришел в ярость и вызвал Молотова, Берию, Жданова, Маленкова и Калинина, которого в то время уже терзал рак желудка.

– Я не вел полки в бой, – возмутился вождь. – Я отказываюсь от Звезды. Это незаслуженная награда.

Члены политбюро позволили себе не согласиться. Они утверждали, что он достоин наград и звания. Верховный не уступал.

– Говорите что хотите, но я не приму награды, – стоял он на своем.

Горячие споры и пререкания длились долго. От внимания руководителей, однако, не укрылось то, что против звания генералиссимуса вождь особенно не возражает.

Маршалы сейчас носили роскошные мундиры с золотым

шитьем. Они были все увешаны медалями и орденами и здорово смахивали на новогодние елки. Ясно, что мундир генералиссимуса должен отличаться от маршальской формы, быть лучше и красивее. Эту ответственную задачу поручили портному Лернеру, обшивавшему советскую элиту. Лернер создал шедевр портновского искусства и отделал его позолотой. По великолепию наряд был похож на мундиры Геринга. Хрулев одел трех стройных офицеров в мундиры генералиссимуса. В этот момент в приемную вышел Сталин.

– Кто это? – набросился вождь на Александра Поскребышева. – Что здесь делает этот павлин?

– Это три образца формы генералиссимуса.

– Мне это не подходит! – отрезал Сталин. – Мне нужно что-нибудь более простое и скромное… Вы что, хотите сделать из меня швейцара?

В конце концов Иосиф Виссарионович согласился на белый китель с высоким воротником, отделанным золотым шитьем, и черные брюки с красными лампасами. В этом наряде он был сильно похож на капельмейстера. Примерив форму, вождь с сожалением покачал головой.

– И зачем я только согласился? – негромко сказал он Молотову.

Теперь Георгию Маленкову и Лаврентию Берии предстояло уговорить Сталина принять Звезду Героя. Вручение награды напоминало опереточный фарс. Придворные гонялись за сердитым генералиссимусом буквально по всей Москве, стараясь прицепить ему звезду на грудь. Сначала вызвался Вячеслав Молотов. Старая дружба не помогла. Сталин отказался даже разговаривать на эту тему. Следующим был Александр Поскребышев. Но и он был вынужден отступить после энергичных возражений вождя. Тогда Берия и Маленков уговорили попробовать генерала Власика, у того тоже ничего не получилось. Наконец, решили устроить засаду и напасть на Сталина в саду, когда он будет возиться с цветами. Вождь по-прежнему любил ухаживать за розами и лимонными деревьями. Во время садоводческих занятий у него обычно было хорошее настроение, рассчитывали этим воспользоваться. Попытку вручить Иосифу Виссарионовичу Звезду Героя Советского Союза должен был предпринять Орлов, комендант Кунцева. Когда Сталин попросил секатор, чтобы подстричь свои любимые розы, Орлов принес ему секатор и остановился поблизости, держа звезду в руке за спиной. Он не знал, что ему делать. У коменданта был такой растерянный вид, что его замешательство заметил Сталин.

– Что это вы там прячете за спиной? – спросил он. – Ну-ка

покажите!

Орлов показал Звезду Героя.

– Верните ее тем, кто придумал этот вздор! – рассердился Сталин.

Вождь согласился принять награду только в 1950 году.

– Вы потакаете старику, – заявил он. – Вот если бы она улучшила мое здоровье!

Звезду Героя Иосиф Виссарионович принял, но никогда ее не носил.

На звание генералиссимуса Сталин согласился, потому что тут к тщеславию добавился и элемент политики. Звание генералиссимуса как бы понижало маршальское. Вождь видел, что полководцы начинали приобретать опасный авторитет. 9 июля 1945-го он предпринял еще одну атаку на своих военных. Сталин произвел в маршалы Лаврентия Павловича Берию, которого как огня боялись военачальники. Тем самым он уравнял чекиста с Жуковым или Василевским.

Победа, казалось, сделала Иосифа Сталина более добродушным, но в его голосе часто появлялись ледяные нотки. Чувство юмора у него осталось прежним, солдатским. Каждый раз, когда Сталин видел наркома судостроительной промышленности Носенко, он в свойственном себе стиле острил:

– Вас еще не арестовали?

При следующей встрече вождь рассмеялся и решил немного разнообразить остроту:

– Носенко, вас еще не расстреляли?

Нарком натянуто улыбался. Ясно, что ему было не до смеха. Наконец на праздничном заседании Совнаркома Сталин заявил:

– Мы верили в победу и никогда не теряли чувства юмора. Разве не так, товарищ Носенко?

* * *

Неделей позже Сталин, который, по словам Громыко, сейчас постоянно выглядел усталым, сел в бронированный поезд. Состав из одиннадцати вагонов отправился в Потсдам. Четыре зеленых вагона до революции входили в царский поезд. Их нашли в каком-то музее.

Вождю предстояло преодолеть 1923 километра. За безопасность отвечал Лаврентий Берия. Он предпринял, наверное, самые строгие меры безопасности, которые когда-либо организовывались для отправившегося в поездку правителя. «Для обеспечения требуемой степени безопасности вдоль

железной дороги расставлены 1515 оперативных сотрудников НКВД/ГБ и 17 409 сотрудников НКВД в следующем порядке: на территории СССР по 6 человек на километр, на территории Польши – 10 человек на километр, на немецкой территории – 15 человек на километр. Помимо этого путь следования специального поезда будут патрулировать восемь бронированных поездов: 2 в СССР, 2 в Польше и 4 в Германии», – писал Берия Сталину 2 июля.

Кроме этого, безопасность руководителя советской делегации обеспечивали семь полков войск НКВД и 900 охранников. За Сталина также отвечали сотрудники 6-го отдела НКВД. 2041 чекист создали как бы три кольца безопасности вокруг Сталина. Только для охраны линий связи были выделены шестнадцать отрядов войск НКВД. Быструю связь с Москвой обеспечивали одиннадцать самолетов. На случай каких-либо экстренных обстоятельств наготове все время стояли три воздушных суда.

Надлежащий порядок и спокойствие на железнодорожных станциях и в аэропортах гарантировались при помощи арестов всех антисоветских элементов.

Ночью перед прибытием в Потсдам Сталин позвонил Георгию Жукову:

– Не вздумайте для встречи строить всякие там почетные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого считаете нужным.

В 5.30 утра 16 июля, в день приезда Сталина в Потсдам, Соединенные Штаты провели испытание атомной бомбы в Нью-Мексико. Эти испытания окажутся ложкой дегтя в бочке меда. Они испортят Верховному главнокомандующему всю радость победы. Гарри Трумэн, сменивший Рузвельта на посту президента, узнал о них в Потсдаме. Телеграмма была шифрованной. Она гласила: «Роды прошли успешно!»

Сталин и Молотов в сопровождении Поскребышева, Власика и Валечки спустились на непривычно пустой перрон. Их встречали только маршал Жуков и Вышинский. Рядом на столе стояли три телефона для связи с Кремлем и армиями.

Сталин был в хорошем настроении. Он поздоровался со встречающими, дотронувшись до фуражки, и сел в ожидавший его бронированный ЗИС-101. Потом неожиданно открыл дверцу и пригласил Георгия Жукова проехать с ним в район Бабельсберга. В двухэтажном каменном особняке с 15 комнатами и открытой верандой раньше жил Людендорф. Лаврентий Берия сообщил вождю, что на вилле есть все, что необходимо: электричество, тепло и телефонные станции с ВЧ на сто номеров.

Сталин не переносил излишеств в обстановке и экстравагантной мебели. Поэтому приказал большую часть ее убрать, как он когда-то сделал в своей кремлевской квартире.

Иосиф Виссарионович опоздал к открытию конференции, но это не имело значения. Почти все главные решения уже были приняты в Ялте. Лидеры Великобритании и Соединенных Штатов приехали накануне и успели осмотреть канцелярию Гитлера. Берия тоже прибыл в Берлин раньше Сталина, чтобы все приготовить. С собой он в очередной раз захватил сына Серго. Чекист очень хотел побывать на развалинах логова фюрера, но покорно ждал приезда шефа. Он желал спросить разрешения. Сталин от поездки в Рейхсканцелярию отказался. Лаврентий Павлович в рубашке без галстука с расстегнутой верхней пуговицей и мешковатом костюме отправился осматривать берлинские достопримечательности вместе с безукоризненно одетым Молотовым.

В полдень 17 июля Сталин в желтовато-коричневом роскошном мундире генералиссимуса приехал на первую встречу с новым американским президентом в «маленький Белый дом». Трумэн ни словом не обмолвился о главной теме Потсдамской конференции. Из воспоминаний Серго Берии известно, что советские разведчики держали его отца в курсе того, как развивается ядерная программа США. На той же неделе главный советский чекист доложил об успешном испытании атомной бомбы Сталину.

– Я об этом не знал, – отреагировал Верховный. – По крайней мере, американцы ничего не сказали.

Однако Лаврентий Берия впервые сообщил о Манхэттенском проекте еще в марте 1942 года.

– Нам нужно тоже начинать, – сказал тогда Сталин и поручил ядерную программу Вячеславу Молотову.

Под руководством Вячеслава Михайловича работа шла крайне медленно. Все кончилось тем, что в сентябре ведущий русский физик-ядерщик, профессор Игорь Курчатов, отправил Сталину письмо, в котором сообщал о медлительности Вячеслава Молотова и умолял поручить Берии руководство программой. В те годы Сталин еще не догадывался, насколько важно для судеб человечества расщепление ядер атомов и какие огромные ресурсы потребуются. Они с Берией по традиции не доверяли ни своим ученым, ни шпионам. Тем не менее они понимали необходимость производства урана.

Дважды во время Потсдамской конференции Сталин и Берия обсуждали, какой должна быть реакция Советского Союза на американские испытания атомной бомбы. Они договорились,

что Сталин сделает вид, будто не понимает, о чем речь, когда Трумэн заговорит об атомной бомбе. Но американский президент не торопился выкладывать на стол свой главный козырь. Сначала речь на конференции шла о вступлении России в войну с Японией. Трумэн попросил Сталина остаться на обед, но получил отказ.

– Вы бы могли остаться, если бы захотели, – с легкой обидой заметил президент США.

Сталин передумал и остался. Галантерейщик из Миссури не произвел на него никакого впечатления. Он считал, что Трумэн и в подметки не годится Франклину Рузвельту. «Их нельзя сравнивать, – скажет он позже. – Трумэн необразован и вовсе не умен». Гарри Трумэну советский руководитель, напротив, понравился. Генералиссимус напомнил ему покровителя, Т. Дж. Пендергаста, политика из Канзас-Сити.

На первое заседание Иосиф Виссарионович приехал в белом роскошном мундире, обильно украшенном позолотой. Во дворец Целендорф, построенный в 1917 году для последнего немецкого кронпринца, он явился последним. При виде величественного кайзеровского дворца правитель Советского Союза пренебрежительно усмехнулся.

– Гм-м-м… Ничего особенного, – сказал он Громыко. – Скромненько. Русские цари строили для себя более крепкие дворцы.

На конференции Сталин сидел между Молотовым и переводчиком Павловым. По бокам от них расположились Вышинский и Громыко. Официанты принесли бокалы с шампанским. Был произнесен тост за успешную работу конференции.

Уинстон Черчилль, попыхивая сигарой, подошел к Сталину. Тот тоже курил подаренную британским премьером сигару. Если бы кто-то решил сфотографировать генералиссимуса с сигарой, пошутил Черчилль, то снимок произвел бы сенсацию.

– Все скажут, что Сталин под моим влиянием закурил сигары, – сказал он.

На самом деле влияние Великобритании в новом мире супердержав серьезно ослабло. Участники конференции смогли договориться о запрете нацизма в Германии, но вопрос о репарациях и Польше так и остался нерешенным. После смерти Гитлера различия между союзниками еще больше усилились.

После заседания Сталин решил прогуляться по саду. Один из британских делегатов, еще, похоже, не знакомый с советскими порядками, с изумлением смотрел, как перед дворцом выстроился отряд автоматчиков. Потом к ним присоединились

охранники и чекисты. По ступенькам наконец спустился дядя Джо в окружении обычных телохранителей-головорезов. Эту удивительную процессию замыкал еще один отряд автоматчиков. Прогулка проходила, очевидно, под руководством толстого русского офицера, который всегда сидел за дядей Джо. Он выбежал к автоматчикам и приказал, чтобы они рассредоточились по всему саду и заняли все аллеи.

Пройдя несколько сотен метров, Сталин сел в машину и уехал.

В половине девятого вечера 18 июля Черчилль отужинал на вилле Людендорфа. Британец заметил, что Сталин неважно выглядит. Дымя сигарами, они беседовали о власти и смерти. Сталин соглашался, что Британскую империю скрепила монархия. Наверное, в это время он думал над тем, как сплотить свою империю.

Сталин предсказал Черчиллю победу на предстоящих выборах. Потом он заметил: народы на Западе, наверное, интересует, что будет с Советским Союзом, если Сталин умрет.

– Все будет в порядке, – сказал генсек и заверил собеседника, что его место займут хорошие люди, которых он сам выдвинет.

24 июля два важных события лишний раз подтвердили неминуемый конец Большой тройки. Сначала Черчилль осыпал Сталина упреками за то, что русские закрыли Восточную Европу. В качестве доказательства он привел проблемы, с которыми по вине советских военных приходится сталкиваться сотрудникам британского посольства в Бухаресте.

– Вокруг них возведен железный занавес, – возмущенно сказал британский премьер. Так он впервые использовал словосочетание, которому вскоре суждено стать крылатым.

– Сказки! – резко ответил Сталин.

Заседание закончилось в 7.30 вечера. Сталин направился к выходу. Гарри Трумэн быстро пошел за ним. Создавалось впечатление, что он хочет его догнать. За спиной у Сталина, как по мановению волшебной палочки, тут же возник переводчик Павлов. Уинстон Черчилль, с которым американский президент советовался накануне, изумленно наблюдал за тем, как Трумэн как бы случайно подошел к нему и сказал:

– Соединенные Штаты испытали новую бомбу необычайно большой силы.

Павлов пристально наблюдал за Сталиным. На лице вождя не дрогнул ни один мускул. Он пожал плечами и ответил, что рад это слышать.

– Новая бомба! Необычайно большой силы! Наверняка она даст вам решающий перевес над японцами! Вам очень повезло! –

Сталин явно следовал плану, который они разработали с Берией.

Главным было не дать американцам порадоваться победе. К тому же Сталин все еще думал, что союзники из-за океана продолжают водить его за нос. Увидев на лице Черчилля улыбку, генсек догадался, что британский премьер знает, о чем они сейчас говорят.

Вернувшись на виллу Людендорфа в сопровождении Жукова и Громыко, Сталин немедленно рассказал Молотову о беседе с Трумэном. Он понимал, что пока у американцев наверняка не больше одной-двух бомб. Время догнать их еще есть.

– Цену себе набивают, – заметил Вячеслав Молотов, отвечавший за ядерную программу Советского Союза.

– Пусть набивают. – Сталин рассмеялся. – Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Профессор Курчатов объяснил вождю, что ему не хватает электрической энергии и тракторов. Узнав об этом, Сталин немедленно приказал отключить электричество в нескольких районах и передать Курчатову две танковые дивизии. Танки вполне могли заменить тракторы. Всю важность атомной бомбы Иосиф Виссарионович понял лишь после того, как американцы сбросили ее на Хиросиму. Сейчас до Сталина начало доходить, сколько потребуется средств и ресурсов для создания советской бомбы.

Затем вождь вызвал Молотова и Громыко и объявил им:

– Союзники сказали нам, что США обладают новым оружием. Сразу после встречи с Трумэном я переговорил с нашим физиком Курчатовым. Суть вопроса заключается в том, будут ли страны, обладающие атомной бомбой, соревноваться друг с другом или они попытаются найти решение, которое запретит ее изготовление и применение?

Сталин понимал, что Америка и Великобритания надеются: СССР не скоро сумеет создать свою бомбу – и хотят шантажировать Москву.

– Этому не бывать! – пообещал Иосиф Виссарионович и обругал союзников, используя непечатные выражения.

На следующее утро Уинстон Черчилль и лидер лейбористов Клемент Этли вылетели обратно в Лондон. Там они узнали сенсационную новость. Руководитель Великобритании потерпел сокрушительное поражение на всеобщих выборах. Поражение Черчилля довершило разрушение тегеранского и ялтинского триумвирата. Сталин предпочитал Рузвельта, но Черчилль вызывал у него искреннее восхищение. «Сильный и умный политик, – говорил он о британце в 1950 году. – В военные годы он вел себя как настоящий джентльмен и многого достиг.

Это самая сильная личность в капиталистическом мире».

В Потсдаме Иосиф Виссарионович нашел время встретиться с сыном Василием. Сталин-младший сейчас служил в Германии. Василий сказал отцу, что советские самолеты по-прежнему уступают американским и что они опасны в управлении.

25 июля вождь встретился за обедом с правнуком королевы Виктории и кузеном Николая II лордом Луи Маунтбеттеном. Маунтбеттен был главнокомандующим силами союзников в Юго-Восточной Азии. Энергичный адмирал заявил, что проделал далекий путь из Индии в Великобританию, чтобы специально встретиться с генералиссимусом. Он сказал, что «давно является поклонником достижений господина Сталина не только на войне, но и в мирных делах».

Сталин скромно ответил, что «старается».

– Не все сделано мной хорошо. – Он вздохнул. – Это русский народ достиг больших побед, а не я.

Маунтбеттен льстил русскому правителю не только из вежливости. У него было тайное желание – побывать в России, где, как надеялся адмирал, будут должным образом оценены его близкие связи с Романовыми. Он объяснил своему собеседнику, что часто встречался с русским царем, когда был ребенком, и гостил у него по три-четыре недели кряду.

Иосиф Виссарионович покровительственно улыбнулся и сухо заметил, что сейчас положение сильно изменилось. Лорд вновь попросил разрешения приехать в Советский Союз и сослался на родственные связи с Николаем. Он рассчитывал произвести на Сталина впечатление. «Все получилось с точностью наоборот, – заметил Ланги, переводчик Маунтбеттена. – Беседа проходила в неловкой обстановке, потому что на Сталина родство с царем не произвело никакого впечатления. Он так и не пригласил Маунтбеттена в Россию. Адмирал ушел, поджав хвост».

Внешне Потсдам закончился во вполне дружеской атмосфере, но реальных результатов конференция не принесла. У Сталина сейчас была Восточная Европа, у Трумэна – атомная бомба. Перед отъездом в Москву, 2 августа, вождь снял с ядерной программы Молотова и поручил ее Берии.

Серго Берия обратил внимание на то, что отец делает какие-то пометки на листе бумаги. Он уже составлял список будущей Комиссии по ядерной программе. В него попали Георгий Маленков и другие аппаратчики.

– Зачем ты включил этих людей? – удивился Серго.

– Пусть лучше входят в комиссию, – объяснил Лаврентий Павлович. – Если их не включить, они будут только мешать.

Это был кульминационный момент в карьере Берии.

Берия. Вождь, муж, отец, любовник, убийца, насильник

6 августа американский бомбардировщик сбросил на Хиросиму первую атомную бомбу. Сталин не хотел лишиться плодов победы над дальневосточным союзником Германии. Поэтому он послал армию против Японии. Но разрушение Хиросимы имело куда более грозное последствие, чем предупреждение Гарри Трумэна в Потсдаме.

В тот день в Кунцево приехала Светлана. «Все были очень заняты, – ворчала она. – Никто не обращал на меня внимания».

– Война – варварская штука, – размышлял Сталин, – но использование атомной бомбы – это сверхварварство! К тому же в этом не было необходимости. Япония и так уже обречена. – Генсек не сомневался, что Хиросима – это очередное предупреждение ему, а не японцам. – Американцы сделали шантаж атомной бомбой своей политикой, – считал он.

На следующий день он провел в Кунцеве несколько совещаний с Лаврентием Берией и учеными.

– Хиросима потрясла весь мир, – сказал им вождь. – Баланс сил теперь нарушен. Это недопустимо.

Сейчас Сталин понимал, что работа по созданию советской атомной бомбы должна занимать приоритетное место. Неудивительно, что программа получила название «Задача номер 1». Руководить созданием атомной бомбы должен был Особый комитет Берии, своего рода атомное политбюро. Сталин велел применить к физикам политику кнута и пряника. Следовало задабривать ученых и одновременно угрожать им.

Сталину ядерная физика, как и остальные точные науки, казалась скучной, но с Курчатовым он старался быть вежливым и внимательным.

– Если ребенок не плачет, мать не знает, чего он хочет, – говорил он ему. – Просите чего хотите. Вы ни в чем не должны отказывать себе.

Лаврентий Павлович взялся за «Задачу номер 1» с таким энтузиазмом и энергией, словно от ее успешного выполнения зависела собственная жизнь Берии. Ядерная программа осуществлялась с поистине советским размахом. В распоряжении наркома было около 330–460 тысяч рабочих и 10 тысяч технического персонала. Берия олицетворял террор и репрессии.

– Вы хороший работник, – сказал он однажды одному из своих помощников, – но если бы вы отсидели шесть лет

в лагерях, то работали бы еще лучше.

Для ученых и техников были созданы специальные тюрьмы, так называемые шарашки. Александр Солженицын ярко описал их в романе «В круге первом». Когда один из ученых сказал, что продуктивнее работал бы на свободе, Лаврентий Павлович только усмехнулся.

– Конечно, – согласился он. – Но это было бы слишком рискованно. На улицах безумное движение, и вы могли бы попасть под машину.

Берия чередовал угрозы с ласковым обращением.

– Вы ничего не хотите у меня попросить? – поинтересовался он у физика Андрея Сахарова.

Пожатие его руки, «полной, влажной и смертельно холодной», напоминало Сахарову о смерти.

«Задача номер 1», как и все другие поручения Берии, выполнялась без сбоев, надежно, как швейцарские часы. Курчатов считал, что Берия так и брызжет энергией. Лаврентий иногда завоевывал уважение ученых, защищая их. Он обращался к Сталину, и тот соглашался: «Оставьте их в покое. Мы сможем расстрелять их позже в любой момент».

Берия и его главный помощник Борис Ванников, бывший руководитель наркомата вооружений, «тонули в научных терминах и проблемах». «Они говорят, а я только сижу и моргаю, – признавался Ванников. – Все слова звучат по-русски, но я слышу их в первый раз». Что касается Берии, то решение большинства проблем он искал в высокомерии и угрозах: «Если вы ошибаетесь, я посажу вас в тюрьму».

В ноябре 1945 года Петр Капица, один из самых выдающихся советских ученых, пожаловался Сталину, что Берия ведет себя слишком заносчиво. Капица написал, что как-то поспорил с Лаврентием Павловичем. «Я прямо ему сказал: „Вы не разбираетесь в физике“, – сообщал Капица он. – Берия мне ответил, что я не разбираюсь в людях». Поскольку Лаврентий Берия ничего не понимал в физике, Капица предложил ему заняться изучением предмета. «Хотелось бы, чтобы товарищ Берия прочитал это письмо. Это не обвинение и не донос, а полезная критика. Конечно, я мог бы все это рассказать ему лично, но попасть к нему на прием крайне сложно», – закончил Петр Капица.

Сталин сказал Лаврентию Павловичу, что он должен научиться ладить с учеными. Берия вызвал Капицу, но тот поразил его, отказавшись прийти. «Если хотите со мной поговорить, – ответил физик, – приезжайте в институт».

Берия проглотил пилюлю.

* * *

Лаврентий Берия был теперь главным помощником вождя. Но это не мешало ему помнить о собственных увлечениях и личной жизни. Семьи Сталиных и Берии едва не слились в династическом союзе, которые так распространены в Грузии. Светлана никак не могла забыть Каплера и свою первую настоящую любовь. Она проводила много времени в доме Берии с его женой Ниной, красивой блондинкой, и видным ученым. Нина происходила из грузинской аристократической семьи, но, несмотря на это, была хорошей домохозяйкой. Сталин продолжал по-отечески опекать ее, хотя его отношение к Лаврентию Павловичу все больше менялось.

Лаврентий Берия всегда был без ума от атлетически сложенных женщин. Неудивительно, что его часто можно было встретить в раздевалках советских пловчих и баскетболисток. Нина и сама увлекалась спортом. Она регулярно делала зарядку, играла в теннис с охранниками, каталась на велосипеде. Берия, как и большинство бабников, очень ревновал супругу. Охранники были единственными мужчинами, которым он разрешал приближаться к ней.

Лаврентий Павлович вел роскошную жизнь. Свой величественный особняк он разделил на две части: деловую и жилую. Кабинеты и офисы располагались в одном крыле здания, комнаты жены и сына – в другом. Нина и Серго большую часть времени проводили на огромной белой даче в Сосновке, рядом с Барвихой. Она была построена в новом немецком стиле из стекла и камня. Просторный дом окружала терраса. Многочисленная охрана размещалась в домиках неподалеку. На даче Берии имелся маленький зверинец с ручными медвежатами и лисами.

Во время отпусков на юге Берия, в молодости учившийся на архитектора, сам сделал проект черноморской дачи, которую построили рядом со сталинской в Гаграх. Вождь приглашал в гости Лаврентия с Ниной и сыном, Серго.

К концу войны лысеющий широколицый Берия с пухлыми влажными губами и постоянно затуманенными карими глазами сильно располнел. У него был нездоровый вид. Кожа приобрела серовато-желтый цвет. Конечно, образ жизни соратников Сталина нельзя назвать здоровым. Берия отличился и здесь. Никто не работал больше этого нечеловечески энергичного и сильного человека. Он каждые выходные играл в волейбол с Ниной и охранниками. Чекист находился в ужасной спортивной форме, но двигался с поразительной быстротой. С другими хищниками

в человечьем облике его роднило вегетарианство. Берия ел зелень и национальные грузинские блюда. Мясо стояло у него на столе очень редко. В выходные Лаврентий Павлович приезжал домой отдохнуть, стрелял из пистолета в саду, смотрел кино в личном кинотеатре и возвращался в город.

Одевался нарком внутренних дел небрежно. Он был похож не на видного государственного деятеля, а на винодела с юга. Берия терпеть не мог военной формы. Только в 1945 году он начал надевать маршальский мундир, да и то изредка. Обычно ходил в свитере с отложным воротником, мешковатых брюках и мятой широкополой шляпе.

Берия был умнее, нахальнее и честолюбивее остальных советских руководителей. Часто не мог побороть соблазн, чтобы не показать свое превосходство. Лаврентий Павлович смеялся над внешностью и донжуанством Никиты Хрущева.

– Вы только взгляните на Никиту, – шутил он. – И посмотреть, казалось бы, не на что. Тем не менее он у нас разрушитель женских сердец!

Берия издевался над слабым здоровьем Андреева, тупостью Ворошилова, полнотой Маленкова. Кобулову он говорил, что тот одевается, как Геринг. Шутки Берии были такими язвительными и злыми, что их объекты запоминали на всю жизнь. Нина умоляла мужа быть более вежливым и осторожным. Ей очень не нравилось, что он обижает окружающих, как писал их сын.

Конечно, у Берии, как у настоящего вождя, имелся свой двор. Его придворные не чаяли в нем души. Берия встречался со своими людьми в специальной ложе на стадионе «Динамо». Крупные советские организации в те времена имели свои футбольные команды. У бериевского МВД была, к примеру, «Динамо», у профсоюзов – «Спартак». В 1942 году эти команды вели такую яростную борьбу на зеленом поле, что нарком арестовал Николая Старостина, удачливого тренера соперников, и отправил его в ссылку. Приглашение посмотреть игру из ложи наркома означало для молодого чекиста вхождение в круг бериевских друзей.

Опись содержимого стола Лаврентия Павловича, сделанная после его ареста, открывает интересы Берии. Его влекли власть и секс. В своем кабинете Берия держал дубинки для пыток заключенных и гору женского нижнего белья, секс-игрушки, порнографию. У него нашли одиннадцать пар шелковых чулок, одиннадцать игрушечных медведей, семь шелковых ночных рубашек, женскую спортивную форму, блузки, шелковые шарфы, бесконечное число неприличных любовных писем и огромное количество предметов мужского разврата.

Несмотря на фантастический объем работы, Берия находил время и для активной сексуальной жизни. В ней все было в равной мере: и любовь, и изнасилования, и извращения. Война предоставила Берии возможность значительно превзойти своих предшественников по части сексуальных подвигов. Шефы тайной полиции всегда обладали негласной лицензией на сексуальную вседозволенность. Лаврентий Павлович имел право следить за всеми. За ним мог наблюдать только СМЕРШ. Получалось, что Берия имел право делать буквально все, что хотел.

Раньше считалось, что масштабы сексуальной жизни Лаврентия Павловича преувеличены. Однако раскрытие хранящихся в архивах протоколов его допросов, а также показания свидетелей и изнасилованных потерпевших говорят об обратном. В этих документах предстает сексуальный хищник, который пользовался властью для исполнения извращенных желаний. Нередко потерпевших очень трудно разделить на две категории: тех, кого он соблазнил и изнасиловал, когда они пришли просить сохранить жизни любимых людей, и тех, кого он похитил и изнасиловал. Были, конечно, и такие матери, и немало, которые занимались сводничеством. Они отдавали дочерей сексуальному маньяку в обмен на машины и привилегии.

Лаврентий Берия, когда хотел, вполне мог создать видимость джентльмена. С некоторыми своими любовницами он обращался так нежно и ласково, что они никогда его не критиковали. Эти женщины молчали даже тогда, когда из Берии сделали главную Синюю Бороду Советского Союза.

Москвичи привыкли видеть бронированный «паккард», который медленно катит по улицам столицы. «Берия опять вышел на охоту», – шептались они. Нарком регулярно приказывал телохранителям-кавказцам, полковникам Саркисову и Надарайе, сажать в машину понравившихся ему женщин. Полковники выполняли задания с большой неохотой, но предпочитали помалкивать. Саркисов записывал все извращения шефа, чтобы настучать на него Сталину.

Женщин и девушек обычно привозили в городской особняк Берии, где, словно пародия на кавказское рыцарство и гостеприимство, их ждали богатый грузинский стол с вином. На обратном пути один из полковников всегда дарил жертве наркома букет цветов. Если похищенные сопротивлялись, их часто просто арестовывали и бросали в тюрьму. Актрису Зою Федорову полковники-чекисты схватили, когда она еще кормила грудью маленького ребенка. Ее привезли на большую вечеринку. В комнате стоял накрытый стол, но никаких гостей не было. Затем к гостье вышел Лаврентий Павлович. Федорова умоляла

отпустить ее, потому что у актрисы после кормления болели груди. Берия пришел в ярость. Позже она была арестована.

Киноактрису Татьяну Окуневскую Берия пригласил в конце войны выступить перед членами политбюро, но вместо Кремля отвез к себе на дачу. Он усиленно поил гостью вином, часто заливая ей колени. После ужина он разделся. Складки жира и выпученные глаза делали его похожим на отвратительную жабу.

– Можете кричать, но это не имеет значения, – предупредил он. – Лучше подумайте и ведите себя как нужно.

Потом нарком изнасиловал актрису. Вскоре после этой встречи Окуневскую тоже арестовали. Ее посадили в одиночную камеру, потом отправили в Сибирь. Она валила лес в тайге и, если бы не доброта простых людей, никогда бы не выжила в лагере.

Насилие над женщинами было лишь верхушкой айсберга морального разложения наркома внутренних дел. Приапическая энергия Берии так же била через край, как и активность чиновника. «Во время войны, в 1943 году, думаю, я заразился сифилисом, – позже признавался он. – Пришлось лечиться».

После войны Власик и Поскребышев, который не забыл о Бронке, рассказали Сталину о сифилисе Берии. Сексуальный маньяк Берия аккуратно записывал свои победы на любовном фронте. Счет вели и его полковники. Одни говорят, что в списках было тридцать девять имен, другие утверждают – семьдесят девять. «Большинство этих женщин были моими любовницами», – признался Лаврентий Павлович.

Берия приказал Саркисову уничтожить списки, что тот и сделал. Но, будучи истинным чекистом, сохранил одну копию и позже использовал ее против своего хозяина.

Кое-кто из бериевских любовниц, к примеру Софья и Майя, студентки Института международных отношений, очень некстати забеременели. И снова нашлась работа для полковников Саркисова и Надарайи. Они устроили им аборт в медсанчасти МВД. Если же у Берии все-таки рождались дети, то полковники сдавали их в детский дом.

Сталин терпел выходки своих придворных, пока они сохраняли ему политическую верность. Во время войны Лаврентий Берия тянул на себе половину экономики СССР. Когда вождю докладывали об его сексуальных подвигах, генсек со снисходительной улыбкой отвечал: «Товарищ Берия перетрудился и устал». Но чем меньше он доверял Берии, тем менее терпимым становился к распущенности и вседозволенности. Узнав однажды, что Светлана находится дома у Берии, Иосиф Виссарионович неожиданно запаниковал.

Он тут же позвонил ей и велел немедленно уезжать. «Я не верю Берии», – объяснил он.

Когда Берия заметил, что дочь Поскребышева такая же красивая, как ее мать, шеф сталинского кабинета сказал девочке:

– Никогда не садись в машину к Берии, если он предложит тебя подвезти.

Жены вождей Лаврентия Павловича Берию ненавидели. Ашхен Микоян отказывалась идти на банкет или какое-нибудь торжественное мероприятие, если на них мог оказаться и нарком внутренних дел.

– Скажи, что у меня разболелась голова, – говорила она мужу и оставалась дома.

Жена Берии Нина признавалась Светлане и другим близким подругам, что очень несчастна. «Лаврентия постоянно нет дома, – жаловалась она. – Я все время одна». Но ее невестка утверждает, что Нина Берия, несмотря ни на что, все равно любила супруга. Она, конечно, знала, что у него есть другие женщины, но решила относиться к этому с присущей грузинкам терпимостью. Перед приездом мужа домой на выходные она часами делала маникюр и макияж. Нина жила внизу, в своей комнате. Когда же приезжал Лаврентий, она перебиралась на второй этаж, чтобы разделить с ним супружеское ложе. Они уютно сидели у зажженного камина и смотрели западные фильмы, чаще всего вестерны про ковбоев и мексиканских бандитов. Любимой картиной Лаврентия Павловича был вестерн «Вива Виллья!» о мексиканском национальном герое. Супруги ласково разговаривали на мингрельском наречии.

Нина отказывалась верить во все те ужасы, которые приписывала Берии народная молва. По крайней мере, не верила во все его преступления. «Не понимаю, когда только Лаврентий находит время, чтобы соблазнить эти орды женщин? – недоверчиво спрашивала она. – Ведь он дни и ночи проводит на работе». Поэтому делала вывод, что все женщины, о которых говорят, являются просто секретными агентами Берии.

* * *

Сына Лаврентий и Нина назвали Серго в честь Орджоникидзе. Серго был уже двадцать один год. Он учился в школе 175 вместе со Светланой Сталиной, Марфой Пешковой и детьми большинства представителей советской элиты. Лаврентию Берии заниматься воспитанием сына не позволяла работа, но он очень им гордился. Их отношения были типичными

для отца-большевика и сына.

Так же как Маленков и большинство других руководителей, Лаврентий Павлович очень не хотел, чтобы его сын шел в политику. Члены политбюро уговаривали своих детей стать учеными. Не был исключением и Берия. Его сын – полковник Берия – достиг больших успехов в новых военных технологиях. Он возглавлял крупное конструкторское бюро № 1 по разработке ракет.

Серго рос на глазах Сталина. Поэтому Лаврентий Павлович не мог помешать шефу брать Серго с собой на конференции с союзниками.

Серго Берия был умен и вежлив. По словам Марфы Пешковой, лучшей подруги Светланы Сталиной, он был так «невероятно красив, что казался принцем… в него были влюблены все девушки». В 1944 году Светлана тоже влюбилась в Берию-младшего. Об этом она, правда, не писала в своих воспоминаниях и не говорила в многочисленных интервью. Когда Серго опубликовал собственные мемуары, в которых написал об ее влюбленности, ему мало кто поверил. И все же Светлана хотела выйти за него замуж. От этой мысли она не отказывалась даже тогда, когда он женился на другой. Во время войны Серго жил в Свердловске. Поэтому Светлана уговорила брата отвезти ее туда. После ареста Каплера она влюбилась в Серго. Это сильно встревожило Лаврентия Павловича и Нину.

– Неужели ты не понимаешь, что делаешь? – заламывая руки, спрашивала ее Нина Берия. – Если твой отец узнает о твоей любви, он сдерет с Серго кожу живьем.

Иосиф Виссарионович хотел выдать дочь за сына кого-нибудь из соратников. Он говорил Светлане, что она должна стать женой или Юрия Жданова, или Серго Берии, или Степана Микояна. Но мысль о родстве с вождем приводила Лаврентия Берию в ужас.

И хотя Сталин как будто не возражал против того, чтобы Светлана вышла за Серго, Берия знал, что вождь отнесется к такому браку как «к попытке проникнуть в его семью». Так Лаврентий Павлович и объяснял сыну. Светлана очень хотела выйти замуж за Серго, но его родители решительно возражали. В конце концов ей пришлось смириться.

– В молодости я хотела выйти замуж за одного человека, но его родители воспротивились браку, потому что я была дочь Сталина, – рассказывала она. – Это был очень болезненный удар для меня.

Сначала Светлане Сталиной пришлось отказаться от любимого парня, потом ее ждало еще более сильное потрясение. Ее подруга Марфа Пешкова, «хорошенькая

и пухленькая, как перепелка», нравилась всем. Гуля Джугашвили вспоминала, что по этой причине с ней было нелегко дружить. У Марфы был парень, Рэм Меркулов, сын начальника НКГБ. Она росла в обществе Ягоды и, возможно, поэтому была неравнодушна к сыновьям чекистов. Потом Марфа рассталась с Меркуловым-младшим и тоже влюбилась в Серго Берия. Чувство оказалось взаимным. Вскоре они стали мужем и женой. Берия не стали играть пышную свадьбу, потому что, как говорит Марфа, это было не в духе времени. Лаврентий Павлович предупредил сына, что Сталин будет недоволен, что тот связался с семьей Горьких. Он оказался прав. Узнав о свадьбе Серго и Марфы, Иосиф Виссарионович пригласил сына Берии в Кунцево.

– Сам по себе Горький был неплохим человеком, но вокруг него вилось очень много антисоветчиков… Самое главное – не попадай под влияние жены, – строго предупредил Сталин, который всегда подозревал жен во всех грехах.

– Но она совсем аполитична, – возразил Серго.

– Знаю. Тем не менее я считаю эту женитьбу нелояльным поступком с твоей стороны. Не ко мне, а к Советскому государству. Тебя заставил жениться твой отец? – неожиданно осведомился он.

Вождь обвинил Лаврентия Павловича в том, что он налаживает связи с оппозиционной интеллигенцией. Серго защитил отца. Он рассказал, что с Марфой его познакомила Светлана.

– Ты никогда не говорил об этом со Светланой, – заметил Сталин. – Она сказала мне сама. – Он улыбнулся и добавил: – Не обращай на меня внимания, старики всегда ворчат. Что же касается Марфочки, то она выросла у меня на глазах.

Марфа перебралась на дачу Берии. Там она хорошо узнала и полюбила свекра, пользовавшегося самой дурной славой. Берия относился к невестке с необыкновенной добротой. «Я его очень любила, – рассказывала Марфа. – Он был очень веселый и остроумный человек, всегда пел мексиканскую песню „Голубка“ и рассказывал смешные истории из своей жизни». Лаврентий Павлович любил, к примеру, травить байки о том, как лишился невинности в Румынии. Он запутался в огромных женских панталонах. Его нашли в саду, как маленького Геркулеса, который борется со змеей.

По воскресеньям, в свой единственный выходной, Берия спал допоздна в обнимку с Ниной. Потом они играли с Серго и Марфой в волейбол. Каждой паре помогали охранники.

Когда Марфа родила первую внучку, Лаврентий Берия, как самый нежный и любящий дед, часами сидел у кроватки

и молча смотрел на нее. По утрам он просил приносить малышку в их с Ниной комнату. Берия сажал ее между собой и женой и с улыбкой любовался. Он баловал внучку и разрешал делать все что угодно. Не ругал ее даже тогда, когда внучка залезла обеими ручками в торт в день его рождения.

Если от свекра Марфа была без ума, то свекровь любила не так сильно. Нина оказалась таким же деспотом дома, каким был Берия за его пределами. Нина Берия маялась от одиночества и безделья. Вскоре Марфа с удивлением обнаружила, что гораздо больше времени проводит со свекровью, чем с мужем. Она хотела жить в своем доме, но Нина сказала:

– Если ты хотя бы еще раз заговоришь об этом, можешь распрощаться со своими детьми.

Марфа Пешкова считала Берию самым умным человеком из окружения Сталина. Она даже в некотором роде сочувствовала ему. Ей казалось, что судьба сыграла с ним злую шутку и поместила не в ту эпоху. Живи Лаврентий Павлович в другом веке, он был бы совсем иным человеком. А если бы он родился, скажем, в Америке, то имел бы все шансы стать председателем правления какой-нибудь крупной корпорации, той же, скажем, «Дженерал моторс». Марфа была уверена, что Берия никогда не являлся настоящим коммунистом. Однажды Берия поразил невестку. Играя с внучкой, он сказал:

– Эту девочку будут сначала учить дома, потом она поедет учиться в Оксфордский университет!

Никто из членов политбюро не мог пожелать подобной судьбы своим детям или внукам.

* * *

Светлана Сталина попыталась залечить рану, нанесенную Серго, при помощи совсем неподходящего брака. На квартире Василия в Доме на набережной она познакомилась с Гришей Морозовым. Во время войны он служил в дорожной охране. «Завязалась дружба, – вспоминала Светлана, – но я не любила его». Однако он был от нее без ума.

Иосиф Виссарионович отнесся к Морозову подозрительно. «Еще один еврей», – невесело заметил он. После Каплера ему казалось, что евреи так и норовят пробраться в его семью. Светлану же тянуло к их теплоте и культуре.

– Это весна во всем виновата… – заявил он дочери. – Хочешь выйти замуж? Ну и выходи, черт с тобой! Поступай как знаешь!

«Я просто хотела пережить отказ любимого человека, –

объясняла Светлана через много лет, – поэтому мы и поженились. Но при других обстоятельствах я бы не вышла за него. Мой первый муж был очень хорошим человеком и всегда меня любил».

Никакой свадьбы не было. Они просто пошли в ЗАГС и стали супругами. Сотрудница ЗАГСа посмотрела в паспорт невесты и спросила:

– А ваш папа знает об этом?

Войдя в семью Сталина, Морозов сразу стал, по словам Леонида Реденса, заносчивым и высокомерным. У них вскоре родился сын. Малыша, конечно, назвали Иосифом. Не менее быстро Светлана поняла, что не готова к семейной жизни. «Я родила сына в девятнадцать лет, – вспоминала она. – Мой молодой муж тоже был студентом. За нашим ребенком присматривали чужие люди. У меня было три аборта, потом очень тяжелый выкидыш».

Сталин был обижен на дочь и отказывался встречаться с Морозовым. Светлана же продолжала любить Серго Берия. «Она так и не простила меня за то, что я вышла за него замуж», – рассказывала Марфа Пешкова.

Светлана напоминала Серго, что Сталин был в ярости, когда он женился на Марфе. Светлана продолжала ездить к Нине, заменившей ей мать, и придумывала невероятные планы. Однажды, например, предложила… заменить Марфу. Та уедет, забрав с собой старшую дочь, а она станет жить с Серго и растить младшую. «Она такая же, как ее отец, – считал Микоян. – Всегда берет то, что хочет!»

Однако Светлана Сталина могла быть и очень доброй. Когда информация о героическом поведении Якова в немецком плену получила подтверждение, его вдову Юлию отпустили на свободу. Она с ужасом обнаружила, что дочь Гуля, которой тогда было уже семь лет, почти не помнит ее. За Гулей присматривала Светлана. Ей приходилось с большой деликатностью и тактом день за днем возить девочку к Юлии. Каждый раз продолжительность встречи немного увеличивалась. Наконец Гуля привыкла к матери, и они стали жить вместе.

Эти свидания происходили в тайне. Пока Гулю воспитывали няньки, ее мать оставалась как бы вне семьи. Наконец она не выдержала и написала Сталину: «Иосиф Виссарионович, очень вас прошу не отказывать мне в просьбе, потому что очень трудно смотреть на Гулю. Мы живем в надежде увидеть вас и поговорить о вещах, о которых не напишешь в письме. Мы бы хотели, чтобы вы увидели Гулю…»

Позже, благодаря Светлане, Сталин встретился со своей

первой внучкой.

Шанс Молотова. «Чего только не сделаешь, когда пьян!»

«Война сломала меня», – как-то признался Сталин. В октябре 1945 года он снова заболел.

– Пусть сейчас работает Вячеслав, – неожиданно сказал вождь за ужином. – Он моложе меня.

Лазарь Каганович разрыдался. Он попросил Сталина не уходить в отставку. Молотов понимал, что нет менее завидной участи, чем быть назначенным наследником кровожадного тирана. Но сейчас Молотов, несомненно, стоял на первом месте в сталинском списке потенциальных наследников. Таким образом он получил возможность действовать как заместитель правителя огромной империи.

9 октября Сталин, Молотов и Маленков проголосовали за то, чтобы «выделить товарищу Сталину полуторамесячный отпуск». Генералиссимус отправился на специальном поезде сначала в Сочи, а затем – в Гагры. В период между 9 и 15 октября у него случился серьезный сердечный приступ. На фотографии, хранящейся в семейном альбоме Власика, мы видим, вне всяких сомнений, больного вождя. За его спиной стоит очень встревоженный Николай Власик. Снимок, очевидно, был сделан по приезде в Сочи во дворе дачи. Сейчас это был просторный двухэтажный особняк, выкрашенный в зеленый цвет.

Из Сочи Сталин переехал в Гагры, на дачу на Холодной речке. Этот неприступный дом был высечен в скалах высоко над морем. Мержанов перестроил его и выкрасил в зеленый цвет. Сейчас здание было очень похоже на дачу в Кунцеве. Дача на Холодной речке стала главным местом отдыха вождя на юге до последних дней его жизни. Чтобы добраться до ее толстых деревянных ворот, нужно было подняться по петляющему узкому серпантину. По периметру дом окружала типичная грузинская веранда. За исключением раздвижной крыши, это был типичный грузинский дом. Недалеко от главного дома на склоне приютился покосившийся летний деревянный домик.

В этом райском месте, отгородившись от внешнего мира, Сталин восстанавливал растраченные за годы войны силы. Спал он до обеда, завтракал на террасе после прогулки, много читал и работал. С вождем все время были две папки. В одной лежали доклады и рапорты НКВД, в другой – переводы статей из зарубежной прессы. Трудно сказать, чем объясняется его высокое доверие к иностранной прессе. Возможно, тем, что вождь

не доверял советским журналистам.

Во время его отсутствия правительством руководил Молотов вместе с Берией, Микояном и Маленковым. Сейчас действующее политбюро сократилось до четырех человек. Однако молотовский звездный миг продлился недолго. Совсем скоро политический небосвод затянули свинцовые тучи.

Роковую роль в падении Вячеслава Михайловича сыграли слухи о скорой смерти вождя. Поговаривали даже, что он якобы уже умер. 10 октября ТАСС сообщил, что товарищ Сталин отправился на отдых. Это известие разбудило любопытство общественности и заставило Иосифа Виссарионовича повысить бдительность. «Чикаго трибьюн» открыто написала, что Иосиф Сталин недееспособен. Его наследниками, рассуждали американские журналисты, наверняка должны стать Вячеслав Молотов и маршал Георгий Жуков. Эту статью отправили на юг в папке, озаглавленной: «Слухи в зарубежной прессе о состоянии здоровья товарища Сталина». Подозрения вождя усилились, когда он прочитал интервью Жукова. В нем маршал неосмотрительно заявил, что победу в войне добыли полководцы. Только в самом конце он соизволил похвалить мудрое руководство товарища Сталина. Иосиф Виссарионович решил разобраться, откуда взялись слухи о его недееспособности. Кто распространял их? И почему Советский Союз, в лице генсека конечно, был опозорен и обесчещен?

Вячеслав Михайлович Молотов находился в зените славы международного деятеля. Он только что вернулся из-за границы, где провел серию встреч. Между Сталиным и министром иностранных дел СССР возникло напряжение. Вождь потребовал от своего министра надавить на Турцию. Он хотел, чтобы турки уступили кое-какие территории. Молотов возражал против такого шага. Сталин настаивал. Как и предсказывал министр, советские требования были отклонены. В апреле Молотов побывал в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско. Он встретился с президентом Трумэном и присутствовал на открытии ООН. В ходе неприятного разговора Гарри Трумэн обвинил Советский Союз в вероломстве по отношению к Польше. «Мы живем в постоянном напряжении и ничего не упускаем из виду, – писал Молотов своей любимой Полинке. – Здесь, среди буржуазной публики, я нахожусь в самом центре. На остальных министров почти не обращают внимания!»

В сентябре Молотов летал в Лондон на встречу министров иностранных дел. Там он попытался получить опеку над Итальянской Ливией. Он сухо пошутил о таланте Москвы умело управлять колониальными странами. В отличие

от Сталина, который, как обычно, выступал за решительные действия, Вячеслав Михайлович был реалистом. Он стоял за неторопливость и постепенность во внешней политике. Молотов понимал, что Запад никогда не согласится на Советскую Ливию.

В Лондоне министр иностранных дел СССР допустил несколько промахов, но вождь простил его за провал конференции.

Молотов снова пожаловался Полине на «напряжение, которому нет конца». В британской столице он редко покидал посольство. Большую часть времени смотрел художественные фильмы, такие как «Идеальный муж» по Уайлду. Если не считать заседаний конференции, то Молотов лишь однажды выезжал в город – посетил могилу Карла Маркса на Хайгейтском кладбище.

Сейчас, когда Сталин восстанавливал силы на юге, Вячеслав Молотов получил некоторую свободу. Он решил, что пора действовать. По его мнению, созрело время для заключения сделки с Западом. Сталин отверг это предложение. Он считал, что пора «сорвать вуаль дружелюбия» с Запада, а не заключать с ним сделки. Когда министр, словно не обращая внимания на указания вождя, продолжил вести себя слишком мягко по отношению к союзникам, Сталин обрушил на него поток критики. «Манера Молотова отделять себя от правительства, чтобы показать себя более либеральным, ни к чему хорошему не приведет», – написал генсек. Молотову не оставалось ничего иного, как покаяться в грехах. «Я допускаю, что совершил серьезный просчет», – признал он. Остальные руководители понимали, что в отношениях между Молотовым и Сталиным наступил важный момент. Сейчас даже они перестали обращаться друг к другу как друзья. Молотов больше не говорил «Коба», только – «товарищ Сталин».

9 ноября Молотов приказал напечатать в «Правде» речь Уинстона Черчилля, в которой он называл Сталина «истинно великим человеком, отцом своего народа». Вячеслав Михайлович не понял, что взгляды Сталина на Запад изменились. После статьи в «Правде» он получил гневную телеграмму от Сталина: «Я рассматриваю публикацию речи Черчилля с его похвалой в адрес России и Сталина как ошибку». Вождь яростно критиковал «детские восторги, которые порождают раболепство перед зарубежными государственными деятелями. Мы должны сражаться изо всех сил против этого рабского подобострастия. Нет нужды говорить, что советские руководители не нуждаются в похвалах от зарубежных лидеров. Что же касается меня лично,

то эта похвала только покоробила и оскорбила меня. Сталин».

В то самое время, когда зарубежная пресса взахлеб писала о серьезной болезни Сталина и о том, что к власти в Советском Союзе скоро придет Молотов, Вячеслав Михайлович допустил очередную ошибку. 7 ноября на банкете в честь годовщины Октябрьской революции он выпил лишнего и предложил облегчить цензуру для зарубежной печати в СССР. Сталин позвонил Молотову и потребовал объяснений. Министр предложил изменить отношение к иностранным журналистам и относиться к ним более либерально. Ипохондрик Сталин пришел в ярость.

– Ты несешь что попало, когда напьешься! – крикнул он.

Следующие три дня своего отпуска Иосиф Виссарионович посвятил развенчанию славы Молотова и его разгрому. «Нью-Йорк таймс» написала о болезни Сталина еще более грубо. Он считал виноватым Молотова и поэтому решил преподать урок. Четверка получила приказ расследовать, виноват ли в появлении злобных статей в западной прессе товарищ Молотов. Маленков, Берия и Микоян попытались защитить коллегу. Они переложили вину на какого-то дипломата, занимающего незначительный пост в Министерстве иностранных дел. Однако соглашались, что тот выполнял указания министра.

6 декабря Сталин проигнорировал Молотова и отправил телеграмму Маленкову, Берии и Микояну. В ней генсек ругал их за наивность и желание выгородить коллегу. Вождь негодовал. Он считал, что статьи в западной прессе оскорбляют советское правительство. «Вы, вероятно, попытались замять это дело, отшлепали козла отпущения по морде и на этом остановились, но вы допустили ошибку. Никто из нас не имеет права действовать самолично. Молотов же узурпировал это право. Почему?.. Уж не потому ли, что эта клевета является частью его плана? Молотова сейчас больше беспокоит, как завоевать популярность среди определенных кругов на Западе. Я не могу считать такого товарища своим первым заместителем». В конце этой обличительной телеграммы Сталин написал, что не послал ее Молотову, потому что не доверяет некоторым людям в его окружении. Это был один из первых камней в огород Полины Молотовой.

Берия, Маленков и Микоян, несомненно, симпатизировали бедняге Молотову. Они вызвали его, прочитали телеграмму Сталина и принялись критиковать за грубые ошибки. Вячеслав Михайлович признал промахи, но заявил, что не доверять ему несправедливо. Троица отправила в Гагры телеграмму. В ней сообщалось, что Молотов полностью раскаялся и даже

расплакался. Но это не удовлетворило генералиссимуса. Тогда Вячеслав Молотов сам извинился перед вождем. Как напишет позже один историк, это извинение было, «возможно, самым эмоциональным документом в его политической карьере».

«Ваша телеграмма проникнута глубоким недоверием ко мне как к большевику и человеку, – жалобно писал Молотов. – Я принимаю это как самое серьезное предупреждение от партии для моей последующей работы, какой бы она ни была. Я попытаюсь делать ее на совесть, чтобы вернуть ваше доверие. Каждый честный большевик видит в нем не просто ваше личное доверие, но доверие партии. Его же я ценю дороже жизни».

Сталин заставил Молотова помучиться в состоянии неизвестности два дня. 9 декабря, в 1.15 ночи, он отправил в Москву телеграмму, опять четверке. В ней вождь писал, что решил вернуть наделавшего ошибок заместителя на прежнее место первого заместителя премьера. Но Сталин никогда больше не говорил о Молотове как о своем преемнике и наследнике. Он запомнил ошибки Молотова, чтобы впоследствии использовать их против него.

* * *

Разгром Молотова был только началом всплеска активности Сталина. Сейчас он чувствовал себя лучше. Ему не давали покоя враждебные действия недавних союзников, слабая дисциплина дома, неверность в собственном окружении и дерзость маршалов. Тишина и уединение дачи на Холодной речке вызывали у вождя скуку и депрессии. Его энергию и страсть к жизни подпитывала борьба с врагами. Сталину очень нравилось управлять помощниками, дергая их за веревочки, как в кукольном театре, и заниматься идеологическим конфликтом. В декабре Иосиф Виссарионович вернулся в Москву отдохнувший, с энергичным блеском в желтоватых глазах, шел пружинистой походкой. Засучив рукава, он возобновил модернизацию большевизма и ослабление своих чересчур сильных бояр. Для этого понадобились новая волна арестов и расстрелов.

Теперь Иосиф Виссарионович решил взяться за Берию и Маленкова. Ему не нужно было выдумывать предлог для новых репрессий. Во время встречи в Потсдаме Василий Сталин рассказал отцу о чрезвычайно низкой безопасности советских самолетов. Всего в годы войны СССР потерял 80 300 самолетов. 47 процентов потерь случились по вине аварий, а не вражеского огня или ошибок летчиков. Сталин размышлял над вопросом

безопасности самолетов во время отпуска. Он даже пригласил в Сочи министра авиационной промышленности Шахурина. После разговора Сталин приказал расследовать «дело авиаторов». Его главными виновниками он решил сделать Шахурина и маршала авиации Новикова, одного из героев войны, которому шутливо угрожал на банкете в честь де Голля.

2 марта 1946 года Василий Сталин был произведен в генерал-майоры. 18 марта Берия и Маленков, два всесильных руководителя военных лет, вошли в политбюро и стали его полными членами. Расследование «дела авиаторов» двигалось полным ходом. Шахурин и маршал Новиков были арестованы. Их подвергли пыткам.

Сталин хотел убить одним камнем сразу двух зайцев. Дело в том, что за производство самолетов, а значит, и их безопасность во время войны отвечал Георгий Максимилианович Маленков. «Дело авиаторов» было поручено Абакумову, начальнику СМЕРШа. Второй птицей, которую надеялся убить вождь, был Берия. Прежняя слабость Иосифа Виссарионовича к мингрелу давно переросла в ненависть и отвращение. Организационные таланты Лаврентия Павловича по-прежнему производили на Сталина большое впечатление, но театральное подхалимство и убийственная фантазия не вызывали ничего, кроме отрицательных эмоций. Вождь больше не доверял «змеиным глазам». Он уже давно вывел для себя правило – сохранять личный контроль над тайной полицией.

– Берия слишком много знает, – сказал Сталин Микояну.

В вожде медленно закипала ненависть. Во время прогулки с Кавтарадзе в саду в Кунцеве Сталин неожиданно проговорил со злобой на мингрельском диалекте, который не понимал никто, кроме грузин:

– Вы предатель, Лаврентий Берия! – Потом добавил с ироничной улыбкой: – Да, предатель!

Во время обедов в доме Берии генсек всегда был подчеркнуто вежлив с Ниной и грубо третировал Лаврентия Павловича. Произнося тосты, он критиковал своего главного чекиста, хотя внешне это выглядело как похвала.

Попытки Лаврентия Павловича говорить с вождем на совещаниях на грузинском языке, как бы желая подчеркнуть особые отношения, сейчас только раздражали Сталина.

– У меня нет секретов от товарищей, – обрывал он Берия. – К чему эта провокация? Говорите на языке, который понимают все!

Иосиф Виссарионович, как всегда, прозорливо видел, что Берия, ставший во время войны большим промышленником,

а сейчас еще и главным «ядерщиком» страны, хочет быть и государственным деятелем.

– Он амбициозен в планетарном масштабе, – сказал Сталин своему грузинскому фавориту Кавтарадзе, – но его оружие не стоит и копейки!

Постепенно вождь пришел к выводу, что в органах завелась гниль. Ее во что бы то ни стало необходимо вывести. Во время отпуска Сталин расспрашивал Николая Власика о поведении Берии. Генерал обрадовался, что может способствовать падению всесильного чекиста. Он обвинил Лаврентия во взяточничестве, некомпетентности и указал, что, возможно, у Берии венерические заболевания.

Как-то за ужином на юге Иосиф Виссарионович рассказал анекдот о Берии:

– Сталин потерял любимую трубку. Через несколько дней Берия звонит Сталину и спрашивает: «Вы не нашли свою трубку?» «Нашел, – отвечает Сталин. – Она лежала под кроватью». «Но это невозможно! – восклицает Берия. – Три человека уже сознались в этом преступлении!» – Сталину очень нравились истории о всесильности ЧК, которая могла заставить признаться в чем угодно невинных людей. Но в этот раз он был на удивление серьезен. – Все смеются над этой историей, но она вовсе не смешна. Тех, кто нарушает законы, необходимо без пощады вымести из МВД!

Вождь не стал откладывать дело в долгий ящик. Как всегда, он действовал быстро. В декабре 1945-го Берия был снят с поста министра МВД, но остался куратором органов. Меркулов тоже недолго возглавлял МГБ. Его обвинила секретарша. Лаврентий Павлович не стал спасать своего протеже. 4 мая 1946-го Сталин при поддержке Жданова назначил министром государственной безопасности Абакумова. Главными достоинствами нового министра были его слепая преданность вождю и независимость от Берии. Когда Абакумов скромно отказался от предложения возглавить МГБ, Сталин шутливо поинтересовался: может, он предпочитает руководить чайной промышленностью?

Виктор Абакумов и сейчас остается самым загадочным из сталинских начальников тайной полиции. Репрессиями, которые скоро захлестнут страну, руководил Абакумов, а не Берия. Лаврентий Павлович теперь стал заместителем премьера и отвечал за создание атомной бомбы, а также за ракетную промышленность. Он перебрался с Лубянки в Кремль. Увольнение из органов очень задело его за живое.

«Берия до смерти боялся Абакумова и пытался любыми путями наладить с ним хорошие отношения, – вспоминал

Меркулов. – Но в Абакумове Берия встретил достойного противника».

Словно крыса, бегущая с тонущего корабля, полковник Саркисов, сводник Берии, обвинил своего бывшего шефа в моральном разложении. Абакумов тут же отправился с этой информацией к Сталину.

– Несите мне все, что напишет эта задница! – потребовал вождь.

Наследник Жданов и кровавый ковер Абакумова

Виктор Абакумов был высоким мужчиной с широким мясистым лицом. У него были бесцветные глаза, густые брови и пухлые губы. Всклокоченные черные волосы отливали синевой. Это еще один очень яркий, вальяжный полицейский, большой мастер физического воздействия, аморальный кондотьер и карьерист. Он обладал садизмом Берии, но в отношении ума не шел с ним ни в какое сравнение. Перед тем как приступать к пыткам жертв у себя в кабинете, Абакумов, чтобы не запачкать дорогой персидский ковер, расстилал поверх него дешевый старый, который весь заляпан пятнами крови.

– Видите ли, существуют только два способа отблагодарить агента: навешать ему на грудь медалей или отрубить голову, – говорил Абакумов разведчику Леопольду Трепперу.

Пока Сталин не сделал его своим личным чекистом, Виктор Абакумов был типичным человеком из органов. Он обратил на себя внимание начальства в 1938 году, когда очистил Ростов от враждебных элементов.

Родился Абакумов в 1908 году в Москве в семье рабочего. Он был прожигателем жизни и так же, как его предшественники, большим бабником. Во время войны он размещал своих любовниц в гостинице «Москва». Награбленные ценности из Берлина Абакумов вывозил целыми железнодорожными составами.

Его роскошная квартира раньше принадлежала одной певице. Чтобы завладеть понравившейся квартирой, он арестовал несчастную женщину.

Для свиданий с любовницами Виктор Абакумов регулярно пользовался квартирами-явками МГБ. Еще одним его увлечением был джаз. Руководитель московского джаз-банда Эдди Рознер играл на вечеринках Абакумова до тех пор, пока джаз не был запрещен.

Сейчас Виктор Абакумов общался со Сталиным напрямую. Он видел вождя каждую неделю, но ни разу не присутствовал на ужинах в Кунцеве. «Я ничего не делал по собственной инициативе, – скажет Абакумов после смерти вождя. – Сталин отдавал приказы, я их выполнял». Причин подозревать его во лжи нет. Он пытался найти подход к Иосифу Виссарионовичу через его детей. На одном из кремлевских банкетов министр внезапно вскочил на ноги и почтительно склонил голову перед низенькой девушкой с рыжеватыми волосами. Это была Светлана Сталина.

Не забывал Абакумов и кронпринца Василия. Они вместе пили и вместе начинали «дело авиаторов». Пока чекисты пытали маршала Новикова, Василий перебрался на его дачу.

Сталин поинтересовался у Абакумова, что он предлагает сделать с арестованными.

– Они должны быть расстреляны! – не раздумывая, ответил министр.

– Расстреливать людей легко. – Вождь усмехнулся. – Куда труднее заставить их работать. Заставьте их трудиться на благо страны.

Шахурин получил семь лет лагерей. Новикова, очевидно, сочли более виноватым. Ему дали десять лет. Министр и маршал были мелкой рыбешкой в сетях Сталина. Их арестовывали и пытали лишь для того, чтобы получить показания на более крупную рыбу.

4 мая 1946 года Георгия Маленкова внезапно вывели из состава секретариата ЦК КПСС. Его родные помнят, что от них тут же потребовали освободить дачу. Мать надолго увезла детей на Балтийское море. Маленков получил приказ отправиться на несколько месяцев в Среднюю Азию. Он должен был собрать там хороший урожай. Георгий Максимилианович считал, что ему сильно повезло. В конце концов, его так и не арестовали. Лаврентий Берия пытался уговорить Сталина отозвать Маланю обратно, но эти беседы только забавляли вождя.

– Почему ты так стараешься ради этого недоумка? – искренне удивлялся он. – Тебя он предаст первым.

* * *

Лаврентий Павлович лишился своего главного союзника. Поэтому успешное осуществление ядерной программы означало для него очень многое. Берия уехал в Ногинск, что под Москвой. Там располагался экспериментальный ядерный реактор профессора Курчатова. Берия должен был стать свидетелем первой самостоятельной ядерной реакции в Советском Союзе. Лаврентий Павлович внимательно наблюдал за тем, как Курчатов поднял контрольную рукоятку на панели управления, и прислушивался к щелканью, которое производили нейтроны. Вскоре оно переросло в вой.

– Свершилось! – радостно заговорили вокруг ученые.

– Это все? – резко спросил Лаврентий Берия, который боялся, что эти яйцеголовые ученые водят его за нос. – И больше ничего? Можно подойти к реактору?

В следующее мгновение могло бы произойти событие, которое вызвало бы восторг у миллионов бериевских жертв. Увы, ученые удержали опального Берию от опрометчивого шага и тем самым спасли ему жизнь.

* * *

Однако удача отвернулась от Берии и Маленкова. Поворот фортуны на 180 градусов был на руку их врагу, Андрею Жданову, близкому другу Сталина. Он тоже попал в опалу, но сейчас воскрес из пепла, как сказочная птица Феникс. Этот добродушный человек мнил себя большим интеллектуалом. Напряжение блокады не прошло для него бесследно. Он запил и сейчас превратился в толстого алкоголика с водянистыми глазами и болезненно бледным цветом лица.

После падения Молотова Сталин начал открыто говорить о Жданове как о своем преемнике. Лаврентий Берия почти не скрывал ненависть к претенциозному Жданову.

– Он с трудом играет на пианино двумя пальцами и едва способен отличить на картинах человека от быка, – насмехался он. – Но это не мешает ему считать себя знатоком абстрактной живописи!

В 1945 году Сталин сделал Жданова своим проконсулом в Финляндии. Верный себе Жданов, прежде чем взяться за новое дело, изучил финскую историю. Он блеснул энциклопедическими познаниями о финнах и жизни в этой северной стране и даже сумел очаровать британского представителя в Финляндии. Андрей Александрович настаивал на аннексии Финляндии, которая была русским Великим княжеством до 1917 года. Однако Вячеслав Молотов упрекал его: «Вы заходите слишком далеко. Вы чересчур эмоциональны!»

Вождь отозвал своего любимца из Ленинграда и назначил вторым человеком в партии. Генсек поручил Жданову агитпроп и отношения с зарубежными коммунистическими партиями. Новое назначение сделало Андрея Жданова еще сильнее, чем перед войной. Его семья, особенно сын Юрий, вновь стали очень близки к Сталину. Они писали генсеку поздравительные открытки: «Дорогой Иосиф Виссарионович, сердечно поздравляем вас с победой большевизма и просим принять самые теплые и искренние поздравления. Зинаида, Андрей, Анна и Юрий Ждановы».

После возвращения в январе 1945-го в Москву Жданов разыгрывал свою партию очень тонко и умело. Он закрепил

победу над Маленковым и Берией, уговорив Сталина назначить на высокие посты своих людей из Ленинграда. Длиннолицый и худощавый Алексей Кузнецов, доблестный герой ленинградской осады, славился еще и тем, что никогда не ругался. Он возглавил секретариат ЦК, которым совсем недавно руководил Маленков. Андрей Александрович понимал, что Сталин не хочет, чтобы Берия контролировал МГБ. Поэтому предложил заменить Берию Кузнецовым. Тот допустил ошибку, доверчиво приняв эту чашу с ядом. Но Кузнецов не разбирался в тонкостях придворной политики. Новые назначения сделали его врагом двух самых мстительных хищников в сталинских джунглях: Лаврентия Берии и Георгия Маленкова.

В феврале 1946 года Сталин нейтрализовал органы и военных и передал Жданову контроль над партией, культурой и внешней политикой. Андрея Жданова считали вторым человеком в партии. Помощники шепотом называли его «наследным принцем». Иосиф Виссарионович даже подумывал о том, чтобы назначить его Генеральным секретарем ЦК. Весь 1946 год Жданов подписывал правительственные указы и постановления как «секретарь ЦК» вместе со Сталиным, который был премьером. Пианист сосредоточил в своих руках огромную власть. Посол Югославии однажды видел, как в кабинет Жданова вошел какой-то чиновник. Он сделал несколько шагов вперед и поклонился Жданову, потом попятился назад и в таком положении вернулся к двери. Чиновник не сразу нащупал на двери ручку. Не поворачиваясь к Жданову спиной, он вышел из комнаты.

7 ноября в отсутствие Сталина Андрей Жданов принимал парад. Его ленинградская камарилья заполнила почти весь Мавзолей.

Единственным уязвимым местом Андрея Александровича Жданова было плохое здоровье. Возможно, поэтому он никогда и не хотел быть преемником. Во время серьезной болезни Сталина он страшился этой перспективы и говорил сыну: «Господи, не дай мне пережить Сталина!»

* * *

Сталин и Жданов обсуждали, как соединить русский военный патриотизм с революционным большевизмом, уничтожить влияние Запада и вернуть на былую высоту мораль, гордость и дисциплину советского народа. Сталин был неудавшимся в юности семинаристом, а Жданов – отпрыском провинциальной

интеллигенции. Они были похожи на двух недовольных профессоров, помешанных на величии культуры девятнадцатого века. Сейчас они копались в прошлом и готовились к яростной атаке на модернизм (формализм) и зарубежное влияние на русскую культуру (космополитизм).

Эти два интеллектуала разделяли большевистскую страсть к самообразованию. Они допоздна просиживали над современными стихами и литературными журналами и подготавливали идеологическую почву для разгрома свобод военного времени, позволивших советской культуре ненадолго вздохнуть всей грудью.

Андрей Жданов являлся большим поклонником классики. Новомодное искусство он презирал. Жданов перенял отношение к искусству у царей, Александра I и Николая I. Победа в войне благословила брак между русским национализмом и большевизмом. Сталин видел в русских связующий элемент Советского Союза. Он считал русский народ старшим братом остальных советских племен. Новая разновидность русского национализма сильно отличалась от своего предшественника, национализма века девятнадцатого. Сталин со Ждановым решили, что теперь не будет никаких новых свобод, никакого влияния Запада – их подавят с помощью всемерного прославления великой миссии русского народа.

Для испытания новой идеологической доктрины были выбраны ленинградские журналы, печатавшие произведения сатирика Михаила Зощенко, которого Сталин когда-то читал детям, и поэтессы Анны Ахматовой, чьи страстные стихи прославляли вечное достоинство и чувства людей в годы войны и репрессий.

Андрей Александрович раскрывал своими словами идеи и указания Сталина. «Прошу вас просмотреть это, – попросил Жданов Хозяина. – Годится ли для печати или что-то нужно доработать?» «Прочитал ваш доклад, – ответил Сталин красным карандашом. – На мой взгляд, он безупречен. Вы должны побыстрее его опубликовать, а потом издать отдельной книгой. Примите мои поздравления!» Правда, Сталин предложил внести мелкие изменения, отражавшие его сокровенные мысли. «Как бы закончилась Великая Отечественная война, если бы наша молодежь читала Ахматову и получала соответствующее образование? – риторически спрашивал он. – К счастью, советские молодые люди получали образование в более веселом духе и смогли победить Германию и Японию. Этот журнал помогает нашим врагам уничтожать советскую молодежь».

18 апреля 1946 года Жданов начал террор в области

культуры, получивший название «ждановщина», с атаки на ленинградские литературные журналы. В августе этот литературный инквизитор отправился в Ленинград и обрушился на толстые журналы: «Бдительность ленинградцев, руководящих журналом „Звезда“, находится на очень низком уровне. На страницах этого журнала регулярно появляются произведения, отравленные злобой зоологической враждебности к советскому руководству». Он сурово осуждал Ахматову: «Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой…» Затем раскритиковал ленинградских режиссеров и музыкантов. На печально известной встрече с Шостаковичем и другими известными музыкантами Жданов сел за фортепьяно, чтобы показать, какая музыка пользуется популярностью в народе. Упреки Андрея Жданова были такими же абсурдными, как обвинения австрийского императора Иосифа II, упрекавшего Моцарта за то, что тот писал в своих партитурах слишком много нот и тем самым усложнял музыку.

Юрий Жданов как-то отправился в театр вместе с отцом и Сталиным. Когда они разговаривали с актерами после спектакля, кто-то из членов труппы с гордостью сказал, что их спектакль пользовался большим успехом в Париже.

– Эти французы не стоят и подошв от ваших башмаков, – заявил Сталин. – Нет ничего более важного, чем русский театр.

Сталин и Жданов решили показать режиссерам и писателям, по какой дороге им идти дальше. Ночью 14 мая 1947 года в Кремль приехали двое любимых сталинских литературных чиновников: поэт Константин Симонов и романист Александр Фадеев, возглавлявший Союз писателей СССР.

Первым делом вождь поднял вопрос о писательских гонорарах.

– Есть такие писатели, которые напишут одну хорошую книгу, построят дачу и прекращают работать. – Сталин рассмеялся. – Но это недопустимо.

Поэтому он предложил учредить комиссию.

– Я войду в ее состав! – заявил Жданов.

– Очень скромно! – Вождь улыбнулся.

Во время обсуждения задач и принципов деятельности комиссии Жданов трижды возражал Сталину, но каждый раз после непродолжительного спора соглашался. Этот ночной разговор является еще одним примером того, что в первые послевоенные годы фаворит вождя еще осмеливался спорить с учителем.

– Над какими темами работают сейчас наши писатели? – спросил Сталин. Он начал читать лекцию о советском

патриотизме: – Народ гордится своей родиной, но наша интеллигенция средней руки, доктора и профессора, не воспитывались в духе патриотизма и совершенно необоснованно восхищаются зарубежной культурой. Традиция восхищения всем западным родилась еще при Петре. Он восхищался немцами, французами и прочими задницами из-за границы. Дух самоуничижения необходимо уничтожить. Вы должны написать роман на эту тему.

Читая эту лекцию, Иосиф Виссарионович, несомненно, помнил о недавнем скандале с двумя профессорами-медиками. Эти специалисты по лечению рака опубликовали работу в американском научном журнале. Сталин и Жданов были очень недовольны их поведением. Для расправы над смутьянами они создали суды чести, очередное заимствование у царских офицеров. Суд над профессорами возглавлял сам Жданов.

Сталин попросил Симонова написать пьесу об этом деле. Андрей Жданов целый час критиковал пьесу Симонова, пока Сталин не переписал ее концовку.

Иван Большаков, глава советского кинематографа, показал вождю новую картину, вторую часть фильма Эйзенштейна, «Иван Грозный». Зная из рапортов сотрудников МГБ, что режиссер сравнивал Ивана Грозного с Ежовым, Сталин категорически отверг этот «кошмар». Ему очень не понравилось то, что в фильме мало «русской гордости».

Сергей Эйзенштейн попросил принять его. 25 февраля 1947 года, в 11 часов вечера, режиссер приехал в Кремль вместе со своим сценаристом. В Маленьком уголке их ждали Сталин и Жданов. Вожди провели мастер-класс по национал-большевизму, террору и даже сексу. Сталин критиковал фильм за то, что в нем царское МГБ, опричнина, было похоже на американский Ку-клукс-клан. Что же касается личности Ивана Грозного, то Иосиф Виссарионович недовольно заявил:

– Ваш царь нерешителен и похож на Гамлета. Царь Иван был великим и мудрым правителем. Его мудрость заключалась в том, что он не впускал в страну иностранцев. Петр Великий тоже был великим царем, но обращался с иностранцами слишком либерально. Екатерина была с ними еще либеральнее. Можно ли считать двор Александра I русским? Нет, он был немецким.

Затем своими взглядами на картину поделился Андрей Жданов. Он, сам, наверное, не понимая, непроизвольно показал свое видение характера Сталина:

– В версии Эйзенштейна Иван Грозный выглядит истериком.

– Исторические личности следует изображать правильно и точно, – добавил Сталин. – У вас же Иван Грозный слишком

долго целует свою жену. В те времена таких поцелуев не было… Иван Грозный был очень жесток. Вы сумели показать, что он был жестоким, но вы должны показать и причину, которая заставляла его быть таким жестоким.

Очень «важный» вопрос длины бороды царя Ивана поднял Андрей Жданов. Эйзенштейн пообещал ее укоротить, потом попросил разрешения закурить.

– Кажется, запрета на курение нет. Может, стоит проголосовать по этому вопросу, – с улыбкой ответил Сталин Эйзенштейну. – Я вам не указываю, что делать. Я рассуждаю с точки зрения простого зрителя.

Ждановская кампания по усилению русского патриотизма вскоре приняла такие абсурдные формы, что Андрей Сахаров запомнил ходивший в те годы по стране анекдот о «России, родине слонов».

Закат Жукова и грабители Европы. Элита империи

В начале войны Сталин понял полезность советского еврейства. При помощи евреев было легче договориться с американцами об оказании помощи. Вождь приказал Берии создать Еврейский антифашистский комитет (ЕАФК). Контролировать его должен был, конечно, НКВД. Однако официально руководство осуществлялось знаменитым еврейским актером Соломоном Михоэлсом, низеньким интеллектуалом со смешливым лицом, большим лбом и оттопыренной нижней губой. В свое время по заданию Лазаря Кагановича он играл «Короля Лира» для Сталина.

В апреле 1943 года Михоэлс отправился в Америку за помощью для Советского Союза. Перед поездкой, естественно, состоялся подробный инструктаж у Вячеслава Молотова. Даже Иосиф Виссарионович вышел из своего кабинета, чтобы попрощаться с актером. Куратором ЕАФК от народного комиссариата иностранных дел был назначен еще один Соломон – Лозовский, старый большевик с библейской бородой, который был единственным евреем в высших эшелонах молотовского ведомства.

Страшные откровения о нацистском холокосте, поездка Михоэлса в Америку и привлекательность сионизма, который обещал еврейскому народу родину и спокойное убежище, казалось, смягчили суровый и жесткий интернационализм даже самых высокопоставленных большевиков. Сталин тоже терпел сионизм, но одновременно поощрял и традиционный для России антисемитизм. Во время съемок второй части «Ивана Грозного» Большаков запретил снимать Фаину Раневскую. Он откровенно говорил, что ее семитские черты лица явно бросаются в глаза. Всех, кто был похож на евреев, на всякий случай быстро уволили.

Наступающая советская армия открывала множество свидетельств беспрецедентного геноцида гитлеровцев против евреев. Тем не менее украинский лидер Хрущев возражал, чтобы к евреям, возвращавшимся домой из лагерей смерти, относились по-особому. Он даже отказывался отдавать им дома, которые к тому времени заняли украинцы. Этот закоренелый антисемит ворчал, что «абрамовичи» грабят его Украину, как стая воронов.

Вызывающее поведение Никиты Хрущева вызвало горячие споры в окружении Сталина. Михоэлс пришел на прием к Молотову. После того, что произошло с евреями, жаловался он,

власти на местах не обращают на них внимания и отказываются помогать. Молотов переправил Берии жалобу. Лаврентий Павлович, надо отдать ему должное, отнесся к ней с пониманием и сочувствием. Он потребовал, чтобы Хрущев помогал евреям, потому что немцы относились к ним гораздо хуже, чем к другим народам. Чекист сильно рисковал, поддерживая Михоэлса.

Вождь постановил, что все советские граждане в равной мере страдали в результате оккупации и что никого нельзя выделять. Возможно, иное отношение Берии дало Сталину основания позже подозревать, что он слишком близок к евреям. Вероятно, сам Иосиф Виссарионович запустил сплетню, что Лаврентий Берия был евреем, просто скрывал свою истинную национальность.

Молотов отправил приказ Берии по инстанции. Хрущеву пришлось смириться и согласиться помогать «абрамовичам».

Соломон Михоэлс был очень доволен. Он считал, что отношение к евреям в Советском Союзе начало меняться в лучшую сторону. Поэтому актер вместе со своим коллегой по ЕАФК, поэтом Фефером, секретным сотрудником МГБ, предложил создать Еврейскую республику в Крыму или Саратове, где сейчас не было татар и волжских немцев соответственно. Предложение было отправлено Вячеславу Молотову и его заместителю, Лозовскому. Молотов высмеял идею с Волжской Еврейской республикой, потому что не мог представить «еврея на тракторе». А вот идея с Крымом показалась ему вполне реальной и осуществимой.

– Напишите докладную записку на имя товарища Сталина, – сказал он. – Мы примем решение.

«Все были уверены, что скоро будет создан еврейский Крым», – вспоминал Владимир Реденс. Вячеслав Молотов проявлял в то время больше независимости, чем раньше. Не исключено, что он даже обсудил этот вопрос с Берией. Однако поддержка проекта Еврейской республики едва не стоила ему жизни. Через пять лет большинства авторов этой затеи уже не было в живых.

2 февраля 1944 года Соломон Михоэлс отправил подробную записку с предложением создать в Крыму Еврейскую республику Молотову и Сталину. Вождя идея не вдохновила. Он решил, что актер перешел от советской пропаганды к еврейской. Сталин решил поручить Кагановичу разгромить идею создания «еврейской Калифорнии»: «Только поэты и актеры могут выдвинуть такое бредовое предложение, которое не имеет никакой практической ценности».

Андрей Жданов занялся составлением списков евреев

в разных наркоматах. Он порекомендовал закрыть ЕАФК. Так же как Молотов в 1939 году, Жданов сейчас спустил своих борзых на евреев в аппарате ЦК. По его словам, евреи превратили ЦК большевистской партии в синагогу.

Об отношении Сталина к евреям говорят хотя бы слова, сказанные им в Ялте президенту Рузвельту. Иосиф Виссарионович, нисколько не смущаясь, назвал всех евреев «посредниками, спекулянтами и паразитами». После 1945 года он окончательно превратился в злобного и оголтелого антисемита.

Иосиф Сталин в первую очередь всегда был политиком. Не стоит удивляться, что и это изменение во взглядах носило в большей мере прагматичный, нежели личный характер. Антисемитизм идеально подходил к новому русскому национализму, который Сталин начал насаживать после войны в Советском Союзе. То обстоятельство, что в Америке евреи были влиятельной силой, заставляло генсека подозревать советских семитов. Масла в огонь подливало и то, что местные евреи во время войны активно восстанавливали связи с американскими соплеменниками. Вождь считал советских семитов «пятой колонной». Он был уверен, что в любую минуту они могут перейти на сторону врага.

От вождя, конечно, не укрылось, что холокост разбудил самосознание не только среди простых советских евреев, но и среди семитов в окружении генсека. Антисемитизм Сталина подпитывался его паранойей, которая усилилась, когда волей судьбы евреи проникли даже в его семью.

Внешне вождь продолжал играть прежнюю роль интернационалиста. Он часто осуждал проявления антисемитизма и вручил немало наград евреям, начиная от Мехлиса и кончая писателем Эренбургом. Но антисемитский круговорот постепенно набирал обороты.

* * *

– Как только заканчиваются боевые действия, – сказал в Ялте Сталин, – о солдатах забывают. Они уходят в забвение.

Он искренне хотел, чтобы это было на самом деле так. Тем не менее престиж маршала Жукова сразу после окончания войны был высок, как никогда. Западная пресса даже называла его преемником Сталина. Жуков нравился Сталину, но вождь не признавал никаких личных чувств в политике. Он решил проверить, как отнесутся другие к идее, что его заменит Жуков.

– Я старею, – как-то ненароком сказал Иосиф Виссарионович

Буденному, своему старинному другу и хорошему приятелю Жукова. – Как по-твоему, Жуков сможет меня заменить?

– Я – за Жукова, – ответил кавалерист, – но у него сложный характер.

– Нам с тобой все же удавалось управлять им. – Сталин пожал плечами.

Генсек «управлял» Георгием Жуковым при помощи «дела авиаторов». Маршал Новиков под пытками дал обвинительные показания против Жукова. «Сломленный морально и доведенный до отчаяния бессонными ночами, я подписал признание», – признавался Новиков.

Виктор Абакумов жестоко пытал семьдесят других генералов, чтобы получить необходимые доказательства против популярного в армии и народе героя войны. Георгий Жуков был отозван в Москву. Плохим признаком было уже то, что к генералиссимусу его не пригласили. Жукову пришлось докладывать Николаю Булганину, министру обороны. Сантехник, как называл Булганина Лаврентий Берия, получил после войны большую власть. Георгий Жуков обиделся. Ему показалось, что Булганин разговаривает с ним высокомерно. Министр тоже был недоволен своим подчиненным. Маршал Жуков, считал он, не выполняет приказы партии. Сталин приказал Сантехнику подготовить суд над Жуковым. Абакумов произвел в жилищах Георгия Жукова обыск и доложил Сталину, что они похожи на пещеры Аладдина, наполненные сокровищами.

«Можно смело говорить, что дача маршала Жукова является музеем», – с удовольствием докладывал министр МГБ Сталину. Чекисты нашли горы золота, 323 шубы и меховых изделия, 400 метров бархатных и шелковых тканей. Картин было так много, что часть пришлось повесить даже в столовой и на кухне. «Жуков зашел настолько далеко, что осмелился повесить у себя над кроватью огромное полотно с двумя обнаженными женщинами, – возмущался Виктор Абакумов. – Мы не нашли во всем доме ни одной советской книги». Арсенал маршала состоял из двадцати уникальных ружей «Холланд энд Холланд».

Чекисты пока не стали трогать все эти трофеи. Сейчас они только удивили домочадцев, конфисковав куклу одной из дочерей маршала и его мемуары.

– Оставьте историю историкам, – угрожающе предупредил Жукова Сталин.

Затем Георгия Жукова вызвали на заседание Высшего Военного совета. Сталин ходил по комнате, мрачный, как свинцовая туча. Не сказав ни слова, он бросил Штеменко лист бумаги и резко сказал:

– Прочитайте вслух!

Штеменко зачитал показания маршала Новикова. Из них следовало, что Георгий Жуков присваивал себе все заслуги в победе Советского Союза в войне, критиковал Сталина и сколачивал собственную группу. Он даже наградил медалью известную певицу Лидию Русланову, с которой у него, возможно, был роман.

Такое положение недопустимо, заявил Иосиф Виссарионович, повернувшись к военачальникам. Семен Буденный, которого подготовил к этому заседанию Булганин, покритиковал своего старого друга, но не очень остро. Соперник Жукова, маршал Конев, назвал его «трудным», но честным человеком. И только Голиков, которого Жуков в 1943 году убрал с Воронежского фронта, обвинял его по-настоящему сурово. Молотов, Берия и Булганин ругали маршала за бонапартизм. Они потребовали, чтобы его поставили на место. Жуков защищался, как мог, но был вынужден признать, что преувеличивал свои заслуги.

– Что мы будем делать с Жуковым? – спросил Сталин.

Он, как всегда, не торопился высказать свое мнение. Гражданские члены совета требовали репрессировать Георгия Жукова. Военные возражали. Вождь понимал, что сейчас не 1937 год, поэтому предложил перевести маршала Жукова в Одесский военный округ. Конечно же, это было серьезным понижением.

Репрессии против тех, кто добывал победу на поле боя, не были сиюминутным капризом. Это была обдуманная и целенаправленная политика. В числе прочих военачальников был арестован и адмирал Кузнецов. Правда, его тоже только понизили в должности. Бывший маршал Кулик, которого, как и всех остальных, прослушивали чекисты, как-то пожаловался в телефонном разговоре, что политики отбирают славу у военных. Такую страшную ересь ему не простили. В 1950 году его тихо расстреляли.

Георгия Константиновича Жукова исключили из ЦК. У него конфисковали большую часть трофеев. Его друзей хватали и пытали, требуя дать против него показания. После Одессы опального маршала сослали еще дальше, на Урал. В результате всех неприятностей и волнений у него был сердечный приступ. Абакумов просил разрешить арестовать Жукова за организацию бонапартистского переворота, но Сталин велел оставить его в покое.

– Я не верю тем, кто говорит, что Жуков мог организовывать переворот. – Вождь покачал головой. – Я знаю его очень хорошо. Он прямой человек. Жуков резок и может откровенно говорить

с кем угодно, но он никогда не пойдет против ЦК.

Расправа закончилась очередным унижением полководцев. Желая еще раз указать военным на их место, вождь написал записку для членов политбюро: «Я предлагаю произвести товарища Булганина в маршалы за его заслуги в ходе Великой Отечественной войны». В том случае, если кому-то захотелось бы поинтересоваться, что это за заслуги, Иосиф Виссарионович написал в самом углу: «Думаю, мое решение не подлежит обсуждению. Оно абсолютно ясно и понятно».

* * *

Георгий Жуков был далеко не единственным, чье жилище напоминало наполненный золотом, ценными вещами и картинами музей. Коррупция – это малоизвестная страница послевоенного террора Сталина. Соратники вождя и маршалы грабили захваченную Европу с алчностью Геринга. Правда, они имели для этого больше оснований, если принять во внимание, что немцы сделали с Россией. Сейчас имперская элита напрочь забыла о большевистской скромности. Тем не менее гостям из-за границы по-прежнему говорили: «Товарищ Сталин не выносит аморальных поступков».

Иосиф Виссарионович всегда считал, что завоеватели имеют право немного пограбить захваченные территории и поразвлечься с женским населением. Он со смехом слушал рассказы о том, какой роскошью окружают генералы своих куртизанок и друзей. К нему приходили десятки и сотни доносов, в которых военачальники обвинялись в воровстве и коррупции. Обычно Сталин складывал их в отдельную папку для последующего использования.

Маршалы не возражали и против бесчинств подчиненных. В армии существовала феодальная система. Офицеры грабили сами и делились определенной долей со своими начальниками. Впрочем, далеко не все довольствовались такими подачками. Один из сталинских фаворитов, маршал авиации Голованов, разобрал загородную виллу Геббельса и перевез ее по воздуху в Москву. Этот подвиг, правда, стоил ему карьеры.

Первыми до сокровищ добирались солдаты, но самые лакомые кусочки, как всегда, доставались чекистам. Лаврентий Берия старался вскружить головы красивым спортсменкам в Гаграх при помощи флотилии быстроходных катеров, привезенных из Германии. Виктор Абакумов разъезжал по Москве на итальянских спортивных машинах. Министр посылал в Берлин

самолеты за невероятным количеством нижнего женского белья. Его квартира напоминала универмаг. Он даже вывез из Берлина на самолете немецкую кинозвезду, пользующуюся всемирной известностью таинственную Ольгу Чехову. С ней у него был, говорят, роман.

Сталинское окружение погрязло в воровстве. Визирь Власик, правитель империи деликатесов, напитков и особняков, развлекал своих любовниц в государственных домах отдыха вместе с щеголеватыми художниками, головорезами-чекистами и сибаритствующими чиновниками. Его женщины ездили на роскошных лимузинах, получали в подарок квартиры, икру, билеты на парад на Красной площади и футбольные матчи. Николай Власик приворовывал даже у Хозяина, на сталинской вилле в Потсдаме. Его добыча состояла из множества фарфоровых сервизов, пианино, часов, машин и даже трех быков и двух лошадей. Все это он перевез домой на поездах МГБ и самолетах. Большую часть Потсдамской конференции главный охранник вождя пьянствовал, развратничал и воровал.

На дачах Сталина всегда пропадало много еды. Вскоре Власика обвинили в воровстве икры. Очевидно, доносчиком был Лаврентий Берия. Генерал отплатил ему той же монетой. В 1947 году Власика собирались арестовать, но Сталин в последнюю минуту разрешил ему объяснить свои грехи. «Товарищ Сталин постоянно менял время еды, поэтому часть блюд портилась и пропадала, – оправдывался он. – Их приходилось раздавать обслуживающему персоналу». Вождь простил своего телохранителя, но приказал отныне готовить меньше еды. Николай Власик сохранил свое место.

Любовницы Власика, так же как сводники Берии, доносили Виктору Абакумову. На Абакумова, в свою очередь, стучал его соперник по МГБ, генерал Серов, который доносил Сталину о моральном разложении и продажности министра. Сталин не выбрасывал ни одной кляузы. Все доносы лежали и ждали своего часа. Генерал Серов, конечно, и сам далеко не был чист. Говорят, он даже украл корону короля Бельгии.

Куртизанки, прокуроры и генералы МГБ беспрерывно стучали друг на друга. Так же как в конце тридцатых, в стране пышным цветом расцвело доносительство.

* * *

Соратники вождя не оставались в стороне от этого праздника. Они тоже наслаждались многочисленными привилегиями

и роскошью. Полы их кабинетов устилали дорогие персидские ковры, на стенах висели огромные картины, написанные масляными красками. Их дома напоминали дворцы. Руководитель Москвы жил один во дворце великого князя Сергея Александровича.

Сталин сам открыл эту новую имперскую эру. Во время Ялтинской конференции ему понравились дворцы: Ливадийский Николая II и Воронцовский в Алупке. «Приведите эти дворцы в порядок, – написал он Берии 27 февраля 1945 года. – Приготовьте для ремонта проверенных рабочих». Генсеку так понравился крымский дворец Александра III в Сосновке, что он распорядился построить там дачу. В ней он побывал лишь один раз. Сам Сталин отдыхал в Ливадии.

Партийные руководители, их жены и дети тоже отдыхали в этих дворцах. Они заказывали отпуск через 9-й отдел МГБ. Степан Микоян провел медовый месяц в Воронцовском дворце.

Семьи вождей летали на юг в специальных салонах самолетов государственной авиакомпании. Серго Микоян помнит, как он таким образом летел домой с Александром Поскребышевым.

Дети руководителей тоже имели много привилегий, но должны были соблюдать правила игры, устанавливаемые партией. Когда Андрей Жданов назвал джаз музыкой, чуждой советским людям, Никита Хрущев в приступе гнева разбил любимые джазовые пластинки своего сына.

Светлана Сталина видела, что дачи Микоянов, Молотовых и Ворошиловых ломятся от подарков рабочих, ковров, отделанного золотом и драгоценными камнями кавказского оружия, фарфора. Все это им присылали и привозили, как в Средние века, когда вассалы платили дань сюзеренам. Вожди ездили на бронированных ЗИСах. Их по приказу Сталина делали на основе американских «паккардов». За ними с включенной сиреной ехала машина с чекистами. Москвичи называли такие кортежи «собачьей свадьбой».

К каждому руководителю было прикомандировано подразделение чекистов под командой полковника или генерала. Они жили на дачах опекаемых и нередко становились даже членами семьи. Это, конечно, не мешало им следить за хозяином. Охранников было так много, что каждый член политбюро мог создать из них собственную волейбольную команду. Охранники Берии сражались с охранниками Кагановича. Однако если Лаврентий Павлович играл за свою команду, то Железный Лазарь отказывался. «Берия всегда выигрывает, а я хочу и сам быть победителем», – объяснил он.

В МГБ руководителей называли «объектами», дома –

«предметами», а охрану – «прикрепленными к объекту». Дети часто смеялись, когда слышали, как чекисты говорили: «Объект на пути к предмету».

Георгий Маленков часто ходил пешком в Кремль из Грановского переулка. Его окружал прикрепленный отряд.

Жены членов политбюро имели собственных модельеров. Все десять главных семей Советского Союза обшивались в ателье на Кутузовском проспекте. Оно входило в МГБ. Абрам Лернер (Доньят Игнатович, если верить Нине Хрущевой) и Нина Аджубей шили костюмы для мужчин и платья для женщин. Лернер, типичный портной-еврей, для политбюро Диором, Аджубей, низенького роста крепкая курносая женщина, которая росла в монастыре, – Шанель. Все ателье было завалено горами журналов «Вог» и «Харперс базар». Нина не только копировала фасоны от Диора, но и придумывала свои собственные.

«Клиенты платили только в тех случаях, когда хотели этого, и сами спрашивали цену, – объяснял Серго Микоян. – Моя мать всегда платила, а Полина Молотова – нет». О том, что жены членов политбюро пользуются услугами портных бесплатно, в конце концов, как и обо всем остальном, доложили Сталину. Он отругал своих соратников, а те, придя домой, устроили скандалы своим благоверным. Обиженная Ашхен Микоян доказала, что всегда платила. Она бросила в лицо мужу квитанции.

Несмотря на то что замечательную портниху Аджубей открыла Нина Берия, ее главной клиенткой была Полина Молотова, первая гранд-дама Советского Союза. Когда-то аристократы со всей Европы съезжались в богемский городок Карлсбад на воды. Сейчас в Карлсбаде правили бал Нина Берия и Зинаида Жданова. Сюда же прилетала на специальном самолете со свитой в пятьдесят человек одетая в роскошные наряды и дорогие меха Полина Молотова. Ее часто сопровождала дочь Светлана. Принцесса красовалась в норковом палантине. Она училась в престижном МГИМО, где занималось большинство детей советской элиты. На учебу ее каждый день возил шофер. О появлении Светланы Молотовой свидетельствовало ароматное облако французских духов «Шанель № 5». Эта большевистская принцесса считала своим долгом каждый день приходить в новом наряде.

Сталин сохранял контроль над распределением привилегий и благ для соратников. Как и до войны, он продолжал выбирать для них машины. Так, Андрей Жданов получил бронированный «паккард», обычный «паккард» и ЗИС-110. Лаврентий Берия ездил на бронированном «паккарде», ЗИСе и «мерседесе». Александр

Поскребышев – на «кадиллаке» и «бьюике».

Иосиф Виссарионович подарил семье Щербакова, руководителя Москвы, который скончался от алкоголизма, большие суммы. «Оставьте им квартиру и дачу, право пользоваться кремлевской больницей, лимузин, прислугу из сотрудников НКВД, учителей для детей…» – распорядился вождь. Он назначил вдове Щербакова ежемесячную пенсию в 2 тысячи рублей, сыновьям – 1 тысячу до конца школы, матери – 700 рублей, а сестре – 300. Помимо ежемесячной пенсии Щербакова получила единовременное пособие в размере 200 тысяч рублей, а мать – 50 тысяч. О подобных деньгах простые советские рабочие не могли даже мечтать.

Таков был новый имперский порядок Сталина.

* * *

Законодателем мод в распущенности, коррупции и капризах был и советский кронпринц. Даже жалуясь на Василия Сталина, офицеры неизменно подчеркивали то обстоятельство, что Василий занимает священное место. «Он близок к советскому народу, потому что он ваш сын», – почтительно говорили они.

Василий вел себя очень высокомерно, но под этой маской прятался сильный страх. Он боялся сильнее всех остальных царедворцев. Когда-то Сталин сказал, что Василий пройдет через огонь, если отец ему прикажет.

Особенно страшился Василий Сталин будущего.

– У меня есть только два выхода, – говорил он Артему Сергееву. – Пистолет или водка! Если я возьму пистолет, то причиню отцу много неприятностей. Но когда он умрет, Хрущев, Берия и Булганин разорвут меня на куски. Ты понимаешь, как тяжело жить, когда над тобой навис дамоклов меч?

Василий бросил жену Галину, невзирая на ее мольбы, забрал сына Сашу и сейчас жил в Доме на набережной. Галина очень тосковала по сыну. Нянька тайно встречалась с ней, чтобы она могла поиграть с мальчиком. Галина Сталина была слишком напугана, чтобы потребовать от бывшего мужа квартиру или деньги.

Василий женился на хорошенькой украинке Екатерине Тимошенко, дочери маршала Тимошенко. Он считал, что квартира в Доме на набережной недостойна сына генералиссимуса и дочери маршала, поэтому потребовал элегантный особняк генерала Власика на Гоголевском бульваре.

Из Германии Сталин-младший вернулся на самолете, набитом добычей. Чего там только не было: золотые украшения, алмазы, десятки ковров, горы женской одежды и белья, огромное количество мужских костюмов, пальто, шуб, каракулевых накидок. Дом ломился от немецких ковров и хрусталя. Вещей было так много, что жена Василия постепенно распродавала их.

Брак с Екатериной Тимошенко продлился тоже недолго. После развода Василий женился на известной пловчихе Капитолине Васильевой. С этой стройной девушкой он обрел, кажется, настоящее счастье. Светлана считала, что он ищет в своих женах мать. Он даже называл Капитолину «мамой» и просил собирать волосы в пучок, как это делала Надежда Аллилуева.

Сейчас Василий Сталин командовал авиацией Московского военного округа. Вскоре выяснилось, что он с работой не справляется. Василий требовал, чтобы свита называла его Хозяином, как отца. «Василий почти каждый день много пил, – подтверждал позже его адъютант. – Он неделями не показывался на работе и постоянно волочился за женщинами».

Однажды кронпринц устроил смотр своим войскам. Словно сын какого-нибудь западного миллионера, Василий решил создать собственную футбольную команду. Он хотел, чтобы она стала лучшей в стране. Этот меценат немедленно уволил тренера и решил спасти Старостина. Берия отправил главного футбольного тренера России в лагеря, обвинив в заговоре с целью убийства Сталина. Василий вытащил его из ГУЛАГа. Старостина неожиданно вызвали в кабинет начальника лагеря. Ему протянули трубку вертушки.

– Здравствуй, Николай, это Василий Сталин, – поздоровался Сталин-младший и велел собираться в дорогу.

В Москву Старостин вернулся на личном самолете генерала Сталина. Василий прятал его, пока хлопотал об отмене приговора.

Виктор Абакумов, став министром МГБ, сменил на посту руководителя «Динамо» Лаврентия Берию. Узнав о побеге Старостина, он пришел в ярость. МГБ похитил футболиста! Василий послал офицеров разведки ВВС отбить Старостина обратно, однако Абакумов похитил его вновь. Сын генералиссимуса позвонил министру, но тот все отрицал. Он заявил, что ничего не знает о беглеце. Старостину удалось переправить записку Василию. Кронпринц послал за ним начальника службы безопасности ВВС. В тот же день Василий Сталин пришел на стадион и наблюдал за игрой «Динамо» из правительственной ложи. Рядом с ним сидел Старостин.

МГБ пришлось смириться с поражением. Отпрыск вождя позвонил заместителю Абакумова.

– Два часа назад мне сказали, что вы не знаете, где Старостин! – начал кричать он. – Сейчас он сидит рядом со мной. Ваши люди похитили его. Запомните, в нашей семье никогда не прощают оскорблений. Это вам говорит генерал Сталин!

В Тифлисе Василий напился и принялся летать на истребителе над городом. Его полеты вызвали на улицах панику. Если ему кто-то перечил, он доносил на офицеров Абакумову или Булганину. Его самого можно было обуздать единственным способом – пожаловаться Сталину.

«Дорогой Иосиф Виссарионович, – писал вождю летчик Н. Сбытов, тот самый, кто первым заметил приближающиеся к Москве немецкие танки. – Прошу вас приказать Василию Иосифовичу не трогать меня». Сбытов сообщил, что Василий постоянно прикрывается именем отца. «Когда мой отец назначал меня на это место, он хотел, чтобы я командовал самостоятельно», – заметил Сбытов.

Василий Сталин вел себя как мальчик, воспитанный чекистами. Когда в его штабе нашли каких-то «врагов», он приказал устроить камеру для пыток в собственной квартире. Он начал бить «врага» тонкой палкой по пяткам, но, к счастью для последнего, был пьян и скоро прекратил экзекуцию.

* * *

Вскоре после ссылки Георгия Жукова резко ухудшилось здоровье Калинина. Доктора обнаружили у него рак желудка. Сталин любил «папу» Калинина и лично договорился, чтобы его отправили лечиться в Абхазию. Он позвонил в Сухуми местному руководителю и попросил обеспечить президенту максимум заботы и ухода. Впрочем, любовь не мешала Иосифу Виссарионовичу терзать полуслепого Калинина. Он напоминал об их разногласиях в двадцатые годы, из-за которых Калинин два десятилетия пребывал не у дел. Маршал Тито как-то на банкете предложил Калинину сигареты.

– Не бери эти западные сигареты! – шутливо сказал Сталин.

У Михаила Ивановича от испуга задрожали руки, и он в замешательстве уронил сигареты на пол.

Последние годы семидесятиоднолетний Калинин жил с экономкой и двумя приемными детьми. Его любимая жена в это время гнила в лагерях. Михаил Иванович знал о неминуемой

смерти. Осмелев, он обратился к Сталину с просьбой. «Я спокойно смотрю на будущее нашей страны и желаю только одного, чтобы вы как можно дольше сохраняли свои силы и здоровье, которые являются лучшей гарантией успехов Советского государства, – начал он свое письмо. – Я обращаюсь к вам с двумя личными просьбами. Освободите, пожалуйста, Екатерину Ивановну Калинину и разрешите моей сестре воспитать двух сирот, которые живут со мной. От всей души, последнее до свидания. М. Калинин». Сталин, Маленков и Жданов проголосовали за то, чтобы освободить жену Калинина, если она признает свою вину.

«Я совершала плохие поступки и была за них сурово наказана, – написала Екатерина Калинина, – но я никогда не была врагом Коммунистической партии! Простите меня». «Необходимо простить. Немедленно освободите и привезите в Москву. И. Сталин».

Перед своей смертью Михаил Калинин написал Сталину необычно трогательное письмо. На этот странный поступок его толкнула жажда большевистского искупления грехов.

Я доживаю последние дни. Должен сказать, что за все время существования оппозиции никто из оппозиционеров не относился враждебно к линии партии. Возможно, эти слова вас удивят, потому что я состоял в дружеских отношениях с некоторыми из них… Меня критиковал и дискредитировал Ягода. Он приложил много усилий, чтобы доказать мою близость к оппозиции. На следующий год после смерти Ленина, уже после ссоры с Троцким, Бухарин пригласил меня к себе домой, чтобы показать свои охотничьи трофеи. Он поинтересовался, не думал ли я о «правлении без Сталина». Я ответил, что мне даже в голову не могла прийти такая мысль. Любая комбинация без Сталина была невозможна… После смерти Ленина я искренне и твердо верил в сталинскую политику… Самым опасным я считал Зиновьева.

В конце Михаил Калинин еще раз попросил, чтобы Сталин позаботился о его сестре и сиротах и передал это письмо в архив.

На похоронах Калинина фотографы попросили вождя сделать снимок. Иосиф Виссарионович показал на гроб и проворчал:

– Сфотографируйте лучше Калинина!

* * *

8 сентября 1946 года Сталин отправился в очередной отпуск. Вячеслав Молотов в это время колесил по свету и договаривался с союзниками о перекройке карты Европы. В Париже он защищал интересы Советского Союза в Германии и одновременно пытался добиться советского протектората над Ливией. Позиция Запада все больше ужесточалась. В то время Сталин, похоже, еще не отказался от мысли укрепить свое положение при помощи переговоров с бывшими союзниками.

Сталин переписывался с Молотовым при помощи шифра. «Дружков» – так он называл себя в телеграммах – хвалил Молотова за непоколебимую твердость. Вячеслав Михайлович тоже был очень доволен собой. Когда он узнал, что ему отвели на параде во Франции место во втором ряду, то возмутился таким неуважением и в знак протеста покинул трибуну. Волнуясь, не допустил ли он ошибку, Молотов вечером написал Сталину: «Я не уверен, что поступил правильно». «Ты вел себя абсолютно правильно, – ответил вождь. – Достоинство Советского Союза необходимо защищать не только в больших делах, но и в мелочах».

«Дорогая Полинка, посылаю тебе мои приветы и газетные фотографии, на которых я ухожу с воскресного парада, – в восторге писал воспрявший духом Молотов. – „Пари-Миди“ дал аж три снимка. На первом я еще стою на трибуне, на втором начинаю уходить, а на третьем уже сажусь в машину. Целую и крепко тебя обнимаю! Поцелуй за меня Светлану!»

Из Парижа Вячеслав Молотов вылетел в Нью-Йорк на новые переговоры. Сталин следил за ними из Гагр, с дачи на Холодной речке. Вождя не столько волновал вопрос об итальянских репарациях, сколько статус Советского Союза как великой державы. Сейчас Молотов опять был в фаворе. 28 ноября Сталин ласково написал: «Насколько я понимаю, ты нервничаешь и расстраиваешься из-за судьбы нашего предложения. Успокойся, все в порядке!»

Затишье продлится недолго. Столкнувшись с голодом на Украине и жестким соперничеством со стороны американцев, сварливый вождь вновь почувствовал вокруг себя опасную слабость, испорченность и неверность.

* * *

В то время как Вячеслав Михайлович Молотов с триумфом подписывал мирные договоры с побежденными государствами, Сталину пришлось пережить еще одно унижение. Вождь был

членом Академии наук. Сейчас такой же чести удостоился и Молотов.

Как положено в таких случаях, Молотов послал в академию благодарственную телеграмму. Эта телеграмма неожиданно вызвала у вождя вспышку гнева.

«Меня поразила твоя телеграмма! – возмущенно написал он. – Неужели ты действительно в таком восторге, что тебя избрали почетным академиком? Что означает твоя подпись: „Истинно ваш, Молотов“? Никогда не думал, что ты можешь быть таким эмоциональным, когда речь идет о подобных мелочах! Мне кажется, что ты – государственный деятель самого высшего уровня и поэтому должен больше заботиться о своем достоинстве».

Острое недовольство Иосифа Виссарионовича вызвало на самом деле то обстоятельство, что народ голодает. Все шло к повторению тридцать третьего года. Сначала вождь пытался в свойственной ему манере шутить и как-то назвал одного чиновника «братцем-дистрофиком». Потом, когда положение стало очень серьезным и даже Андрей Жданов доложил ему о голоде, Сталин сердито написал своему вице-королю на Украине, Хрущеву: «Они обманывают тебя…» В 1946 году от голодной смерти умерли 282 тысяч человек, в 1947-м – еще 520 тысяч. В конце концов генсек обвинил в просчетах главу Министерства снабжения Микояна и приказал Мехлису, который вновь был на коне, только теперь в роли министра государственного контроля, провести расследование.

«Не доверяйте ни в чем Микояну, – предупреждал вождь. – Из-за недостатка честности у него наркомат снабжения превратился в пристанище воров».

У Анастаса Микояна хватило ума извиниться. «Я и сам сейчас вижу, как много в моей работе ошибок и промахов, – не без иронии написал он Сталину. – Конечно, вы тоже их увидели. Никто не может поставить вопрос так четко, как вы. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы полученный урок пошел мне на пользу. Постараюсь использовать ваши указания в своей последующей работе под вашим отеческим руководством».

Старинная дружба Микояна и Сталина подошла к концу. Хрущев так же впал в немилость – из-за своего отношения к голоду. «Размазня!» – ругал его Сталин. Оргвыводы последовали незамедлительно. В феврале 1947 года вождь снял Хрущева с поста первого секретаря компартии Украины, хотя и оставил там премьером. Его заменил Каганович. Железный Лазарь сейчас сильно растолстел и был похож на толстого помещика. Он отправился в Киев наводить порядок.

Недовольство Сталина всегда удручало его соратников и вызывало депрессии и болезни. Никита Хрущев после снятия слег с пневмонией. Его фамилия исчезла с первых страниц украинских газет, а авторитет в республике значительно поубавился. Каганович приказал врачам лечить его новым западным лекарством пенициллином, хотя Сталин его и не одобрял. Многие тогда думали, что даже если этот ручной зверек Сталина вылечится, то судьба его уже решена.

«Сионисты околдовали тебя!»

В 1947 году американский госсекретарь Джордж Маршалл обнародовал обширную программу экономической помощи Европе. Сначала руководству разрушенной советской империи она показалась привлекательной. Вячеслав Молотов немедленно вылетел в Париж, чтобы узнать подробности плана Маршалла. Лидеры Советского Союза думали, что новая американская программа будет похожа на ленд-лиз, который позволял получать американскую помощь без всяких обязательств. Однако Сталин вскоре понял, что она направлена на восстановление Германии и подрыв советской гегемонии в Восточной Европе. Молотову план Маршалла нравился. Он выступал за переговоры, но вождь решил, что это противоречит интересам СССР.

В преддверии экономического наступления американцев Сталин и Жданов решили укрепить советское господство в Восточной Европе. Одновременно советский вождь поддержал создание независимого еврейского государства. Он надеялся, что оно станет его сателлитом на Ближнем Востоке. 29 ноября 1947 года Иосиф Виссарионович велел своему представителю в ООН проголосовать за создание Израиля. Советский Союз первым признал еврейское государство. Сталин продолжал заигрывать с евреями и внутри СССР. Он вручил Соломону Михоэлсу Сталинскую премию. Но вскоре стало ясно, что Израиль станет союзником не Советского Союза, а Америки.

В котле сталинских нерациональных предрассудков, острых как бритва политических инстинктов и агрессивной обидчивости русских мечта Михоэлса о создании в Крыму Еврейской республики стала казаться вождю зловещим израильско-американским троянским конем, этаким иудейским планом Маршалла. Сионизм, иудаизм и Америка все больше переплетались в голове Сталина в одно целое. В антисемитских настроениях его, несомненно, поддерживали соратники.

Даже после смерти Сталина Никита Хрущев сочувственно объяснял польским коммунистам: «Мы хорошо знаем евреев. Все они связаны с капиталистическим миром, потому что за границей у них живут родственники. У этого, например, бабушка… Начинается холодная война. Империалисты разрабатывают планы нападения на СССР. Евреи хотят обосноваться в Крыму… Вот Крым и Баку… При помощи своих связей евреи создали разветвленную сеть для проведения в жизнь планов американцев. Поэтому он всех их и раздавил».

Таких взглядов придерживались не только в ближайшем

окружении вождя. Племянник Сталина, Владимир Реденс, полностью согласен с утверждениями, что ЕАФК все больше занимался опасной сионистской пропагандой.

Почувствовав опасность, Сталин приказал Абакумову собрать доказательства того, что Михоэлс и ЕАФК – активные националисты, действуют по указке американцев и занимаются антисоветской пропагандой. Особенно чекистов сейчас интересовала поездка Соломона Михоэлса по Америке в годы войны, в ходе которой он установил контакты с известными еврейскими деятелями, связанными с секретными службами Соединенных Штатов.

Михоэлс не понимал, что над его головой сгущаются тучи. Он по-прежнему помогал Сталину. Этот еврейский актер попал в незнакомую обстановку и не мог, конечно, бороться со сталинским големом. Он считал, что обстановка благоприятствует возрождению еврейства, и хотел обратиться за помощью к самому Сталину. Михоэлс позвонил Полине Молотовой (второй по значимости для евреев фигуре в Советском Союзе после Кагановича) и спросил, стоит ли обращаться к Маленкову или к Жданову.

– Жданов и Маленков вам не помогут, – ответила Полина. – Вся власть в стране находится в руках Сталина, и никто не может на него влиять. Я вам не советую писать Сталину. Он стал отрицательно относиться к евреям, он нам не поможет.

Этот эпизод показывает, насколько изменилась обстановка в СССР. Полине Молотовой и в голову не могло бы прийти говорить такие слова перед войной.

Соломон Михоэлс не послушал совета. Он воспользовался соблазном и решил попытаться выйти на вождя через его дочь. Вдобавок ко всему Михоэлс выбрал для этого крайне неудачное время. Сталин как раз с большим гневом размышлял о странной любви Светланы к евреям. Сначала был Каплер, затем она вышла замуж за Морозова. Иосиф Виссарионович не имел ничего личного против Морозова и даже порой называл его «хорошим парнем», но тот был евреем. «Сионисты околдовали тебя», – заявил как-то Сталин Светлане.

Воля, дочь Георгия Маленкова, только что вышла замуж за внука еврея Лозовского, того самого, который курировал ЕАФК Михоэлса. Молотов поддерживал план Михоэлса по созданию в Крыму Еврейской республики. Брат его жены Полины был не только евреем, но и состоятельным американским бизнесменом. Куда бы Сталин ни обращал свой взор, всюду он видел агентов сионистов.

Соломон Михоэлс не сдавался. Он был полон решимости

защищать интересы соотечественников. Среди друзей Жени Аллилуевой было много интеллигентов-евреев. Михоэлс попросил устроить ему встречу со Светланой Сталиной. Сделать это оказалось нелегко. Детей советской элиты постоянно осаждали самые разные просители, поэтому они держались настороженно.

Аллилуевы предупредили Женю, чтобы она не вмешивалась в опасные еврейские дела. «В этом котле было столько всего намешано, – говорил Владимир Реденс. – Мы знали, что ничем хорошим это не кончится». Но, похоже, Женя не вняла предостережениям родственников и познакомила Михоэлса со Светланой и Морозовым.

Сталину немедленно донесли об этом. Он пришел в бешенство. Его охватил испуг. Масла в огонь добавила и Анна Реденс, которая постоянно воспитывала Василия. Тот пожаловался отцу. Получилось, что Соломон Михоэлс, сам того не зная, разворошил осиное гнездо.

Сталин приказал Абакумову выявить связи Жени Аллилуевой с американо-сионистскими шпионами. Светлане он сказал, что Женя в 1938 году отравила мужа, Павла. Умные люди почувствовали, что надвигается буря. Они начали срочно разводиться с евреями или еврейками.

Светлана Сталина рассталась с Морозовым. Во всех исторических исследованиях написано, что она бросила мужа по приказу отца. Это же говорил и ее двоюродный брат, Леонид Реденс. Но сама она утверждала обратное: «Мой отец никогда не просил меня развестись с ним». Причиной развода было отсутствие любви. «Мы развелись, потому что я его не любила», – говорила она.

Леонид Реденс добавляет, что в жизни Светланы было много мужчин и Морозов ей просто надоел. Как бы то ни было, Сталин поручил уладить это щекотливое дело сыну. «Василий взял паспорт Морозова и скоро принес ему новый, – вспоминал Реденс. – В нем штампа о браке уже не было».

Абакумов начал хватать евреев, поддерживавших отношения с Аллилуевыми. 10 декабря он арестовал и саму Женю. Ее обвинили в том, что она распускает грязные и ложные слухи о главе советского правительства. Муж Жени, ее жизнерадостная дочь Кира, актриса, и Анна Реденс вскоре тоже очутились за решеткой. Чекисты задерживали известных евреев по всей стране.

Инстанция – это страшное обозначение царя, сидевшего в Кремле, – считала, что аллилуевско-еврейская банда «проявляла интерес к личной жизни главы советского правительства

по заданию иностранной разведки». Чтобы собрать компромат на Михоэлса, Сталин разрешил применить к арестованным «методы убеждения». «Французской борьбой», как называли эти методы следователи-дознаватели, руководил злобный психопат-антисемит Комаров. «Ваша судьба в моих руках, – злорадно говорил он своим жертвам. – Я не человек, я зверь!» Свои тирады он неизменно заканчивал фразой: «Все евреи – грязные ублюдки!» Виктор Абакумов лично приказал ему нещадно избивать заключенных.

С Аллилуевыми Соломона Михоэлса познакомил Гольдштейн. Позже он рассказал, что его лупили резиновыми дубинками по ягодицам и голым пяткам до тех пор, пока он не мог ни сидеть, ни стоять. Его так сильно били по голове, что у него ужасно распухло лицо и он стал плохо слышать. Измученный непрерывными допросами, которые не прекращались ни днем ни ночью, запуганный побоями, ругательствами и угрозами, Гольдштейн впал в глубочайшую депрессию и начал оговаривать себя и остальных.

– Значит, ты говоришь, что Михоэлс свинья? – кричал Абакумов.

– Да, свинья, – соглашался сломленный Гольдштейн.

Он рассказал, что актер просил запоминать мельчайшие подробности отношений между Светланой и Григорием, а потом якобы сообщал их своим американским друзьям.

Когда Сталину положили протоколы допросов на стол, он понял, что его худшие опасения относительно Михоэлса подтвердились.

Владимиру Реденсу тогда было двенадцать лет. Он потерял мать и отца. Его маленькие двоюродные братья, сыновья Жени, лишились родителей и старшей сестры. Владимир срочно поехал в Кремль, где после смерти Сергея Аллилуева в 1946 году продолжала жить его бабушка Ольга. Там он узнал, что Ольга Аллилуева до сих пор не простила Женю за то, что она так быстро вышла замуж после смерти Павла.

– Слава богу! – обрадовалась она, услышав об аресте невестки, и перекрестилась.

Однако, узнав об аресте дочери, Анны, Ольга тут же позвонила Сталину.

– Их использовали враги, – терпеливо объяснил Иосиф Виссарионович.

Светлана попыталась вступиться за теток, но отец заявил, что у них слишком длинные языки и сама она тоже нередко говорит антисоветские вещи.

Киру Аллилуеву, двоюродную сестру Светланы, так же

арестовали. Она утверждала, что Сталин угрожающе предупредил дочь: «Если будешь их защищать, мы и тебя посадим в тюрьму». Светлана и Василий порвали с детьми Аллилуевых все связи.

* * *

Светлана вновь осталась одна. Сталин начал поговаривать о ее следующем муже.

– Она сказала, что выйдет замуж или за Степана Микояна, или за Серго Берию, – говорил он соратникам и друзьям.

И Берия, и Микоян встревожились. Царевне было наплевать, что оба жениха были уже женаты и к тому же любили своих супруг. Сталин успокоил испуганных соратников:

– Я ей ответил, что она не выйдет замуж ни за того ни за другого. Ее мужем будет Юрий Жданов.

Вождь тут же велел Юрию жениться на Светлане.

16 июля Иосиф Виссарионович решил встретиться с простым народом и впервые с 1933 года отправился в поездку по стране. Этот ностальгический трехмесячный отпуск был полон размышлений. Он стал очередным признаком переутомления вождя и серьезных изменений в стиле руководства страной. Сталин оставался верховным руководителем, но все больше отдалялся от обычных смертных. На хозяйстве он оставил робкого и нерешительного Булганина.

Пока Виктор Абакумов пытал евреев, собирая материалы нового «американского заговора» и уничтожения Михоэлса, длинная колонна бронированных ЗИСов-110 со Сталиным и Валечкой направилась на юг к Харькову.

В Москву отдохнувший Хозяин вернулся 21 ноября 1947 года. Сразу по возвращении он приказал Абакумову убить еврейского актера Михоэлса.

Через неделю вождь поддержал постановление ООН о создании государства Израиль.

Две странные смерти. Еврейский актер и главный наследник

Комитет по присуждению Сталинских премий послал Соломона Михоэлса в Минск. Он должен был отобрать лучшие спектакли в белорусских театрах. Сталину доложили о командировке актера. Он вызвал Виктора Абакумова и устно приказал ему убить Михоэлса в столице Белоруссии. При разговоре присутствовал Георгий Маленков.

Министр поручил выполнение ответственного задания своему заместителю, начальнику Белорусского МГБ. Абакумов разработал план убийства. Актера собирались пригласить вечером в гости к друзьям. Чекисты должны были отвезти его на машине в окрестности дачи руководителя МГБ Белоруссии Цанавы и там убить. Затем подручные Абакумова хотели привезти труп в город и бросить на пустынной улице, ведущей к гостинице. Убийство напоминало бы несчастный случай – как будто Михоэлс попал под грузовик.

План был сложный и походил на гангстерские убийства. Сталин и Берия разрабатывали такие для физического устранения неугодных лиц, которые были слишком известны, чтобы расправляться с ними обычным способом – при помощи ареста и расстрела.

Цанава передал приказ Абакумова своим подчиненным, подчеркнув, что устранение Соломона Михоэлса санкционировали на самом верху.

12 января 1948 года Михоэлс со своим другом Владимиром Голубовым-Потаповым, театральным критиком и по совместительству секретным сотрудником МГБ, весь день просидел в театре и встречался с актерами. После ужина, в восемь часов вечера, они вышли из гостиницы. Михоэлс и Голубов-Потапов должны были встретиться с другом последнего. Скорее всего, машина минского МГБ отвезла их на дачу Цанавы. Там Михоэлсу, вероятно, сделали укол какого-то лекарства, после которого он потерял сознание. Без докторов из МГБ, как видим, не обошлось и это убийство.

Возможно, Соломон Михоэлс сопротивлялся. Сейчас это уже не установить. Он слишком любил жизнь и должен был за нее бороться. Чекисты ударили его по виску каким-то тупым предметом и на всякий случай застрелили. Голубов-Потапов, заманивший Михоэлса в ловушку, тоже был убит. Трупы привезли в город и бросили под грузовик.

Сталину сообщили об убийствах в Минске, вероятно, еще до того, как трупы оставили на улице. Очевидно, именно в тот самый миг, когда он разговаривал об этом по телефону с Цанавой, в Кунцево приехала Светлана. «Я видела, что кто-то ему что-то докладывает, – вспоминала она. – Он внимательно слушал. Потом, как бы подводя итог, сказал: «Значит, автомобильная катастрофа». Я очень хорошо помню, как он произнес эти слова. Это был не вопрос, а подтверждение… Он не спрашивал о причине, а говорил, что это должна быть автоавария»». Положив трубку, Иосиф Виссарионович поцеловал дочь и сказал:

– Михоэлс только что погиб в дорожной аварии.

В семь часов утра на следующий день прохожие нашли в снегу два трупа. Тело Соломона Михоэлса привезли в Москву и доставили в лабораторию профессора Бориса Збарского. Этот биохимик-еврей отвечал за сохранность мумии Ленина. Он, конечно, не мог не заметить рану на виске от удара тупым предметом и пулевое отверстие. Збарскому приказали подготовить тело жертвы «аварии» к пышным государственным похоронам. Прощание должно было состояться в Еврейском театре. Несмотря на все старания профессора, никого не одурачили раны и разбитое лицо, покрытое толстым слоем грима.

Соломона Михоэлса уважали и любили не только советские театралы, но и некоторые сталинские придворные. В годы войны Полина Молотова вновь открыла свои еврейские корни. В ночь с 15 на 16 декабря она тихо подошла к гробу и прошептала:

– Его убили.

После похорон Юлия Каганович, племянница Лазаря и дочь Михаила, приехала к Михоэлсам. Она отвела дочь актера в ванную комнату, открыла краны с водой на полную мощность и тихо сказала:

– Дядя просил передать вам свои соболезнования.

Встревоженный Каганович велел передать, чтобы родственники Михоэлса не задавали никаких вопросов.

Еврейский театр переименовали в театр Михоэлса. Милиция начала расследование. ЕАФК продолжал работать. Советский Союз признал Израиль.

Убийца Соломона Михоэлса Цанава получил орден Ленина за «образцовое выполнение особого задания правительства».

Женю Аллилуеву приговорили к десяти годам тюрьмы, ее дочь Киру – к пяти. Они были признаны виновными в том, что передавали в американское посольство секретную информацию о личной жизни Сталина и его семьи. Анна Реденс

также получила пять лет. Они отбывали свои сроки в одиночных камерах.

Расправившись с Михоэлсом, МГБ начало собирать компромат на Соломона Лозовского, заместителя министра иностранных дел, и других известных евреев. Полину Молотову тихо уволили с работы. Сталин сейчас открыто шутил о своем антисемитизме.

* * *

В следующие несколько месяцев Сталину пришлось столкнуться с первой по-настоящему реальной оппозицией своей безраздельной власти за без малого двадцать последних лет. Маршал Иосип Броз Тито не хотел быть вассалом Советского Союза. Его партизаны мужественно сражались с немцами и не полагались на то, что их освободит Красная армия. Сейчас югославы отчаянно сопротивлялись диктаторскому нажиму Жданова на конференции Коминтерна. Когда Сталин прочитал доклад Пианиста, он не мог поверить такой неслыханной наглости. «Очень сомнительная информация!» – написал вождь коричневым карандашом.

Иосиф Виссарионович согласился оставить Грецию Западу. Он сохранил за собой право выбирать, когда и где вступить в открытую конфронтацию с Соединенными Штатами. Тито отказался подчиняться окрикам из Москвы. Не слушая запретов Сталина, он начал снабжать греческих коммунистов оружием. Сталин в это время уже решил проверить, насколько серьезно настроены Штаты, в Берлине, а не в какой-то захудалой балканской стране. Так что скандал на Балканах ему сейчас был не нужен. Последней каплей, переполнившей чашу его терпения с югославскими товарищами, стал проект по созданию Балканской федерации. О ней без сталинского разрешения договорились Тито и руководитель Болгарии Димитров.

Ссора между Москвой и Белградом с каждым днем становилась все сильнее. Не желая окончательного разрыва, Тито отправил на переговоры к Сталину своих товарищей: Милована Джиласа и Эдварда Карделя. Сталин, Жданов и Берия пытались запугать югославов превосходством Советского Союза на жутких ужинах в Кунцеве. Джилас спокойно слушал угрозы, но не сдавался.

28 января 1948 года «Правда» осудила план Димитрова и положила начало открытой войне. 10 февраля Сталин вызвал югославов и болгар в Маленький уголок. Он хотел унизить их,

как часто поступал с членами собственного ручного политбюро. Советский руководитель не стал обсуждать болгарско-югославский план. Он предложил создать ряд маленьких федераций. Суть его предложения сводилась к тому, что в эти союзы должны входить страны, между которыми существовали очень серьезные противоречия. Следовательно, они едва ли могли быть прочными образованиями. Сталин был мрачнее тучи и все время что-то рисовал в блокноте.

– Если я говорю «нет», это значит «нет»! – решительно заявил Иосиф Виссарионович, когда югославы и болгары не согласились с его предложением и вернулись к своему плану.

Потом генералиссимус предложил Югославии захватить Албанию. При этом вождь прищелкнул пальцами и громко почмокал.

Поведение Сталина, Жданова и Молотова не только не напугало Иосипа Тито, но еще больше укрепило в решимости не подчиняться диктату Москвы. Сталин и Молотов написали в Белград длинное письмо. На восьми страницах они обвиняли югославского руководителя в самом страшном в их понимании грехе – троцкизме. «Мы полагаем, что политическая карьера Троцкого достаточно убедительно показывает, что может произойти с троцкистами», – угрожающе писали они.

Но югославы не обратили внимания на угрозы. 12 апреля из Белграда пришла телеграмма, в которой все обвинения отвергались. Тогда Сталин решил расправиться с непокорным маршалом.

– Стоит мне пошевелить мизинцем, и от этого Тито не останется и мокрого места! – кричал он Хрущеву.

Однако Иосип Броз Тито оказался более крепким орешком, чем Троцкий и Бухарин.

* * *

Сталин назначил двадцативосьмилетнего Юрия Жданова начальником комитета по науке при ЦК. Жданов-младший постепенно сближался со Светланой. Он стал теперь очень большим человеком. К своей науке относился с такой же серьезностью, как отец – к культуре. Его раздражало, что господствующее положение захватил Трофим Лысенко, мракобес с абсурдными теориями в генетике. Этот шарлатан пользовался в годы репрессий поддержкой Сталина и очистил научный мир от настоящих ученых.

– Юрий, не связывайся с Лысенко, а то он скрестит тебя

с огурцом, – шутливо предупреждал Жданов-старший сына.

Но Андрей Жданов был тогда слишком серьезно болен и не смог остановить сына.

10 апреля 1948 года Юрий Жданов выступил в Московском политехническом институте с большой речью, в которой раскритиковал так называемый созидательный дарвинизм Лысенко и высказался крайне отрицательно о притеснениях ученых и их теорий. Сам Лысенко слушал эту лекцию по микрофону в соседней комнате. Опытный интриган обратился за помощью к Сталину. Он обвинил Юрия в наглости, заявив, что тот не имеет права высказывать свое мнение, прикрываясь именем партии. Копию письма Трофим Лысенко послал Маленкову. Георгий Максимилианович, естественно, поддержал его. Колеса завертелись. Георгий Маленков показал текст лекции Жданова вождю, который, конечно же, считал себя корифеем в науке.

Сталин читал выступление Юрия и все больше хмурился. «Ха, ха, ха! – сердито написал он. – Вздор! Убрать!»

Этот наглый щенок выступил против взглядов самого Сталина на наследственность и эволюцию и при этом воспользовался его же авторитетом. Юрий попробовал защищаться. Когда он сказал, что выразил собственные взгляды на науку, Сталин воскликнул: «Ага!» – и отправил текст выступления со своими комментариями торжествующему Маленкову.

Международные дела тем временем складывались не самым лучшим образом. Иосифа Виссарионовича выводили из себя бунт югославов, напряженная обстановка в Берлине и интриги сионистов. Он решил, что сейчас самый подходящий момент бросить в Европе вызов Америке.

Вождь потребовал от Юрия Жданова подчиниться партийной дисциплине, но тот пропустил его слова мимо ушей. Тогда громовержец понял, что ему необходимо преподать урок молокососу. Он лично вмешался в спор ученых и надолго изменил положение дел в советской науке. 10 июня Сталин провел в Маленьком уголке один из показательно унизительных разносов. Андрей Жданов сидел впереди и все аккуратно записывал. Юрий пристроился за спиной у отца.

Попыхивая трубкой, вождь сердито ходил по кабинету.

– Как можно так оскорбить товарища Лысенко? – недоумевал он. Андрей Жданов с несчастным видом записывал слова вождя в школьную тетрадь. – Доклад ошибочен. ЖДАНОВ ОШИБСЯ. – Затем Сталин остановился и спросил: – Кто дал на это добро?

От его ледяного взгляда температура в комнате опустилась на несколько градусов. «В кабинете наступила гробовая тишина», – вспоминал Шепилов, протеже Жданова. Все смотрели на пол, стараясь не встречаться со Сталиным взглядом.

Наконец Шепилов встал и признался:

– Это мое решение, товарищ Сталин.

Иосиф Виссарионович подошел к нему и пристально посмотрел в глаза. «Честно скажу, никогда мне еще не доводилось видеть такого грозного взгляда, – писал позже Шепилов. – Его глаза, казалось, обладали какой-то невероятной силой. Желтые зрачки приковали меня к месту, как… кобра, которая приготовилась к атаке».

Сталин смотрел на него, не мигая, как показалось Шепилову, целую вечность. Потом сердито поинтересовался:

– Почему вы это сделали? – Шепилов попытался объяснить, но был грубо прерван: – Организуйте комиссию и во всем разберитесь. Виновные должны быть наказаны. Я говорю не о Юрии Жданове, он еще молод. – С этими словами вождь показал трубкой на Пианиста и пояснил: – Необходимо наказывать отцов.

Затем, медленно ходя по комнате в тяжелой тишине, вождь начал перечислять фамилии членов комиссии. Он назвал Маленкова и других, но не упомянул фамилии Ждановых. Сталин замолчал и надолго задумался. Многие в этот момент наверняка спрашивали себя: означает ли все это, что «ждановщине» пришел конец? После продолжительной паузы вождь наконец произнес:

– И Жданов… – потом опять замолчал на несколько минут и добавил: – Старший.

Юрий письменно извинился перед Сталиным. Он сослался на недостаток опыта. «Конечно же, я совершил целую серию серьезных ошибок…» Извинение Юрия Жданова опубликовала «Правда». Георгий Маленков мастерски воспользовался нечаянной дерзостью Жданова-младшего и вернулся на самый верх.

Иосиф Виссарионович сам организовал закат Жданова-старшего. Унижение не могло не сказаться на здоровье Андрея Александровича. Наверное, сейчас он жалел, что не пошел по стопам Берии и Маленкова, которые не подпускали своих детей к политике.

19 июня Жданов вместе со своим соперником Маленковым прилетел в Бухарест на вторую конференцию Коминтерна. На ней Сталин собирался исключить Югославию из организации братских коммунистических партий. «Мы обладаем информацией, что Тито является шпионом империалистов», –

заявил вождь. Югославы были изгнаны из Коминтерна.

24 июня Сталин бросил вызов Соединенным Штатам и начал блокаду Берлина. Он надеялся вытеснить американцев из немецкой столицы, которая находилась в советской Восточной Германии, перекрыв подвоз припасов и продовольствия по суше.

Оба эти события не могли не усилить злобную кампанию против евреев в Москве. Обострилась и яростная борьба за наследство. Большинство историков утверждают, что Жданов поддерживал югославов. Андрей Жданов и Николай Вознесенский действительно хорошо знали югославов с 1945 года, но они не только поддержали позицию Сталина, но и еще больше разожгли его ненависть, донося о действиях и высказываниях Иосипа Тито.

Разрыва с югославами можно было избежать. Он был прямым следствием упрямства Сталина. Огромная страна считала вождя живым богом. Это поклонение рождало в нем презрение к другим. Джилас в 1948 году считал, что у Сталина появились признаки старческого маразма. «Он старел и начинал путаться, – писал Хрущев. – Постепенно мы стали терять к нему уважение». Наиболее ярко, пожалуй, подобная эволюция в отношении к Сталину просматривается на примере Лаврентия Берии. Он прошел все этапы «большого пути» – начал от слепого преклонения и закончил глубоким разочарованием. Впрочем, критическое отношение к Сталину не мешало большинству советских руководителей, особенно Вячеславу Молотову, Анастасу Микояну, Лазарю Кагановичу и Никите Хрущеву, оставаться фанатичными приверженцами марксизма-ленинизма. Все они считали, что Сталин, несмотря на все его ошибки и промахи, по-прежнему является великой исторической личностью.

В июне у вернувшегося из Бухареста Жданова случился еще один сердечный приступ и инсульт. В результате у него возникли трудности с дыханием и была парализована правая сторона тела. 1 июля Сталин заменил Андрея Жданова на посту второго секретаря ЦК его Немезидой, Георгием Маленковым. На Жданова всегда можно было свалить многие ошибки. Поэтому Сталину не было необходимости полностью уничтожать своего недавнего любимца, чтобы возвысить Маленкова. К тому же вождю казалось, что будет лучше, если они будут продолжать борьбу между собой.

По дороге из Кунцева Пианист потерял сознание. Он был настолько болен, что не мог исполнять свои прямые обязанности. Врачи подтвердили диагноз. «Товарищ Жданов нуждается в двухмесячном отдыхе», – написал в сверхсекретном докладе профессор Егоров, на котором Сталин нацарапал: «Где отпуск?

Где лечение? Он должен месяц соблюдать постельный режим».

Только тут, вспоминает Юрий, Сталин забеспокоился. Болезнь отца изменила баланс сил в верхушке. Микоян подтверждает эту точку зрения. Иосиф Виссарионович, возможно, решил, что перегнул палку. Союзники Жданова, Вознесенский и Кузнецов, по-прежнему занимали очень высокие посты. Сохранил свое место начальника отдела ЦК и Юрий Жданов.

Иосиф Виссарионович прислал Андрею Жданову своих докторов. Пианист лечился в санатории на Валдае, около Новгорода. Он чувствовал, что власть быстро утекает сквозь его склеротические пальцы. 23 июля позвонил Шепилов и сообщил о возвращении Маленкова. Андрей Жданов расплакался в трубку. Той же ночью у него случился новый сердечный приступ. Сталин отправил на Валдай своего заместителя, Вознесенского, и личного врача Виноградова.

У Жданова налицо были все симптомы атеросклероза и сердечной недостаточности. Однако врачи поставили неправильный диагноз. Вместо ежедневных кардиограмм и полного покоя ему прописали физические упражнения и массажи.

29 августа у Жданова случился еще один сильный сердечный приступ. Сталин приказал Вознесенскому с Кузнецовым разобраться, правильно ли врачи лечат больного. Еще до приезда высоких руководителей в санатории произошел крупный скандал из-за Жданова. Доктор Лидия Тимашук, кардиограф, поставила больному диагноз «инфаркт миокарда». Она наверняка была права. Однако известные профессора и академики заставили ее переписать заключение. В исправленном варианте в графе «причина болезни» значилась неопределенная «дисфункция по причине атеросклероза и гипертонии». Конечно, это была типичная борьба бюрократов в медицине. Известные и опытные медики решили скрыть тревожный диагноз. Они зачем-то прописали Жданову прогулки в парке. Во время одной из таких прогулок у больного произошел очередной приступ.

Тимашук обвинила своих руководителей во вредительстве. Она уговорила охранника Жданова отвезти письмо генералу Власику, чтобы тот лично передал его Сталину. Не дождавшись результата, врач-кардиограф, которая являлась еще и секретным сотрудником МГБ, написала Виктору Абакумову. Шеф МГБ в тот же день переправил письмо Сталину. Иосиф Виссарионович прочитал его и написал: «В архив». Однако ничего не предпринял. Он только в очередной раз отправил Вознесенского на Валдай проверить, как у Жданова дела.

31 августа попавший в опалу фаворит Сталина встал

с постели, чтобы пойти в туалет, и… скончался от тяжелого сердечного приступа. По приказу Александра Поскребышева вскрытие провели в плохо освещенной грязной ванной комнате в присутствии Кузнецова. Медицинские светила были в панике. Они понимали, что их ошибочный диагноз и сокрытие диагноза Тимашук выплывет на поверхность. Было ясно, что одним увольнением дело, скорее всего, не ограничится. Недолго думая они решили обвинить во всем Лидию Тимашук. Но, как вскоре выяснилось, не на ту напали. Доктор Тимашук отправила Сталину, Кузнецову, своему куратору из МГБ, новые письма, в которых опять обвиняла профессоров и академиков во вредительстве. На этот раз письмо дошло до Власика, но генерал почему-то не стал передавать его Хозяину.

Лидия Тимашук стала главным действующим лицом «дела врачей». Позже, когда пришло время, ее письма использовал Сталин. Историки обвиняют Тимашук в доносительстве и чуть ли не в развязывании новой волны террора в стране, но с медицинской точки зрения она была абсолютно права. Андрея Жданова действительно лечили неправильно.

Кремлевка в то время была лучшей больницей в Советском Союзе. В ней, несомненно, работали лучшие советские врачи, но они, к сожалению, с таким остервенением боролись друг с другом, так боялись ошибиться, что нередко ставили неправильные диагнозы. Количество знаменитых пациентов, начиная от Мехлиса и кончая Коневым, которым прописывали не то лечение, превышает количество таких же больных в любой сельской больнице.

Однако неизбежно возникает вопрос: почему маниакально подозрительный Сталин проигнорировал обвинения Тимашук? Болезнь Жданова, вне всяких сомнений, была очень серьезной. Неудивительно, что Иосиф Виссарионович подключил к делу светил советской медицины из кремлевской больницы. Однако он сердился на Пианиста. Скорее всего, ошибки медиков оказались для генсека прекрасным шансом, которым он не преминул воспользоваться. Вождь и сам в тридцатые годы нередко пользовался услугами врачей, когда хотел от кого-то избавиться. Потом их же обвинял в убийстве. Самые яркие примеры – смерти Куйбышева и Горького.

Сталин никогда не упускал никаких мелких деталей. Он всегда плел интриги очень терпеливо. Конечно, вождь постарел и сдал, но тем не менее оставался гением по созданию сложных заговоров. Смерть Жданова оказалась кстати так же, как полтора десятилетия назад убийство Кирова.

Иосиф Виссарионович собирался начинать новые репрессии,

в необходимости которых он был искренне убежден. Через год после Жданова умер его старый товарищ Георгий Димитров, вождь болгарских коммунистов. Димитрова лечил тот же доктор, что и Андрея Жданова.

Прогуливаясь по саду сочинской дачи с министром здравоохранения, вождь неожиданно перестал любоваться розами и задумчиво произнес:

– Разве это не странно? Один доктор лечил их обоих, и оба умерли.

В эту минуту он уже наверняка задумывал «дело врачей». Но ему понадобятся целых три года, чтобы решить, что время пришло и пора вытаскивать из архива письма Лидии Тимашук.

Сталин помогал нести открытый гроб с телом Жданова. К семье бывшего фаворита он отнесся с большой добротой и сочувствием. На поминальном обеде после похорон вождь напился.

* * *

В очередной отпуск Сталин отправился только 8 сентября 1948 года. Его задержали в Москве Берлинский кризис и похороны. На этот раз вождь отдыхал три месяца. Он не знал покоя и переезжал из Сухуми в Ливадию, где развлекал чешского президента Готвальда, и обратно. На старой даче в Мусери его навестили Молотов и Микоян. За ужином Поскребышев встал и неожиданно заявил:

– Товарищ Сталин, пока вы отдыхаете на юге, Молотов и Микоян готовят против вас заговор в Москве.

Анастас Микоян вскочил. Его черные глаза метали молнии.

– Негодяй! – вскрикнул он и занес кулак, чтобы ударить Поскребышева. Сталин поймал его за руку.

– Почему ты так кричишь? – сказал он старому соратнику и другу. – Ты мой гость, успокойся.

Лицо Вячеслава Молотова побелело как снег. Микоян начал горячо доказывать свою невиновность.

– Если ты не виноват, не обращай на него внимания, – заметил Иосиф Виссарионович.

Конечно же, Поскребышев ни при чем. Сталин сам велел секретарю обвинить гостей в заговоре.

Вождь говорил, что его соратники слишком стары, чтобы быть наследниками. Микояну тогда было всего пятьдесят два года. Он был значительно моложе Сталина и считал его слова о своей старости вздором, но спорить не стал. Наследник,

продолжал вождь, должен быть русским, а не кавказцем. Очевидным кандидатом на роль преемника, конечно, был Вячеслав Молотов, но Сталин в нем разочаровался. Сейчас он не доверял Молотову.

Неожиданно Иосиф Виссарионович показал на добродушного Кузнецова, протеже Андрея Жданова из Ленинграда. Этот человек, сказал он, станет после меня генеральным секретарем ЦК. Трудно сказать, знал ли Сталин тогда, что произносит смертный приговор невинному человеку. Анастас Микоян сразу подумал, что дела Кузнецова плохи. Для того чтобы сделать такой вывод, не нужно было быть семи пядей во лбу. Достаточно было просто вспомнить судьбу его предшественников, мечтавших стать наследниками вождя.

Другому ленинградцу, Вознесенскому, должен был, по замыслу Сталина, достаться пост премьера.

Сталин в последнее время очень подозрительно относился к помазанным им же самим преемникам. Его подозрительность возросла после закончившейся неудачей блокады Берлина. В конце концов пришлось ее отменить. Запад нашел выход из сложного положения. Снабжение блокадного города было организовано по воздуху.

Это поражение стало катализатором для никогда не гаснущей паранойи вождя. Другими катализаторами надвигающегося террора были его собственная болезнь, которая, несомненно, прогрессировала, бунт маршала Тито и сионистские происки среди советских евреев.

Берия и Маленков начали точить ножи.

Часть пятая
Хромой тигр. 1949–1953

Арест жены Молотова

3 сентября 1948 года в Москву прибыла Голда Майерсон, больше известная как бесстрашная Голда Меир, чрезвычайный и полномочный посол нового государства Израиль. Она вызвала среди советских евреев большое оживление. Холокост и основание Израиля разбудили даже самых крепких старых большевиков-интернационалистов, таких как Полина Молотова, к примеру. Жена Ворошилова (в девичестве Голда Горбман) поразила родных, сказав:

– Сейчас и у нас есть своя родина.

На Рош Ха-Шана Меир посетила Московскую синагогу. Ликующие евреи толпились на улице, потому что здание было переполнено верующими. Однако никаких беспорядков не наблюдалось. В синагоге собрались все известные евреи столицы. Пришла и Полина Молотова, которой было пятьдесят три года. На дипломатическом приеме у Вячеслава Молотова в честь 7 ноября Полина встретилась с Голдой Меир. Вскоре эти женщины выяснили, что у них почти одинаковое прошлое.

Полина говорила на идише, языке своего детства. Меир поинтересовалась, откуда Молотова знает язык.

– Мои родители были евреями, – ответила Полина.

Прощаясь, жена Молотова сказала:

– Если у вас все будет хорошо, значит, все будет хорошо и у евреев всего мира.

Трудно сказать, знала ли Полина, что Сталин уже давно относится к ней с неприязнью. Ему не нравились ее энергичный ум, снобизм, элегантность, еврейское происхождение и американский брат-бизнесмен. Но в первую очередь вождя выводило из себя, как он сказал однажды Светлане, «плохое влияние, которое она оказала на Надю». Увольнение Молотовой было предупреждением. Но Полина наверняка не знала, что Сталин собирался расправиться с ней еще в 1939 году.

Демонстрация у синагоги и идиш Полины разгневали всесильного старика, который находился на отдыхе. Он лишний раз уверился, что советские евреи превращаются в «пятую колонну» американцев. Неудивительно, мрачно размышлял вождь, что Молотов поддерживал идею создания в Крыму Еврейской республики.

20 ноября политбюро распустило ЕАФК и начало антисемитский террор. Ответственными за репрессии были назначены Георгий Маленков и Виктор Абакумов. Чекисты арестовали блестящих еврейских писателей и ученых, начиная

от поэта Переса Маркиша и кончая биохимиком Линой Штерн. На Лубянку попал даже отец бывшего мужа Светланы.

– Все старое поколение поражено сионизмом, – читал Сталин лекцию дочери. – Сейчас они учат ему и молодежь.

Иосиф Виссарионович приказал пытать заключенных. Ему был нужен компромат на Полину Молотову. Пока в Москве начинались гонения на евреев, вождь отдыхал на Холодной речке.

2 декабря он вернулся в Москву. Сейчас его занимали мысли об опасной двуличности Молотова. Он узнал (вероятно, от Вышинского), что Вячеслав Михайлович во время визита в Соединенные Штаты ездил один на специальном железнодорожном вагоне из Нью-Йорка в Вашингтон. Не исключено, думал вождь, что там Молотов получил инструкции разрушить Советский Союз изнутри при помощи израильтян.

Поскребышев, alter ego Сталина, первым начал задавать Молотову неприятные вопросы. Вне всяких сомнений, происходило это по поручению Хозяина.

– Почему они выделили вам специальный вагон? – как-то поинтересовался секретарь.

Вячеслав Молотов понял, что над его головой сгущаются тучи, но сделать ничего не смог.

Удивительно, но формальным поводом к атаке на Молотовых стала армянская опера «Алмаст», которую Иосиф Виссарионович посмотрел вскоре после возвращения в Москву. В ней рассказывалась история принца, которого обманула жена. Вождь понял, что измена может гнездиться везде, но особенно ей подвержены жены больших людей. Вооружившись компроматом, собранным Виктором Абакумовым, он вызвал Вячеслава Михайловича и обвинил Полину.

– Тебе надо развестись с женой, – сказал Сталин.

Молотов согласился. Во-первых, он был настоящим большевиком. Во-вторых, покорность могла спасти жизнь любимой женщине. Когда он рассказал жене об обвинениях в шпионаже, она гневно вскричала:

– И ты им веришь! – Затем согласилась: – Если этого хочет партия, мы разведемся!

Это был очень романтичный развод. Оба шли на жертвы, чтобы спасти друг друга. Полина переехала к сестре. Они нервно ждали дальнейшего развития событий, в душе все еще надеясь на лучшее. Но, как сказал сам Молотов, «черная кошка перебежала дорогу».

* * *

Сталин приказал Маленкову и Абакумову организовать большое «еврейское дело». Георгий Максимилианович доказывал Берии, что он не антисемит.

– Лаврентий, ты же знаешь, что я македонец! – восклицал он. – Как ты мог заподозрить меня в русском шовинизме?

Поскольку в центре дела стоял проект по созданию в Крыму Еврейской республики, то 13 января 1949 года Маленков вызвал к себе на Старую площадь Соломона Лозовского, бывшего куратора Еврейского антифашистского комитета. Конечно, Лозовский понимал, что для него речь идет о жизни и смерти. Но «еврейское дело» неожиданно обрело большое значение и для Малани, этого пунктуального и смертельно опасного аппаратчика. Его старшая дочь Воля была замужем за сыном чиновника-еврея Шамберга. Сестра Шамберга состояла в браке с Лозовским.

– Вы с симпатией относитесь к вопросу создания в Крыму Еврейской республики, – обвинил дипломата Маленков, – хотя это очень плохая идея.

Сталин приказал арестовать Лозовского.

Маленков решил обрубить еврейские связи. Воля развелась с Шамбергом. Во всех книгах написано, что развестись ей приказал Сталин, а Маленков только выполнил приказ вождя. Однако Воля Маленкова это отрицает. Она утверждает, что брак просто оказался неудачным. Дело в том, что Шамберг женился на ней не по любви. В довершение ко всему у него был «плохой художественный вкус». «Отец даже отговаривал меня от развода, – заявляла Воля. – „Серьезно и хорошо обдумай этот шаг, – говорил он. – Ты быстро вышла замуж, но не торопись разводиться“». У Шамберга на этот счет имеется своя точка зрения. Его вызывали в кабинет Маленкова. Разводом занимался охранник Георгия Максимилиановича.

В подвалах Лубянки пытали около 110 заключенных. Большинство из них были евреями. Садист Комаров выбивал из них показания при помощи «французской борьбы». «Я вел себя с ними безжалостно, – хвалился он позднее. – Министра они боялись меньше, чем меня. Больше всех я ненавидел еврейских националистов. Их я пытал особенно безжалостно».

Допрашивая известного ученого Лину Штерн, Абакумов кричал: «Признавайся, старая шлюха! Ты агент сионистов!»

Комаров спросил у Лозовского, у кого из руководителей жены – еврейки. Он заявил, что неприкосновенных людей нет. Арестованных уговаривали давать показания против Кагановича и Мехлиса, но главной целью была Полина Молотова. Виктор

Абакумов доложил Сталину, что она «имела контакты с людьми, оказавшимися врагами народа». Молотова давно была на мушке: она посетила синагогу, давала советы Соломону Михоэлсу, присутствовала на его похоронах и помогала семье Михоэлса.

Через пять дней Иосиф Виссарионович собрал политбюро. На повестке стоял один вопрос. Он хотел ознакомить руководителей с жуткими обвинениями, выдвинутыми против Полины Молотовой. Некий молодой человек заявил, что у него был роман с Молотовой и они занимались групповым сексом. Вячеслав Михайлович, конечно, не поверил в эту мерзкую грязь. Но по мере того как Сталин читал протоколы допросов, Молотов начал понимать, что «служба безопасности поработала над делом по полной программе». Вячеслав, обычно спокойный и невозмутимый, не на шутку испугался.

Лазарь Каганович всегда недолюбливал Молотова. К тому же как еврей он должен был в очередной раз доказывать преданность вождю. Поэтому Железный Лазарь в пух и прах раскритиковал Молотова. Позже он не без гордости вспоминал, что Вячеславу Михайловичу нечего было ответить на его критику.

Полину исключили из партии за тесные связи с еврейскими националистами. Ей припомнили и предупреждение в 1939 году, которому она не вняла. Десять лет назад Вячеслав Молотов воздержался, когда шло голосование о судьбе его жены. Сейчас он тоже воздержался. Понимая всю серьезность положения, он долго колебался и в конце концов сдался. «Когда Центральный комитет голосовал по предложению об исключении П. С. Жемчужиной из партии, я воздержался, – написал Молотов Сталину 20 января 1949 года. – Сейчас я вижу, что это было политически неправильное решение. Обдумав все еще раз, я заявляю, что поддерживаю предложение. Я готов признать ошибку. Я виноват в том, что вовремя не остановил близкого мне человека от принятия неправильных решений и от контактов с такими антисоветскими националистами, как Михоэлс…»

На следующий день, 21 января, Полину Семеновну арестовали. Во время ареста на ней была роскошная беличья шуба. Чекисты схватили также ее родных, доктора и секретарей. Одна из сестер и брат погибнут в тюрьмах.

Полину Молотову не пытали. Наверное, поэтому она отрицала все обвинения. «Я не ходила в синагогу, – твердила жена Молотова. – Меня перепутали с сестрой». Но против нее выдвигались также обвинения в моральном разложении и сексуальной распущенности. Очная ставка с Иваном Х., главным обвинителем, напоминала плохой фарс.

– Полина, вы позвали меня к себе в кабинет и предложили

близкую связь, – заявил он.

– Иван Алексеевич, да как вы можете такое говорить! – воскликнула пораженная Молотова.

– Не отрицайте это!

– Я не имела никакой связи с Х., – утверждала она. – Я всегда считала Ивана Алексеевича Х. ненадежным человеком, но никогда не думала, что он подлец и мерзавец.

– Я напоминаю вам о моих детях и бедной семье! – воззвал к ее милосердию Х. – Признайтесь, что вы виноваты передо мной. Вы вынудили меня вступить с вами в близкую связь.

Даже в тюрьме Полина Семеновна Молотова продолжала играть роль благородной дамы. Кто-то из заключенных слышал ее крики.

– Позвоните моему мужу! – требовала она. – Пусть он пришлет мне мои таблетки от диабета! Я больна. Я инвалид! Вы не имеете права кормить меня такой дрянью!

Больше о Полине Молотовой, ставшей объектом № 12, никто не слышал. Многие считали, что она умерла. Лаврентий Берия, сыгравший в «еврейском деле» совсем незначительную роль, благодаря своим контактам знал, что с ней.

– Полина жива! – заговорщически шептал он Молотову на заседаниях политбюро.

Сталин и Абакумов решали, кого делать главным обвиняемым в «еврейском деле». Сначала они остановились на кандидатуре Полины Молотовой, но потом пришли к выводу, что главным действующим лицом лучше назначить Соломона Лозовского.

Полину Молотову приговорили к пяти годам ссылки. Это был довольно мягкий приговор, учитывая обвинения и наказания, вынесенные ее арестованным товарищам и родственникам. Ссылку она отбывала в Казахстане, в Кустанае. Полина начала пить, но сумела побороть пагубную привычку. Позже она рассказывала дочери, что в тюрьме необходимы три вещи: быть чистой; иметь хлеб, чтобы не умереть с голода; есть лук, чтобы не болеть. По иронии судьбы в ссылке она подружилась с несколькими сосланными много лет назад в Казахстан кулаками. Эти невинные крестьяне, которых она вместе с мужем так хотела ликвидировать как класс, оказались добрыми людьми и спасли ей жизнь.

Полина никогда не переставала любить Вячеслава Михайловича. «Мы не виделись четыре года, – писала она из Кустаная. – В моей странной и ужасной жизни пролетели четыре вечности. Только мысль о тебе и о том, что тебе могут понадобиться остатки моей измученной души и вся моя огромная

любовь к тебе, заставляет меня продолжать жить». Молотов тоже продолжал любить жену. Ужинал он сейчас в одиночестве, но каждый вечер просил служанку накрывать и на нее. Вячеслав Михайлович понимал, что Полина страдает из-за него.

Сталин исключил Молотова из высшего эшелона власти. Анастасу Микояну вождь еще доверял. По крайней мере настолько, что послал этого армянина с безукоризненными манерами в секретную командировку в Китай. Микоян должен был оценить Мао Цзэдуна. Председатель Мао тогда как раз заканчивал завоевание всего Китая.

Гражданская война в Стране драконов близилась к концу. Сталин допустил очередную ошибку и теперь изумленно наблюдал, как у него на глазах разваливается режим Чана Кайши. До 1948 года успехи Мао Цзэдуна никак не входили в сталинскую политику партнерства с Западом, но начавшаяся холодная война заставила его пересмотреть позицию Советского Союза. Сейчас генсек видел в Мао потенциального союзника, хотя и говорил Берии, что Председатель Мао – «маргариновый» марксист.

31 января 1949 года в обстановке строжайшей секретности Микоян прибыл в штаб Мао Цзэдуна в провинции Хубэй. Там он встретился с Председателем Мао и Чжоу Эньлаем и вручил им подарки от Сталина. Кроме того, армянин передал Мао Цзэдуну, что американец, находившийся при его дворе, является шпионом и должен быть арестован. Сталин («товарищ Филиппов») поддерживал связь с Микояном («товарищем Андреевым») через Теребина, доктора главного китайского коммуниста и по совместительству шифровальщика.

Поездка Микояна прошла успешно. Анастас признавался, что надеялся отдохнуть от ночного образа жизни Сталина, но с ужасом узнал, что Мао тоже работает по ночам.

Анастас Иванович вернулся в Москву с чувством выполненного долга, однако в столице его ждали плохие новости. Сталин снял его и Молотова с постов министров внешней торговли и иностранных дел соответственно. Правда, оба остались заместителями премьера. Затем Сталин обвинил Микояна в том, что тот нарушил секретность китайской поездки.

Дома Анастас спросил у сына, Степана:

– Ты кому-нибудь говорил, что я ездил в Китай?

– Только Светлане, – ответил Степан.

– Больше никогда не болтай.

Невинные слова Светланы, сказанные отцу, поставили Микоянов в опасное положение. Сталин не забыл арест детей Микояна в 1943 году. Они по-прежнему находились под наблюдением.

– Что случилось с твоими детьми, которых когда-то арестовали? – неожиданно поинтересовался он у Микояна. – Думаешь, они заслуживают права учиться в советских институтах?

Анастас промолчал, но понял, что над его головой сгущаются тучи. Он ждал, что чекисты приедут за его сыновьями, но детей не тронули.

Похоже, внимание вождя отвлекли другие соратники. Сейчас он сердито бормотал, что Ворошилов был английским шпионом, и практически перестал с ним встречаться.

Молотов и Микоян, хотя и потерявшие значительную часть власти, продолжали оставаться на вершине советского Олимпа. Эстафету вождя подхватили Георгий Маленков и Лаврентий Берия. Преемники, отобранные лично Сталиным, стали жертвами их кровавой вендетты.

Убийство и женитьба. Ленинградское дело

Два негодяя вели свою игру только по крупным ставкам. На кону стояла жизнь. Впрочем, Иосиф Виссарионович и сам уже созрел для того, чтобы срезать головки самых высоких маков. Жертвами должны были стать одаренные ленинградцы. Устраняя их, Сталин надеялся сохранить верховную власть. На посту премьер-министра его должен был сменить Николай Вознесенский. Как рассказывал Чадаев, Вознесенский был о себе очень высокого мнения. Он считал, что интеллектом уступает только Сталину. Ему на самом деле было чем гордиться. В сорок четыре года Вознесенский стал самым молодым членом политбюро. Он почти всегда говорил Сталину правду. Вождь не только не сердился, но и хвалил его за искренность. Эта близость, однако, сыграла злую шутку. У Вознесенского возникло ощущение вседозволенности. Откровенным он был не только со Сталиным. Николай Вознесенский бравировал тем, что является русским националистом. Никто лучше него не мог наживать себе врагов. Сейчас, после смерти Жданова, из пепла воскрес очень опасный соперник – Маленков. Да и Лаврентий Берия побаивался выскочки из Ленинграда, мечтая захватить экономическую власть.

Иосиф Виссарионович обратил внимание на то, что промышленное производство выросло в последнем квартале 1948-го, но упало в первом следующего года. Это было вполне нормальным сезонным колебанием, но вождь тем не менее попросил Вознесенского выравнять показатели. Николай Вознесенский, возглавлявший Госплан, пообещал это сделать. Однако слово не сдержал. Боясь гнева вождя, он решил скрыть статистические данные. На его беду, об этом каким-то образом узнал Лаврентий Берия. К тому же бывшему чекисту сообщили, что из Госплана таинственным образом пропадают сотни секретных документов. Берия рассказал об этом Сталину. Тот, по словам присутствовавшего при разговоре Микояна, сначала был поражен, потом пришел в ярость.

– Означает ли это, что Вознесенский обманывает нас и водит за нос политбюро? – гневно поинтересовался вождь.

В этот момент Берия и открыл тайну, которую бережно хранил с 1941 года: во время нервного срыва Сталина в самом начале войны Николай Вознесенский предложил Молотову взять власть и пообещал поддержать его.

Это предательство стало последней каплей. Андреев, безжалостный бюрократ-убийца, получил приказ расследовать

обвинения. Вознесенский в панике позвонил Сталину, но вождь не хотел его принимать. 7 марта 1949 года Вознесенского вывели из состава политбюро. Сейчас он проводил все время в своей квартире в переулке Грановского, где писал трактат на экономическую тему.

Смертельный дуэт Маленкова и Абакумова вновь взялся за кровавое дело. На этот раз им предстояло организовать «дело Госплана».

Вторым помазанным наследником Сталина был молодой красавец Кузнецов. Искренний и общительный Кузнецов был полной противоположностью Вознесенскому. Его любили почти все. Но такие сантименты при дворе Сталина не имели абсолютно никакого значения. Кузнецов помогал Жданову в антисемитской кампании и докладывал Сталину о сексуальной распущенности партийных чиновников. Он преклонялся перед Сталиным и, как самое дорогое сокровище, хранил его записку, полученную во время войны. Вся беда Кузнецова заключалась в том, что он не понимал своего кумира. Он допустил грубейшую ошибку, начав изучать архивные папки МГБ, в которых содержалась информация об убийстве Кирова и показательных процессах тридцатых годов. Вторжение в такие чувствительные области моментально зародило у Иосифа Виссарионовича подозрения.

В это же самое время Георгий Маленков предупредил Сталина, что ленинградская партийная организация без разрешения правительства провела торговую ярмарку. Ему удалось связать это упущение с туманным планом, который в свое время вынашивал Андрей Жданов, по созданию российской коммунистической партии (в противовес союзной, как утверждал Маленков) и сделать Ленинград столицей республики.

Русскую партию не смог бы возглавлять грузин, а национализм Вознесенского вызывал сильную тревогу у кавказцев.

– Для него не только грузины и армяне, но даже украинцы – не люди, – сказал как-то вождь Анастасу Микояну.

В случае прихода к власти ленинградцев тревожным становилось бы будущее и Лаврентия Берии.

Маленков, в отличие от Кузнецова, прекрасно разбирался в характере Сталина. Он знал все его чувствительные места и умело пользовался этим.

– Поезжайте туда и разберитесь, что там происходит, – приказал Сталин.

Маленков и Абакумов отправились в Ленинград на двух поездах. Они привезли с собой пятьсот офицеров МГБ и двадцать

следователей, занимавшихся делами особой важности. «Когда Сталин приказывал убить одного человека, Маленков убивал тысячу!» – говорил Берия. Маланя остался верен себе и сейчас. Он набросился на ленинградское руководство, соединил все нити и в результате получил смертельно опасный «заговор». По городу прокатилась волна арестов.

Вознесенский и Кузнецов сидели в это время в своих роскошных квартирах в розовом здании в переулке Грановского. Они были уверены, что Сталин простит их. 1937 год казался далеким прошлым.

* * *

Младший сын Микояна, Серго, которому сейчас исполнилось восемнадцать, был женихом красавицы Аллы, дочери Алексея Кузнецова. Теперь получалось, что сын Микояна собирается жениться на дочери изгоя, а может, даже и врага.

– То, что произошло с моим отцом, повлияет на твои чувства ко мне? – тревожно спросила Алла Кузнецова.

Серго искренне любил Аллу. Анастас и Ашхен тоже успели привязаться к ней. Микоян поддерживал выбор сына.

– Неужели ты позволишь ему взять ее в жены? – ужаснулся Лазарь Каганович. – Ты что, с ума сошел? Разве ты не понимаешь, что Кузнецов обречен? Отмени свадьбу, пока не поздно.

Но Анастас Микоян был непреклонен.

15 февраля 1949 года Алексея Кузнецова сняли с должности секретаря ЦК. Его обвинили в антипартийных действиях и антигосударственном сепаратизме. Через три дня должна была состояться свадьба Серго и Аллы. Кузнецов был так рад за дочь, что на какое-то время, казалось, забыл о своих бедах.

Анастас Иванович решил провести свадьбу в Зубалове. В самый последний момент Кузнецов наконец понял всю серьезность своего положения. Он позвонил свату и сказал, что не сможет приехать, потому что у него расстроился желудок. Микоян не хотел слушать никаких объяснений.

– Ничего страшного. У нас здесь много уборных, на всех хватит, – пошутил он. – Приезжай!

– У меня нет машины, – упорствовал Алексей Александрович. – Лучше садитесь за стол без меня!

– Что же это за свадьба, когда за столом нет отца невесты! – удивился Анастас и прислал за опальным родственником свою машину.

Кузнецов приехал в Зубалово, но не смог забыть о своих

несчастьях даже за праздничным столом. Он боялся поставить в опасное положение дочь и своих новых родственников.

– Что-то мне нехорошо, – неожиданно сказал он. – Давайте выпьем за наших детей.

После этого тоста Кузнецов вернулся в Москву.

* * *

В ту же весну бедняга Кузнецов присутствовал еще на одной свадьбе детей политбюро. Она тоже имела отношение к терпящей бедствие фракции Жданова. «Сталин всегда хотел, чтобы я женился на Светлане, – вспоминал Юрий Жданов, продолжавший работать в Центральном комитете. – Мы дружили с детства, поэтому эта женитьба меня не пугала». Но стать мужем дочери диктатора – довольно щекотливое дело. Юрий не знал, кому делать предложение: самому вождю или его дочери. После долгих размышлений он решил начать со Сталина.

– Ты не знаешь ее характер. Она быстро покажет тебе на дверь, – попытался отговорить его генсек.

Но Жданов упорствовал. «Сталин не стал читать мне лекций и нотаций, – рассказывал он о своем сватовстве. – Он просто сказал, что доверяет мне Светлану».

По словам Серго Берии, Сталин решил сейчас сыграть роль свата.

– Мне нравится этот человек, – заявил он Светлане. – У него есть будущее, и он любит тебя. Выходи за него замуж!

– Но он признался в любви тебе, а не мне, – возразила Светлана. – Он никогда даже не смотрел на меня.

– Поговори с ним, и сама увидишь, – сказал Сталин.

Светлана продолжала любить Серго Берию. «Ты не захотел жениться на мне, – заявила она ему. – Хорошо, тогда я выйду замуж за Юрия Жданова!» Со временем она полюбила «благочестивого Юрочку» и согласилась стать его женой. «Второй брак устроил отец, – объясняла позже Светлана. – Я устала бороться и спорить с ним. Поэтому не стала сопротивляться и согласилась выйти за Жданова».

Сам генералиссимус на свадьбе не присутствовал. Она праздновалась на даче Жданова в одиннадцати километрах от Зубалова по Успенскому шоссе. Среди гостей была еще одна пара из политбюро: Наташа, дочь Андреева и Доры Хазан, приехала со своим мужем Владимиром Куйбышевым, сыном покойного партийного руководителя. Были шумное застолье и танцы. Юрий, как и его отец, неплохо играл на пианино. Вполне

естественно, что присутствовал на свадьбе и Кузнецов. Все знали, что он был ближайшим союзником Жданова, а теперь оказался в опале.

Юрий и Светлана с сыном от первого брака, Иосифом Морозовым, которому уже исполнилось четыре года, жили вместе со вдовой Жданова в Кремле. «Я никогда не видел моего отца, – говорит Иосиф. – Папой я называл Юрия. Он любил меня!»

Через несколько дней после свадьбы Ждановы приехали в Зубалово. Неожиданно позвонил Власик и сказал: к ним едет Сталин.

– Почему ты переехала к Ждановым? – рассердился вождь, встретившись со Светланой. – Ждановские женщины съедят тебя живьем. В их доме слишком много женщин.

Он хотел, чтобы молодожены перебрались в Кунцево и жили на втором этаже, который был почти готов, но почему-то не предлагал это. Возможно, в глубине души боялся, что они будут беспокоить его.

Светлана осталась жить со строгими вдовами Жданова и Щербакова. Прошло совсем немного времени, и она возненавидела свекровь. Зинаида Жданова объединяла партийный фанатизм с буржуазным самодовольством. Увы, в семейной жизни Светланы Сталиной было не много любви. «Это было для меня уроком, – говорила она. – Замуж нужно выходить только по любви».

Светлана родила дочь, Катю. Роды оказались очень тяжелыми. В письме отцу она пожаловалась на одиночество. Светлана была очень рада, когда получила от него очень живой ответ.

Алексей Кузнецов и Николай Вознесенский находились на краю пропасти. Юрий чувствовал, что Ленинградское дело направлено против его отца, но тогда он еще не боялся за свою жизнь. «Только позже я узнал, что меня тоже должны были уничтожить…» – вспоминал он.

Кузнецова и Вознесенского пытали, чтобы получить показания против Жданова.

* * *

Сталин размышлял, как ему поступить с Алексеем Кузнецовым. Поскребышев пригласил ленинградца на ужин в Кунцево, но Сталин отказался пожать гостю руку.

– Я вас не звал, – грубо заявил он.

Кузнецов, казалось, съежился на глазах. Иосиф

Виссарионович ждал от него покаянного письма, но наивный ленинградец не догадался, что нужно просить прощения.

– Это значит, что он виноват, – уверенно сказал Сталин Микояну.

И все же у Сталина оставались некоторые сомнения.

– Не будет ли ошибкой, если мы запретим Вознесенскому работать, пока решаем, как с ним поступить? – спросил он Маленкова и Берию.

Те осмотрительно промолчали. Потом Сталин неожиданно вспомнил, что маршал авиации Новиков и Шахурин все еще сидят в тюрьме.

– Вам не кажется, что пришло время освободить их? – обратился вождь к дуэту.

И снова они ничего не ответили.

Спрятавшись в туалете, Георгий Маленков и Лаврентий Берия шепотом обсуждали новую блажь вождя. Если отпустить Шахурина с Новиковым, думали они, то это может распространиться и на других, а именно – на ненавистных ленинградцев.

Через три недели Сталин приказал Виктору Абакумову арестовать, пытать и уничтожать ленинградцев, которых совсем недавно сам назначил своими наследниками.

13 августа 1949 года Алексея Кузнецова вызвали к Маленкову.

– Я скоро вернусь, – сказал он жене и сыну Валерию. – Не садитесь ужинать без меня.

Валерий выглянул в окно. Он смотрел, как отец неторопливо идет по переулку Грановского в сторону Кремля. «Он повернулся и помахал мне рукой, – рассказывал Кузнецов-младший. – Больше я его не видел».

Кузнецова арестовал охранник Маленкова в приемной шефа.

Приказ на арест Вознесенского Сталин отдал не сразу. Он еще долго колебался. Иосиф Виссарионович понимал, что Вознесенский попадет в руки врагов: Маленкова и Берии. Сталин продолжал приглашать бывшего фаворита в Кунцево на ужины и даже говорил о назначении в Государственный банк. 17 августа Вознесенский написал вождю патетическое письмо, умоляя дать ему работу. «Если бы вы знали, как трудно быть в стороне от товарищей, – жаловался опальный руководитель. – Я понял свою ошибку и хорошо усвоил урок партийного поведения. Прошу вас оказать мне доверие».

Сталин предал письмо Маленкову.

Серьезно больной, но по-прежнему страшный и безжалостный Андреев выявил в Госплане Вознесенского множество недостатков

и недочетов. Всего из главного планового министерства Советского Союза пропали 526 документов. Это надуманное дело стало последним подвигом Андрея Андреева. Николай Вознесенский признал, что не преследовал виновных, потому что не имел доказательств их вины. «Сейчас я понимаю, что виноват», – каялся он.

Позже Хрущев обвинил Маленкова в том, что тот нашептывал Сталину всякие гадости о Вознесенском, чтобы лишить его последних шансов на спасение.

27 ноября 1949 года, в самый разгар борьбы со «ждановщиной», Вознесенский был арестован. Он присоединился к Алексею Кузнецову и еще 214 задержанным по Ленинградскому делу. Ко всем арестованным применяли «французскую борьбу». После чиновников в пасть абакумовского МГБ последовали их родственники, жены и дети.

Кузнецова избивали так сильно, что порвали барабанные перепонки. «Меня били до тех пор, пока у меня из ушей не начинала литься кровь, – рассказывал после смерти Сталина один из арестованных, некий Турко. – Комаров хватал меня за голову и бил о стену». Турко дал показания против Кузнецова. Пыточных дел мастера спросили у Виктора Абакумова, можно ли применять методы физического воздействия к задержанной Закрыжевской. Их останавливало то, что она была беременна.

– Вы что, защищаете ее? – завопил побагровевший от ярости министр. – Закон не запрещает допрашивать арестованных! Выполняйте свое дело.

Закрыжевскую пытали так же, как и остальных. У нее случился выкидыш.

– Расскажи нам все! – требовали следователи. – Мы авангард партии.

Кузнецов и Вознесенский содержались в особой тюрьме, «Матросская тишина», которая была создана по приказу Георгия Маленкова. Он приезжал туда инкогнито вместе с Берией и другими членами политбюро на допросы задержанных.

Положение зловеще добродушного Булганина тоже было опасным. Он получил приказ допрашивать своего старого друга, Александра Вознесенского. Увидев Булганина, Вознесенский, до ареста работавший ректором Ленинградского университета, обрадовался. Он, конечно, решил, что спасен. «Он бросился ко мне с радостным криком: „Товарищ Булганин, дорогой мой. Наконец-то вы вспомнили обо мне! Я ни в чем не виноват. Как замечательно, что вы приехали! Теперь товарищ Сталин узнает всю правду!“» – рассказывал позже Николай Булганин. Булганин быстро остудил восторг старого друга.

– Тамбовский волк тебе товарищ! – прорычал он.

Булганин был уверен, что такое поведение единственно правильное. Он считал, что у него нет выбора. «Что я мог сделать? – жалобно восклицал министр обороны. – Я знал, что Берия и Маленков сидят в углу и внимательно наблюдают за мной».

* * *

В это время дочь Кузнецова, Алла, и ее муж Серго Микоян спешно вернулись из медового месяца. Они приехали всего через несколько дней после того, как забитый до полусмерти Алексей Александрович Кузнецов подписал признание. Анастас Микоян принял невестку в своем кремлевском кабинете. «Мне было очень трудно говорить с Аллой, – написал он в мемуарах. – Конечно, я должен был сообщить ей официальную версию ареста». Алла с рыданиями выбежала из кабинета. «Я бросился за ней, – вспоминал Серго. – Я боялся, что она наложит на себя руки».

Анастас вернул сына и показал ему подписанное Кузнецовым признание. Сталин, как обычно, разослал его членам политбюро. Серго не поверил ни слову.

– Но он собственноручно подписал каждую страницу, – подчеркнул Микоян-старший.

– Я уверен, что все прояснится и он вернется, – не сдавался Серго.

«Конечно, я не мог сказать ему, что Сталин уже решил судьбу Кузнецова и он никогда не вернется», – писал Анастас Микоян.

Ленинградское дело было не единственным успехом Лаврентия Павловича Берии. Сразу после ареста Кузнецова, в конце августа 1949 года, Берия отправился на бронированном поезде в казахские степи, где находился закрытый ядерный полигон. Там проводились испытания атомной бомбы. Берия очень волновался. Он прекрасно понимал, что если что-то пойдет не так, то семья Лаврентия Павловича будет уничтожена вместе с ним. Маленков подбадривал союзника.

Берия приехал в Семипалатинск-21 на генеральное испытание советской бомбы. Он остановился в маленьком домике позади командного пункта профессора Курчатова. Утром 29 августа на глазах Берии кран осторожно опустил урановый пест в вагон. Затем в него поместили плутониевую полусферу. После того как бомбу снарядили взрывчаткой и взрывателем, ее отвезли на место взрыва и подняли на самый верх башни. Лаврентий Берия и ученые уехали.

В 6 часов вечера все собрались на командном пункте в десяти километрах от эпицентра взрыва. В домике была панель управления и телефоны связи с Москвой. Наблюдатели спрятались за земляным валом, который должен был защитить от ударной волны. Курчатов дал команду произвести взрыв. Небо осветила яркая вспышка. После того как ударная волна прошла, все выбежали из командного пункта, чтобы полюбоваться похожим на гриб облаком, которое величественно поднималось перед ними.

Лаврентий Павлович был так взволнован, что поцеловал Курчатова в лоб.

– Все как у американцев? Ничего не напортачили? Курчатов нас не обманывает? – допытывался он у ученых.

Берия очень обрадовался, когда узнал, что взрыв сровнял с землей все, что было на полигоне.

– Слава богу, все получилось! – облегченно вздохнул Берия и бросился звонить в Москву, чтобы первым сообщить Сталину об успешном испытании.

Берию ждало разочарование. Сталин грубо оборвал его. Он сказал, что все уже знает, и бросил трубку. У Иосифа Виссарионовича имелись собственные источники информации. Берия пришел в ярость. Он ударил генерала, осмелившегося сообщить вождю, и гневно закричал:

– Ты вставляешь палки мне в колеса, предатель! Я сотру тебя в порошок!

Несмотря на эту маленькую неудачу, он очень гордился своим колоссальным успехом. Через четыре года после Хиросимы у Сталина появилась своя атомная бомба.

Берия и Маленков были довольны. Они вернули расположение Хозяина.

* * *

Сталин вызвал Хрущева из Киева. «Конечно, я не мог не чувствовать тревоги», – признавался позже Никита Хрущев. Поводов для страха было предостаточно. Вознесенского и Кузнецова в это самое время пытали в подвалах Лубянки.

Хрущев позвонил Маленкову.

– Не беспокойся, – посоветовал Маланя. – Я не могу сказать, зачем тебя вызывают, но даю слово, что тебе нечего бояться.

Никита Сергеевич Хрущев правил Украиной с 1938 года. Перед войной он безжалостно уничтожал кулаков, во время войны и после нее громил украинских националистов

и униатских епископов.

В феврале 1948 года Хрущев вновь организовал высылку из деревень ненадежных элементов. По его инициативе был арестован почти миллион человек. По своим масштабам и жестокости это колоссальное преступление вполне сопоставимо с депортацией кулаков в тридцатые годы. Неудивительно, что на старости лет, уже на пенсии, Хрущев говорил: «У меня руки по локоть в крови».

Никита Хрущев, лысый и круглый, как ядро, ходил у вождя в любимцах. Говорил он очень просто. Наверное, поэтому его лесть казалась Иосифу Виссарионовичу искренней. Сталин считал этого энергичного руководителя полуграмотным крестьянином. «Хрущев так же невежественен, как эфиопский император», – однажды сказал он с улыбкой Маленкову. Однако славившийся проницательностью вождь знал и сильные стороны своего фаворита. Ему нравились в Хрущеве «глубокий натурализм, чистая мужская сила, настойчивость и хитрость, здравый смысл и сильный характер». «Его нужно держать на коротком поводке», – задумчиво говорил порой Сталин.

Приехав в Москву, Хрущев первым делом поспешил в гости к Берии в надежде, что тот его успокоит. Среди сталинских придворных постепенно росло чувство локтя. Лаврентий Павлович тоже заверил Никиту, что ему ничего не угрожает.

Они оказались правы. Сталин назначил Хрущева секретарем ЦК и хозяином Москвы. Он сообщил своему любимцу, что дела в стране обстоят не очень хорошо.

– Мы раскрыли заговор в Ленинграде, – сообщил вождь. – Москва тоже кишит антипартийными элементами.

Сталин хотел, чтобы Хрущев навел в столице порядок.

– Это работа для провокатора, – ответил Никита Хрущев.

Иосиф Виссарионович понял, что фавориту новое задание не по душе, но спорить не стал. Вскоре он поставил его во главе сельского хозяйства Советского Союза.

Порвав связи с ленинградцами, резко ослабив Молотова и Микояна, вождь понял, что Маленков и Берия, эти два самых больших негодяя в его окружении, стали теперь главными кандидатами на наследство. Хрущева он вызвал как раз для того, чтобы создать им противовес. Однако этот план не мог быть успешным, потому что Хрущев, Маленков и Берия стали неразлучными друзьями. Хрущевы и Маленковы жили в одном доме в переулке Грановского. Около дома постоянно стояла машина Берии, чтобы отвезти их в гости к другу.

Эти трое друзей позволяли себе посмеиваться над планами вождя и в то же самое время доносили ему друг на друга. После

того как Маленков не сумел справиться с невыполнимым заданием – поднять сельское хозяйство, – Сталин поручил его Андрееву. Тот взялся за дело засучив рукава, но был дискредитирован. Ему пришлось отречься от ошибочных взглядов. Это стало закатом его карьеры. Сейчас за сельское хозяйство отвечал Хрущев. Однако и его на этом поприще ждали не розы, а острые шипы. План Никиты Сергеевича по созданию гигантских сельскохозяйственных предприятий едва не привел к катастрофе. Сталин, Берия и Маленков заставили его публично покаяться. Молотов и Маленков хотели уволить Хрущева, но Берия, явно недооценивавший этого «круглоголового дурака», спас его.

Сталин тоже решил защитить Никиту Сергеевича. Он постучал его трубкой по лысой голове и сказал с улыбкой:

– Пустая!

Мао, день рождения Сталина и корейская война

7 декабря 1949-го Сталин вернулся в Москву из Нового Афона, где проводил большую часть отпусков в последние годы. Он спешил в столицу, чтобы успеть на два очень важных мероприятия: встретить нового руководителя Китая, Председателя Мао Цзэдуна, и отпраздновать собственное семидесятилетие.

В полдень 16 декабря поезд Мао прибыл на Ярославский вокзал. Китайского лидера встречали Молотов и Булганин, очень импозантный в своей маршальской форме. Визит начался так же неловко, как и закончился. Мао пригласил встречавших его русских пообедать с ним в поезде. Молотов отказался, китайский лидер оскорбился. Это положило начало череде обид, таких же монументальных, как Великая китайская стена. Высокого худощавого Мао, изрядно напуганного величием Сталина и одновременно чувствующего презрение к его постоянному недостатку поддержки, отвезли на одну из сталинских дач, в Липки.

В 6 часов вечера того же дня в Маленьком уголке состоялась первая встреча Председателя Мао и генералиссимуса Сталина. У этих двух титанов-коммунистов двадцатого столетия было немало общего. Оба были поэтами, фанатиками и параноиками. Оба вышли из крестьян и сейчас правили огромными империями. Оба слегка помешаны на истории своей страны. Оба легко и непринужденно посылали на смерть миллионы подданных. Оба, наконец, были дилетантами в военном деле и мнили себя гениальными полководцами.

Сталин и Мао встретились в Москве, чтобы осуществить самый страшный кошмар Соединенных Штатов Америки – подписать советско-китайский договор о дружбе. Этот союз станет последним значительным достижением Сталина в международной политике.

У Сталина и Мао была общая цель, но они не доверяли друг другу. Оба считали себя гениями и следили друг за другом с олимпийских высот своего величия.

Мао пожаловался, что его долго «отодвигали в сторону».

– Победителей не судят, – заявил Сталин. – С какими идеями или пожеланиями приехали?

– Мы приехали закончить важное дело, – ответил китаец. – Оно должно быть одновременно и прекрасным, и изящным.

Наступило неловкое молчание. Сталин не понял этого загадочного намека на договор о дружбе и взаимопомощи, который должен иметь и символическое, и практическое значение. Соглашение призвано помогать выполнению важных задач как для мировой революции, так и для Китая. Первой задачей Иосифа Виссарионовича была защита советских завоеваний на Дальнем Востоке, обговоренных в Ялте и подтвержденных в советско-китайском договоре. Он готов был подписать новое соглашение, если в этих вопросах оно не будет противоречить старому. Мао же хотел спасти лицо, прежде чем ратифицировать договор и уступать Советскому Союзу китайские территории. Обстановка стала патовой. Мао Цзэдун предложил вызвать Чжоу Эньлая, своего премьера. С его помощью Мао надеялся сдвинуть переговоры с мертвой точки.

– Если мы не можем решить, что должны сдвигать с мертвой точки, зачем звать Чжоу? – удивился Сталин.

Высокие собеседники расстались недовольные друг другом. Стороны встретились через несколько недель. Пребывание в Москве китайскому руководителю не понравилось. Он жаловался на скуку. Ему было нечего делать, кроме как «есть, пить, спать и ср…ть». Чопорные русские были шокированы грубыми шутками Мао.

– Товарищи, битва за Китай еще не закончена. Это только начало, – сказал Сталин членам политбюро.

Лаврентий Берия шутливо заметил, что Сталин завидует Мао Цзэдуну, который правит более многочисленным народом, чем он.

Конечно, во время перерыва в переговорах о Мао не забыли. Его навещали на даче Вячеслав Молотов, Анастас Микоян и Николай Булганин. Сталин мучился одним вопросом. Его интересовало, является ли этот загадочный китаец истинным марксистом или только выдает себя за такового. Как аббат, проверяющий послушника, Вячеслав Михайлович устроил китайскому гостю экзамен по основам марксизма. Молотов пришел к выводу, что Председатель Мао – умный человек и крестьянский вождь, чем-то похожий на китайского Пугачева, но не настоящий марксист. Как можно считать настоящим марксистом человека, осведомился у Сталина Молотов, осуждающе поджав губы, который сам признается, что ни разу не прочитал «Капитал»!

* * *

21 декабря Мао Цзэдун и руководство международного коммунизма съехались в Большой театр на торжественное заседание, посвященное большевистскому понтифику. Это собрание напоминало одновременно мессу, пышную царскую свадьбу и корпоративную вечеринку. Торжества обошлись советской казне в 5,6 миллиона рублей. В Москву со всех концов света съехались тысячи паломников. Иосиф Виссарионович, как всегда, метался между презрительным отношением к своему обожествлению и желанием стать живым Всевышним. Он играл роль скромного большевика в то время, как Георгий Маленков пытался убедить вождя, что народ требует празднеств и новых наград.

– Даже не мечтайте о том, чтобы вручить мне еще одну звезду, – проворчал Сталин.

– Но товарищ Сталин, советский народ…

– Оставь советский народ в покое.

Несмотря на ворчание и показное недовольство, вождь с большим интересом расспрашивал о приготовлениях к празднику. Архивные документы свидетельствуют, что к юбилею Сталина готовились с поистине грандиозным размахом.

Никита Хрущев прославлял в «Правде» «острую непримиримость Сталина к космополитам без роду и племени», под которыми, конечно, подразумевались евреи. Александр Поскребышев восторгался агрономическими талантами товарища Сталина, который выращивал лимоны и розы. Жены соратников и друзей делали юбиляру свои подарки. Нина Берия прислала сваренное собственноручно ореховое варенье, рецепт которого она узнала от матери вождя.

«Ем твой джем и вспоминаю детство и юность», – сообщил Сталин в письме Нине.

Лаврентий Берия закатывал глаза.

– Теперь тебе придется варить ему варенье каждый год!

Знаменитые актеры и дети элиты усиленно репетировали артистические поздравления. Поскребышеву удалось выбить для дочери, Наташи, звездную роль: прочитать панегирик и лично вручить букет цветов человеку, который приказал расстрелять ее мать.

Балерины из Большого театра усердно отрабатывали особые реверансы.

Ночью накануне торжественного заседания Иосиф Виссарионович, как всегда, работавший в Маленьком уголке, решил изменить порядок рассадки присутствующих. Он решил переместиться в сторонку, чтобы не быть в центре внимания.

Маленков настаивал, что вождь обязательно должен находиться в первом ряду. Тогда Сталин решил, что будет сидеть между Мао Цзэдуном и Никитой Хрущевым.

Потом вождь неожиданно почувствовал боль в шее и головокружение. Сталин пошатнулся, Поскребышев поддержал его. Как всегда, генсек не стал обращаться к врачам. Секретарь выписал ему одно из своих универсальных лекарств.

Следующим вечером в Большом театре яблоку негде было упасть. Зал с нетерпением ждал советское руководство. Экзотическая свита вождя, состоящая из китайца Мао, немца Ульбрихта, венгра Ракоши, поляка Берута и других иностранцев, долго собиралась в аванложе. Когда все они вышли в зал, публика зашлась от бешеных аплодисментов и приветственных криков. Сталин сел чуть левее центра, под кумачом алых знамен и своим гигантским портретом. После того как президиум расположился, на трибуну начали один за другим выходить выступающие. Они произносили длинные поздравительные речи. Все говорили об одном и том же – гениальности юбиляра. Сталин подозвал жестом генерала Власика и прошептал, что гостям следует выступать на родных языках. Наверное, он вспомнил, что официально является интернационалистом, отцом всех народов, а не только русского. Тольятти говорил по-итальянски и тут же сам переводил свою речь на русский. Речь Председателя Мао, которую он произнес на удивление звонким голосом, слушатели встретили оглушительными овациями.

Иосиф Виссарионович быстро устал, ведь каждые десять – пятнадцать минут ему приходилось вставать.

Затем на сцену выбежали школьницы в пионерских платьицах во главе с Наташей Поскребышевой. Они должны были поздравить вождя от имени всех советских детей и школьников. Поскребышев подмигнул дочери. Наташа прочитала поздравление, подскочила к имениннику и вручила ему букет красных роз. «Папа и Сталин любили красные розы», – сказала она позже.

– Спасибо за розы, Рыжик! – поблагодарил Сталин и кивнул преданному Поскребышеву, который весь светился от счастья и гордости.

После заседания в театре часть гостей пересекла площадь и направилась в Кремль. В Георгиевском зале должен был состояться грандиозный банкет и концерт. На концерте блистали такие звезды, как тенор Козловский, балерина Майя Плисецкая и сопрано Вера Давыдова. Власик лично осматривал уборные артистов, наверное думая, что они прячут бомбы.

2 января 1950 года Сталин приказал Молотову и Микояну

возобновить переговоры с китайцами. Приехал Чжоу Эньлай. Он начал беседовать с новым министром иностранных дел СССР, Андреем Вышинским, и Анастасом Микояном. Мао и Чжоу редко приглашали в Кремль.

Однажды Сталин упрекнул их за то, что не поддержали критику советским МИДом недавней речи государственного секретаря Соединенных Штатов Дина Ачесона. Когда китаец заметил, что Сталин тянет с подписанием договора, советский лидер рассердился.

– К чертовой матери ваш договор! – крикнул он. – Мы должны пройти путь до конца.

Мао опять обиделся. По дороге в Кунцево китайский переводчик пригласил Иосифа Виссарионовича посетить Китай.

– Немедленно замолчи! – прошипел по-китайски Мао. – Кто тебе разрешал его приглашать?

Все полчаса, что длилась поездка на дачу, лидеры двух стран молчали. Сталин пригласил Мао станцевать под граммофон. Это была единственная почесть для высокого зарубежного гостя. Но китаец отказался.

Впрочем, все мелкие обиды сейчас не имели значения. Игра в покер подошла к концу. Сохранив за собой место верховного жреца международного коммунизма, вождь позволил Председателю Мао стать главным коммунистом в Азии.

14 февраля на банкете в гостинице «Метрополь» в честь подписания договора Сталин многозначительно осудил титоизм. Несмотря на успешное завершение непростых переговоров китайский лидер продолжал дуться. Сталин и Мао почти не разговаривали друг с другом. Время от времени они обменивались короткими фразами. Андрей Громыко изо всех сил старался не дать светской беседе умереть. Председатель Мао мог не нравиться Сталину, но китаец произвел на него сильное впечатление.

– Самый выдающийся марксист во всем коммунистическом мире – Мао Цзэдун, – сказал вождь. – Вся его жизнь верного марксиста-ленинист является служением коммунистическим принципам и идеалам.

Вашингтон был в панике. Москва и Пекин объединились против Америки. Вскоре после подписания договора новый союз прошел проверку на полях сражений в Корее.

* * *

Ким Ир Сен, молодой вождь коммунистической Северной

Кореи, приехал в Москву за разрешением напасть на южных соседей. Иосиф Виссарионович не стал отговаривать агрессивного Кима, но мудро переложил всю ответственность за принятие решения на Мао Цзэдуна. Он позволил молодому корейцу начинать войну – только после личного разговора с товарищем Мао.

Председатель Мао, конечно, понял хитрость Сталина. Он позвонил в Москву. 14 мая Сталин ответил:

– Вопрос окончательно должен быть решен китайскими и корейскими товарищами.

Таким образом вождь подтвердил свою роль верховного арбитра, но ловко ушел от ответственности за развязывание войны, переложив ее на плечи китайских товарищей.

Ситуация на Дальнем Востоке сильно тревожила советское руководство. Сталинских соратников беспокоило то обстоятельство, что Москва то и дело бросает вызов Вашингтону. Да и знаменитая проницательность вождя теперь все чаще его подводила.

В воскресенье, 25 июня 1950 года, в 4 утра, северокорейские войска перешли границу с Югом. Южнокорейская армия обратилась в бегство. Победа Севера, казалось, не за горами.

Сталин старел и все быстрее уставал. 5 августа он сел на свой поезд и отправился в самый долгий отпуск. Отдых вождя в том году затянулся на четыре с половиной месяца.

В это самое время планета находилась на грани новой мировой войны. Едва вождь успел приехать на юг, как на Корейском полуострове случилась беда. Советский Союз пригрозил выйти из ООН в знак протеста против отказа международной организации признать в качестве единственного законного представителя Китая Мао Цзэдуна, а не генералиссимуса Чана Кайши, окопавшегося сейчас на Тайване. Президент Трумэн решил, что Сталин блефует. Америка созвала внеочередное заседание Совета безопасности. На его рассмотрение была вынесена подготовленная американцами резолюция. Она одобряла военное вмешательство ООН на стороне Южной Кореи. Москва могла заблокировать принятие резолюции, но вождь допустил очередную ошибку. Он не послушал доводов Громыко и настоял на том, чтобы советская делегация бойкотировала заседание. «Это был один из редких случаев, когда поступками Сталина руководили эмоции, а не трезвый расчет», – вспоминал Андрей Громыко. В сентябре американцы под флагом ООН нанесли мощный контрудар по Инчхону. Контрнаступление позволило окружить и разбить северокорейцев на юге.

Советский руководитель в очередной раз убедился в решимости Соединенных Штатов дать решительный отпор любому вызову. Сталин потерпел поражение. Однако на его хорошем настроении плохие новости из далекой Кореи не отразились.

– Ну и пусть Кима разобьют, – говорил Сталин Хрущеву, равнодушно пожимая плечами. – Пусть американцы будут нашими соседями. Ничего страшного.

Вождь решил не вмешиваться в конфликт даже несмотря на то, что Россия не получила того, чего хотела.

По мере того как американцы продвигались в глубь Северной Кореи по направлению к границе с Китаем, Председатель Мао все сильнее волновался. Китайский лидер прислал Сталину телеграмму. Он беспокоился, что, если Китай вмешается и даст американцам отпор, советско-китайский договор о дружбе заставит вступить в войну и Россию. Сталин беспечно ответил, что сейчас он вдали от Москвы и не очень следит за событиями на Корейском полуострове. 5 октября генсек отправил в Пекин телеграмму, которая является верхом лицемерия и блефа в международной политике: «Америка не готова к большой войне. Если дело до нее все же дойдет, лучше, чтобы она произошла сейчас, а не через несколько лет, когда будет восстановлен японский милитаризм». Таким образом, Сталин убрал последние ограничения, сдерживающие Китай. Он подтолкнул союзника еще на один шаг к войне.

Мао Цзэдун развернул на границе девять дивизий. Прежде чем переходить границу, он отправил Чжоу на дачу, где отдыхал Сталин, для того, чтобы обсудить обещанную Москвой советскую помощь с воздуха для китайских войск. 9 октября взволнованный Чжоу и фаворит Мао, одаренный, но слабохарактерный Линь Бяо, который позже стал наследником Председателя, встретились со Сталиным, Маленковым, Берией, Кагановичем, Булганиным, Микояном и Молотовым.

– Сегодня мы хотим выслушать мнения и идеи наших китайских товарищей, – открыл заседание Сталин.

Когда Чжоу Эньлай рассказал о положении на полуострове, Иосиф Виссарионович заявил, что СССР сейчас не способен вступить в войну, но Китай может и должен это сделать. В случае поражения Кима Москва готова предоставить северокорейским товарищам политическое убежище. Сталин был готов помочь только техникой и военным снаряжением. Чжоу, который, как и Мао, рассчитывал на поддержку советской авиации, был в ужасе.

Вечером Сталин пригласил китайских гостей на пирушку.

Из всей китайской делегации только Линь Бяо вернулся с нее трезвым.

Встреча с Чжоу Эньлаем была одним из тех редких случаев, когда Лаврентий Берия посмел не согласиться со Сталиным. Причем сделал это довольно решительно. После переговоров Берия увидел грузинского руководителя Чарквиани и бросился к нему.

– Что он делает? – испуганно воскликнул Лаврентий Павлович, который, наверное, лучше всех в советском руководстве в то время понимал, что такое ядерное оружие. – Американцы будут в ярости. Он превратит их в наших смертельных врагов.

Чарквиани открыл от изумления рот.

– Мне трудно доверять Чжоу Эньлаю на сто процентов, но думаю, на него можно положиться, – задумчиво сказал Сталин Мгеладзе за ужином после того, как сумел хитростью заставить китайцев атаковать американцев без поддержки советской авиации.

19 октября Мао бросил в бой пушечное мясо. Удар был неожиданным. Американцы откатились назад. Но даже после того, как линия фронта стабилизировалась в районе 38-й параллели и северные корейцы запросили мира, Сталин отказывался давать добро на прекращение боевых действий. Истощение противоборствующих сторон было ему на руку. Как он заявил Чжоу Эньлаю на последней встрече, северные корейцы могут сражаться бесконечно, потому что им «нечего терять, кроме людей». В этих словах заключена вся сущность характера советского лидера.

Жертвуя северными корейцами, Сталин продолжал убивать и собственных подданных. 29 сентября в Офицерском клубе Ленинграда состоялся суд над Кузнецовым и Вознесенским. В зале присутствовали только офицеры МГБ. Еще перед началом процесса обвиняемым приказали ничего не говорить об Андрее Жданове. На следующий день Кузнецов и Воскресенский были приговорены к расстрелу. Политбюро это решение одобрило.

В финале жизни Алексей Кузнецов проявил твердость и отказался признавать свою вину. Его упрямство разгневало Сталина и смутило Абакумова.

– Я большевик и останусь им, несмотря на вынесенный приговор, – заявил Кузнецов. – История нас рассудит.

Чекисты затолкали осужденных в белые мешки и потащили на казнь. Их расстреляли в 00.55 1 октября. Родных и близких отправили в лагеря.

Эта маленькая резня еще больше укрепила власть четверки,

состоящей из Маленкова, Берии, Хрущева и Булганина. Они стали последними соратниками Сталина, который вступил на последний этап жизни. Уничтожение ленинградцев оказалось лебединой песней и для Виктора Абакумова. Этому сладострастному толстяку садисту вскоре пришлось навсегда свернуть свой кровавый ковер. Возможно, его подвела чрезмерная уверенность в своей власти. В марте 1950 года Абакумов закрыл «еврейское дело», никого не выпустив на свободу.

Однако Сталин, находившийся в отпуске, решил организовать новый взрыв антисемитизма. Иосиф Виссарионович пригласил украинских руководителей к себе на ужин. За столом он посвятил их в планы организовать точно такую же антисемитскую кампанию в Киеве. Охота на сионистов велась даже в правительстве. Были уволены тысячи чиновников-евреев.

Большой интерес вождя вызвало дело на престижном Московском автомобильном заводе имени Сталина. Здесь делали ЗИСы, лимузины для правительства. В руководстве завода тоже оказались евреи. Они даже прислали Соломону Михоэлсу поздравительную телеграмму, когда был образован Израиль.

– Хорошим рабочим завода надо раздать дубинки, чтобы они могли после смены выбить душу из этих евреев! – заявил Хрущеву Сталин.

Хрущев, Маленков и Берия вызвали в Кремль руководителей завода и обвинили их в потере бдительности, потворстве деятельности антисоветской националистической группы саботажников-евреев. Перепуганный директор упал в обморок прямо в кабинете. Партийным руководителям пришлось приводить его в чувство холодной водой. Сталин разрешил отпустить директора, но двое журналистов-евреев, писавших об автомобильном заводе, были расстреляны.

Евреи были не единственной целью новой волны репрессий Сталина. Он все больше сомневался в Лаврентии Берии. Его подозрения разжигал честолюбивый Акакий Мгеладзе, хозяин Абхазии. Он красочно описывал зверства Берии в Грузии в тридцатые годы. Сталин слушал своего любимца благосклонно и задумчиво кивал. За ужином вождь ругал Лаврентия Павловича за кровожадность. Мгеладзе оказался единственным человеком, который открыл Сталину глаза на то, как мингрел управлял Грузией. Берия был мингрелом, как и Чарквиани, который руководил республикой с 1938 года.

Наслушавшись рассказов Акакия Мгеладзе, Иосиф Виссарионович вызвал Абакумова и приказал проверить Грузию. Она уже тогда считалась самой коррупционной республикой в Советском Союзе. Министр должен был организовать дело

против мингрелов, не забыв, естественно, о самом главном из них – Берии. «Ищите Большого мингрела!» – напутствовал Сталин шефа госбезопасности.

18 ноября, ближе к концу отпуска, Сталин наконец решил, что пришло время заняться медициной. Он приказал арестовать первого врача-еврея. Незавидная участь быть пионером гонений выпала профессору Якову Этингеру, лечившему многих советских руководителей.

Чекисты, естественно, прослушивали врача. Этингер слишком откровенно отзывался о Сталине. Профессора арестовали. Его пытал один из приближенных Абакумова, подполковник Михаил Рюмин. Чекисту удалось выбить из профессора показания на всех известных московских докторов-евреев. Тем не менее Виктор Абакумов почему-то был недоволен. Министр приказал прекратить пытки, но Рюмин уже вошел в раж. Яков Этингер скончался от «остановки сердца». Так чекисты обычно называли смерть арестованного во время пыток. Подполковник Рюмин попал в сложное положение. Он понял, что ему грозят очень большие неприятности. Единственный выход – попытаться опередить Абакумова и нанести удар первым.

В 1950 году значительно выросла численность ГУЛАГа. Еще никогда в Советском Союзе не было так много заключенных – 2,6 миллиона человек!

Абакумов считал, что справляется с поставленными задачами. На свою беду, он слишком много знал о Ленинградском и «еврейском» делах. Еще опаснее для него было другое. Сталину казалось, что МГБ и сам Абакумов по непонятной причине затягивают следствие. У него складывалось впечатление, что он получил второго Ягоду.

Поводами для недовольства министром МГБ послужили закрытие «еврейского дела», слухи о взяточничестве чекистов, чванливость и высокомерие Абакумова. И конечно же, большую роль сыграли Берия с Маленковым, поднаторевшие в искусстве плести интриги.

Первым предвестником неприятностей для Виктора Абакумова стало то, что его не вызвали на доклад в Кремль после возвращения Сталина из отпуска. В Москву вождь вернулся 22 декабря, сразу после своего 72-го дня рождения.

Подполковник Рюмин решил воспользоваться смертью Этингера и охлаждением вождя к Абакумову. «Маленький Мишка», или, как его прозвал Сталин, «Шибздик», стал вторым кровожадным карликом вождя.

Карлик и «врачи-убийцы»

Тридцативосьмилетний Рюмин, полненький и начавший лысеть мужчина низкого роста, был последним в длинном списке безжалостных садистов из ГПУ-НКВД-МГБ. Так же как все предыдущие мучители в погонах, этот недалекий, очень злобный и жестокий чекист мечтал получить похвалу от Сталина. Рюмин легко убивал людей по приказу вождя.

Рюмин закончил курсы бухгалтеров, но стал чекистом. Как показывал на собственном примере Георгий Маленков, образование не являлось препятствием для массовых убийств. Проблем у Михаила Рюмина хватало. В 1937 году его уволили с должности бухгалтера одного из предприятий за растрату. Теперь же он нарушил приказ Абакумова и убил профессора Этингера.

Карлик решил действовать. Возможно, он и сам сильно удивился, когда узнал, что стал главной движущей силой возникновения «дела врачей».

2 июля 1951 года Рюмин отправил Сталину письмо, в котором обвинил Виктора Абакумова в преднамеренном убийстве профессора Этингера. При помощи этого злодеяния Абукумов якобы хотел скрыть заговор врачей-евреев, собиравшихся убить членов политбюро. Смерть Щербакова, писал Михаил Рюмин, на их совести. Получив это письмо, Сталин стал еще больше бояться своего возраста, врачей и евреев. Рюмин объединил эти три страха в один.

Рюминские обвинения врачей в убийствах, возможно, были спровоцированы самим вождем. Они вполне могли стать и той искрой, которая заставила Сталина вернуться к смерти Жданова и сплести паутину «заговоров», чтобы оправдать новую волну террора и репрессий.

Иосиф Виссарионович велел Берии и Маленкову разобраться, что происходит в МГБ. Эти два интригана, конечно же, воспользовались подвернувшейся возможностью. Они обвинили Абакумова в коррупции, некомпетентности и моральном разложении. В ночь с 4 на 5 июля Сталин согласился с предложением Маленкова назначить новым начальником МГБ сорокасемилетнего Семена Игнатьева.

В час ночи в Маленький уголок был срочно вызван перепуганный насмерть Абакумов. Дурные предчувствия не обманули чекиста. В Кремле он узнал, что больше не является министром. В 1.40 приехал за наградами Михаил Рюмин. Его произвели в генералы и вскоре сделали заместителем

министра МГБ.

У Семена Игнатьева имелся небольшой опыт работы чекистом. Он непродолжительное время проработал в ЧК в 1920 году. Перед тем как стать министром МГБ, этот серьезный мужчина в очках работал в ЦК и дружил с Хрущевым и Маленковым. Никита Хрущев называл Игнатьева «мягким и тактичным». Едва ли с ним соглашались врачи-евреи, заговор которых ему предстояло в скором будущем распутать.

Сталин лично вел расследование «заговора врачей», отдавая приказы Игнатьеву. Он поручил Маленкову сообщить сотрудникам МГБ, что хочет найти крупную разведывательную сеть США, связанную с сионистами.

12 июля Виктор Абакумов был взят под стражу. Он оказался верен традициям предшественников, возглавлявших тайную полицию, и усиленно набивал свои жилища награбленным добром. В ходе обысков у бывшего министра было обнаружено 3000 метров дорогих тканей, горы костюмов, платьев и другой одежды, множество фарфоровых сервизов и хрустальных ваз. Всем этим вполне можно было бы заполнить большой магазин. Для того чтобы улучшить собственные жилищные условия, Виктор Абакумов выселил шестнадцать семей. Он превратил дом во дворец. На стройке не покладая рук трудились две сотни рабочих, шесть инженеров и все строительное управление МГБ. Возведение резиденции министра обошлось Министерству госбезопасности в миллион рублей.

Падение чудовищ всегда задевало и невинных людей. Молодую жену Абакумова, Антонину Смирнову, сыну которой было всего два месяца, задержали вскоре после ареста мужа. Судьба этой несчастной молодой женщины и ее ребенка неизвестны.

Виктор Абакумов стал заключенным номер 15. Он провел три месяца в кандалах в камере-холодильнике. Все это время его очень энергично и с удовольствием пытал бывший протеже Абакумова, Рюмин.

Затем Игнатьев и Рюмин начали пытать сотрудников ЕАФК и докторов-евреев. Им нужны были доказательства их шпионажа в пользу Америки и Израиля, а также деятельности, направленной на развал Советского Союза.

* * *

Главный импресарио этого театра абсурда быстро старел. Порой у него так кружилась голова, что он терял сознание

и падал. Телохранителям приходилось внимательно за ним следить, потому что сам за собой он присмотреть уже не мог. Теперь Иосиф Виссарионович уже не читал все документы, как раньше. Дача в Кунцеве была завалена нераскрытыми коробками с бумагами и документами. Он, правда, по-прежнему редактировал речи Николая Булганина, как школьный учитель правит работы нерадивого ученика.

Однажды на заседании политбюро Сталин неожиданно спросил:

– Послушайте, как вас зовут?

– Булганин… – растерялся министр обороны.

– Верно, я так и думал…

Его здоровье стремительно ухудшалось. Генералиссимуса сильно мучили артрит, атеросклероз, больные десны и искусственные зубы. Вел себя Сталин непредсказуемо. По малейшему пустяку он впадал в бешенство.

10 августа 1951 года Иосиф Виссарионович уехал в свой последний отпуск. «Проклятая старость настигла меня», – жаловался он. «Я, Молотов, Каганович, Ворошилов, мы все старики, мы должны наполнить политбюро молодыми кадрами», – многозначительно сказал он как-то Акакию Мгеладзе.

Во время ужина Сталин внимательно оглядывал своих придворных. Он, как индюк, выпячивал грудь и пускался в разглагольствования по своему самому сейчас любимому, но смертельно опасному для его соратников вопросу – кого назначить преемником. Им не могли стать Лаврентий Берия и Лазарь Каганович, потому что не были русскими. Климент Ворошилов слишком стар… Перебирая кандидатуры, Сталин сейчас даже не вспоминал Микояна и Вячеслава Молотова. Наследником вождя не мог стать и Никита Хрущев. Он был из крестьян, а Россия нуждалась в руководителе-интеллигенте.

Методом отбора Иосиф Виссарионович добрался до Булганина. После длительных размышлений именно его вождь и решил назвать своим наследником на посту премьера. А для того чтобы возглавить после Сталина партию, никто не имел достаточной подготовки и теоретических знаний. Перечисляя кандидатов, Сталин не назвал Георгия Маленкова. Маланя посчитал это многообещающим знаком и принялся штудировать книги.

Партийные руководители уже не сомневались, что у Сталина начинается старческий маразм. Никогда раньше он не горел таким желанием все контролировать. Словно раненый зверь, Сталин бросался во всех направлениях. Доставалось помощникам, секретарям, соратникам и друзьям. Большие неприятности ждали

евреев, мингрелов и даже импортеров бананов.

История с бананами дает четкое и ясное представление о том, как Иосиф Виссарионович правил огромной страной в последние годы жизни.

Генерал Власик узнал, что в порту только что пришвартовался корабль с грузом бананов. Желая порадовать Хозяина, которому не давали покоя больные зубы, он купил несколько плодов. Вечером, когда на веранде дачи на Холодном ручье собралось большинство членов политбюро, Власик принес бананы и гордо положил на стол перед Сталиным. Вождь очистил один банан и увидел, что он еще зеленый. Сталин нахмурился и очистил еще два, которые тоже оказались незрелыми. Он велел позвать Власика.

– Где вы взяли эти бананы?

Николай Власик попытался объяснить, что купил бананы в порту, но Иосиф Виссарионович перебил его.

– Эти мерзавцы берут взятки и грабят страну! – в ярости закричал он. – Как называется корабль, который привез бананы?

– Не знаю… – ответил генерал. – Я этим не поинтересовался…

– Так поинтересуйтесь! – бушевал, брызгая слюной, Сталин. – Я отдам вас под суд вместе с остальными мошенниками!

Александр Поскребышев помчался в порт выяснять название корабля и распорядился, чтобы виновных немедленно арестовали.

Сталин приказал Микояну снять нового министра торговли. Лаврентий Берия решил обойти армянина. Обед закончился в пять утра, а уже в шесть Сталин вызвал Лаврентия Павловича и велел ему также уволить министра. В седьмом часу утра Анастас Микоян позвонил в Москву. Оказалось, что Берия уже сообщил несчастному плохие новости.

Через несколько дней Микоян заехал попрощаться. Иосиф Виссарионович все еще взволнованно говорил о бананах. Его распоряжение было выполнено – министра сняли.

Чарквиани написал в воспоминаниях, что это была типичная для Сталина вспышка гнева, из тех, которые заставляли его принимать самые неожиданные и зачастую не имеющие никакого отношения к делу решения. Просто Сталин, сухо пошутил в мемуарах Микоян, «очень любил бананы».

Отношение Сталина к Власику сильно изменилось. Вождь уже не первый год ругал телохранителя за воровство. Письма с доносами и проверка МГБ, которую предпринял Георгий Маленков, раскрыли всю правду об оргиях и обманах главного охранника Советского Союза. Сталин очень расстроился. Он считал, что его со всех сторон окружают воры, взяточники

и пьяницы. В конце концов вождь уволил своего самого доверенного слугу.

Очередной брак Светланы продлился всего два года. Сталин с несчастным видом рассказал Мгеладзе, что дочь носит брюки. Для него это было страшным преступлением.

– У них в семье главный не Юрий Жданов, – жаловался вождь. – Он не может ни на чем настоять. Они не слушают друг друга. Главным в семье должен быть мужчина.

Юрий понимал, что так жить нельзя, но боялся попросить Сталина о разводе. Поэтому Светлана сама взялась за дело.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, – сказал Сталин дочери, когда она пришла к нему. – Ты решила развестись с ним.

Чарквиани, присутствовавший при этом разговоре, смутился и попросил разрешения уйти, но Сталин велел ему остаться.

– Почему ты с ним разводишься? – спросил Иосиф Виссарионович дочь.

– Я не могу ужиться со свекровью. Она невыносимая женщина!

– А что говорит твой муж?

– Он на стороне матери. – Светлана вздохнула.

– Если ты решила развестись с ним, я не могу заставить тебя изменить решение, – тяжело сказал Сталин. – Но учти, твое поведение неприемлемо.

Светлана Сталина покраснела и ушла. Она забрала детей и переехала в Дом на набережной.

– Никто не знает, что она выкинет в следующий раз. – Иосиф Виссарионович печально качал головой.

«Сталин был недоволен нашим разводом», – соглашается Юрий Жданов. Но развод не удивил Сталина. Он не рассердился на бывшего зятя и пригласил его к себе на озеро Рица. Там вождь полночи вспоминал свою поездку в Лондон в 1907 году. Когда разговор естественным образом перешел к борьбе с космополитами, Жданов, все же сыгравший определенную роль в охоте на евреев-ученых, спросил Сталина, не кажется ли ему, что кампания приобретает ненужный национальный характер, слишком сильно направлена против евреев.

– Космополитизм – широко распространенное явление, – нравоучительно ответил Сталин.

На рассвете он наконец встал, собираясь идти спать, но остановился со словами:

– Я всегда восхищался Марией Каганович. Она настоящая большевичка. «Следует уделять внимание социальному положению, – говорит она, – а не национальной принадлежности!» – И вождь отправился спать.

Утром на берегу озера был накрыт стол. Юрий наблюдал за тем, как Сталин просматривает «Правду».

– Как они могут такое печатать? – неожиданно рассердился он и прочитал вслух: – «Да здравствует товарищ Сталин, вождь всех народов!»

И он с отвращением отбросил газету.

На Рице Сталин развлекал старых друзей. Они очень хотели поскорее уехать, но пользуясь моментом, жаловались на ставшую притчей во языцех коррупцию мингрелов.

Затем Сталин вернулся на дачу в Новом Афоне, позвонил Мгеладзе и спросил, сможет ли он добраться до него за семнадцать минут. Честолюбивый хозяин Абхазии почувствовал, что долгие часы разговоров по душам со Сталиным, похоже, начинают приносить плоды. Он домчался до дачи за рекордные пятнадцать минут и наконец сумел убедить Сталина, что Кандид Чарквиани превратил Грузию в «бордель».

Иосиф Виссарионович вызвал начальника МГБ Грузии Рухадзе, страшного грубияна и сквернослова.

– Мингрелам сейчас совсем нельзя доверять, – заявил Сталин чекисту.

Рухадзе арестовал тысячи мингрелов, но Сталину этого было мало. Он хотел уничтожить «Большого мингрела», Лаврентия Берию.

«Берия стал очень претенциозным, – считал вождь. – Он изменился. Сейчас он не такой, каким был раньше. Товарищи, которые обедают с ним, говорят, что он превратился в настоящего буржуа». Никита Хрущев думал, что Сталин боялся Берию. Он бы с радостью избавился от него, но не знал, как это сделать. Вождь чувствовал, что Берия становится слишком популярным.

– Берия очень злобный и хитрый, – как-то сказал он. – Политбюро ему доверяет, члены политбюро его даже защищают. Они не понимают, что он обманывает их. Например, Вячеслав и Лазарь. Мне кажется, они собираются ставить на Берию. Но у него есть предел. В свое время он отлично работал и справлялся с поставленными задачами, но сейчас я не уверен, что он правильно пользуется своей властью. – Затем Сталин вспомнил: – Жданов и Киров относились к Берии плохо. Мы любили его за скромность и эффективность, но с годами он растерял эти качества. Он так и остался полицейским.

Семен Игнатьев прислал в Тифлис шестьдесят следователей МГБ и специалиста по пыткам с чемоданчиком, наполненным специальными инструментами. Сталин позвонил Чарквиани, поздоровался и тут же начал угрожать:

– Вы закрыли глаза на коррупцию, которая процветает

в Грузии. У вас плохое будущее, товарищ Чарквиани.

Вождь бросил трубку. Чарквиани был в ужасе.

Семья Берии, Нина и Серго, чувствовали, как вокруг них все туже затягивается петля. Сталин поручил Лаврентию Павловичу почетную миссию – выступить с торжественной речью на праздничном заседании 6 ноября. Через три дня он продиктовал приказ о раскрытии «заговора мингрелов». Всем было понятно, что он направлен против Берии. Чекисты вспомнили про дворянское происхождение Нины Берия и связали через нее Лаврентия Павловича с парижскими эмигрантами-меньшевиками.

Светлана, которая до сих поддерживала с Ниной очень близкие отношения, предупредила, что против них что-то затевается. В довершение ко всему дала трещину и семейная жизнь Лаврентия и Нины. В этом была виновата юная любовница Берии. Лиля Дроздова родила ему дочь. В честь матери Лаврентия Павловича девочку назвали Марфой. Лиле только должно было исполниться семнадцать, а она была любовницей Берии уже пару лет. Неудивительно, что появление внебрачного ребенка сильно расстроило Нину. Наверное, она всерьез задумалась о разводе.

* * *

22 декабря 1951 года Сталин, словно хромой и голодный старый тигр, вернулся в Москву. Он горел желанием начать очередную волну репрессий против советских евреев, пособников американцев и мировых сионистов. Из пыточных камер на Лубянке доносились громкие стоны новых жертв террора. Из евреев и мингрелов выбивали показания против Молотова и Берии. Сейчас Сталин знал, как избавиться от Лаврентия Павловича. Долгие годы интриг и борьбы научили его терпению, но он состарился и понимал, что времени остается все меньше и меньше. Иосиф Виссарионович теперь ненавидел Берию. Лаврентий признался жене, что живет в страшном напряжении. Он не мог нормально спать.

Но Лаврентий Берия знал, как надо вести себя со Сталиным. Как только вождь приказал Игнатьеву заняться Грузией, Берия сразу вызвался возглавить чистку республики. В марте 1952 года бывший хозяин Грузии снял Чарквиани и назначил на его место Мгеладзе.

Берия был опытным царедворцем и чуял, когда следует просить прощение.

– Я тоже допустил много ошибок, – публично покаялся он.

Сталин и Берия презирали друг друга, но их связывали невидимые нити старых преступлений. Иосиф Виссарионович продолжал советоваться с Берией по вопросам внешней политики. Вождь даже разрешил ему написать статью с предложением объединения Германии в одно нейтральное государство. Лаврентий Павлович пока еще мог манипулировать генералиссимусом при помощи хитрости, которую Хрущев называл «иезуитской проницательностью».

– Ты играешь с тигром, – предупреждала Нина мужа.

– Знаю, – отвечал Лаврентий Павлович, – но ничего не могу с собой сделать.

Постепенно Лаврентий Павлович начал сомневаться во всей советской системе.

– СССР никогда не сможет добиться успеха, пока у нас не будет частной собственности, – заявил он Чарквиани.

Берия больше не считал Сталина великим человеком. Бывший чекист смелел и наглел на глазах. Его обвинения в адрес Сталина становились все более дерзкими и грубыми.

Между тем вождя осмотрел профессор Виноградов. Профессор уже много лет был его персональным врачом. Виноградов был потрясен состоянием здоровья генсека. «Полный покой и отдых», – решительно написал профессор в истории болезни. Но одно упоминание об уходе на пенсию приводило Сталина в ярость. Он приказал уничтожить все истории своих болезней и решил больше не показываться докторам. Виноградов стал личным врагом Сталина.

26 января 1952 года в Москве умер диктатор Монголии, маршал Чойбалсан. Сталин еще больше испугался за свою жизнь.

– Они умирают один за другим, – с тревогой сказал он своему водителю. – Щербаков, Жданов, Димитров, Чойбалсан. Они умирают так быстро! Мы должны заменить старых докторов на новых.

15 февраля 1952 года Иосиф Виссарионович распорядился провести новые аресты врачей. Под пытками медики признались, что помогали убивать Щербакова. Этот поворот в деле заставил Сталина вспомнить о кардиологе Лидии Тимашук, которая пару лет назад сообщала, что заслуженные профессора и академики неправильно лечат Андрея Жданова. Сталин вызвал министра Игнатьева. Он угрожающе сказал чекисту, что если тот не ускорит расследование «дела врачей», то присоединится к Абакумову.

Сталин требовал также скорейшего проведения процесса по делу Еврейской республики в Крыму и настаивал на том, чтобы процесс был очень громким. Известные евреи, в основном

интеллектуалы и люди искусства, снова стали жертвами Рюмина и Комарова.

Тем временем Сталин потерпел очередное поражение на семейном фронте. Лечение Василия Сталина от алкоголизма закончилось полным провалом. На Первомайском параде из-за плохой погоды летчикам запретили подниматься в воздух. Однако пьяный Василий приказал возобновить полеты. Два бомбардировщика «Туполев-4» разбились по его вине. Сталин мрачно наблюдал с трибуны мавзолея за трагедией. После парада он снял Василия Иосифовича с поста командующего авиацией Московского округа и снова послал его в Военно-воздушную академию.

8 мая в Офицерском клубе Дзержинского на Лубянке начался судебный процесс над еврейскими поэтами. Главными действующими лицами на нем были Соломон Лозовский, бывший заместитель министра иностранных дел, и поэт Перец Маркиш. Суд еще не начался, а вождь уже вынес приговор. Он распорядился, чтобы все обвиняемые были расстреляны.

Лозовского жестоко пытали, но сломать старого большевика чекистам не удалось. Он по-прежнему гордился и своей национальностью, и тем, что был коммунистом. Его выступление немного разогнало первобытную темноту, всегда окружавшую показательные процессы. Еще никогда на сталинских процессах обвиняемые не выступали с таким достоинством и верой в свою правоту. Лозовский не оставил камня на камне от идиотских обвинений в еврейско-крымском заговоре, которые состряпал Рюмин.

– Даже если бы я захотел развалить советское государство, разве стал бы я входить в сношения с поэтом и актером? – с усмешкой сказал старый дипломат. – В конце концов, для этих целей больше подходит американское посольство, которое так и кишит разведчиками. Так никогда бы не поступил даже швейцар в министерстве финансов, не говоря уже о заместителе министра иностранных дел!

Лозовский говорил настолько логично и убедительно, что судья, генерал-лейтенант Александр Чепцов, остановил процесс. Это уникальное в сталинской юриспруденции событие свидетельствует о том, что вождь уже не опирался на слепо преданных ему исполнителей, как в тридцатые годы.

В присутствии перепуганного Игнатьева и униженного Рюмина Чепцов заявил Маленкову, что дело оказалось очень сложным. Маланя ничего не хотел слушать. Он приказал продолжить процесс и выполнить приказ партии.

18 июля Чепцов приговорил тринадцать обвиняемых, в том

числе и двух женщин, к смертной казни. Он пощадил только Лину Штерн. Ее спасло, возможно, то, что она занималась проблемами долголетия. Но судья не приказал привести приговор в исполнение немедленно, несмотря на грубые требования Михаила Рюмина. Чепцов обратился напрямую к Георгию Максимилиановичу Маленкову и попросил отменить приговор.

– Вы хотите, чтобы мы стали на колени перед этими преступниками? – возмутился Маленков. – Политбюро обсуждало это дело три раза. Выполняйте решение политбюро!

Позже Георгий Маленков признал, что не рассказывал Сталину всей подробностей дела. «Я боялся…» – оправдывался он.

Сталин отклонил официальные апелляции. 12 августа 1952 года Лозовский и еврейские поэты были расстреляны.

* * *

Иосиф Виссарионович, недовольный господствующим положением Маленкова и Хрущева, решил провести в октябре 1952 года съезд партии, первый после 1939-го. На нем он собирался назначить в руководящие органы новых, более молодых руководителей, и окончательно добить старых товарищей.

К сентябрю Семен Игнатьев при помощи Рюмина сумел выбить из арестованных нужные показания: группа кремлевских профессоров во главе с личным врачом Сталина убила Жданова, Щербакова, Димитрова и Чойбалсана. В котел репрессий были брошены новые жертвы. Однако профессор Виноградов пока оставался на свободе.

18 сентября Сталин приказал Михаилу Рюмину пытать врачей. Рюмин обладал жутким талантом к примитивным театральным эффектам. Он приказал оборудовать в Лефортово специальную камеру, которая была похожа на анатомический театр и больничную операционную. Так чекист надеялся еще сильнее запугать своих жертв.

– Ты ведешь себя как проститутка! – брызгая слюной, кричал Рюмин на одного из докторов. – Ты презренный шпион, террорист! Мы будем пытать тебя раскаленной докрасна кочергой. У нас есть для этого все необходимое…

Один из пунктов обвинения касался и родных Сталина. Оказывается, врачи специально плохо лечили Василия Сталина от нервных заболеваний и не захотели предотвратить токсикоз у Светланы Сталиной после рождения Кати Ждановой.

Сюрреалистический оттенок делу добавила и история с Андреевым. Этот партийный босс серьезно болел с 1947 года. Доктора предписали ему лечить бессонницу кокаином. Неудивительно, что он плохо спал. У Андреева развилась привязанность к этому наркотику.

«Дело врачей» обладало четкой симметрией и всеми признаками сталинского шедевра. Вождь работал в гордом одиночестве. Он сохранял полный контроль над многочисленными нитями дела при помощи Карлика Рюмина. Сидя в Маленьком уголке или в Кунцеве, он ткал сложный узор. При помощи «заговора» Сталин хотел мобилизовать советский народ на борьбу с главным внешним врагом, Америкой, и его агентами, советскими евреями.

Перед открытием съезда партии гордый Сталин раздал соратникам плод своих научных изысканий, толстый шедевр под названием «Экономические проблемы социализма в СССР», где автор писал об объективности экономических законов и утверждал, что империалистические государства рано или поздно развяжут войну против Советского Союза. Автор перепрыгнул сразу несколько стадий марксизма и заявил, что коммунизм можно построить при жизни уже нынешнего поколения. Старые большевики, Молотов и Микоян, не согласились с этим левацким отклонением. Когда они приехали в Кунцево на ужин, Сталин спросил, имея в виду книгу:

– Есть вопросы? А комментарии?

Берия и Маленков похвалили труд вождя. Молотов был против ревизии марксизма и пробормотал в ответ что-то невнятное. Микоян же вообще промолчал. Сталин нахмурился. Конечно, он все понял.

– Ты отстаешь от времени! – сказал позже генсек со злой улыбкой армянину. – Пришло время тебя менять!

Через несколько дней члены политбюро собрались, чтобы обсудить состав президиума съезда.

– Думаю, не стоит включать в президиум Микояна и Андреева, – неожиданно заявил вождь. – Они – пассивные члены политбюро.

Все знали, что Анастас Микоян всегда завален работой и постоянно что-то делает. Он работал намного больше других членов политбюро. Участники заседания заулыбались, посчитав слова вождя шуткой.

– Я не шучу! – рассердился Сталин. – Это серьезное предложение.

Когда все поняли, что это действительно так, смех прекратился. Анастаса Ивановича, правда, все же включили

в состав президиума. Даже обладая неограниченной властью и находясь в наивысшей точке своей тирании, Иосиф Виссарионович был вынужден лавировать среди соратников, которые с каждым днем становились все более сплоченными.

Сталин решил подойти с другого конца. Он предложил расширить политбюро до двадцати пяти членов и сделать из него президиум ЦК. Анастас Микоян сразу понял истинную цель этого нововведения. Имея больше голосов, Сталину будет легче выводить из руководящих органов старых членов. Последние сомнения в серьезности намерений вождя отпали, когда он закричал:

– Вы все состарились! Я всех вас заменю!

5 октября 1952 года в семь часов вечера – чтобы подстроиться под распорядок работы вождя, – начал работу XIX съезд ВКП(б). Партийные руководители собрались на левом крыле президиума, а стареющий Сталин в гордом одиночестве восседал справа. Он присутствовал только на открытии съезда и последнем заседании. С главными докладами выступили Георгий Маленков и Никита Хрущев. Всем стало ясно, что именно они являются основными кандидатами на наследство вождя.

Сам Сталин выступил всего один раз, в конце съезда. Он говорил всего несколько минут – причем довольно путано, без присущей ему ясности и четкости.

Съезд закончил свою работу. Главное событие должно было произойти 16 октября, на пленуме, где выбирали президиум ЦК и секретариат. Все находились в благодушном настроении.

Слепые котята и гиппопотамы. Уничтожение старой гвардии

Сталин быстро преодолел два метра, отделявшие от трибуны похожие на скамьи сиденья, на которых расположились руководители партии. Участники пленума завороженно смотрели на этого невысокого седого старика. Он начал очень энергично говорить. Вождь пристально смотрел в глаза своей немногочисленной аудитории, как будто хотел прочитать мысли слушателей.

– Итак, мы провели съезд партии, – начал Иосиф Виссарионович. – Все прошло прекрасно. Большинству может показаться, что у нас полное единство и согласие. Однако единства в партии нет. Кое-кто не согласен с нашими решениями. Почему мы сняли с важных министерских постов Молотова, Кагановича, Ворошилова? Работа министра требует огромных сил, глубоких знаний и крепкого здоровья. – В этот момент Сталин пустил первую молнию: – Если уж мы заговорили о единстве, не могу не сказать о неправильном поведении некоторых заслуженных политиков. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Лица Молотова и Микояна, сидевших сразу за Сталиным, побелели от страха. В зале наступила гробовая тишина. Партийные руководители напряглись. Никто не ждал такого поворота. Все лихорадочно пытались ответить на вопрос: где и когда остановится Сталин? Успокоится ли он, раскритиковав Молотова и Микояна, или после них возьмется и за других?

Сначала вождь решил разделаться с Вячеславом Молотовым.

– Молотов, конечно, предан делу партии. Если не верите, спросите его сами. Я нисколько не сомневаюсь, что он без промедления и без малейших колебаний отдаст свою жизнь за нашу партию. Но мы не имеем права не обращать внимания на некоторые недостойные факты его поведения. – Сталин принялся нравоучительно перечислять ошибки Молотова: – Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, распивал шартрезы на дипломатических приемах и позволил британскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты. Это первая политическая ошибка. А какова цена предложения товарища Молотова о передаче Крыма евреям? Этот огромный промах является второй политической ошибкой товарища Молотова. Товарищ Молотов так уважает свою жену, что, как только мы

приняли на политбюро решение по ее вопросу, оно немедленно стало известно товарищу Жемчужиной… Невидимая нить связывает жену Молотова с политбюро и ее очень подозрительными друзьями. Такое поведение недостойно члена политбюро.

Расправившись с Вячеславом Михайловичем, Сталин перешел к Микояну. Главная вина армянина состояла в том, что он выступал против высоких налогов на крестьянство.

– Кем себя считает наш Анастас Микоян? – патетически восклицал вождь. – Что ему неясно в политике партии?

Разобравшись со старыми соратниками, Иосиф Виссарионович Сталин неторопливо достал из кармана лист бумаги и зачитал фамилии тридцати шести членов нового президиума ЦК. В нем оказалось много новых, малоизвестных имен. Никита Хрущев и Георгий Маленков недоуменно переглянулись: где Сталин нашел всех этих людей?

Затем генсек предложил создать внутреннее политбюро. Вождь еще раз поразил всех присутствующих тем, что не включил в него Молотова с Микояном.

Уже вернувшись на свое место, Сталин объяснил главную, по его мнению, причину их падения:

– Они боятся Америки.

Он связал Молотова и Микояна с правыми оппортунистами, Рыковым и Фрумкиным, которые были давным-давно расстреляны, и Лозовским, расстрелянным недавно.

Вячеслав Молотов решил, что следует покаяться.

– Я остаюсь верным последователем и учеником товарища Сталина, – сказал он.

Генералиссимус только сердито отмахнулся:

– Ерунда! У меня нет учеников! Все мы ученики Ленина! Ленина!

Анастас Микоян всех удивил. Он не собирался каяться и признавать свои ошибки.

– Вы должны хорошо помнить, товарищ Сталин, я уже доказал, что ни в чем не виноват.

Маленков и Берия зашипели:

– Лгун!

Но армянину было не так легко заткнуть рот.

– Что же касается цен на хлеб, то я и здесь полностью отрицаю обвинения…

Микояна перебил сам Сталин:

– Посмотрите на Микояна. Это наш новый Фрумкин!

Затем кто-то выкрикнул:

– Мы должны выбрать товарища Сталина генеральным

секретарем!

Иосиф Виссарионович покачал головой.

– Нет, я прошу освободить меня от постов Генерального секретаря и Председателя Совета министров.

Услышав эти слова, Георгий Маленков неожиданно вскочил с места. Он бросился к трибуне, тряся всеми подбородками. Георгий Максимилианович был похож на гончую, оказавшуюся внутри бланманже. На его лице застыл неподдельный ужас. Маленков лучше других понимал, какая смертельная опасность нависла над всеми, и знал, что Сталина ни в коем случае нельзя отпускать. Остановившись на краю сцены, Маланя неожиданно вскинул руки, словно собирался молиться.

– Товарищи! – воскликнул он. – Все мы, как один, должны потребовать, чтобы товарищ Сталин, наш любимый вождь и учитель, остался Генеральным секретарем партии!

Маленков качнул пальцем. Все участники пленума, словно это был сигнал к действию, закричали, что Сталин должен обязательно остаться на своем посту. Лицо Георгия Маленкова расслабилось, как будто он только что избежал смертельной опасности.

– Мне не нужны аплодисменты пленума, – ответил Сталин. – Я прошу вас отпустить меня на покой. Я уже стар, я не читаю документы. Выберите себе другого секретаря.

– Товарищ Сталин, народ этого не поймет! – выкрикнул с места маршал Тимошенко. – Мы единодушно выбираем вас нашим лидером, нашим Генеральным секретарем!

Аплодисменты долго не стихали. Иосиф Виссарионович подождал несколько минут, потом скромно помахал рукой и сел на место. Решение Сталина расправиться со своими старыми друзьями не было поступком сумасшедшего, как могло показаться на первый взгляд. Напротив, это действия очень умного политика, который уничтожает своих наиболее вероятных преемников. Вождь хорошо помнил, как больной Ленин критиковал своего наследника, которым был как раз Сталин. В начале двадцатых Владимир Ильич предложил расширить Центральный комитет, но потребовал, чтобы лидеры в него не входили. Только сейчас партийные руководители окончательно поняли, что все они очутились в одной лодке. Скорее всего, никакого тайного наследника и не было. Становилось ясно, что место Сталина должен занять не один человек, а небольшая группа товарищей.

Какое-то время после судьбоносного пленума Молотов и Микоян продолжали вести прежним образ жизнью. Они исполняли привычные обязанности в правительстве,

как будто их никто не критиковал. Наверное, Сталин решил не добивать их окончательно. Сейчас на повестке неотложных дел у вождя было «дело врачей», расследование которого подходило к концу.

Иосиф Виссарионович ненавидел профессора Виноградова лютой ненавистью. Но хитрый и коварный старый заговорщик подавил гнев и решил подождать одиннадцать месяцев, чтобы собрать доказательства, необходимые для уничтожения собственного врача. Теперь ярость выплеснулась наружу. Приказывая Семену Игнатьеву арестовать Виноградова, Сталин крикнул:

– И обязательно закуйте его в кандалы!

4 ноября 1952 года Владимир Никитич Виноградов был арестован.

* * *

Сталина выводила из себя нерасторопность Михаила Рюмина. Ему казалось, что чекист слишком медленно выбивает нужные показания из арестованных докторов. Вождь даже в сердцах обозвал МГБ «стадом неповоротливых гиппопотамов».

– Бейте их! – кричал он Игнатьеву. – Кто вы такой? Вы что, хотите быть человечнее самого Ленина? Владимир Ильич приказал Дзержинскому выбросить Савинкова из окна! Дзержинский не чурался грязной работы! Вы же работаете, как официанты в белых перчатках. Если хотите быть настоящими чекистами, снимайте перчатки!

Сталин приказал перепуганному Семену Игнатьеву уволить Рюмина:

– Уберите Карлика!

При этом генсек предложил пощадить профессора Виноградова, если тот признается в преступлениях и расскажет, от кого получал задания. Чекисты увещевали врача:

– Вы можете написать признание на имя вождя. Товарищ Сталин обещает сохранить вам жизнь. Весь мир знает, что наш вождь держит свое слово.

Однако Виноградов лучше других знал цену обещаниям вождя.

– Я знаю, мое положение трагично, – ответил доктор. – Мне нечего сказать.

Виноградов попытался называть на допросах фамилии врачей, которых уже нет в живых и которым его слова не смогут навредить. Сталин быстро раскусил доктора. Он набросился

на Игнатьева и назвал его круглым дураком. У главного чекиста Советского Союза случился сердечный приступ. На какое-то время он оказался прикован к постели.

Затем Иосиф Виссарионович решил изменить направление главного удара. Он захотел расправиться со своим главным охранником, генералом Николаем Власиком. Вождь решил уничтожить развратного и вороватого телохранителя так же, как в 1937 году уничтожил Карла Паукера. Поводов для опалы было предостаточно. Николай Власик нередко пил с врачами-убийцами. Особое беспокойство вождя вызывало то обстоятельство, что он знал о письмах Лидии Тимашук. Она вовремя проинформировала вождя о том, что Жданова неправильно лечат, но генсек ничего не предпринял. Не исключено, что Власик положил письма кардиолога в стол по приказу самого Сталина.

Генерала арестовали. Его привезли в Москву и обвинили в том, что он вместе с Абакумовым скрывал улики в деле Жданова. Власик никогда не предавал своего Хозяина. Его арест был, конечно, ловким ходом. «Измена» главного телохранителя страны помогала Сталину спрятать собственную неблаговидную роль в этом деле. Все любовницы и собутыльники опального генерала тоже были арестованы. Их допрашивал Георгий Маленков. Власика пытали. «Мои нервы не выдержали, – рассказывал он позже. – У меня был сердечный приступ. Я провел несколько месяцев без сна».

Сталин знал, что Александр Поскребышев, еще один преданный слуга, был близким другом Власика. Не помогал ли и он Власику скрывать информацию в деле «врачей-убийц»? Отношение к секретарю Сталин изменил в 1947 году. Поскребышев зачем-то похвалил вождя в какой-то газете за то, что он очень здорово выращивал лимоны. Не уговорил ли кто-нибудь мрачного секретаря выйти из тени? Сталину донесли, что Поскребышев участвовал в оргиях Власика. Эта информация, понятно, снизила доверие к секретарю.

Поскребышев в панике примчался домой к Берии. Сейчас все, кто попадал в опалу при дворе, ездили за утешениями к Лаврентию Павловичу, хотя он сам находился в очень опасном положении. Сталин заменил Александра Поскребышева Чернухой. Всесильного Поскребышева перевели в секретари президиума. Это было, конечно, сильным понижением.

Так Сталин удалил двух своих самых преданных слуг.

Переговорив с Поскребышевым, который утверждал, что его сердце разбито недоверием вождя, Сталин наконец раскрыл «заговор убийц в белых халатах» членам президиума ЦК.

– Вы как слепые котята! – предупредил он соратников в Кунцево. – После того как не станет меня, может погибнуть и страна. Ведь вы даже не способны разглядеть врагов.

Вождь объяснил, что все евреи – националисты и агенты американской разведки. Все они верят в то, что США спасут советский народ. Сталин связал «врачей-убийц» с «медицинскими убийствами» Горького и Куйбышева.

Теперь он мог уделить особое внимание тайной полиции.

– Мы должны заняться ГПУ, – сказал Иосиф Виссарионович. – Они знают, что сидят в дерьме!

Соратники вождя поняли зловещий намек. Дело в том, что в это же время в Праге проходил крупный процесс против чешских евреев. Чешского Генерального секретаря Рудольфа Сланского, еврея, обвинили в организации антигосударственного заговора. Через три дня его вместе с еще десятью коммунистами, в большинстве тоже евреями, повесили.

Иосиф Сталин распространял опыт репрессий на соседей. Он планировал провести что-нибудь подобное и в Варшаве. Сталин явно неспроста интересовался у Берута, как дела у его помощников-евреев.

– Кто тебе дороже: Берман или Минк?

– Оба одинаково дороги, – твердо ответил поляк.

За борьбой с «космополитами» вождь не забывал и о бунтаре Тито. Он неоднократно приказывал своим чекистам убить непокорного маршала.

Казни в Праге еще туже затянули петлю вокруг Вячеслава Молотова и Анастаса Микояна. Сталин называл их «американскими или британскими шпионами». «И по сей день не знаю точно, почему он изменил ко мне отношение. Я только чувствовал, что он мне резко перестал доверять», – признавался позже Молотов.

Молотов и Микоян продолжали посещать ужины в Кунцеве, как будто ничего не случилось. «При виде их Сталин хмурился, – вспоминал Хрущев. – У него сразу портилось настроение». В конце концов Иосиф Виссарионович запретил опальным придворным приезжать. «Не хочу, чтобы эти двое ездили ко мне на ужины», – ворчал он. Но прислуга по секрету сообщала Молотову и Микояну, когда проходят встречи за столом. Тогда вождь запретил охранникам и другим слугам общаться с ними. Теперь о времени ужинов Микояну и Молотову говорили Хрущев, Берия, Маленков и Булганин. В поведении большой четверки все больше просматривались признаки товарищества между партийными руководителями. Сейчас они понимали, что для того, чтобы остаться в живых, нужно держаться вместе.

Микоян обратился к Берии за советом, что делать.

– Вам сейчас лучше лечь на дно, – ответил Лаврентий Павлович.

– Хотел бы я посмотреть на твое лицо, когда тебя уволят, – пробурчал армянин.

– Меня уже увольняли, – напомнил Берия.

Молотов и Микоян поняли, что в опасности не только их карьеры, но и сама жизнь. Они встретились в Кремле, чтобы решить, как вести себя дальше. Микоян всегда доверял Молотову. Армянин знал, что с Молотовым можно разговаривать откровенно, поскольку он не побежит тут же доносить Хозяину.

– Невозможно управлять страной, когда тебе за семьдесят, и решать все вопросы за обеденным столом, – громко сказал Молотов старому товарищу.

Это были рискованные слова потерявшего власть вельможи. Трудно представить, что Вячеслав Михайлович мог произнести их до октябрьского пленума.

Все партийные руководители должны были участвовать в ликвидации Молотова и Микояна. Сталин был сварливым и мстительным стариком. Паранойя заставляла его торопиться. Он методически вел дело к логическому завершению, вникая во все подробности.

Берия и Хрущев выступали против сталинских нововведений. Маленков утешал Берию, Берия утешал Микояна. Хрущев и Берия утешали Молотова. Четверка продолжала шептаться в туалете дачи в Кунцеве. Они издевались над подозрениями Хозяина, высмеивали «дело врачей».

21 декабря 1952 года отмечали официальный 73-й день рождения Сталина. Впервые за тридцать лет Молотов и Микоян должны были пропустить такой праздник. Именинник редко приглашал гостей, все приезжали сами. Пока остальные гуляли в Кунцеве, опальные Молотов и Микоян обсуждали, что делать. Микоян считал: если затаиться и нечего не предпринимать, то это будет означать, что они стали относиться к Сталину по-другому. Они позвонили четверке. Те посоветовали им рискнуть и приехать.

В десять часов вечера 21 декабря Молотов и Микоян приехали в Кунцево. Сталин повесил на стене унылые фотографии из журналов, на которых дети кормили ягнят, и репродукции знаменитых исторических картин. Его любимой картиной было полотно Репина «Запорожцы пишут ответ турецкому султану».

Сталин молчал, но был приветлив. Он гордился тем, что, прокурив пятьдесят лет, сумел отказаться от этой вредной

привычки. Ему пришлось отказаться от трубки из-за недавно возникших трудностей с дыханием. Сейчас у вождя было мертвенно-бледное лицо. Он сильно поправился. Эти признаки свидетельствовали о том, что у генсека повышенное давление.

Он сидел за столом и потягивал легкое грузинское вино. Светлана в тот вечер тоже была на даче. Перед тем как попрощаться с дочерью, Сталин спросил:

– Тебе нужны деньги?

– Нет, – ответила Светлана. – У меня есть.

– Не притворяйся. Сколько тебе нужно?

Он дал 3 тысячи рублей и еще какую-то сумму для дочери Якова, Гули. Конечно, эти деньги пригодились в хозяйстве, но Сталину казалось, что это миллионы.

– Можешь купить машину, – сказал он Светлане. – Только обязательно покажи мне водительское удостоверение, прежде чем садиться за руль!

Внешне вождь был спокоен, но внутри весь кипел. Его вывело из себя, что без его ведома пригласили в Кунцево Молотова и Микояна.

– Думаете, я не понимаю, что это вы позвонили Молотову и Микояну? – грозно сказал он Хрущеву и Берии. – Прекратите заниматься этим у меня за спиной! Я не потерплю! – Он велел передать опальным руководителям следующее: – «Не выйдет. Он больше вам не друг и не хочет, чтобы вы к нему приезжали».

Этот ответ по-настоящему встревожил Анастаса Микояна. «С каждым днем становилось все яснее, что Сталин хочет с нами покончить, – писал он в мемуарах. – Это означало не только политическое, но и физическое уничтожение».

Члены большой четверки, если верить Серго Берии, договорились не поддаваться на провокации Сталина и «не позволять ему настраивать их друг против друга». Сталин иногда спрашивал у приближенных: «Вы организуете против меня блок?» В некотором смысле он был прав. Но ни у кого из четверки, в том числе и у самого решительного, Берии, не хватало силы воли и смелости открыто пойти против вождя в одиночку. Вероятно, Микоян и Молотов говорили даже об убийстве Сталина. Позже армянин признался албанцу Энверу Ходже: «Мы отказались от этой идеи, потому что боялись, что народ и партия нас не поймут».

* * *

13 января 1953 года после нескольких лет выжидания

и спокойного планирования, Сталин начал новую волну истерии против евреев. В «Правде» появилась большая статья об аресте «врачей-убийц». «ПОДЛЫЕ ШПИОНЫ И УБИЙЦЫ ПОД МАСКОЙ ПРОФЕССОРОВ-ВРАЧЕЙ» – это название Иосиф Виссарионович придумал лично. Он написал это на черновике статьи, которую тщательно прокомментировал и снабдил примечаниями.

20 января доктора Лидию Тимашук, кардиолога Жданова, пригласили в Кремль. Георгий Маленков передал ей личную благодарность товарища Сталина за «большую храбрость». На следующий день бдительного врача наградили орденом Ленина.

Сталин решил вновь воспользоваться старой приманкой. Через неделю после награждения Тимашук, 27 января, Илья Эренбург получил Сталинскую премию. Наверное, эта награда должна была успокоить советских евреев.

Аресты евреев начались в январе, а в феврале приняли массовый характер.

В статье «Правды» также говорилось о том, что сотрудники служб безопасности утратили бдительность. Эти слова были сигналом и для Лаврентия Берии. Его людей хватали не только в Грузии, но и в Москве. Например, уволен начальник Генерального штаба, Штеменко, арестована бывшая любовница, В. Матарадзе.

В этой обстановке Лаврентий Павлович все смелее выражал неуважение к Сталину, как отмечал Хрущев. Берия даже как-то похвалился Лазарю Кагановичу: Сталин не понимает, что «если он попытается меня арестовать, то чекисты организуют восстание».

Помимо страха за собственную жизнь большую тревогу у советских руководителей вызывала перспектива ядерной войны с Америкой. Сталин продолжал подбрасывать дрова в топку войны на Корейском полуострове и не давал ей затихнуть. Он никак не мог определиться, метался между страхом перед войной и убеждением, что она неизбежна. Берия, Хрущев и Микоян боялись, что непредсказуемость Сталина неблагоприятно скажется и на поведении американских политиков. Вождь окружил Москву ракетами класса «земля-воздух». Страна вновь начала готовиться к войне. Иосиф Виссарионович постоянно обсуждал возможность начала боевых действий со всеми, даже со своими охранниками.

– Как вы думаете – Америка нападет на нас или нет? – однажды поинтересовался он у заместителя коменданта Кунцева, Петра Лозгачева.

– По-моему, они побоятся, – ответил офицер.

Сталин неожиданно вспылил:

– Убирайтесь! Что вы здесь делаете? Я вас не вызывал.

Однако вскоре после этой сцены он сказал Лозгачеву:

– Забудьте, что я накричал на вас, но запомните следующее. Американцы нападут на нас. Они империалисты, и они обязательно атакуют нас. Если, конечно, мы им позволим. Вот какой ответ вы должны давать на такой вопрос.

* * *

Сталин внимательно читал показания врачей, которые ему каждый день присылал Игнатьев. Он приказал сделать главным действующим лицом нового «еврейского дела» заключенного № 12 – Полину Молотову. Ее привезли в столицу и вновь допросили.

Одновременно Сталин продолжал собирать компромат на Лаврентия Берию и других врагов. Новый хозяин Грузии Мгеладзе получил из Москвы приказ уговорить Лаврентия Павловича подписать приказ о чистке МГБ, то есть действовать против себя самого. Берия скрепя сердце согласился. Во время одной из последних встреч Сталин приказал организовать очередное покушение на маршала Тито.

27 февраля 1953 года, в восемь часов вечера, Сталин приехал один в Большой театр на «Лебединое озеро». Уходя, он попросил старшего телохранителя, полковника Кириллина, поблагодарить от его имени актеров.

Из театра Иосиф Виссарионович помчался в Кунцево. Он проработал на даче до трех часов ночи. На следующий день вождь проснулся, как всегда, поздно. Прочитал протоколы последних допросов врачей-евреев и доклады о положении в Корее, прогулялся по заснеженному саду.

Вечером 28 февраля Сталин приехал в Кремль, но пошел не в кабинет, а в кинотеатр, где его ждали старые соратники. На этот раз к большой четверке присоединился Клим Ворошилов. Первый советский маршал обратил внимание на то, что Сталин был энергичен и весел.

Перед тем как вернуться в Кунцево, вождь обсудил меню ужина с заместителем коменданта Лозгачевым и приказал подать к столу несколько бутылок слабого грузинского вина.

В одиннадцать часов вечера Сталин с Берией, Маленковым, Хрущевым и Булганиным отправились ужинать на дачу. За столом в тот вечер прислуживали Лозгачев и Матрена Бутузова. У Валечки был выходной. Николай Булганин доложил

о том, что в Корее сложилась патовая ситуация. Сталин решил посоветовать китайцам и северным корейцам приступить к переговорам. Потом он попросил принести еще вина.

После Кореи за столом началось обсуждение допросов врачей. Лаврентий Павлович сказал, что у Виноградова длинный язык. По его словам, якобы имелись свидетели, которые слышали, как он болтал о приступах головокружения у Сталина.

– Хорошо. – Сталин кивнул. – Что вы предлагаете сделать сейчас? Доктора признались? Передайте Игнатьеву, что, если он не получит от них полного признания, мы укоротим его на голову.

– Признаются, – уверенно заверил Берия. – С помощью настоящих советских патриотов, таких как доктор Тимашук, мы закончим расследование и придем к вам за разрешением провести показательный судебный процесс.

– Правильно, – согласился Сталин. – Займитесь этим.

Такова версия Хрущева. Но не стоит забывать, что позже они с Маленковым будут обвинять во всех сталинских преступлениях Берию.

Гости, как обычно, хотели поскорее разъехаться по домам. Сталину нравился вежливый Булганин, однако он проворчал, что в руководстве есть люди, которые думают, будто смогут жить за счет былых заслуг.

– Они ошибаются, – зловеще произнес Иосиф Виссарионович.

По одной из многочисленных версий, после этих слов Сталин вышел из столовой, оставив гостей одних.

Примерно в четыре часа утра в воскресенье 1 марта Сталин наконец проводил гостей. Он был изрядно навеселе и пребывал в очень хорошем настроении. Напоследок он шутливо ткнул кулаком Никиту Хрущева в живот и пропел с украинским акцентом:

– Мыкита…

Четверка тоже была довольна, что их мучения закончились. Они попросили дежурившего в ту ночь полковника Хрусталева подогнать к крыльцу их машины. Берия, как обычно, взял к себе в ЗИС Маленкова, а Хрущев – Булганина. Сталин с охранником проводили их к машинам.

Для отдыха в ту ночь вождь выбрал маленькую столовую, стены которой отделаны светлыми деревянными панелями. Вернувшись в дом, он лег на обтянутый розовой материей диван. Это был не безумный и беспомощный старик, а безжалостный организатор новой волны репрессий. Сейчас вождь находился на самой вершине своей власти и могущества.

– Я ложусь спать, – весело сказал он Хрусталеву. – Вы тоже

можете вздремнуть. Я не буду вас вызывать.

Охрана обрадовалась. Дело в том, что Хозяин никогда раньше не разрешал им спать ночью. Они закрыли двери и ушли к себе.

* * *

В полдень 1 марта охранники сидели в своем домике, соединенном с дачей крытым коридором примерно восьмиметровой длины, и ждали, когда проснется Хозяин. Однако никакого движения в его комнатах не было. Телохранители начали беспокоиться. Наконец, в шесть часов вечера Сталин включил свет в маленькой столовой. Очевидно, он наконец встал. Охранники надеялись, что Сталин скоро их вызовет, но этого не случилось.

Шло время. Миновали час, три, четыре, а Сталин все не появлялся. Что-то было не так. Полковник Старостин, старший воскресной смены, принялся уговаривать Лозгачева войти в дом и проверить, все ли в порядке со стариком.

– Ты старший, ты и иди! – ответил Лозгачев.

– Я боюсь. – Старостин покачал головой.

– А я что, по-твоему, герой? – спросил Лозгачев.

Тем временем Хрущев и остальные члены четверки сидели у телефонов и ждали вызова на ужин…

«Я его убрал…»

Примерно в десять часов вечера в Кунцево привезли почту из ЦК. Лозгачев взял бумаги и вошел в дом. Он медленно проходил комнату за комнатой, испуганно глядя по сторонам. Чекист старался побольше шуметь. Охранники знали, что Сталин страшно не любил, когда двигались тихо. Он обязательно должен слышать, что к нему кто-то приближается.

Когда Лозгачев оказался в маленькой столовой, его глазам открылась страшная картина. Сталин лежал на ковре в пижаме и нижней рубашке, опираясь на локоть, в очень неудобной позе. Лозгачев видел, что Хозяин в сознании, но полностью беспомощен. Услышав шаги чекиста, вождь позвал его, слабо подняв руку. Охранник бросился к генсеку.

– Что случилось, товарищ Сталин?

Сталин пробормотал:

– Дззз!

Больше он ничего сказать не смог.

На полу рядом с вождем лежали часы и газета «Правда», на столе стояла бутылка минеральной воды «Нарзан». Сталин обмочился.

– Может, вызвать врача? – предложил Лозгачев.

– Дззз… – прожужжал Сталин. – Дззз…

Лозгачев взял часы. Они показывали 6.30 утра. Очевидно, что в это время у вождя и случился удар.

Иосиф Виссарионович захрипел и уснул. Чекист бросился к телефону и позвонил Старостину и Бутузовой.

– Давайте положим его на диван, – предложил Лозгачев. – На полу лежать неудобно.

Они втроем перенесли Сталина на диван. Лозгачев остался с Хозяином, полковник Старостин начал звонить министру МГБ Игнатьеву, который после увольнения Николая Власика отвечал за личную безопасность Сталина. Игнатьев был в такой панике, что не мог принять никакого решения. Он имел право сам вызвать врачей, но должен был действовать с крайней осторожностью. Министр приказал Старостину позвонить Берии и Маленкову. Вероятно, он сам предупредил своего друга Хрущева, потому что нуждался в защите против Берии. Лаврентий Павлович имел на Игнатьева зуб за «дело врачей» и «мингрельское дело». Скорее всего, последним новости об ударе Сталина узнал именно Берия.

Тем временем охрана решила перенести Сталина в главную столовую, которая была просторнее. Сталин был очень холодный. Его накрыли одеялом. Бутузова опустила рукава на нижней

рубашке вождя.

Полковник Старостин не мог найти Берию, но ему удалось связаться с Маленковым. Маланя пообещал разыскать Лаврентия Павловича.

Через час в Кунцево позвонил Берия.

– Никому не говорите о болезни товарища Сталина и никуда больше не звоните, – приказал он.

Встревоженный Лозгачев сидел рядом со Сталиным. Позже он сказал, что в ту ночь поседел.

Георгий Маленков связался с Хрущевым и Булганиным.

– Звонили чекисты с дачи Сталина, – сказал он. – Они очень встревожены. Говорят, что со Сталиным что-то случилось. Наверное, нам стоит поехать туда…

Никита Хрущев утверждал, что когда они подъехали к домику охраны на воротах, то договорились не входить в дом. Сейчас Сталин спал и наверняка не хотел, чтобы его видели в таком состоянии. «Поэтому мы уехали домой», – написал позже в воспоминаниях Никита Сергеевич.

Однако охранники не помнят приезда большой четверки. Скорее всего, Булганин, Хрущев и Игнатьев после взволнованных переговоров послали на разведку Берию и Маленкова.

Эта ночь запомнилась еще и тем, что в «Правде» неожиданно прекратилась антисемитская кампания. Приостановить ее мог сам Сталин, захотевший сделать паузу перед решительным ударом.

Наступил понедельник, 2 марта. В три часа ночи маленькая делегация прибыла в Кунцево. С момента первого звонка Старостина Георгию Маленкову прошли четыре часа.

Лаврентий Павлович вошел в прихожую. Берия ни на минуту не оставался с Хозяином наедине, чтобы избежать в будущем подозрений и обвинений. Маленков, к своему ужасу, заметил, что его новые ботинки скрипят. Маланя торопливо снял их, сунул под мышку и на цыпочках, в одних носках, двинулся вперед с грацией толстого танцора.

Берия и Маленков смотрели на спящего генералиссимуса, который слегка похрапывал под одеялом. Наконец Берия повернулся к охранникам.

– Что стряслось с Хозяином? Зачем вы подняли панику? – набросился он на Лозгачева. – Хозяин тихо и мирно спит… Поехали, Маленков.

Маланя на цыпочках вышел из столовой.

Лозгачев попытался объяснить партийным руководителям, что товарищ Сталин серьезно болен и нуждается в медицинской помощи.

– Не тревожьте нас! – хмуро сказал ему Лаврентий Берия. –

Не вызывайте врачей и не беспокойте товарища Сталина!

Но испуганные чекисты настаивали на визите докторов. Тогда Берия вышел из себя:

– Кто приставил к товарищу Сталину таких идиотов?

Лимузин увез Берию и Маленкова к Хрущеву и Булганину, которые ждали у ворот. Лозгачев вернулся к постели Сталина, а Старостин и Бутузова отправились спать в домик для охраны.

Над елями и березами Кунцева начала заниматься заря. С того момента, когда у Сталина случился удар, миновало двенадцать часов, а он, обмочившийся, по-прежнему лежал на диване и негромко похрапывал. Члены большой четверки, несомненно, обсуждали вопрос, стоит ли звать врачей. В это трудно поверить, но по их вине Сталин оставался без медицинской помощи половину суток.

Обычно данное обстоятельство считалось доказательством того, что партийные руководители специально бросили Сталина без помощи врачей, чтобы убить его. Но не следует забывать ситуацию, возникшую в стране весной 1953 года. Положение четверки, особенно Берии, было очень шатким. В СССР царила истерия против врачей-убийц. Профессора Виноградова, личного врача Сталина, бросили в застенки Лубянки лишь за то, что он предложил своему высокопоставленному пациенту уйти на пенсию.

При таком раскладе поднятая по пустяку паника вполне могла стоить головы. Если бы Хозяин проснулся и выяснилось, что у него было просто сильное головокружение, он расценил бы вызов врачей как попытку захватить власть. Так что решение ничего не делать устраивало всех четверых руководителей.

Четверка отложила вызов врачей до утра. Нам, наверное, теперь никогда не узнать, имела ли эта задержка решающее значение и могли ли врачи спасти больного. Описания последних дней жизни Иосифа Виссарионовича, которых появилось вполне достаточно, утверждают, что вождь был убит.

– Я его убрал! – похвастался позже Берия Молотову и Кагановичу. – Я спас всех вас!

Новые исторические исследования допускают, что Лаврентий вполне мог подсыпать в вино Сталину какое-нибудь лекарство, типа варфарина, которое через несколько дней стало причиной удара.

Четверка разъехалась по домам спать. Они ничего не сказали своим семьям о том, что случилось со Сталиным. У постели советского императора терзался сомнениями Лозгачев. В конце концов он не выдержал. Лозгачев разбудил Старостина и попросил его позвонить членам политбюро.

– Если он умрет, нам с тобой придет конец! – объяснил он.

Страх, который не позволил партийным руководителям вызвать врачей, оказал на охранников противоположное воздействие. Они вновь позвонили Маленкову. Маланя велел послать Бутузову еще раз посмотреть на Сталина. Она вернулась и сказала, что тот продолжает спать, но сон какой-то необычный. Тогда Маленков позвонил Берии.

– Мне только что опять звонили с дачи Сталина, – сказал Маленков. – Они утверждают, что с товарищем Сталиным что-то не в порядке. Придется, наверное, еще раз ехать в Кунцево.

Сейчас решения принимали Лаврентий Берия и Георгий Маленков. Когда они согласились с тем, что нужно вызвать врачей, тут же возник важный вопрос: каких именно? Кто-то из четверки позвонил Третьякову, министру здравоохранения СССР, и попросил выбрать несколько опытных русских профессоров – только русских и ни в коем случае не евреев.

Хрущев приехал в Кунцево и сообщил охранникам, что скоро прибудут доктора.

Полковник Туков позвонил Вячеславу Молотову, Анастасу Микояну и Климу Ворошилову и сообщил о том, что у Хозяина случился удар.

– Позвоните другим членам политбюро, – сказал Молотов. – Я немедленно выезжаю.

Ворошилов после звонка из Кунцева словно преобразился. «Он стал таким энергичным, каким я помнила его в самых опасных ситуациях во время Гражданской и Великой Отечественной войн, – написала его супруга в неопубликованных дневниках. – Я догадывалась, что надвигается беда. Я громко расплакалась и спросила его: „Что случилось?“ Он обнял меня и ответил: „Не бойся“!»

Ворошилов присоединился к Кагановичу, Молотову и Микояну, которые уже собрались у постели больного. Молотов, конечно, обратил внимание на то, что сейчас всем заправлял Берия.

Сталин открыл глаза, когда в комнату вошел Каганович. Он оглядел одного за другим соратников, после чего опять сомкнул глаза. Молотов и Каганович были очень расстроены. По их щекам катились слезы.

– Товарищ Сталин, мы здесь, ваши верные друзья и товарищи, – обратился к вождю первый советский маршал. Его голос дрожал от едва сдерживаемых рыданий. – Как ты себя чувствуешь, дорогой друг?

Лицо Сталина исказилось. Он пошевелился, но так и не пришел в сознание.

Хрущев тоже был очень расстроен. Никита Сергеевич смотался домой помыться и вернулся в Кунцево.

В семь часов утра 2 марта в Кунцево наконец приехали врачи. Консилиум возглавлял профессор Лукомский. Ни одному из них раньше не приходилось лечить вождя. Их провели к больному. В просторной столовой пахло мочой. Врачи страшно нервничали. Ведь им предстояло осматривать **самого** Сталина. Зная об арестах и пытках своих коллег, они догадывались, что это может произойти и с ними.

Сначала стоматолог вынул у Сталина зубные протезы. Он был так напуган, что уронил их на пол. Затем Лукомский попытался снять со Сталина пижаму и рубашку, чтобы измерить давление. «У них так сильно дрожали руки, что они не могли даже снять с него рубашку», – рассказывал Лозгачев. Лукомский боялся прикоснуться к Сталину и долго не мог найти у него пульс.

– Крепче держите его руку! – рявкнул на профессора Лаврентий Берия.

В конце концов одежду решили разрезать ножницами.

Врачи приступили к осмотру больного. Он лежал на спине. Голова повернута налево, глаза закрыты, на лице – умеренная гиперемия. Пульс – 78; сердцебиение – слабое; давление 190 на 110. Правая сторона тела парализована, но левые конечности временами вздрагивали. Лоб холодный.

В рот Сталина влили стакан 10-процентного раствора сульфата магния. Невропатолог, терапевт и медсестра стояли рядом наготове.

После осмотра врачи начали расспрашивать охранников. Чекисты сейчас тоже страшно боялись. «Мы думали, что нас затолкают в машину – и до свидания, нам конец», – рассказывал Лозгачев.

У Сталина случился инсульт с кровоизлиянием в мозг. Состояние пациента было крайне тяжелым. Никаких сомнений в его недееспособности, даже если вождь останется жив, не оставалось.

Охранники отошли от дивана и слились с мебелью. Профессора почти ничего больше не могли сделать. Они порекомендовали больному абсолютный покой и решили оставить его на диване. Что же касается собственно лечения, то Сталину поставили за уши по восемь пиявок с каждой стороны и положили на голову холодный компресс. В тот день врачи велели кормить пациента только жидкой пищей с чайной ложечки, чтобы он не подавился.

В столовую прикатили баллоны с кислородом.

Врачи вкололи Сталину камфару и взяли на анализ мочу.

Пациент пошевелился и попытался накрыться.

У Светланы Сталиной предыдущим вечером был день рождения. Ее вызвали с урока французского.

– Вас просит приехать в Кунцево Маленков, – сказали ей.

Когда она вышла из машины, Хрущев и Булганин со слезами в глазах обняли ее.

– Берия и Маленков тебе все расскажут, – предупредили они.

И снова стало предельно ясно, кто сейчас главный.

Светлану ошеломили шум и суматоха, которые царили на всегда тихой даче. Она обратила внимание на то, что все врачи – незнакомые. Светлана подошла к дивану и поцеловала отца. Только сейчас она поняла, как сильно его любит.

В Кунцево вызвали и Василия Сталина. Василий так боялся отца, что решил: его вызывают по работе. Он приехал на дачу с воздушными картами. Прошло совсем немного времени, и Василий Иосифович был уже пьян. Следующие два дня он, шатаясь, врывался в комнату, где лежал больной Сталин, и кричал:

– Сволочи, вы загубили отца!

Светлане было стыдно за поведение брата. Партийные руководители хотели увезти Василия, Ворошилов отвел его в сторону и попытался успокоить:

– Мы делаем все, чтобы твой отец остался жив.

Берия перестал скрывать свою ненависть к вождю. Но каждый раз, когда веки Хозяина вздрагивали или когда у него открывались глаза, Лаврентий Павлович бледнел. Он боялся, что Сталин может прийти в себя. Берия бросался на колени и целовал руку вождю, как восточный визирь у постели больного султана.

Остальные члены политбюро оплакивали Сталина, своего старого друга и товарища. Пусть он и наделал много ошибок, но он все равно оставался историческим титаном и верховным понтификом международного коммунистического движения. Соратники горевали и одновременно с облегчением вздыхали, что он умирает.

20 миллионов человек погибли, еще 28 миллионов были депортированы. 18 миллионов из них работали в ГУЛАГе и мало чем отличались от рабов и тем не менее продолжали верить в идеалы коммунизма.

В 22.40 все старое политбюро собралось в Маленьком уголке, чтобы выработать план действий. Место Сталина было пустым.

В кабинет ввели испуганных врачей: профессора Куперина, нового главврача кремлевской больницы, и профессора Ткачева. Доклад длился десять минут. Наступило молчание. Дрожавший

от страха Куперин еще больше испугался.

Наконец Лаврентий Берия разрешил медикам уйти.

– Вы отвечаете за жизнь товарища Сталина! – угрожающе сказал он им на прощание. – Надеюсь, вы понимаете это? Вы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти жизнь товарища Сталина!

Профессор Куперин вздрогнул и вышел из кабинета.

Георгий Маленков, как всегда действовавший в паре с Берией, зачитал указ. Члены политбюро должны парами дежурить по двадцать четыре часа у постели больного. Молотова и Микояна в список дежурных не включили.

Лаврентий Берия приказал Микояну оставаться в Кремле и руководить страной. После этого Маленков с Берией уехали в Кунцево, где потребовали у врачей прогноз. Куперин показал схему кровообращения.

– Видите, вот здесь, в сосуде, возник тромб, – начал читать он лекцию членам политбюро. – Он размером с пятикопеечную монету. Товарищ Сталин остался бы жив, если бы тромб удалось вовремя удалить!

– Вы гарантируете, что товарищ Сталин будет жить? – грозно спросил Берия у врачей.

Затем он потребовал оперировать Сталина, но, как вспоминает Лозгачев, никто из профессоров не взял на себя такой риск.

– Смерть неизбежна, – ответили доктора.

В 20.30 3 марта члены политбюро во главе с Берией вновь собрались в Маленьком уголке. Эта встреча продлилась недолго – всего час. Судя по докладу Куперина, состояние Сталина не было безнадежным, но оно с каждым часом ухудшалось. Сейчас у вождя наблюдалось очень высокое давление – 210 на 120. Дыхание и сердцебиение были нерегулярными. За ушами больного разместили от шести до восьми пиявок. Сталину делали клизмы из сульфата магнезии. Его кормили подслащенным чаем.

Вечером на помощь Лукомскому приехали еще четыре врача, в том числе знаменитый профессор Мясников. Политбюро знало, что другие главные врачи страны сейчас находятся в тюрьме.

Мясников увидел маленького толстого Сталина с искаженным лицом. Диагноз, по словам профессора, был ясен с первого взгляда: «Кровоизлияние в левом полушарии головного мозга в результате склероза и гипертензии».

Каждые двадцать минут доктора записывали в журнал состояние и характеристики больного. Партийные руководители со слезами на глазах сидели, вытянув ноги, в креслах или стояли у дивана и наблюдали за врачами.

«Маленков дал нам понять, что он надеется: медицинские меры продлят жизнь пациента на „удовлетворительный период времени“. Все мы понимали, что он говорит о времени, которое необходимо для организации нового правительства», – вспоминал Мясников.

Официальных встреч и совещаний в Кремле больше не было. В то время как Маленков и Берия шептались о перераспределении портфелей, Хрущев и Булганин думали над тем, как помешать Берии прибрать к рукам органы. Лаврентий Павлович, возможно, вместе с Маленковым давно разработал план захвата власти. Поскольку второго грузина Россия больше не потерпит, они решили, что Маланя возглавит правительство и при этом останется секретарем ЦК. Берия был готов удовольствоваться своими прежними владениями – МГБ-МВД.

4 марта, в 10.15 утра, доктора сообщили, что состояние больного ухудшилось.

– Эти негодяи убили отца! – закричал вернувшийся в комнату пьяный Василий.

Хрущев обнял этого маленького, насмерть перепуганного человека и вывел в соседнюю комнату.

Берия отправился домой пообедать. Он не скрывал ликования.

– Для него будет лучше умереть, – сказал он родным. – Если он останется жив, то будет как овощ. – Нина плакала. – Ты смешная, Нина. Его смерть спасла тебе жизнь.

Нина Берия каждый день ездила к Светлане и утешала ее.

Вечером 4 марта дыхание вождя стало коротким и очень поверхностным, с каждым часом оно становилось все слабее.

Берия и Маленков решили воспользоваться сидящими на Лубянке врачами. Ночью трех обвиняемых в «заговоре врачей-убийц», которых пытали каждый день, неожиданно разбудили и вновь отвели на допрос. В этот раз чекистам понадобились профессиональные знания арестованных.

– Мой дядя очень болен, – вежливо начал следователь. – И у него это… как его… дыхание Чейн-Стокса. Как, вы думаете, что это означает?

– Если вы рассчитываете получить от дядюшки наследство, то считайте, что оно у вас в кармане, – ответил профессор, который не лишился своего еврейского чувства юмора.

Другого выдающегося советского медика, профессора Якова Раппопорта, попросили назвать специалистов, которые смогли бы вылечить «больного дядю». Раппопорт назвал Виноградова и нескольких других докторов, которые были арестованы и сидели на Лубянке. Следователь поинтересовался, смогут ли

это, по его мнению, сделать профессора Куперин и Лукомский? Чекист с ужасом услышал ответ:

– Он один из четверых опытных врачей, но значительно уступает тем, кто сидит в тюрьме.

Допросы «врачей-убийц» продолжились, но проходили теперь как-то вяло. Казалось, что следователи потеряли интерес. Дело доходило до того, что чекисты даже засыпали во время допросов. Заключенные не могли понять, что происходит.

В 23.30 4 марта Сталина вырвало. Паузы между прерывистыми вдохами становились все длиннее. Куперин сообщил партийным боссам, что ситуация критическая.

– Примите все меры, чтобы спасти товарища Сталина! – приказал взволнованный Берия.

Доктора продолжили бороться за жизнь умирающего генералиссимуса. В комнату вкатили искусственный аппарат дыхания, но его так и не использовали.

5 марта вождь неожиданно побледнел. Его дыхание стало еще более поверхностным, интервалы между вдохами увеличились. Пульс ускорился и стал слабее. У него несколько раз вздрогнула голова, потом начались спазмы в левой руке и ноге.

В полдень Сталина вновь вырвало, на этот раз кровью. Недавние исследования документов, рассказывающих о последних часах жизни вождя, позволили найти записи врачей, сделанные прямо в столовой. Из них следует, что в желудке Иосифа Виссарионовича открылось кровотечение. Эту деталь из окончательного бюллетеня, однако, убрали. Подозрительное кровотечение в желудке могло быть вызвано отравлением.

– Иди скорее, Сталину совсем плохо! – сказал Маленков Хрущеву.

Партийные руководители бросились в столовую. Пульс Сталина слабел. В 3.35 утра его дыхание каждые две-три минуты останавливалось на пять секунд. Он быстро угасал.

Берия, Маленков и Хрущев добились разрешения политбюро проверить архив вождя. Оставив у постели больного Маленкова и Хрущева, Лаврентий Павлович помчался в Кремль. Он открыл сейф Сталина и начал лихорадочно просматривать папки. Конечно, Лаврентия интересовали компрометирующие его документы.

Этим вечером состоялось первое официальное совещание трехсот советских руководителей и чиновников. Но сначала элита собралась в одной из комнат в неформальной обстановке, чтобы сформировать новое правительство. Берия и Маленков договорились о коллективном руководстве. Они по очереди вносили предложения. В президиум вернулись Молотов

с Микояном. Старая гвардия заняла прежние посты: Вячеслав Михайлович опять стал министром иностранных дел, а Анастас Иванович – министром внутренней и внешней торговли. Хрущев сохранил пост одного из первых секретарей, но был выведен из правительства. Основную власть сосредоточил в своих руках Берия. Он хотел руководить МГБ и МВД и одновременно оставаться первым заместителем премьер-министра. Георгий Маленков получил оба последних поста Сталина: премьера и генсека. Укрепили свои позиции и военные. Новыми заместителями министра обороны Булганина стали старые военачальники Жуков и Василевский. Ворошилову досталась малозначащая должность председателя президиума Верховного Совета СССР.

Лаврентий Павлович ликовал. Он добился всего, чего хотел. Берия пережил многочисленные опасности и интриги врагов и сейчас ничего не боялся. Теперь он мог не скрывать свою ненависть к Сталину. «Этот негодяй! – бушевал Лаврентий. – Эта грязь! Слава богу, что мы от него избавились!» Он разоблачал фальшь военной славы генералиссимуса: «Не он выиграл войну! Войну выиграли мы!» Это Берия придумал словосочетание «культ личности».

Лаврентий Павлович уже строил грандиозные планы. Он собирался даровать свободу всем национальностям, сделать открытой экономику, объединить Германию, закрыть трудовые лагеря и показать всю глупость «дела врачей». Берия ни на минуту не сомневался, что его превосходный ум и свежие антибольшевистские идеи позволят одержать сокрушительную победу. Даже Молотов понимал, что Берия – человек будущего.

После встречи в Кремле вожди вернулись в Кунцево. Берия подошел к дивану и, как кронпринц из плохого фильма, торжественно объявил:

– Товарищ Сталин, здесь собрались все члены политбюро. Скажите нам что-нибудь!

Ворошилов отвел Берию и прошептал:

– Пусть к нему подойдут телохранители и прислуга. Он их любит. Может, он им что-нибудь скажет.

По знаку Лаврентия Павловича к дивану подошел полковник Хрусталев. Он заговорил со Сталиным, но тот даже не открыл глаз. Вожди выстроились в очередь и начали прощаться. Они образовали пары, как в детской игре. Их очередность говорила о степени влияния. Первыми стояли, конечно, Георгий Маленков и Лаврентий Берия. За ними шли Клим Ворошилов и Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович и Анастас Микоян. Вожди помоложе и менее значимые столпились позади. Все ритуально

жали руку умирающего.

Отойдя от дивана, Маланя заявил, что Сталин слабо ответил на его рукопожатие, словно хотел назначить своим наследником.

Оставив у постели Сталина одного Николая Булганина, партийные руководители поехали в Кремль. Там уже собрались президиум ЦК, Совет министров и Верховный Совет. На повестке стоял один вопрос – утверждение нового правительства. Сталина по состоянию здоровья сняли с поста премьера, но почему-то оставили членом президиума. Около трехсот аппаратчиков проголосовали за изменения в верхушке власти.

Участники совещания ждали звонка от Булганина с объявлением о смерти Сталина, но из Кунцева не было известий. Сталин держался. Поэтому вожди вновь поехали на дачу.

В десятом часу вечера больной начал потеть. Пульс у него теперь едва прощупывался, губы посинели. Члены политбюро, Светлана Сталина, Валечка и охранники собрались около дивана, на котором лежал вождь. Руководители рангом пониже столпились в соседней комнате и с волнением наблюдали за происходящим в столовой через открытые двери.

В 21.30 Сталин совершил сорок восемь вдохов в минуту. Его сердце билось все слабее и слабее. В 21.40 врачи дали ему кислород. Пульс практически исчез. Профессора предложили сделать укол камфары и адреналина, чтобы стимулировать работу сердца. Решение должны были принять Светлана и Василий, но они смотрели на отца и ничего не говорили. Тогда право на укол дал Берия.

После укола Сталин слегка вздрогнул, но дыхание не вернулось. Он начал медленно тонуть в собственных жидкостях.

– Уведите Светлану, – распорядился Лаврентий Павлович.

Он не хотел, чтобы дочь вождя видела это ужасное зрелище. Но его слова все пропустили мимо ушей.

«Его лицо лишилось всех красок, оно стало каким-то чужим, неузнаваемым… – писала Светлана. – Он буквально задыхался у нас на глазах. Смертельная агония была ужасна. В последний миг он открыл глаза. Это был страшный взгляд, безумный или гневный, полный страха перед смертью».

Неожиданно ритм дыхания изменился. Левая рука вождя слегка поднялась. Медсестра решила, что это было чем-то вроде приветствия. «Казалось, что он или показывает куда-то вверх, или грозит нам, – заметила Светлана. – В следующее мгновение его душа предприняла последнее усилие и покинула тело».

Женщина-доктор зарыдала и обвила руками убитую горем

Светлану.

Но борьба была еще не закончена. Огромный врач буквально рухнул на труп и начал делать искусственное дыхание, массируя Сталину грудь. Никите Хрущеву стало жалко вождя.

– Прекратите это, пожалуйста! – крикнул он. – Неужели вы не видите, что он мертв? Чего вы хотите? Вы не вернете его к жизни. Он уже умер!

Это был, наверное, первый за несколько дней приказ, который отдан не Берией или Маленковым.

Лицо Сталина побледнело. Сейчас оно стало «спокойным, прекрасным и невозмутимым, – писала Светлана. – Мы молчали и не шевелились».

Все, кто находился в тот момент в столовой, вновь построились парами, Лаврентий Берия и тут опередил всех. Он бросился вперед и первым поцеловал еще теплое тело. Другие вели себя более чинно. Все по очереди лобызали вождя. Ворошилов, Каганович, Булганин, Хрущев и Маленков рыдали вместе со Светланой. Молотов тоже плакал. Микоян скрывал свои чувства, хотя и заметил: «Можно сказать, что мне повезло».

Не плакал один Берия. Напротив, он весь, казалось, светился от радости и плохо скрываемого облегчения. Лаврентий Павлович прошел мимо рыдающих людей и удалился в зал. Гробовую тишину, царившую вокруг смертного одра, внезапно нарушил его громкий голос. В нем, по словам Светланы, явственно слышались победные нотки.

– Хрусталев, машину! – крикнул Берия и отправился в Кремль.

– Он поехал брать власть, – сказал Хрущеву Микоян.

Светлана видела, что сейчас все боятся Берию. Какое-то время они молча смотрели ему вслед, потом, словно по команде, бросились к дверям. Микоян и Булганин ненадолго задержались. Но через несколько минут и они вызвали свои машины. Власть навсегда ушла из этого страшного загородного дома. Колосс исчез. На диване лежал жалкий мертвый старик.

Наконец в комнате остались только члены семьи и прислуга. Повара, шоферы, сторожа, садовники и женщины, которые накрывали на стол, вышли из тени, чтобы тоже попрощаться со Сталиным. Многие рыдали. Грубые охранники вытирали глаза рукавами, как дети. С пожилой медсестрой случилась истерика. Ее пришлось отпаивать валерьяновыми каплями. Светлане казалось, что все это происходит во сне. Кто-то начал выключать в комнатах свет и наводить порядок.

В это время через толпу рыдающих служанок к дивану протолкалась тридцативосьмилетняя Валечка. Самая близкая

к вождю женщина, единственное утешение холодного одиночества этого не имеющего себе равных монстра, тяжело упала на колени и бросилась на труп со всем горем простого человека. По ее щекам катились крупные слезы. Положив голову на грудь Сталина, Валечка завыла во весь голос, как это делают женщины в русских деревнях. Никто не пытался остановить ее.

Постскриптум

Тело Сталина забальзамировали. 9 марта 1953 года состоялись похороны. Молотов, Берия и Хрущев выступили с речами. Затем тело положили в мавзолей рядом с Лениным.

Полина Молотова все еще оставалась на Лубянке. На следующий день Берия, уже вернувшийся в свой прежний кабинет на Лубянке, пригласил к себе Молотова. Когда тот приехал, он попросил привести Полину.

– Героиня! – бросился он приветствовать жену Молотова.

Едва войдя в кабинет, Полина Семеновна спросила:

– Как Сталин?

Узнав, что он умер, она упала в обморок. Молотов отвез жену домой.

Лаврентий Берия приступил к либерализации режима. Он арестовал чекистов, которые несли ответственность за «дело врачей». Но его предложение освободить Восточную Германию вызвало бунт. Остальные руководители забеспокоились. Никита Хрущев начал планировать уничтожение Берии. Он переманил на свою сторону премьера Маленкова и министра обороны Булганина. Молотов продолжал восхищаться Берией, но согласился поддержать Хрущева из-за вопроса с Восточной Германией. Всех удивил Клим Ворошилов. Маршал неожиданно встал на сторону грузина.

Когда о заговоре сообщили Микояну, он заявил, что не доверяет Хрущеву. Хрущев, объяснил армянин, слишком близок к Маленкову и тому же Берии. Никита Сергеевич не раскрыл Микояну весь план. Поэтому Анастас Иванович согласился, что Лаврентия Павловича следует снять со всех нынешних постов и назначить министром нефтяной промышленности.

Каганович повел себя со своей обычной осторожностью. Железный Лазарь занял выжидательную позицию. Реальную силу, необходимую для совершения переворота, обеспечил маршал Жуков со своими генералами.

25 июня 1953 года Лаврентий Берия в прекрасном настроении качался в гамаке у себя на даче и напевал грузинские песни. Неожиданно ему позвонили из Кремля и пригласили на внеочередное заседание президиума ЦК. Нина, наверное, предчувствовала беду. Она предупредила мужа, чтобы он был осторожным, но Берия только отмахнулся. Он объяснил, что ничего не боится, потому что Молотов на его стороне.

Заседание президиума состоялось в середине следующего

дня. Примерно в час на трибуну поднялся Никита Хрущев. Он выступил с речью, в которой критиковал Берию. Хрущева поддержал Николай Булганин. Анастас Микоян только сейчас с удивлением узнал, что Берию не просто снимают с постов, но и арестовывают.

– Что происходит, Никита? – спросил Берия. – Зачем ты копаешься в моем белье?

Когда настала очередь Маленкова поддержать путч, он неожиданно испугался и дал тайный знак генералам, ждавшим в соседней комнате. Маршал Жуков вошел в зал и арестовал Берию.

Нина Берия, сын Серго и невестка, Марфа Пешкова, были также арестованы и посажены в тюрьму. Из своей камеры Берия забрасывал Георгия Маленкова письмами. Он умолял о помощи и просил пощадить его семью.

22 декабря 1953 года закрытый трибунал приговорил Берию, Меркулова, Деканозова и Кобулова к смертной казни. Их признали виновными в государственной измене и терроризме, хотя виноваты эти убийцы были, конечно, совсем в другом.

Лаврентия Берию раздели до нижнего белья. На него надели наручники и привязали к крюку в стене. Он умолял сохранить ему жизнь и так кричал, что пришлось затолкать ему в рот полотенце. Лицо замотали бинтом, оставив открытыми только расширенные от ужаса глаза. Его палачом стал генерал Батицкий. За этот расстрел он был произведен в маршалы. Батицкий пустил Берии пулю в лоб. Труп Лаврентия Берии кремировали. Виктора Абакумова, сначала протеже Берии, а потом его злейшего врага, судили за Ленинградское дело. Его расстреляли в декабре 1954 года. Большую часть преступлений Сталина списали на этих людей.

Главным лидером Советского Союза стал Никита Сергеевич Хрущев. Маленкова сняли с поста премьера. Его заменил Булганин. В 1956 году Хрущев при поддержке Микояна выступил со знаменитым секретным докладом, в котором обвинил Сталина во множестве преступлений. Еще через пять лет тело Сталина было вынесено из мавзолея и похоронено у Кремлевской стены.

В 1957 году Молотов, Каганович и Маленков при поддержке Ворошилова и Булганина попытались свергнуть Хрущева. Переворот не удался. Никита Сергеевич мобилизовал ЦК, а маршал Жуков организовал доставку сторонников Хрущева на самолетах.

На пленуме безжалостные соратники Сталина обвиняли друг друга. «Засучив рукава и взяв в руки топоры, они рубили головы», – сказали о них Жуков и Хрущев. Никита Хрущев также

обвинил Микояна. Армянин не сдержался и ответил:

– Только вы один и чисты, товарищ Хрущев!

Каганович утверждал, что все члены политбюро подписывали расстрельные списки. Когда Хрущев обвинил и его, Каганович закричал:

– А разве вы не подписывали расстрельные списки на Украине?

В конце пленума страсти совсем накалились.

– Все мы, вместе взятые, не стоим и дерьма сталинского! – кричал Хрущев.

«Это был, конечно, не Нюрнберг, – написал недавно один историк, – но так близко к расплате за свои грехи соратники Сталина еще никогда не подходили».

Молотов, Каганович и Маленков были сняты со своих постов. Лазаря Кагановича и Георгия Маленкова отправили в отдаленные районы руководить электростанцией и фабрикой по производству поташа соответственно. Дочь Маленкова рассказывала, что ее отец нашел в новой работе успокаивающее облегчение. Внук Кагановича написал, что Железный Лазарь немедленно позабыл о своих знаменитых приступах гнева и больше никогда не повышал голоса. Он стал любящим дедом.

Вячеслава Молотова назначили послом Советского Союза в Монголии. В 1960 году он представлял СССР в Международном атомном агентстве в Вене. В июне 1961 года Вячеслав Михайлович присутствовал на исторической встрече президента Кеннеди и Хрущева в австрийской столице. На старика никто не обратил внимания.

Хрущев, как и Сталин перед ним, был не только главным секретарем ЦК, но и возглавлял правительство. Георгий Жуков в награду за помощь получил пост министра обороны. Тщеславный Хрущев увидел в его агрессивности и народной популярности угрозу. Вскоре он снял Жукова с поста министра, обвинив в бонапартизме.

В 1960 году впавший в старческий маразм Ворошилов оставил пост президента. Хрущев и Микоян оказались последними соратниками Сталина, которые оставались у власти. Во время Карибского кризиса Анастас Микоян вместе с сыном Серго летал в Гавану уговаривать Фиделя Кастро согласиться на хрущевский компромисс. Потом он отправился в Вашингтон к Кеннеди. Армянин, в свое время помогавший нести гроб с телом Ленина, присутствовал и на похоронах Кеннеди.

В 1964 году, после Карибского кризиса, когда мир стоял на грани ядерной войны, и экспериментов в сельском хозяйстве Никиту Хрущева свергли молодые честолюбивые политики.

Это были ставленники все того же Сталина во главе с Брежневым, Косыгиным и Сусловым. Троица правила Советским Союзом до своих последних дней. Они умерли в восьмидесятые годы. Непотопляемый Микоян пережил и этот переворот. Он стал председателем президиума Верховного Совета СССР и ушел на пенсию в 1965 году.

Старые партийные боссы с большим трудом смирились со своим падением. Они думали, что их арестуют, поэтому были довольны, что остались живы. Когда они в 1957 году покинули квартиры в Кремле, выяснилось, что у Кагановича и Андреева ничего нет. У них не было даже постельного белья и полотенец.

Большинству соратников Сталина выделили квартиры в престижном доме в переулке Грановского. Ловкому Молотову удалось получить даже две квартиры, а также дачу. Каганович и Маленков переехали во вполне просторные квартиры в другом престижном здании, на Фрунзенской набережной. Они избегали друг друга и старались как можно реже видеться. Эти знаменитые пенсионеры, руки которых были по локоть в крови, теперь строчили мемуары, встречались с поклонниками Сталина и пытались избегать враждебных взглядов жертв вождя, с которыми встречались на улице. Они попросили восстановить их в партии и часами не выходили из Ленинской библиотеки. Постепенно старики превратились в подобие исторических окаменелостей, оживлявших унылый пейзаж.

Вячеслав Михайлович Молотов и Полина продолжали любить друг друга. Они остались ярыми сталинистами, убежденными в необходимости террора и репрессий. Светлана Сталина писала, что походы к ним в гости напоминали посещение палеонтологического музея. Полина Семеновна умерла в 1970 году.

Неприязнь, которую питали друг к другу Молотов и Каганович, сохранилась до последних дней их жизни. Но эта неприязнь была цветочками по сравнению со жгучей ненавистью, которую они испытывали к Никите Хрущеву. Никита Сергеевич бросил вызов своим преемникам, продиктовав местами честные и откровенные воспоминания. В 1971 году его не стало.

Несмотря на многочисленные болезни, Андреев тоже дожил до 1971 года. Мемориальная доска, установленная на стене дома в переулке Грановского, сделала его последним из мясников Сталина, память о которых была увековечена.

Анастас Микоян тоже написал мемуары, не во всем честные. Он умер в 1978 году.

Трое других соратников Сталина дотянули до новой эры. Молотов наговорил свои воспоминания сочувствующему

журналисту. Он ни в чем не раскаялся до самой смерти. Молотов дожил до прихода к власти Горбачева и скончался в 1986 году. Маленков тоже остался сталинистом. Это, впрочем, не помешало ему с удовольствием читать стихи Мандельштама и вновь открыть христианство, о котором он после детства забыл. Возврат к корням, возможно, был чем-то вроде покаяния. Георгий Максимилианович умер вскоре после Молотова, в 1988 году. Над его могилой внук установил крест и скульптуру «Лев правосудия» собственной работы.

Лазарь Каганович, самый осторожный и малодушный из соратников Сталина, пережил всех бывших друзей и врагов. Он стал свидетелем распада Советского Союза, который помогал строить. Железный Лазарь умер в 1991 году.

Как-то в конце жизни Вячеслава Михайловича Молотова спросили, не снится ли ему Сталин. «Редко, очень редко, – ответил старик. – И всегда при очень необычных обстоятельствах. Я попадаю в какой-то разрушенный город и не могу найти выход. Потом я встречаю ЕГО…»